КАРТИНЫ ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ

ВРЕМЕНЪ ЦЕЗАРЕЙ.

Франц. заглавие: L'opposition sous les Césars

Сочиненіе Гастона Буасье,

автора соч. «Паденіе язычества», «Цицеронъ и его друзья», «Римская религія при Антонинахъ» и др.

Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена.

Съ приложеніемъ статьи того-же автора «Газета въ Римѣ», пер. Н. П. Новоборской.

Изданіе О. Н. Поповой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія инженера И. Г. Гершуна. Офицерская, 8.
1896.

Предисловіе автора.

Эта книга представляетъ изъ себя рядъ очерковъ, связанныхъ общей идеей и посвященныхъ характеристикѣ настроенія различныхъ слоевъ римскаго общества въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ его исторіи,—именно въ I вѣкѣ нашей эры. Въ этихъ очеркахъ авторъ старался намѣтить главныя, основныя черты оппозиціонныхъ теченій, существовавшихъ за восемнадцать вѣковъ до насъ. Онъ стремился показать, до какой степени оппозиція того времени не выдерживала критики, почему и были возможны всѣ ужасы Тиберіевъ и Нероновъ.

Никогда не существовало правительства, которое удовлетворяло бы всѣхъ. Всякое правительство заранѣе можетъ быть увѣрено, что породитъ и недовольныхъ, но не всякое умѣетъ съ этимъ примириться. Есть правительства, которыя раздражаются оппозиціей и прибѣгаютъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ нея. Другія, болѣе практичныя, не препятствуютъ ея возникновенію, уживаются съ нею. Верхъ совершенства достигли Англичане,—они живутъ ею: у нихъ оппозицію не

только терпятъ, но изъ нея извлекаютъ выгоду; ее не только не ставятъ внѣ закона,—ее ввели въ самую систему правительства, какъ необходимое колесо, и такимъ образомъ заинтересовали и ее въ благосостоянiи машины.

Римская имперiя, къ несчастiю для себя, была такимъ режимомъ, который не терпитъ противорѣчiй. Она по самой природѣ своей была предрасположена къ этому. Въ римской имперiи временъ цезарей, какъ извѣстно, республиканскiя формы, прикрывали вполнѣ абсолютную власть. Это то обстоятельство и дѣлало весь режимъ особенно двойственнымъ и неопредѣленнымъ, это то и должно было сдѣлать его весьма подозрительнымъ. Предосторожности, которыя онъ принималъ противъ мятежей, заставляли его бояться этихъ самыхъ мятежей. Великiя республиканскiя названiя, сохраненныя ради предосторожности,—эти консулы, этотъ сенатъ, которымъ была еще предоставлена тѣнь власти, чтобы внушать мысль, будто ничего не измѣнилось, безпрестанно воскрешало передъ ея взорами опасное прошлое. Имперiя боялась, какъ бы и этотъ призракъ свободы не былъ принятъ за чистую монету; ее приводилъ въ ужасъ каждый голосъ, который раздавался противъ нея. Поэтому то она и прилагала невѣроятныя усилiя, чтобы принудить всѣхъ къ молчанiю. Она не только мѣшала говорить сенату, она вводила своихъ агентовъ даже въ дома частныхъ лицъ. Она проникала въ частныя собранiя, прячась за дверьми

или въ толщѣ стѣнъ, и не знала жалости, если ей удавалось уловить мало-мальски свободное слово, подъ кровомъ ли семейной тайны, или въ изліянiяхъ дружбы. Наказавши тѣхъ, которые уже высказали свои жалобы, она поражала и тѣхъ, кто могъ ихъ высказывать: она предполагала, что люди доблестные или богатые, знатныя лица, прославившiеся военачальники, если они не были еще скрытыми врагами, не замедлятъ сдѣлаться таковыми, и, чтобъ помѣшать имъ въ этомъ, она отдѣлывалась отъ нихъ насколько возможно скоро. Но и эти предосторожности были напрасны. Претендовать на подавленiе всякой оппозицiи было безполезно и не цѣлесообразно. При каждой новой репрессiи, только возрастало число недовольныхъ. Эта ненависть, обостренная стыдомъ и страхомъ, долго скрываемая и дѣлавшаяся еще ожесточеннѣе отъ такого лицемѣрiя, въ концѣ концовъ прорывалась, иногда въ формѣ открытаго возмущенiя, но чаще всего темною местью. Изъ девяти цезарей отъ 43 г. до Р. Х. и до 81 г. по Р. Х. восемь погибли насильственной смертью; нельзя сказать съ увѣренностью, своей ли смертью умеръ и девятый.

Такимъ образомъ, несмотря на самыя неблагопрiятныя обстоятельства, во времена имперiи все-же существовала оппозицiя,—оппозицiя осторожная, принужденная говорить тихо, если и нельзя было заставить ее молчать,—оппозицiя, которая пряталась, лишь только моментъ не благопрiятствовалъ ей. На томъ разстоянiи, какое отдѣляетъ

нас отъ той эпохи, мы часто не можемъ ее даже прослѣдить; мы не только не знаемъ, чѣмъ она была, мы не можемъ даже сразу указать, гдѣ ее нужно искать. Прежде чѣмъ судить о ней, нужно попытаться ее отыскать. Примемся же смѣло за поиски; если нужно, обойдемъ всю имперію, отъ крайнихъ предѣловъ ея до центра, отъ границъ до столицы. Какія бы мѣры ни предпринимала эта оппозиція, чтобы укрыться отъ нашихъ взоровъ, въ концѣ концовъ мы всеже имѣемъ возможность уловить ее и характеризовать ее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кто и гдѣ былъ недоволенъ?

I.

Римская армія.—Бытъ солдатъ во времена имперіи.—Лагерная жизнь.—Характеръ воинскаго повиновенія.—Услуги, оказанныя имперіи войскомъ.—Солдаты были довольны своей судьбой и преданы императору.

Войска были расположены на аванпостахъ имперіи, въ отдаленныхъ и небезопасныхъ провинціяхъ. Какіе имѣются шансы встрѣтить среди нихъ недовольныхъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ положеніемъ, какое имперія создавала для солдатъ; мы увидимъ, такимъ образомъ, были ли эти послѣдніе довольны своей судьбой и были-ли расположены къ своимъ повелителямъ.

Дольше всего старыя традиціи сохранило войско въ Римѣ. Конечно, нельзя сказать, что во времена имперіи оно представляло совершенно тоже, чѣмъ оно было во времена республики. Августъ сдѣлалъ его постояннымъ; эта реформа кореннымъ образомъ измѣнила солдатскій духъ. Съ этого времени войско состоитъ уже изъ солдатъ профессіональныхъ, а не изъ гражданъ. Но старинные обычаи все-же удержались въ войскѣ, насколько только позволяли новыя времена. Переходъ отъ одного режима къ другому произошелъ въ немъ безъ потрясеній: ветераны Цезаря стали первыми солдатами Октавія; они могли научить своихъ молодыхъ замѣстителей дисциплинѣ старой арміи, а впослѣдствіи были приняты большія предосторожности, чтобы этотъ запасъ опытности не пропалъ. Легіоны не были разсѣяны по главнымъ городамъ имперіи, какъ наши полки. Ихъ не употребляли наподдержаніе внутренняго спокойствія, которое не нуждалось въ за-

щитѣ. Іосифъ говоритъ, что ни одинъ изъ пятисотъ городовъ Азіи не имѣлъ гарнизона, и что Галлія, страна болѣе обширная, чѣмъ Франція, повиновалась всего 1200 солдатамъ. [1]) Это позволяло императорамъ уменьшать число войскъ. При Августѣ легіонеровъ, составлявшихъ регулярныя войска, насчитывалась не болѣе 250,000, и почти столько же въ вспомогательномъ войскѣ. 500,000 человѣкъ не слишкомъ большая цифра, если принять въ разсчетъ, какое огромное протяженіе границъ имъ приходилось защищать. Но и этого было много для рессурсовъ римскаго бюджета, который не имѣлъ въ виду такого увеличенія издержекъ. Въ Римѣ, какъ вездѣ, постоянныя войска были тяжелымъ бременемъ, часто подавлявшимъ государство. Чтобъ обезпечить содержаніе войскъ, приходилось создавать спеціальные источники, пришлось учредить особую военную казну (aerarium militare), которую пополнять было трудно. Отсюда то и проистекали финансовыя затрудненія, которыя не разъ омрачали славное правленіе Августа [2]).

Итакъ, легіоны были распредѣлены вдоль границъ имперіи и жили всегда въ лагеряхъ. Обыкновенно они перемѣщались не часто. Разъ гдѣ нибудь расположившись, они тамъ и оставались по долгу; если значительная война призывала ихъ въ другое мѣсто, то по окончаніи ея, они опять возвращались на свой участокъ. Поэтому лагери, гдѣ они помѣщались, получили названіе постоянныхъ (*castra stativa*) въ отличіе отъ окоповъ, которые въ походѣ воздвигались солдатами каждый вечеръ, а утромъ покидались. Вокругъ этихъ постоянныхъ лагерей издавна стали селиться маркитанты, поставщики, ремесленники. Сначала они строили скромныя жилища, хижины, которыя назывались *canavae legionis* (бараки легіона). Когда число этихъ бараковъ становилось болѣе или менѣе значительнымъ, тотчасъ же учреждалось нѣчто вродѣ муниципальной администраціи; какой нибудь отставной унтеръ-офицеръ становился во главѣ магистратуры, а ветераны или разбогатѣвшіе торговцы образовывали совѣтъ десятниковъ. Новая муниципія росла и росла и въ концѣ концовъ нерѣдко превращалась въ настоящій большой городъ. Таково было происхожденіе

[1]) De bello judaico. II, 16. (Рус. пер.).

[2]) О легіонахъ Августа, см. Mommsen, *Res gestae divi Aug.*, стр. 44 и 49.

весьма многихъ, даже самыхъ значительныхъ городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ имперіи, напр. Apulum (Карлсбургъ) въ Дакіи, Paetovio (Петтау) въ Панноніи, Troësmis (Иглица) въ Мезіи [1]).

Счастливый случай сохранилъ намъ остатки одного такого *castra stativa*, служившаго мѣстожительствомъ легіонамъ. Остатки эти были открыты не въ нашей старой Европѣ,—въ ней слишкомъ часты всякаго рода перемѣны; въ ней, по выраженію поэта, даже развалины погибаютъ очень скоро, а въ Африкѣ. Страна эта конечно варварская, но люди здѣсь по крайней мѣрѣ не помогаютъ времени уничтожать остатки прошлаго. Городъ Lambaesis до Діоклетіана служилъ мѣстожительствомъ римскому легіону, III-a Augusta, который имѣлъ назначеніе защищать Нумидію отъ вторженія мавровъ. Найденные остатки позволяютъ видѣть, каково было расположеніе этого города втеченіе многихъ вѣковъ, и Л. Ренье могъ легко изслѣдовать ихъ и описать [2]). Лагерь отдѣленъ отъ города гласисомъ, пространствомъ въ километръ, и образуетъ прямоугольникъ въ 500 м. длины и 450 ширины, окруженный валомъ въ 4 м. вышины. Въ этомъ четыреугольникѣ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга находятся четверо воротъ и нѣсколько башенъ. Около центра найдена куча развалинъ, указывающая то мѣсто, гдѣ находился *praetorium*, т. е. жилище преторіанскаго легата, командовавшаго легіономъ. Вѣроятно это жилище было украшено болѣе или менѣе роскошно, такъ какъ среди руинъ были найдены обломки скульптуры, вѣнки, орлы, значки побѣдъ (*victoriae*). Отъ четырехъ воротъ идутъ дороги изъ широкихъ плитъ, кое-гдѣ надъ этими дорогами возвышаются тріумфальныя арки. На разстояніи двухъ километровъ отъ этого лагеря находятся остатки другого, менѣе обширнаго и роскошнаго. Нѣкоторые ученые думаютъ, что въ этомъ послѣднемъ лагерѣ стояли вспомогательныя войска; такъ какъ они должны были дополнять легіонъ, то естественно, помѣщались гдѣ ни-

[1]) Г. Леонъ Ренье (Renier) указываетъ, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ, происшедшихъ изъ *castra stativa*, никогда не имѣли другого имени, кромѣ имени самаго легіона, вокругъ котораго они образовались. Таковы города Леонъ въ Испаніи и Каерлеонъ въ Великобританіи, въ имени которыхъ заключается слово *legio*. (См. докладъ Ренье, о надписяхъ города Троэсмисъ, въ отчетахъ Академіи надписей, 4 и 18 Августа 1865).

[2]) См. также *Étude sur le camp et la ville de Lambèse*, Вильманса, переведенный на франц. языкъ Тедена и напечатанный въ *Bulletin des antiquités africaines*.

будь по близости [1]). Многочисленныя надписи встрѣчающіяся вокругъ Ламбезы и въ другихъ мѣстахъ, позволяютъ намъ составить нѣкоторое представленіе о бытѣ римскихъ лагерей. Лагерная жизнь вся проходила въ занятіяхъ. Время, остававшееся отъ военныхъ упражненій, употреблялось на другія работы; солдаты строили дороги, исправляли водопроводы, рыли каналы, строили мосты, или даже воздвигали храмы и различнаго рода памятники. Хорошіе начальники считали за правило держать солдатъ всегда въ работѣ. Тацитъ указываетъ, что войска бунтовались лишь тогда, когда имъ нечего было дѣлать. Въ тоже время солдатамъ было позволено разнообразить ихъ суровый образъ жизни нѣкоторыми удовольствіями, такъ какъ извѣстный отдыхъ былъ имъ необходимъ. Съ тѣхъ поръ какъ войска стали постоянными, военная жизнь сдѣлалась карьерой, а не случайностью. Солдаты должны были служить въ легіонахъ двадцать пять лѣтъ, иногда, же оставались въ нихъ и гораздо дольше. Нѣкоторые императоры напр., Тиберій, не рѣшались распускать ихъ, формировали изъ нихъ отряды ветерановъ и такимъ образомъ удерживали ихъ на службѣ еще нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія ея срока. Такимъ образомъ, вся жизнь солдата протекала подъ знаменемъ; человѣкъ вступалъ въ лагерь во цвѣтѣ молодости, восемнадцати, двадцати лѣтъ, а уходилъ изъ него, когда уже наступала старость. Не удивительно, что у солдата являлось желаніе устроить себѣ извѣстныя развлеченія и комфортъ. Офицеры и унтеръ-офицеры устраивали особыя общества, которыя имѣли свою особую кассу и сооружали себѣ въ самомъ лагрѣ особое помѣщеніе для сходокъ [2]). Что касается солдатъ, то они находили всевозможныя развлеченія въ поселкахъ, *canabae*, которые безъ сомнѣнія посѣщались весьма охотно. Провинціаламъ, набраннымъ въ вспомогательныя войска, позволено было приводить съ собою женъ или жениться во время службы. Первоначально легіонеры не пользовались этой привилегіей, но населеніе лагерныхъ поселковъ

[1]) Вильмансъ, напротивъ, думаетъ, что это болѣе древній лагерь, въ которомъ былъ расположенъ легіонъ до постройки новаго.

[2]) Примѣры подобныхъ обществъ находятся въ надписяхъ гор. Ламбезы, собранныхъ Л. Ренье. См. также *Corp. insc. lat.*, VIII, 2554, 2557.

представляло удивительную смѣсь; тамъ жило не мало женщинъ, съ которыми солдаты вступали въ прочныя связи. Впослѣдствіи когда солдатъ получалъ отставку, такая связь узаконялась бракомъ. Во времена республики строгіе начальники смотрѣли на эти связи съ неудовольствіемъ. Такъ Эмилій Сципіонъ въ бытность свою въ Испаніи прогналъ всѣхъ женщинъ, которыя жили близъ его легіоновъ; историки говорятъ, что этихъ женщинъ было больше двухъ тысячъ. Во времена императоровъ на это смотрѣли снисходительнѣе. Во первыхъ, солдатамъ разрѣшено было жениться; затѣмъ императоръ Септимій Северъ позволилъ имъ жить со своими женами или съ наложницами. Съ этого момента лагерь сталъ, по мнѣнію Вильманса, лишь оффиціальнымъ мѣстомъ, куда солдаты приходили на службу, тогда какъ прочее время они проводили въ своей семьѣ, которая жила въ сосѣднемъ городѣ [1]). Почти всѣ солдаты даннаго легіона были земляками, такъ какъ легіонъ нибирался обыкновенно въ той странѣ, гдѣ онъ былъ поселенъ. Въ лагерѣ Lambaesis, найденъ памятникъ, который, какъ гласятъ надписи, былъ воздвигнутъ императору пятьюдесятью унтеръ-офицерами; изъ этихъ 50 человѣкъ только трое по рожденію не принадлежатъ Африкѣ. „Римскій міръ, говоритъ Л. Ренье, дѣйствительно долженъ былъ обладать большой силой сцѣпленія, чтобы при такихъ обстоятельствахъ могло пройти столько времени безъ рѣзкаго разрыва между провинціями и метрополіей“. Дѣло въ томъ, что разъ вступивъ въ легіонъ, римлянинъ и нумидіецъ скоро забывали, откуда они родомъ, и помнили только то, что они солдаты. Лагерь становился ихъ отечествомъ, они проводили въ немъ большую часть своего существованія и въ концѣ концовъ все, къ чему они были привязаны, сосредоточивалось въ немъ. Почти всѣ солдаты тамъ женились. Нѣкоторые, поступая на службу, брали въ жены дочерей своихъ товарищей, покидавшихъ службу. Ихъ дѣти, воспитанныя среди оружія, обыкновенно становились солдатами, какъ и ихъ отцы. Вѣроятно существовали

[1]) «Послѣ декрета Севера, положеніе легіонеровъ, прибавляетъ Вильмансъ, стало совершенно такимъ, каково нынѣ положеніе туземной милиціи во французскомъ Алжирѣ на границѣ съ Тунисомъ. Такъ наз. спаги живутъ гдѣ нибудь недалеко отъ укрѣпленнаго лагеря въ своихъ палаткахъ, или скорѣе въ хижинахъ, образующихъ дуары или деревни; они живутъ тамъ съ женами, дѣтьми, скотомъ, а въ фортѣ появляются только на время ученья».

семьи, служившія государю изъ поколѣнія въ поколѣніе. Люди эти были соединены узами товарищества и родства, жили всѣ вмѣстѣ, внѣ всякихъ другихъ связей. Весьма понятно, что среди нихъ старымъ традиціямъ удержаться было не трудно. Такимъ образомъ, въ имперіи, составленной изъ столь разнородныхъ элементовъ и гдѣ боролось столько различныхъ вліяній, военный духъ измѣнялся менѣе, чѣмъ все остальное.

Чтобы объяснить духъ повиновенія, сохранившійся въ лагеряхъ, необходимо обратиться къ воспоминаніямъ прошлаго, которыя здѣсь никогда окончательно не исчезали. „Первое, что соединяетъ войска—это религія“, говоритъ Сенека [1]). Особенно въ первобытныя времена, когда приходилось сражаться только за свою семью и за своихъ боговъ, война была дѣломъ священнымъ, къ ней приступали съ благоговѣніемъ. Коллегія фециаловъ, священныхъ герольдовъ, которые должны были начинать и кончать войну, являлась учрежденіемъ жреческимъ. Консулъ былъ въ одно и тоже время и священникъ, и военачальникъ; передъ его палаткой находился жертвенникъ, гдѣ онъ каждое утро молился за свои войска. Знамена считались божествами, *propria legionum numina* [2]) и имъ воскурялся ѳиміамъ. Начальникъ, совершавшій ауспиціи за все войско, считался какъ бы представителемъ боговъ; его приказаніямъ повиновались, какъ проявленіямъ Божественной воли. Эти традиціи религіознаго почитанія до самаго послѣдняго времени сохранились въ тѣхъ чувствахъ, которыя войска питали къ императору, своему верховному начальнику. Преданность къ нему войска есть своего рода благочестіе. Когда императора живого, или мертваго, причисляли къ безсмертнымъ, или когда его статуи называли священными изображеніями, а его семейство—домомъ божества,—все это принималось въ войскахъ вполнѣ искренно,—искреннѣе, чѣмъ многое другое.

Въ римскихъ войскахъ не обходилось безъ мятежей, но въ общемъ эти бунты были направлены не противъ государя [3]): бунтовали, напр.,

[1]) *Epist.*, 95, 35: *primum militiae vinculum est religio.*
[2]) *T. Ann.*, II. 17. *Corp. insc. lat.*, III, 6224: *Dis militaribus, Genio, Virtuti, Aquilae sanctae, signisque legionis* 1.
[3]) Само собою разумѣется, что здѣсь говорится только о цезаряхъ, т. е. о первомъ вѣкѣ имперіи. Позднѣе, особенно начиная съ Северовъ, войска ставили и низвергали императоровъ.

чтобы добиться нѣкотораго смягченія суровой службы, или чтобы отдѣлаться отъ нелюбимаго центуріона. Центуріоновъ обыкновенно ненавидѣли и часто давали имъ жестокія прозвища [1]).

При повышеніяхъ центуріонамъ иногда приходилось волей-неволей переходить изъ одного легіона въ другой; приэтомъ часто случалось, что они являлись совсѣмъ чужими для тѣхъ солдатъ, которыми командовали. Дурные обычаи, установившіеся въ лагеряхъ, способствовали тому, чтобы сдѣлать центуріоновъ ненавистными въ глазахъ солдатъ. Тѣмъ солдатамъ, которые утомились или успѣли разбогатѣть, позволялось покупать у своихъ начальниковъ освобожденіе отъ служебныхъ нарядовъ. Сквозь пальцы смотрѣли, какъ они платили и за то, чтобы избавиться отъ наказанія. Послабленія эти порождали множество злоупотребленій. Не трудно понять, что жадные центуріоны имѣли поползновеніе увеличивать безъ конца и наказанія, и служебные наряды, чтобы получать все больше и больше дохода. Когда зло превышало наконецъ мѣру, солдаты не выносили этого и возмущались. Объ одномъ такомъ возмущеніи разсказываетъ Тацитъ. Это возмущеніе произошло въ Рейнскомъ и Паннонскомъ войскѣ при восшествіи на престолъ Тиберія; подробности, приводимыя Тацитомъ, весьма поразительны. Мы съ удивленіемъ видимъ, напримѣръ, что съ бунтовщиками ведутся переговоры, что имъ позволяютъ излагать ихъ претензіи, позволяютъ посылать своихъ депутатовъ къ императору. Эти поблажки повидимому совершенно противорѣчатъ тому, что извѣстно о римской дисциплинѣ; но не слѣдуетъ забывать, что эта дисциплина, несомнѣнно весьма суровая, все же не имѣла того формальнаго и прямолинейнаго характера, какъ въ современныхъ нашихъ арміяхъ. Повиновеніе въ римскомъ войскѣ достигалось не принужденіемъ, а какъ-бы добровольно принималось солдатами, такъ какъ они вполнѣ понимали его необходимость. Иногда они же первые подавляли возникавшіе между ними бунты и въ этихъ случаяхъ бывали безжалостны. Напримѣръ, послѣ одного изъ такихъ возмущеній, въ которомъ принимали участіе всѣ, они пришли просить, какъ милости, чтобъ изъ нихъ казнили десятаго. Всегда лицомъ къ лицу съ опасностью,

[1]) Тац., *Ann.*, I. 23 и 32.

избѣгать которую они могли лишь посредствомъ подчиненія, солдаты согласились отказаться отъ извѣстной доли своей независимости, но все-же не отдавали ея цѣликомъ. При всей строгости, имъ иногда все-таки предоставлялось право собираться для обсужденія своихъ дѣлъ. Особенно солдаты требовали, чтобы къ нимъ относились съ извѣстнымъ вниманіемъ. Когда однажды, въ лучшія времена республики, какой-то военачальникъ, обращаясь къ солдатамъ, употребилъ выраженіе, подходившее только къ рабамъ, то эти солдаты нарочно дали одержать надъ собой побѣду, чтобы только военачальникъ ихъ не заслужилъ тріумфъ [1]). Во времена имперіи, однажды Клавдій передалъ солдатамъ свои повелѣнія черезъ одного изъ самыхъ могущественныхъ вольноотпущенниковъ; солдаты сочли себя опозоренными этимъ и освистали любимца своего повелителя, предъ которымъ падалъ ницъ даже сенатъ [2]). Они безъ ропота исполняли приказанія своихъ начальниковъ, но имъ было пріятно знать и ихъ намѣренія. Предводители, когда было возможно, охотно бесѣдовали съ солдатами о томъ, что намѣревались сдѣлать. Это довѣріе и вниманіе, которое имъ оказывали, отчасти объясняются традиціями республиканской эпохи. Въ старыя времена, солдатъ, и въ своей военной палаткѣ, оставался гражданиномъ; жизнь гражданская и военная не были такъ строго раздѣлены, какъ позднѣе; лагерь и форумъ часто какъ бы сливались между собою, и консулъ обращался къ легіонамъ также, какъ онъ говорилъ бы и съ народомъ съ высоты ростральной трибуны. Во времена имперіи въ лагерѣ еще находилась трибуна, и императоры держали рѣчь къ своимъ солдатамъ, считая это одною изъ главныхъ своихъ прерогативъ. На барельефахъ Траяновой колонны государь въ нѣсколькихъ мѣстахъ представленъ произносящимъ рѣчь передъ своими войсками, которыя повидимому слушаютъ его съ энтузіазмомъ. Въ одномъ изъ лагерей при Ламбенъ найденъ отрывокъ большой надписи, заключающей рѣчь Адріана къ своимъ солдатамъ; Адріанъ хвалитъ ихъ за быстроту и точность, съ которой они исполняли свои упражненія: „Работу, говоритъ онъ имъ, на которую другіе потратили бы нѣсколько дней, вы окончили въ одинъ день. Получивъ приказаніе воздвигнуть прочную

[1]) Титъ Ливій, IV, 49.
[2]) Діонъ, LX, 19.

стѣну, какъ въ постоянномъ лагерѣ, вы на постройку ея употребили столько времени, словно сдѣлали ее изъ квадратныхъ кусковъ дерна, которые легко, удобно переносятся, и, будучи всѣ одинаковой формы, могутъ быть удобно прилажены одинъ къ другому, тогда какъ камни, съ которыми вамъ приходилось имѣть дѣло, были тяжелы, огромны, неодинаковы и неудобно укладывались. Вы выкопали ровъ въ твердой, неподатливой почвѣ, своими трудами вы выровняли и сгладили землю. Затѣмъ, когда ваши начальники одобрили вашу работу, вы со всею поспѣшностью возвратились въ лагерь, быстро поѣли и, бросившись къ оружію, съ громкими криками погнались за всадниками, которымъ приказано было выѣхать, поймали ихъ и привели съ собой. Я выражаю одобреніе своему легату, вашему предводителю, за то, что онъ обучилъ васъ подобнымъ маневрамъ, изображающимъ сраженіе, и такъ изощрилъ васъ, что вы сдѣлались достойными моихъ похвалъ“ [1]). Этотъ ораторскій приказъ по войскамъ, изъ котораго здѣсь приведена лишь часть, весьма любопытенъ; онъ даетъ намъ понятіе, какъ заботливо и внимательно обращались съ солдатами и какое пристрастіе къ краснорѣчію существовало въ римской арміи.

Военная служба была школой послушанія, но не школой раболѣпства; поэтому-то она и дала имперіи лучшихъ слугъ. Мы говоримъ не только о великихъ военачальникахъ, которые удерживали Германцевъ и Парѳянъ и поддерживали честь римскаго оружія при самыхъ ничтожныхъ государяхъ: въ Римѣ недостатка въ нихъ не было даже тогда, когда онъ уже не имѣлъ больше гражданъ; Римъ одерживалъ побѣды даже въ послѣднія минуты своего бытія. Даже въ тѣ времена, когда онъ долженъ былъ поручать свои внутреннія дѣла Руфинамъ и Евтропіямъ, для командованія солдатами все-же находились Стилихоны и Аэціи. За военачальниками слѣдовали военные трибуны, префекты когортъ, которые, привыкши къ дисциплинѣ, къ правильности, честные и умные, становились, въ случаѣ необходимости, надежными администраторами. Вслѣдствіе меньшей дифференцировки жизни гражданской и военной, какъ сказано выше, переходъ отъ одной къ другой былъ не труденъ для этихъ лицъ: имъ съ пол-

[1]) Renier, *Insc. de l'Alg.*, 5. *Corp. insc. lat.*, *VIII*, 2532.

нымъ довѣріемъ поручали то произвести перепись, то собрать налоги въ провинціяхъ. Когда какой нибудь городъ, разоренный нерачительностью своихъ матстратовъ, просилъ самого императора привести въ нѣкоторый порядокъ городскія дѣла, императоръ посылалъ въ качествѣ попечителя (*curator*) какого нибудь бывшаго центуріона, человѣка прямого и строгой честности, который въ нѣсколько мѣсяцевъ и исправлялъ зло, причиненное втеченіе годовъ небрежными и безчестными людьми. Войско оказывало имперіи громадную услугу, снабжая ее превосходными гражданами. Во вспомогательныхъ войскахъ служило много провинціаловъ, которые до Каракаллы не имѣли права гражданства. Обыкновенно они пріобрѣтали таковое, получая такъ наз. почетную отставку (*honesta missio*). Имена всѣхъ получившихъ право гражданства вырѣзались въ Римѣ въ Капитоліи или въ храмѣ Августа. Солдатъ, которому была оказана эта милость, добывалъ себѣ копію относящагося къ нему декрета, начертанную на мѣдной дощечкѣ. Такія дощечки найдены въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Всѣ онѣ редактированы совершенно одинаково: въ нихъ говорится, что императоръ даруетъ право гражданства солдатамъ, служившимъ ему двадцать пять лѣтъ и болѣе и получившимъ почетную отставку, а равно и ихъ дѣтямъ. Имъ даруется кромѣ того и *connubium*, римское брачное право, т. е. ихъ супружеское сожитіе,—существующее, если они въ таковомъ состоятъ, или уже будущее,—признается этимъ актомъ законнымъ бракомъ. Затѣмъ слѣдуетъ имя солдата, пожелавшаго получить табличку, какъ удостовѣреніе его новаго званія, и имена семи свидѣтелей, удостовѣряющихъ подлинность документа [1]). Пріобрѣтеніе этихъ новыхъ гражданъ—для имперіи было настоящимъ счастьемъ; они вносили въ нее всѣ здоровыя привычки лагерей, въ то самое время когда дарованіе воли рабамъ безпрестанно включало въ число гражданъ такихъ, которые приносили съ собой всѣ пороки рабства. Получивъ отставку, легіонеры, какъ и солдаты вспомогательныхъ когортъ, имѣли обыкновеніе воздвигать какой нибудь религіозный памятникъ близъ того лагеря, который покидали; обыкновенно къ этому присоединяли почтительныя выраженія по адресу императора и посвященіе безсмертнымъ богамъ или генію когорты и легіона, въ которомъ они служили, и который сталъ какъ бы ихъ родиной и семьей. Это былъ послѣдній актъ ихъ военной жизни; затѣмъ они разставались. Впрочемъ у многихъ солдатъ не хватало рѣшимости потерять изъ виду тѣ знамена, подъ которыми прошли ихъ лучшіе годы жизни; поэтому они поселялись въ лагерныхъ поселкахъ (*canabae*) или вообще гдѣ нибудь по сосѣдству. Другіе возвращались домой. Тамъ всегда ихъ ожидалъ хорошій пріемъ. Обыкновенно имъ сейчасъ же поручалась какая либо мѣстная муниципальная должность. Такимъ образомъ по всей имперіи распространялись традиціи, воспринятыя въ арміи.

1) Собраніе этихъ военныхъ дипломовъ см. въ *Corp. insc. lat.*, III, стр. 843 и сл.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ общемъ солдаты должны были быть довольны своею участью. У нихъ была привязанность къ странѣ, гдѣ они жили, къ отряду, въ который они были зачислены, къ легіону, котораго исторія была имъ знакома, и который имъ такъ тяжело было покинуть. Но прежде всего они были привязаны къ римскому отечеству, за которое они проливали свою кровь. Во вспомогательныхъ войскахъ рейнской и дунайской арміи находились галлы, реты, мезійцы, внуки тѣхъ, которые такъ мужественно сопротивлялись Цезарю и Августу; они плохо даже говорили и еще хуже писали по-латыни, но тѣмъ не менѣе съ гордостью называли себя римлянами, когда имъ приходилось сражаться съ Свевами или Батавами. Наконецъ они были привязаны къ императору, изображеніе котораго было на ихъ знаменахъ и имя котораго радостно провозглашалось послѣ побѣды. Они уважали, они любили своихъ государей, которые часто совсѣмъ не заслуживали этихъ чувствъ, и отъ Тиберія до Нерона противъ нихъ они не возставали никогда. Привыкнувъ видѣть благо въ единствѣ командованія, они понимали только такую власть, которая была представлена въ лицѣ одного человѣка; имя императора резюмировало для нихъ отечество. Если столько простыхъ солдатъ воздвигаютъ скромный памятникъ въ славу государя, отъ котораго они ничего не ждутъ и который даже не узнаетъ о ихъ поступкѣ, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что преданность ихъ была вполнѣ искренняя? Систематической оппозиціи противъ имперіи въ войскахъ не существовало.

II.

Провинціи.—Онѣ лучше управлялись во времена имперіи, чѣмъ во времена республики. — Мѣры, принятыя Августомъ, въ видахъ ограниченія губернаторской власти.—Процвѣтаніе провинцій въ первомъ вѣкѣ по Р. X. — Провинціи въ общемъ довольны правленіемъ императоровъ.

Существовала-ли какая-либо оппозиція въ провинціяхъ? Съ перваго взгляда это кажется весьма вѣроятнымъ: такъ какъ провинціи— земли покоренныя, то и можно предполагать, что онѣ, постоянно помня объ этомъ, ненавидѣли своихъ покорителей. Нерѣдко провинціи рисуются несчастными, трепещущими, униженными своими завоевателями, разоренными фискомъ и стонущими отъ безжалостности проконсуловъ; но такая картина совершенно фантастична: напротивъ, все повидимому доказываетъ, что провинціи были тогда и богаты и довольны. Въ наши дни таково мнѣніе весьма умныхъ людей [1]). Тѣ изслѣдователи, которые упрямо отказываются вѣрить этому, опираются только на одинъ доводъ: они не хотятъ допустить, чтобы что нибудь хорошее могло выйти изъ несимпатичнаго имъ режима. Безспорно, многія стороны этого режима не заслуживаютъ симпатіи; но какъ бы кто ни относился къ нему, не надо забывать, что онъ просуществовалъ пять столѣтій, а чтобы понять, какимъ образомъ онъ удержался такъ долго, нужно допустить, что при многихъ недостаткахъ онъ имѣлъ и достоинства. Главнымъ достоинствомъ его несомнѣнно было болѣе успѣшное управленіе провинціями. Эти послѣднія были ему очень признательны и остались до конца вѣрными; вѣдь имперія и

[1]) Г. Ваддингтонъ напр. въ концѣ своихъ прекрасныхъ работъ объ азіатскихъ провинціяхъ пришелъ къ заключенію, что римскія земли втеченіе первыхъ двухъ вѣковъ послѣ битвы при Акціумѣ, были въ цвѣтущемъ состояніи. «Матеріальный порядокъ, говоритъ онъ, царствовалъ повсюду, чего раньше не случалось. Борьба властителя съ властителемъ, города съ городомъ стала невозможной, и война была отодвинута къ границамъ, торговля и промышленность процвѣтали; доступъ къ общественнымъ должностямъ, даже самымъ высокимъ, открывался все болѣе и болѣе для провинціаловъ, и наконецъ при Каракаллѣ римское гражданство было распространено на всѣхъ свободныхъ жителей имперіи. Эта система достигла совершенства при Антонинахъ, и ихъ правленіе было вообще эпохой мира и процвѣтанія для всего цивилизованнаго міра; послѣ нихъ началось паденіе, но все же потребовалось много ударовъ, много переворотовъ, чтобы разрушить искусную административную машину, которую создалъ просвѣщенный деспотизмъ Августа». Waddington, *Fastes des provinces asiatiques,* 18.

погибла не вслѣдствіе внутреннихъ потрясеній. Ювеналъ въ одномъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ своихъ произведеній, кажется, предрекалъ ей именно такую участь [1]). Но имперія избѣжала этого,—для ея разрушенія потребовалось вражеское нашествіе. Подчиненные ея владычеству народы не только не встрѣтили варваровъ, какъ освободителей, но изо всѣхъ силъ бились противъ нихъ и только съ отчаяньемъ разстались наконецъ съ Римомъ и съ имперіей. Какъ же понимать эту вѣрность, если не допустить, что императорское правленіе приходилось провинціямъ по сердцу?

Естественно, имперія заботилась о томъ, чтобы провинціи управлялись хорошо; самый принципъ ея вмѣнялъ ей это въ долгъ. Какъ извѣстно, у республиканской аристократіи Рима, въ обычаѣ было покупать себѣ должности путемъ безумной расточительности. Для этого на покрытіе своихъ издержекъ она поневолѣ была принуждена отыскать какія нибудь средства. Эта знать очень скоро разорилась бы, если бы не возстановляла своихъ средствъ путемъ управленія провинціями; такимъ образомъ, обогащаться въ провинціяхъ для нея являлось необходимостью. Но обогащеніе правящихъ классовъ не могло не разорять провинцій. Проконсулы безопасно могли обирать провинціи,—послѣ возвращенія, имъ предстояло отвѣчать за свои дѣйствія только предъ своими сообщниками; ибо тѣ, которые были призваны ихъ судить, поступали такъ же, какъ они. Главное, они дѣлали это безъ всякаго стѣсненія: покореніе совершилось не такъ давно; еще памятно было, что эти подданные долгое время были врагами, и что подчинить ихъ стоило многихъ трудовъ и крови. Съ ними обращались, какъ съ побѣжденными, относительно которыхъ все было позволено, и которые должны все терпѣть. При имперіи такое положеніе дѣлъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Когда власть перешла въ руки одного человѣка, прямой интересъ этого послѣдняго состоялъ въ томъ, чтобы защищать провинціи отъ лихоимства правителей. Это было его собственное добро, и тотъ, кто позволялъ себѣ грабить его подданныхъ, обкрадывалъ и его самого. Оказывая покровительство провинціямъ, императоръ думалъ болѣе о себѣ, чѣмъ объ этихъ правителяхъ; поэтому,

[1]) Ювен., VII, 124: *spoliatis arma supersunt.*

вполнѣ было естественно если, онъ не позволялъ, чтобы деньги, принадлежащія ему, попадали въ чужой сундукъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что ничто не препятствовало ему самому дѣлать то, что онъ запрещалъ другимъ; ничто не мѣшало ему завладѣвать достояніемъ провинціаловъ, когда это было для него нужно. Съ перваго взгляда кажется, что для управляемыхъ результатъ долженъ былъ быть одинъ и тотъ-же, и что провинціи, освободившись отъ лихоимства проконсуловъ, ничего не выиграли, такъ какъ остались беззащитными противъ лихоимства государей. Но это не совсѣмъ такъ. Все же былъ выигрышъ въ томъ, что нужно было удовлетворять только одного господина, а не многихъ. При республикѣ проконсулы мѣнялись ежегодно. Каждый годъ пріѣзжалъ новый и съ новымъ аппетитомъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе ненасытенъ, что лишь очень короткое время ему оставалось для насыщенія. Единственный властелинъ, разсчитывая на болѣе продолжительное время, не торопился брать все, что могъ взять. Какъ бы прожорливъ онъ ни былъ, все же благоразуміе, если онъ только былъ благоразуменъ, побуждало его приберечь кое-какіе рессурсы и на завтрашній день. Какъ извѣстно, помѣщикъ болѣе или менѣе бережетъ почву, тогда какъ арендаторъ истощаетъ ее.

При имперіи явилась еще одна причина хорошаго обращенія съ провинціями. Именно съ теченіемъ времени взглядъ на провинцію въ Римѣ измѣнился. По мѣрѣ того, какъ возбуждающія ненависть воспоминанія о покореніи отодвигались дальше и дальше, по мѣрѣ того, какъ страны эти все болѣе романизировались въ привычкахъ и во внутреннихъ отношеніяхъ, по неволѣ Риму приходилось все болѣе и болѣе стѣсняться въ обхожденіи съ ними. Но съ тѣхъ поръ, какъ высокомѣрная аристократія, такъ долго господствовавшая надъ міромъ, была подчинена одному властелину, различіе въ положеніи Рима и провинцій стушевывалось. И Римъ, и провинціи принуждены были повиноваться одному властелину,—это былъ законъ, одинаковый для всѣхъ. Передъ его безграничною властью, которую чувствовали надъ собою всѣ, прежнія неравенства сглаживались. Абсолютная власть по природѣ своей все нивеллируетъ; она желаетъ имѣть лишь подданныхъ, а съ высоты, откуда она взираетъ на нихъ, они сливаются въ одну массу. Одинъ краснорѣчивый памфлетистъ говорилъ при Людо-

викѣ XIV: „При нынѣшнемъ образѣ правленія всѣ французы—народъ; королевская власть такъ возвысилась, что всѣ различія исчезаютъ, всѣ источники свѣта поглощены, ибо при той высотѣ, на которую вознесся монархъ, всѣ смертные не болѣе, какъ пыль у его ногъ“. Къ подобнаго рода результатамъ вели и учрежденія Августа: благодаря имъ, міръ объединялся,—объединялся въ повиновеніи. Если такого рода уравненіе подъ одно, происходившее повсюду подъ давленіемъ императорской власти, отняло у Рима много его привилегій и могущества, то все же положеніе провинцій оно улучшило.

Извѣстно, что Августъ въ 726 году управленіе провинціями подѣлилъ между собою и сенатомъ, при этомъ сенату были предоставлены провинціи наиболѣе спокойныя, именно тѣ, которыя не нуждались въ защитѣ легіоновъ, остальныя же Августъ сохранилъ для себя. Имперскія провинціи были управляемы легатами; легатъ совершенно зависѣлъ отъ государя и долженъ былъ отдавать отчетъ лишь ему одному; сенатскія провинціи также не ускользали изъ подъ вліянія Августа; можно сказать, что въ дѣйствительности проконсулы, также какъ легаты, зависѣли отъ него-же.

Его ревнивая власть не только тщательно наблюдала за ними и подвергала ихъ строгимъ наказаніямъ, если они дурно вели себя; даже болѣе,—Августъ старался отнять у нихъ самую возможность поступать дурно. Пока была республика, они были всемогущи. Какъ-бы ни назывался правитель провинціи, преторъ или проконсулъ, имѣлъ ли онъ девять или двѣнадцать ликторовъ, его сила была тогда неограничена. Когда онъ уѣзжалъ, совершивъ молитву въ Капитоліи, покрытый военной мантіей, сопровождаемый до римскихъ воротъ своими родными и друзьями, это былъ не чиновникъ республики, а по истинѣ царь, ѣдущій править царствомъ. Онъ долженъ былъ сосредоточить въ своихъ рукахъ и гражданскую, и военную власть, онъ командовалъ легіонами, онъ чинилъ судъ, онъ управлялъ финансами, онъ издавалъ законы и примѣнялъ ихъ. Такъ какъ завоеваніе произошло относительно недавно, и ненависть побѣжденныхъ еще не остыла, то Римъ считалъ нужнымъ вооружать своихъ правителей большою властью на случай внезапныхъ возмущеній, давая средства усмирять ихъ. Во времена имперіи обстоятельства нѣсколько измѣнились; римское вла-

дычество было уже принято всѣмъ міромъ. Уже не представлялось необходимымъ, для защиты этого владычества, соединять всю власть въ лицѣ одного человѣка, поэтому ее стали раздѣлять, насколько возможно, между нѣсколькими. Только въ императорскихъ провинціяхъ правитель имѣлъ подъ своимъ начальствомъ и войска; въ сенатскихъ-же провинціяхъ проконсулъ имѣлъ лишь гражданскую власть; завѣдываніе финансами было поручено въ тѣхъ и другихъ особымъ должностнымъ лицамъ, которыхъ посылалъ непосредственно императоръ; ему они и отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ тоже время, чтобы отнять у правителей всякій предлогъ принимать какія либо важныя рѣшенія по своему усмотрѣнію, были придуманы особые передаточные *посты*, благодаря которымъ воля императора могла быть передаваема на край свѣта въ нѣсколько дней. Съ этихъ поръ чиновникамъ уже не дозволялось дѣйствовать въ важныхъ вещахъ, не посовѣтовавшись съ своимъ повелителемъ. Такимъ образомъ разъединились тѣ разнородныя власти, которыя республика сосредоточивала въ одномъ лицѣ, и которыя дѣлали это послѣднее такимъ страшнымъ. Отнынѣ власть правителей была лишена извѣстной доли своей силы и подчинена строгому контролю; за ними тщательно наблюдали, ихъ строго наказывали; поэтому ихъ власть не могла уже такъ тяжело отражаться на положеніи провинціаловъ, какъ раньше.

Но слѣдуетъ ли изъ вышесказаннаго, что, начиная съ Августа, нечестныхъ правителей въ провинціяхъ уже не появлялось? Было бы безумно утверждать это. О двухъ такихъ правителяхъ говоритъ Плиній Младшій. Первый продавалъ тайныя предписанія, какъ министръ Людовика XV, другой, въ письмахъ къ своей любовницѣ, говоритъ: „Я ѣду къ тебѣ въ наилучшемъ расположеніи съ 40.000,000 сестерцій; чтобы ихъ набрать, я продалъ половину Бетики [1])“. Сенека разсказываетъ, что одинъ изъ проконсуловъ Азіи, Мессала Волесъ (Volesus), велѣлъ однажды обезглавить сразу триста человѣкъ и, гордо прохаживаясь между валяющимися трупами, воскликнулъ: „Какой царскій поступокъ!“ [2]) Верры еще существовали и въ имперіи; но ихъ было меньше. Особенно замѣчательна слѣдующая разница

[1]) Плиній, *Epist.*, II, 11 и IV, 9.
[2]) Сенек., *De ira*, II, 5.

между республиканскимъ и императорскимъ режимами: раньше соблазнъ былъ такъ великъ, контроль такъ легокъ, общественное мнѣніе такъ снисходительно, что самыя почтенныя лица, какъ напр. Брутъ, безъ колебанія позволяли себѣ всякаго рода лихоимства по отношенію къ провинціаламъ; во времена же имперіи часто наоборотъ,—люди порочные и развращенные, пока они жили въ Римѣ, становятся неподкупными, дѣятельными, безкорыстными, когда ихъ посылали въ провинцію, и управляли честно ею. Чувственный Петроній, заслужившій названіе „законодателя хорошаго вкуса“ и „мастера элегантности“, Петроній, повидимому, интересовавшійся лишь удовольствіями и создавшій изъ нихъ своего рода утонченную науку, и искавшій сладострастія даже въ смерти,—этотъ человѣкъ, по словамъ Тацита, въ своемъ управленіи Виѳиніей „оказался бдительнымъ и совершенно на высотѣ великихъ обязанностей“ [1]). Тоже самое было и съ Отономъ, повѣреннымъ и сообщникомъ всѣхъ безобразій Нерона, который наканунѣ убійства Агриппины, далъ всему двору большой обѣдъ чтобы скрыть приготовленія къ преступленію; „Отонъ втеченіи десяти лѣтъ правилъ Лузитаніей съ замѣчательною мудростью и безкорыстіемъ“ [2]). Даже Вителлій, который оказался такимъ невыносимымъ императоромъ, вначалѣ былъ прекраснымъ правителемъ Африки [3]). Нужно сказать, что вести себя иначе и тогда было уже не легко; государи какъ дурные, такъ и хорошіе, не выпускали провинцій изъ-подъ своей руки. Августъ и Траянъ занимались ими съ не бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ Тиберій и Домиціанъ. Одинъ довольно достовѣрный историкъ разсказываетъ намъ о послѣднемъ, что онъ такъ строго наказывалъ виновныхъ чиновниковъ, „что никогда не было болѣе честныхъ и болѣе справедливыхъ чиновниковъ, какъ при немъ“ [4]).

Этотъ дѣятельный и строгій надзоръ долженъ былъ сильно уменьшить злоупотребленія; хотя конечно нельзя сказать, что онъ ихъ уничтожилъ совершенно. Много злоупотребленій совершалось еще въ провинціяхъ, особенно въ недавно покоренныхъ земляхъ, которыя были

[1]) Тац., Ann., XVI, 18.
[2]) Свет., *Otho*, 3.
[3]) Свет., *Vitell*, 5.
[4]) Свет., *Domit.*, 8.

подчинены военному положенію, и гдѣ солдаты считали для себя все дозволеннымъ. Это именно случилось съ Бретанью. Извѣстно, что войска Клавдія, храбро, завоевавъ эту страну, затѣмъ сильно опустошили ее. Рѣчь бретонскаго вождя Галгака, которую передаетъ намъ Тацитъ, несомнѣнно является самымъ вопіющимъ протестомъ противъ этого „римскаго мира“, который обыкновенно такъ красиво расписывается писателями временъ имперіи. На основаніи этой рѣчи, только и остается, что осудить императорскую администрацію, самымъ притомъ суровымъ образомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что Тацитъ въ другихъ мѣстахъ является еще гораздо менѣе точнымъ. Въ уста Церіала онъ вкладываетъ слова, которыя и являются отвѣтомъ на обвиненія Галгака и оправданіемъ его соотечественниковъ. Имперскій легатъ напоминаетъ жителямъ Трира, что онъ только что одержалъ побѣду, описываетъ затѣмъ, въ какомъ состояніи римское покореніе застало Галлію, „утомленную раздорами, истощенную междуусобными войнами“, призывающую иноземцевъ на помощь. Римъ не разрушилъ ничего, что бы заслуживало существованія, онъ повсюду прекратилъ безпорядокъ и безначаліе. Побѣдивши, онъ наложилъ на побѣжденныхъ только тѣ тягости, какія необходимы для поддержанія мира; онъ принимаетъ побѣжденныхъ въ свои войска, лучшимъ изъ нихъ онъ открываетъ доступъ въ ряды своей аристократіи, скоро онъ приметъ и ихъ всѣхъ въ среду своихъ гражданъ. Онъ защищаетъ повсюду спокойствіе, безопасность, благосостояніе; безъ него все впало бы вновь въ хаосъ раздоровъ и борьбы, отъ которыхъ Римъ освободилъ міръ. „Если-бы Римъ былъ побѣжденъ (пусть боги не допустятъ этого несчастія!), что другое увидѣла бы земля, кромѣ всеобщей войны между народами? Восемьсотъ лѣтъ счастья и мудрости понадобились на построеніе этого обширнаго зданія. Если-бы кто его пошатнулъ, тотъ былъ бы раздавленъ его паденіемъ“ [1]), Не ясно ли, что Тацитъ ясно предвидѣлъ ужасающую анархію, которая должна была послѣдовать за паденіемъ имперіи?

И такъ изслѣдованіе имперскихъ учрежденій и свидѣтельства римскихъ историковъ позволяютъ установить тотъ фактъ, что во времена имперіи, въ общемъ, провинціи были счастливѣе и съ ними обходились лучше, нежели во времена республики; но существуютъ еще болѣе вѣрныя и очевидныя свидѣтельства ихъ процвѣтанія. Мы говоримъ о тѣхъ чудесныхъ развалинахъ, которыми полны Франція, Испанія, Африка и Азія. Путешественники встрѣчаютъ на каждомъ шагу, даже въ самыхъ бѣдныхъ поселкахъ, развалины театровъ, остатки храмовъ, дворцовъ, термъ, мостовъ, большихъ дорогъ, водопроводовъ, которые невольно возбуждаютъ въ насъ сильнѣйшее удивленіе. Почти всѣ эти памятники относятся къ первымъ вѣкамъ имперіи и представляютъ изъ себя несомнѣнное свидѣтельство былого процвѣтанія.

Никогда еще міръ не былъ, если нельзя сказать, „такъ счастливъ“, то такъ богатъ; невозможно допустить, чтобы города, у которыхъ хватало финансовъ, чтобы возводить такія великолѣпныя постройки, были обобраны и доведены до нищеты римскими проконсулами, какъ это утверждаютъ. Трудно придавать серьезное значеніе словамъ Ювенала, когда онъ при Адріанѣ, въ тотъ моментъ, когда воздвигались всѣ эти драгоцѣнные памятники, говоритъ намъ, что міръ разоренъ, и что покоренные народы такъ обкрадены, что у нихъ не остается ничего, что можно было бы взять [1]). Больше правды и справедливости заключается въ слѣдующей картинѣ, которую рисуетъ намъ риторъ Аристидъ около средины второго столѣтія: „Вся земля, говорилъ онъ, въ праздничномъ платьѣ. Она оставила свое прежнее боевое убранство и грезитъ лишь о роскоши, украшеніяхъ и удовольствіяхъ всякаго рода. Прежнія ссоры между городами прекратились, теперь они соперничаютъ только великолѣпіемъ и пышностью, каждый хочетъ казаться красивѣе своего сосѣда. Всѣ они полны гимназіями, фонтанами, пропилеями, храмами, мастерскими и школами; кажется, будто вселенная вновь выздоровѣла послѣ долгой болѣзни. Благодѣянія Римлянъ вездѣ распредѣлены такъ равномѣрно, что даже нельзя сказать, кто получаетъ лучшую ихъ часть. Всѣ города осыпаны ими, всѣ они сіяютъ нарядностью и роскошью, и вся земля украшена, какъ обширный садъ [2]).

[1]) Тац., Hist, IV, 74

[1]) Ювен., VIII, 103.

[2]) Г. Фридлендеръ, у котораго заимствована эта цитата, въ своей *картинѣ римскихъ нравовъ отъ Августа до Антониновъ* (рус. пер.). даетъ очень любопыт-

Конечно, здѣсь говоритъ риторъ, и можно было бы думать, что, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ преувеличиваетъ и декламируетъ, если-бы мы не имѣли оффиціальнаго документа, позволяющаго намъ утверждать, что въ его словахъ заключается чистая правда. Этотъ документъ—переписка между Траяномъ и Плиніемъ, пока тотъ былъ правителемъ Виѳиніи. Жители Прузы хотѣли построить себѣ бани, „великолѣпіе которыхъ соотвѣтствовало бы красотѣ города и блеску вѣка"; жители Синопа провели къ себѣ воду болѣе, чѣмъ за двадцать километровъ. Въ Никомидіи водопроводъ стоилъ около семи милліоновъ франковъ; прежде чѣмъ онъ былъ оконченъ, начали уже строить другой, и имѣлось въ виду соорудить еще третій. Никея одновременно строила: вопервыхъ театръ, на который истрачено было уже два милліона, вовторыхъ громадную гимназію, надъ которой долженъ былъ подниматься такой высокій портикъ, что стѣны въ семь метровъ толщины просчитались недостаточно прочными, чтобъ его выдержать. Въ этихъ тратахъ бывало конечно много излишествъ, и наклонность къ роскоши съ теченіемъ времени все же могла подорвать финансы городовъ; но во всякомъ случаѣ она доказываетъ, какъ богата была въ тотъ моментъ имперія. Всѣ документы на этотъ счетъ согласны между собою и письма Плинія подтверждаютъ свидѣтельства надписей. Эти письма имѣютъ для насъ еще особенное значеніе потому, что изъ нихъ можно видѣть, съ какимъ неутомимымъ рвеніемъ нѣкоторые императоры относились къ улучшенію администраціи своихъ провинцій. Напримѣръ Траянъ старается вникать во всѣ мелочи, онъ велитъ докладывать себѣ обо всемъ. Его интересуютъ дѣла самыхъ маленькихъ городовъ, онъ хочетъ знать ихъ нужды и справляется о состояніи ихъ финансовъ. Онъ велитъ докладывать себѣ и о всѣхъ жалобахъ и не пренебрегаетъ прочитывать памятныя записки, которыя ему посылаютъ тяжущіеся. Правители обращаются къ нему по такимъ вопросамъ, которые на нашъ взглядъ, не имѣютъ значенія, и онъ обо всемъ даетъ свое рѣшеніе такъ разумно и такъ быстро, что возбуждаетъ въ насъ справедливое удивленіе.

ныя доказательства такого процвѣтанія провинцій во времена имперіи. См. третій томъ французскаго перевода, особенно книга IX, гл. 1-я.

Такое бдительное управленіе утвердило повсюду общественную безопасность. Втеченіи цѣлаго столѣтія вся имперія пользовалась миромъ, за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ границъ. Подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ этого спокойствія, совершилось сліяніе народовъ, входившихъ въ составъ имперіи. Самыя устойчивыя народности не могли противостоять римскому духу. Цѣлые народы сами отказывались отъ своего нарѣчія и усваивали языкъ своихъ побѣдителей. Въ то время, какъ кельтскій и пуническій языки еще сохранились въ какихъ нибудь безвѣстныхъ поселкахъ, латынь сама собою, безъ принужденія распространилась по всѣмъ городамъ и скоро сдѣлалась языкомъ всей западной Европы. Никогда еще не была такъ близка къ осуществленію идея всемірнаго государства, обнимающаго все человѣчество, о чемъ мечтали философы. Во всякомъ случаѣ римская имперія представляла грандіозное зрѣлище, поражавшее всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Плутархъ называлъ Римъ „священнымъ и благодѣтельнымъ божествомъ" и благодарилъ его за объединеніе всѣхъ народовъ. „Римъ, говорилъ Плутархъ, подобенъ неподвижному якорю, который скрѣпляетъ дѣла человѣческія среди волнъ и вихря" [1]). Такъ даже легкомысленные и насмѣшливые греки, опьяненные своими достоинствами, пренебрежительно относящіеся къ другимъ, гордились своимъ новымъ отечествомъ, которое, правда, было навязано имъ побѣдителями, но сдѣлалось удоботерпимымъ, благодаря своимъ благодѣяніями. Всѣ наслаждались драгоцѣннымъ миромъ и безопасностью, —вѣдь эти блага еще такъ мало были въ тѣ времена знакомы міру,—и благодарили ту власть, которая обезпечивала пользованіе ими.

III.

Муниципіи. — Общій характеръ римской администраціи. — Внутреннее управленіе муниципіями. — Свобода выборовъ. — Обязанности должностныхъ лицъ. — Процвѣтаніе муниципій при Цезаряхъ. — Чѣмъ привлекали муниципальные должности въ тѣ времена. — Муниципіи ничего не потеряли отъ паденія республики и охотно мирились съ имперіей.

Общія соображенія, приведенныя въ предыдущихъ главахъ, еще недостаточны. Чтобы яснѣе понять, какъ императоры управляли

[1]) Плут., *De fort. Roman.*, 316.

людьми и привлекали къ себѣ чувства людей, обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ деталей. Больше всего свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы почерпнемъ, вкратцѣ разсмотрѣвъ способъ управленія и образъ жизни римской муниципіи въ первомъ вѣкѣ.

Общераспространенныя мнѣнія на этотъ счетъ довольно неправильны. Когда говорятъ о римской администраціи временъ имперіи, обыкновенно представляютъ себѣ гнетущій деспотизмъ и подавляющую централизацію. Это происходитъ отъ смѣшенія условій мѣста и времени: деспотизмъ существовалъ только въ Римѣ, централизація же началась лишь позднѣе. Римъ, покоривъ міръ, обходился съ покоренными не такъ сурово, какъ это предполагаютъ. Безпощадный во время борьбы, Римъ опять становился милостивымъ послѣ побѣды, лишь только ему не угрожала опасность. Онъ обладалъ слишкомъ большимъ политическимъ смысломъ, чтобы прибѣгать къ безполезной строгости. Обыкновенно отъ покоренныхъ народовъ требовались лишь тѣ жертвы, которыя были необходимы, чтобы обезпечить завоеваніе. Этимъ народамъ оставляли ихъ обычаи и религію; щадили ихъ самолюбіе,—это послѣднее утѣшеніе побѣжденныхъ; къ ихъ воспоминаніямъ относились съ уваженіемъ. „Уважайте славу прошедшаго, писалъ Плиній Младшій одному правителю провинціи, уважайте старость, которая дѣлаетъ людей почтенными, а города священными. Всегда принимайте въ разсчетъ и древность, и великія дѣла, и даже легенды. Никогда не оскорбляйте ничьего достоинства, ничьей свободы, ни даже тщеславія“ [1]). Итакъ, римское владычество не было такъ придирчиво, какъ обыкновенно бываетъ владычество чужеземцевъ. Хорошо зная, что нельзя управлять цѣлымъ міромъ противъ его воли, Римъ старался заставить его подчиниться своей власти, дѣлая ее по возможности менѣе чувствительной; онъ нигдѣ ничего не разрушалъ ради разрушенія, нигдѣ не уничтожалъ того, что могло сохраниться не угрожая опасностью. Уничтожая повсюду національную жизнь, Римъ сохранялъ, поскольку было возможно, жизнь муниципальную; а за нее то особенно и держались покоренные народы. Поэтому надо думать, что для многихъ народовъ, у которыхъ національная связь была не очень сильна, покореніе было едва замѣтно. Даже въ странахъ, навлекшихъ на себя самое худшее обращеніе, города продолжали управляться сами собой, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы принимаемыя ими рѣшенія и предполагаемые ими расходы на ихъ памятники или празднества были утверждаемы римскимъ правительствомъ: болѣе или менѣе это такая степень свободы, какою пользуются теперь французскія общины; но не мало было и такихъ городовъ, которые были почти совершенно освобождены отъ надзора. Эти послѣдніе назывались свободными городами и были таковыми въ дѣйствительности. Въ началѣ покоренія Римъ оказывалъ на нихъ давленіе только за тѣмъ, чтобы повсюду отдать власть въ руки аристократіи: онъ по опыту зналъ неустойчивость народныхъ правительствъ и къ этимъ послѣднимъ питалъ недовѣріе [2]); но совершивъ такой переворотъ, Римъ предоставлялъ городамъ управляться самимъ собою.

Такимъ образомъ Римъ не былъ увлеченъ, какъ обыкновенно предполагаютъ, ребяческой маніей все регулировать, все уничтожать ради удовольствія все обновить, и не терпѣть ничего, чтобы не было заведено имъ самимъ. Его не оскорбляло существованіе архонтовъ въ Аѳинахъ, демарховъ въ Неаполѣ, суффетовъ въ Карѳагенѣ; онъ оставилъ Сициліи законы Гіерона, онъ управлялъ Египтомъ, сообразно установленіямъ Птоломеевъ. Онъ вовсе не старался дать міру единообразное государственное устройство; онъ не пытался насильственно объединять народы различныхъ расъ. Правда, это объединеніе произошло; но не трудно доказать, что оно произошло безъ принужденія, что этого объединенія болѣе желали побѣжденные, чѣмъ побѣдители, что его создали скорѣе подданные, чѣмъ владыка. Съ самаго начала римское гражданство такъ привлекало къ себѣ различные народы, что многіе изъ нихъ будучи не въ силахъ противостоять ему, просили Римъ оградить ихъ противъ ихъ самихъ. Германцы, Инсубры, Гельветы и другіе варварскіе народы Галліи, договариваясь съ Римомъ, обусловливали, что никому изъ нихъ не будутъ дарованы права граждан-

[1]). Плиній, *Epist.*, VIII, 24.

[2]) Еще Цицеронъ былъ того мнѣнія, что лучше всего, чтобы города въ провинціяхъ управлялись аристократіей, *ut civitates optimatium consiliis admisnistrentur. Ad. Quint.*, I, 1, 25.

ства, даже если-бы они сами этого просили [1]): настолько они чувствовали себя неспособными собственными силами противостоять этому влеченію! Эти договоры оказались безполезными: мы видимъ, какъ повсюду побѣжденные съ удивительною поспѣшностью покидаютъ свои національные обычаи и отрекаются отъ своихъ законовъ. Такимъ образомъ, въ имперіи мало по малу устанавливается извѣстнаго рода единообразіе; но важно замѣтить, что это было результатомъ скорѣе добровольнаго стремленія народовъ, чѣмъ вмѣшательства власти. Напротивъ, Римъ одно время пробовалъ воспротивиться этому. Онъ былъ оскорбленъ въ своей гордости, видя, какъ побѣжденные стараются возвыситься до него, подражая ему во всемъ, впрочемъ довольно неискусно. Такъ, напр., вмѣсто того, чтобы навязывать всѣмъ употребленіе латинскаго языка, Римъ, какъ мы знаемъ, дѣлалъ его своего рода привилегіей народовъ, которыхъ онъ хотѣлъ наградить, и запрещалъ его употребленіе тѣмъ, которые по его мнѣнію были недостойны этого [2]). Позднѣе, когда силой вещей такое различеніе стало безполезно, когда повсюду римское управленіе копировали, когда весь Востокъ говорилъ латинскимъ языкомъ, переписка Плинія и Траяна показала, какъ добросовѣстные государи были далеки отъ желанія расширять свою власть насчетъ мѣстныхъ вольностей; напротивъ, съ какою щепетильностью они охраняли мѣстные законы и исключительныя привилегіи каждаго города. Итакъ, не по винѣ одного Рима въ то время въ имперіи установилось извѣстное единообразіе; это часто дѣлалось безъ участія Рима, иногда даже противъ его желанія. Первые императоры пытались установить единство только тамъ, гдѣ оно было дѣйствительно необходимо, безъ чего не можетъ существовать великая нація. Они концентрировали въ своихъ рукахъ управленіе политическими дѣлами и начальство надъ войсками; они допускали къ обращенію только монету съ изображеніемъ цезаря; они хотѣли, чтобы вѣса и мѣры были провѣрены римскими эдилами по капитолійскимъ образцамъ; они не позволяли сосѣднимъ враждующимъ городамъ разрѣшать свои несогласія силой оружія, какъ это было раньше; они разбирали въ качествѣ судей ихъ ссоры и разрѣшали ихъ безапелляціонно. Что же касается внутренняго управленія, то они вмѣшивались въ него какъ можно меньше, именно лишь тогда, когда общественное спокойствіе дѣлало необходимымъ подобное вмѣшательство. Нельзя сказать, что всѣ города пользовались равною свободою. Надзоръ со стороны центральной власти и его представителя, пропретора и проконсула, производился съ большею или меньшею строгостью, въ зависимости отъ большей или меньшей удаленности отъ столицы или отъ Италіи, въ зависимости отъ правъ, которыя тотъ или другой городъ получилъ при покореніи или послѣ изъявленія покорности; но почти всѣ муниципіи, колоніи, свободные, союзные и покоренные города управлялись по своимъ законамъ, всѣ избирали сами своихъ должностныхъ лицъ, всѣ завѣдывали своими дѣлами. Можно, повидимому, сказать, что міръ рѣдко пользовался такой муниципальной независимостью, какъ подъ деспотизмомъ цезарей, который въ Римѣ былъ такъ тяжелъ.

1) Cic., *Pro Balbo*, 14

2) Титъ Ливій, XI, 42. *Cumanis eo anno petentilus permissum ut publice latine loquerentur et praeconibus latine vendendi jus esset.*

Посмотримъ теперь, какъ управлялись колоніи и муниципіи, т. е. тѣ города, которые обладали правомъ гражданства. Право обсуждать и рѣшать вопросы принадлежало сенату, состоявшему изъ опредѣленнаго числа членовъ, называвшихся декуріонами. Въ составъ этого сената входили значительнѣйшія лица въ городѣ; болѣе или менѣе онъ обладалъ тѣми же прерогативами, какъ и римскій сенатъ, имя котораго ему нравилось носить и которому старался подражать величественностью. Исполнительная власть была въ рукахъ небольшого числа должностныхъ лицъ, избираемыхъ на годъ. Въ колоніи Помпеѣ, которую мы знаемъ лучше другихъ, первое мѣсто занимали такъ называемые *duumviri jure dicundo*. Самое названіе указываетъ прерогативы этихъ лицъ: ихъ было двое, какъ въ Римѣ 2 консула; подобно консуламъ они предсѣдательствовали въ сенатѣ; кромѣ того, они чинили судъ. За дуумвирами слѣдовали два эдила, которымъ было поручено наблюдать за рынками, поддерживать общественные памятники, слѣдить за благочиніемъ на улицахъ и площадяхъ; еще ниже эдиловъ стояли два квестора, которые существовали во многихъ городахъ. Квесторы завѣдывали общественнымъ доходомъ и наблюдали за расходомъ. Таковы были обычныя муниципальныя должностныя лица, назначаемыя ежегодно. Были и другія, которыя

становились необходимыми лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такъ, напримѣръ, каждыя пять лѣтъ во всей имперіи производилась перепись гражданъ. Это былъ торжественный моментъ, который ознаменовывался религіозными церемоніями и роскошными празднествами. Въ Римѣ перепись производилась самимъ императоромъ, который являлся наслѣдникомъ республиканскихъ цензоровъ. Въ провинціяхъ для этого не назначали спеціальныхъ должностныхъ лицъ, такъ какъ муниципальная администрація не любила увеличивать число чиновниковъ: эту важную операцію поручали дуумвирамъ; но, возлагая на нихъ новую функцію, имъ присвоивали и новое имя. Чтобы обозначить, что исключительная власть, даваемая имъ, возобновлялась только каждыя пять лѣтъ, къ ихъ обыкновенному названію они прибавляли титулъ *quinquennalis*. Попасть въ число такихъ пятигодовыхъ дуумвировъ считалось большою честью. Ихъ функціи не ограничивались одною переписью гражданъ; они, какъ и цензоры въ Римѣ, опредѣляли составъ сената. Они вносили въ списокъ сенаторовъ значительнѣйшихъ гражданъ города, сообразуясь съ условіями требуемыми закономъ. Эти послѣднія условія намъ извѣстны: чтобы быть выбраннымъ въ декуріоны, требовалось по закону достиженіе извѣстнаго возраста, именно—тридцати лѣтъпри Цезарѣ, двадцади пяти—начиная съ Августа. Позднѣе законъ требовалъ для этого извѣстнаго состоянія, которое конечно, измѣнялось въ зависимости отъ величины и значенія города; такъ, напр., въ Кумахъ требовалось лишь 100.000 сестерцій (20.000 фр. [1]) По закону, были лишены права быть избранными лица обанкротившіяся, лица осужденныя за преступленія, считавшіяся позорными, лица, занимавшіяся такими профессіями, которыя считались неблагородными, напр. комедіанты, содержатели гладіаторскихъ школъ. Что касается продавцевъ публичныхъ женщинъ, публичныхъ глашатаевъ и служащихъ при похоронныхъ процессіяхъ, то назначать ихъ въ число сенаторовъ было можно но съ условіемъ, чтобы они отказались отъ своего ремесла. Составивши списокъ, дуумвиры *quinquennales* приказывали вырѣзать его на мѣди и помѣстить на видномъ мѣстѣ, чтобы каждый на форумѣ могъ его

[1] Плиній, *Epist.*, 1; 19.

прочесть. Это называлось куріальной таблицей, *album curiae*. Случай сохранилъ намъ такую таблицу изъ Канузіума, которая показываетъ намъ, какимъ образомъ былъ составленъ сенатъ этого городка. Во главѣ этого *album*, передъ именами декуріоновъ, поставлено извѣстное число именитыхъ личностей, которыя носили названіе покровителей или защитниковъ общины *(patronis civitatis)*. Таковые были въ каждой муниципіи и при томъ двоякаго рода. Во первыхъ высшіе сановники, которые съ честью прошли всѣ ступени муниципальныхъ должностей, и бывши нѣсколько разъ дуумвирами или *quinquennales*, заслужили своею дѣятельностью благодарность своихъ согражданъ. Когда не оказывалось уже такой должности, которую могъ-бы имъ дать маленькій городъ, онъ подносилъ имъ титулъ патрона, выше котораго не было почестей. Этотъ титулъ дѣлалъ ихъ безъ сомнѣнія первыми лицами въ ихъ городѣ. Другіе стояли къ муниципіи лишь въ отдаленныхъ отношеніяхъ; это были вліятельныя лица, имѣющія доступъ къ императору; они могли быть полезными въ важныхъ дѣлахъ. Послѣдняго рода патроны должны были защищать интересы города передъ центральной властью въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ угрожала какая нибудь опасность. Въ воздаяніе за услуги, которыя они оказали или которыя отъ нихъ ожидались, ихъ осыпали почестями. Постановленіе объ ихъ избраніи бывало всегда редактировано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, а для врученія его имъ отправлялось торжественное посольство. По распоряженію такого посольства, постановленіе вырѣзалось у дверей патрона [1]). Вслѣдъ за патронами, канузійскій *album* содержитъ имена дѣйствительныхъ декуріоновъ, размѣщенныхъ по степени значенія; въ концѣ стоятъ имена нѣсколькихъ молодыхъ людей *(praetextati)*, сыновей вліятельныхъ домовъ, которымъ давалось право присутствовать на засѣданіяхъ сената, чтобы получить навыкъ въ дѣлахъ къ тому времени,

[1]) Въ Римѣ найдено на мѣдныхъ пластинкахъ постановленіе городка Ferentum объ избраніи Помпонія Басса въ патроны (Orelli, 784). Этотъ экземпляръ былъ вѣроятно помѣщенъ на домѣ Басса. Впрочемъ, эти патроны не всегда бывали важными особами. Большіе города выбирали сенаторовъ или консуляріевъ; меньшіе довольствовались военными трибунами или еще менѣе значительными лицами. Извѣстны примѣры, что этотъ санъ давался женщинамъ и дѣтямъ.

когда они по возрасту будутъ въ состояніи принимать въ нихъ участіе. Это были намѣченные замѣстители званія декуріоновъ. Въ Канузіумѣ эта честь была оказана двадцати пяти юношамъ.

Въ муниципальной организаціи особенно замѣчателенъ порядокъ назначенія дуумвировъ, эдиловъ и квесторовъ. Многіе думаютъ, что со временъ Тиберія народныя комиціи были упразднены въ провинціи также, какъ въ Римѣ и что избраніе муниципальныхъ должностныхъ лицъ было предоставлено декуріонамъ, подобно тому какъ избраніе римскихъ должностныхъ лицъ принадлежало сенату и императору. Надо сознаться, что это предположеніе правдоподобно и совершенно соотвѣтствуетъ господствующимъ понятіямъ о римской имперіи. Тѣмъ не менѣе, оно неправильно и лишено всякаго основанія послѣ открытія знаменитыхъ таблицъ изъ Салпенсы и Малаги [1]). На этихъ таблицахъ начертаны законы, дорованные императоромъ Домиціаномъ вышеназваннымъ двумъ муниципіямъ. Трудно допустить, чтобы эти законы были составлены спеціально для нихъ; поэтому нужно предположить, что таковыми законами управлялись и многія другія муниципіи. Таблицы эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, какимъ порядкомъ избирались муниципальныя должностныя лица. На выборѣ предсѣдательствовалъ одинъ изъ дуумвировъ, находящихся въ должности. Кандидаты записывались заранѣе, и если оказывались не въ достаточномъ числѣ, чтобы занять всѣ имѣющіяся мѣста, то дуумвиръ дополнялъ это число, выбирая изъ самыхъ именитыхъ гражданъ города. Голосованіе происходило по куріямъ и тайно. Въ голосованіи, принимали участіе всѣ жители, даже чужестранцы, лишь бы они были римскими гражданами. Въ назначенный день каждая курія отправлялась на свое сборное мѣсто, и тутъ приступали къ выборамъ. Для обезпеченія ихъ правильности были принимаемы самыя мелочныя предосторожности. „Нужно, говорилъ законъ, чтобы близъ урны каждой куріи стояло по три гражданина данной муниципіи, но изъ другой трибы; они должны наблюдать за баллотировкой и считать голоса. Нужно, чтобы, до этого, каждый изъ этихъ трехъ поклялся, что будетъ

[1]) См. *Corp. insc. lat.*, II, 1963, и новыя таблицы, открытыя въ Осунѣ, опубликованныя въ *Ephemeris epigraphica*, II, 3. Жиро далъ переводъ и объясненіе этихъ новыхъ таблицъ въ *Journal des Savants*, 1874.

дѣйствовать законно и будетъ вести точный счетъ голосовъ. Также не слѣдуетъ препятствовать, чтобы сами кандидаты посылали людей для наблюденія за различными урнами; всѣ эти лица, которыя будутъ указаны властями, а равно и тѣ, которыя будутъ посланы кандидатами, могутъ голосовать въ тѣхъ куріяхъ, гдѣ они находятся, и ихъ голоса будутъ имѣть такое же значеніе, какъ еслибы они подали ихъ въ той куріи, къ которой они дѣйствительно принадлежатъ“. Эти предосторожности обнаруживаютъ людей, въ совершенствѣ знакомыхъ со всѣми обычаями всеобщаго голосованія. Далѣе законъ также подробно указываетъ, какимъ образомъ считать голоса въ каждой трибѣ, и кого нужно избрать, если нѣсколько кандидатовъ получатъ одинаковое число голосовъ; наконецъ, законъ предписываетъ, чтобы одержавшій верхъ надъ другими, представивъ достаточныя гарантіи отвѣтственности за городскіе финансы, которыми ему предстоитъ распоряжаться, передъ собравшимся народомъ поклялся „Юпитеромъ“, божественнымъ Августомъ, божественнымъ Клавдіемъ, божественнымъ Веспасіаномъ, божественнымъ Титомъ, геніемъ императора Домиціана и богами Пенатами, что онъ исполнитъ все, что повелѣваетъ ему сдѣлать законъ общины, и никогда не нарушитъ его предписанія“. Послѣ произнесенія этой присяги, его торжественно провозглашаютъ чиновникомъ муниципіи.

Такъ жители муниципій себѣ въ правители избирали при Домиціанѣ тѣхъ, кого они желали. Такія сцены комицій и народныхъ собраній, о которыхъ въ Римѣ остались лишь отдаленныя воспоминанія, были живою дѣйствительностью на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ его стѣнъ. Лестно было состоять должностнымъ лицомъ, даже въ какомъ нибудь забытомъ городишкѣ; обитатели этого городишка преизводили выборы свободнымъ голосованіемъ. Поэты совершенно неправы, съ такимъ презрѣніемъ разсказывая о бѣдныхъ преторахъ въ Фунди и объ оборванныхъ эдилахъ въ Улубрахъ [1]); все-же больше чести было быть избранникомъ своихъ согражданъ даже въ Фунди и въ Улубрахъ, чѣмъ заслужить избраніе въ императоры, носящіе имя Тиберія или Нерона. Вотъ, почему муниципальныя должности

[1]) Горацій, *Sat.*, I, 5, 34. Ювеналъ; X, 102.

были предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Разгоралось тщеславіе, завязывалась ярая борьба. Римляне, охотники посмѣяться, называли эти сцены выборовъ—бурями въ стаканѣ воды, *fluctus in simpulo* [1]).

Дѣйствительно это были бури. Порою въ дѣло вмѣшивалась интрига, и отношенія партій такъ обострялись, что, за невозмпжностью прійти къ соглашенію, приходилось испрашивать у императора то должностное лицо, которое не могли замѣстить путемъ выборовъ.

Въ Помпеѣ остались очень любопытные слѣды такой избирательной горячки. За неимѣніемъ газетъ, гдѣ бы можно было расхваливать своего кандидата или нападать на чужого, выраженія симпатіи и антипатіи писались наивно на стѣнахъ. Это было такъ общепринято, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ домовладѣльцы должны были защищать бѣлизну своихъ домовъ противъ наплыва избирательныхъ афишъ. „Прошу, говоритъ одинъ, не писать здѣсь ничего“.—„Горе кондидату, чье имя будетъ написано на этой стѣнѣ! пусть онъ никогда не имѣетъ удачи!“ [2]) Надо думать, что помпейскіе домовладѣльцы были покладливѣе [3]), потому что тамъ найдено весьма большое количество подобныхъ афишъ на домахъ, и каждый день открываются новыя. Формулы не особенно разнообразны: всегда въ нихъ цѣлая корпорація или частный человѣкъ рекомендуетъ избирателямъ голосовать за своего любимца. Иногда они попросту излагаютъ свою просьбу: „Прошу васъ провозгласить эдиломъ А. Веттія Фирма; Феликсъ желаетъ этого“.—„Фруктовые торговцы желаютъ имѣть дуумвиромъ Голконія Приска“. Иногда авторы надписей имѣютъ рѣшительный видъ людей, знающихъ себѣ цѣну и увѣренныхъ, что ихъ примѣръ увлечетъ многихъ: „Фирмъ голосуетъ за Марка Голконія. — Рыбаки провозглашаютъ Попидія Руфа“. Они не забываютъ упомянуть о добродѣтеляхъ того, кого они предлагаютъ. Они всегда утверж-

[1]) Циц., De leg., III. 16.

[2]) Orelli, 6976.

[3]) Были, однако, и въ Помпеѣ люди, которыхъ раздражала эта манія писать на стѣнахъ; одинъ изъ нихъ выразилъ свое неудовольствіе слѣдующимъ двустишіемъ:

Admiror, o paries, te non cecidisse ruinis
Qui tot scriptorum taedia sustineas.

Corp. insc. lat., IV. 1904.

даютъ, что тотъ и уменъ, и честенъ, и вообще достоинъ сана, котораго онъ проситъ, что онъ рожденъ на благо республики и т. д. „Мы всѣхъ кандидатовъ называемъ честными людьми“, говоритъ Сенека. Таковъ былъ обычай, и эти пристрастныя похвалы никого не обманывали. Въ Помпеѣ чуть не у каждаго человѣка есть свой кандидатъ, котораго тотъ и указываетъ. Встрѣчаются кандидаты пирожниковъ, поваровъ, садовниковъ, торговцевъ соленіями, земледѣльцевъ, погонщиковъ, шерстобитовъ и, что еще удивительнѣе, игроковъ въ мячъ и гладіаторовъ. Есть кандидаты школьныхъ учителей, которые не всегда ограждены своей профессіей отъ промаховъ и орѳографическихъ ошибокъ [1]). Наконецъ есть кандидаты отъ женщинъ, которыя присоединяются къ мужьямъ или къ дѣтямъ или даже отваживаются указывать и сами по себѣ то должностное лицо, которое онѣ предпочитаютъ иногда въ очень рѣшительномъ тонѣ: *Hilario cum sua rogat. — Sema cum pueris cupit. — Fortunata cupit. — Animula facit* и т. д. Очевидно, женщины не голосовали въ Помпеѣ, также какъ и гладіаторы; тѣмъ не менѣе онѣ имѣли симпатіи къ опредѣленнымъ кандидатамъ и присваивали себѣ право рекомендовать ихъ законнымъ избирателямъ [2]).

Если въ Помпеѣ и въ другихъ мѣстахъ изъ за муниципальныхъ должностей шла такая борьба, то это отнюдь не ради ихъ прибыльности. Никто изъ чиновниковъ жалованья не получалъ; напротивъ, они сами платили, чтобы быть избранными. Разница въ этомъ отношеніи между ними и нашими чиновниками очень ясно выступаетъ изъ того, какой смыслъ, имѣло слово *гонораръ* тогда, и какой оно имѣетъ теперь у насъ. Въ настоящее время оно обозначаетъ вознагражденіе, получаемое должностнымъ лицомъ за свои труды; тогда это была сумма денегъ, которую давалъ избираемый въ признательность за честь, оказываемую избраніемъ, *honoraria summa*. Эта сумма,

[1]) *Corp. insc. lat.*, IV, 698. *Valentinus cum discentes suos rogat.*

[2]) Г. Генценъ (Henzen) думаетъ, что эти избирательныя афиши писались не столько по непосредственному желанію гражданъ, сколько по желанію самихъ кандидатовъ, которые этимъ способомъ хотѣли подогрѣть усердіе избирателей. Нѣкоторые изслѣдователи этихъ афишъ считали возможнымъ признать, что всѣ онѣ принадлежатъ одной рукѣ. Безъ сомнѣнія существовали избирательные каллиграфы, которые въ нужное время являлись къ услугамъ всѣхъ кандидатовъ. См. *Corp. insc. lat.*, IV, p. 10.

измѣняющаяся смотря по значительности города [1]), была еще наименьшею изъ тѣхъ издержекъ, какія влекло за собою вступленіе въ ту или иную должность. Отъ того, кто получилъ голоса своихъ согражданъ, требовалось еще много другаго. Наименѣе богатые въ самыхъ жалкихъ муниципіяхъ угощали своихъ избирателей кипяченымъ виномъ и пирогами. Съ утра до вечера бѣдняки имѣли право пировать на счетъ своихъ эдиловъ или дуумвировъ. „Другъ, говоритъ одна надпись, требуй вина и пироговъ, тебѣ будутъ давать ихъ до шестого часа. Пеняй на себя, если ты придешь слишкомъ поздно“ [2]). Съ декуріонами обращались, конечно, лучше, чѣмъ съ черню. Этихъ приглашали на публичный пиръ, а согражданамъ ихъ доставляли случай видѣть церемонію ихъ обѣда. Но иногда такая щедрость распространялась и на весь народъ, и въ концѣ угощенія производилась раздача денегъ, въ которой всѣ принимали участіе: каждый получалъ смотря по тому, какое положеніе онъ занималъ въ городѣ. Декуріонамъ давали 20 сестерцій (4 фр.), членамъ извѣстныхъ религіозныхъ и коммерческихъ ассоціацій *(augustales, mercuriales)*—10 сестерцій (2 фр.), а всѣмъ остальнымъ гражданамъ 8 сестерцій (1,6 фр.) [3]). Но болѣе всего дорожилъ народъ всякаго рода играми, на которыя нужно было давать средства. Приходилось устраивать скачки, борьбу атлетовъ, бой гладіаторовъ, или даже всѣ эти зрѣлища заразъ. Въ моменты выборовъ, повидимому, первою обязанностью богатаго человѣка считалось, чтобы онъ даже разорился на угощеніе и развлеченіе своихъ согражданъ.

Однако подобной щедрости было еще недостаточно, чтобы затмить своихъ соперниковъ и удовлетворить избирателей. Народъ требовалъ, чтобы къ этимъ пирамъ, къ этимъ праздникамъ присоединены были благодѣянія болѣе прочныя и серьезныя: въ большинствѣ случаевъ сановникъ предпринималъ на свой счетъ какія нибудь общественныя работы. То онъ строилъ или исправлялъ дороги на протяженіи нѣсколькихъ миль; если онъ при этомъ вымащивалъ ихъ новыми камнями, а не остатками отъ старыхъ разрушенныхъ построекъ, то онъ объ этомъ заявлялъ съ особымъ подчеркиваньемъ [1']); то онъ проводилъ воду въ свою муниципію; водопроводы прокладывались по улицамъ и площадямъ и за извѣстную періодическую плату даже въ частныхъ домахъ [2']). Чаще всего вновь избранный сановникъ бралъ на себя постройку или реставрацію какого нибудь памятника; самые красивые памятники, которые только были открыты въ Помпеѣ,—напр. храмы Фортуны и Изиды, портики и театръ, были построены простыми обывателями. Одна надпись въ Остіи сообщаетъ, что такой-то сановникъ, независимо отъ общественныхъ угощеній, раздачи денегъ и всевозможныхъ зрѣлищъ, единственно на свой счетъ вымостилъ длинную улицу, построилъ или исправилъ пять храмовъ, воздвигнулъ на рынкѣ массивное зданіе, гдѣ хранились общественные вѣсы, а на форумѣ соорудилъ мраморную трибуну [3']).

Вѣроятно и въ другихъ муниципіяхъ имперіи было тоже, что и въ Помпеѣ и въ Остіи; для богатыхъ гражданъ повсюду считалось дѣломъ чести украшать тотъ городъ, который избралъ ихъ въ сановники. Большая часть памятниковъ, украшавшихъ тогда провинціи и отъ которыхъ остались такія чудныя развалины, были воздвигнуты такимъ образомъ, безъ всякихъ затратъ со стороны государства и муниципіи. Императоры всѣми силами поощряли такого рода щедрость. Римляне очень любили пышность во всѣ времена: вкусъ ко всему блестящему и представительному былъ одною изъ чертъ ихъ характера, но императорское правительство дорожило этимъ еще больше, чѣмъ республика. Какъ извѣстно, монархическій режимъ даже характеризуется особымъ влеченіемъ къ помпѣ и блеску. Противъ тѣхъ, которые покупали старинныя зданія, чтобы разрушать ихъ и извлекать прибыль изъ матеріаловъ, издавались суровые законы. Особенно горячо преслѣдуя то, что называлось постыдной и кровавой торговлей *(foedum, cruentum genus negotiationis)*, эти законы не только стараются охранять слѣды прошлаго, они главнымъ образомъ стремятся убрать съ глазъ долой развалины, которыя могли бы навести

[1]) Въ африканскомъ городкѣ Каламѣ гонораръ за самыя высокія должности повидимому былъ 3000 сестерцій (600 франковъ).
[2]) Orelli, 7083: mulsum, crustula, municeps, petenti in sextam tibi dividentur horam. De te tardior aut piger querere.
[3]) Orelli, 3858.

[1']) Orelli. 3316: silicibus e montibus excisis non e dirutis monumentis.
[2']) Orelli, 5326.
[3']) Orelli, 3882.

недоброжелателей на мысль, что для счастья имперіи чего-то недостаетъ. Всѣ эти памятники, такъ ревниво оберегаемые отъ разрушенія, какъ бы доказывали, что люди среди нихъ—благоденствуютъ [1]). Вотъ почему они такъ ревностно и сохранялись. Послѣ страшныхъ общественныхъ кризисовъ, какъ только имперія могла вздохнуть въ безопасности, первою заботой новаго государя было исправленіе старыхъ зданій, пострадавшихъ во время безпорядковъ, и сооруженіе новыхъ. Такъ поступали одинъ за другимъ Августъ, Веспасіанъ и Нерва; послѣдній произнесъ даже рѣчь, которую Плиній находилъ прекрасной, чтобы побудить всѣхъ къ щедрости; онъ самъ подавалъ въ этомъ примѣръ [2]). Богачи подражали государю; они усердно прибѣгали къ этому дорого стоющему, но вѣрному средству, чтобы завоевать расположеніе своихъ согражданъ и милость властелина. Такимъ образомъ мало по малу вся имперія покрылась множествомъ цѣнныхъ памятниковъ. Удивленіе, которое они намъ внушаютъ, еще болѣе возрастаетъ, если вспомнить, что они общественной казнѣ, въ большинствѣ случаевъ, ничего не стоили, а построены частными лицами. Съ большихъ городовъ брали примѣръ и ничтожные поселки; деревни, окружающія Верону или Нимъ старались воспроизводить памятники послѣднихъ, подобно тому, какъ Нимъ и Верона копировали памятники Рима. Повсюду строились театры, храмы, водопроводы. Одна надпись сообщаетъ намъ про маленькій городокъ въ Апеннинахъ, имя котораго не встрѣчается ни у одного географа ни древняго, ни новаго, что онъ одновременно исправилъ и свою цементную стѣну, и портикъ, и храмъ [3]). Тайна этой удивительной для насъ роскоши заключается именно въ томъ, что всѣ содѣйствовали ей: полезныя работы и дорогія постройки не возлагались исключительно на государство и на общину, большую часть ихъ брали на себя частныя лица. Они тратили свои громадныя состоянія, чтобы оставить неизгладимыя воспоминанія о томъ времени, когда они исправляли общественныя должности; каждый хотѣлъ отличиться передъ другими, и это соревнованіе оказывалось выгодно всѣмъ.

[1]) Orelli, 315: *monumenta quibus felicitas orbis terrarum splendet.*
[2]) Плиній, *Epist.*, X, 24.
[3]) Orelli, 3570.

Но хотя муниципальные сановники принимали на себя и громадныя издержки, все же обезоружить недовольныхъ имъ удавалось далеко не всегда. Сколько они ни старались кормить и веселить своихъ согражданъ, сколько ни воздвигали великолѣпныхъ зданій, все же находились люди, которые всегда жаловались. Щедроты какого нибудь эдила или дуумвира они сравнивали съ щедротами сановниковъ, которые были до нихъ. Сколько ни старались ихъ удовлетворить, они всегда находили, что вино и пироги недостаточно вкусны, что гладіаторовъ слишкомъ мало, что зданія не вполнѣ великолѣпны. Ради нихъ раззорялись, но удовлетворить ихъ все же было нельзя, и они не стѣснялись высказывать свое недовольство. Въ лубрахъ найдена надпись, содержащая имя должностного лица, а рядомъ съ нею, но другой рукой, высѣчены слѣдующія слова: „это жуликъ“ [1]). Въ сатирѣ Петронія есть очень забавное изображеніе одного изъ такихъ недовольныхъ людей въ маленькомъ городкѣ. Портретъ списанъ съ натуры, и до сего дня еще не потерялъ жизненности. Человѣкъ этотъ обвиняетъ власть во всемъ, что съ нимъ случается, иногда не безъ основанія, а иногда и ошибочно,—смѣшивая причины и слѣдствія, и тѣхъ, кто исполняетъ, съ тѣми, кто приказываетъ. Дорогъ ли хлѣбъ, трудно ли живется, дурна ли погода, сухо ли, мокро ли, — все это вина эдила или дуумвира; они сговорились съ поставщиками, они продаютъ барышникамъ, они пренебрегаютъ молитвами или процессіями; однимъ словомъ, это воры и нечестивцы. „Пусть бы мнѣ попались, говоритъ сотрапезникъ Трималхіона на своемъ народномъ нарѣчіи, эти жалкіе эдилы, которые за одно съ булочниками сговариваются морить насъ голодомъ. Тебѣ и мнѣ!—говорятъ они между собой, а бѣдные маленькіе люди страдаютъ, тогда какъ ихъ огромныя челюсти всегда веселятся. Отчего у насъ сановники уже не тѣ львы, которыхъ я засталъ здѣсь, пріѣхавъ? Вотъ когда хорошо жилось! Я помню Сафинія,—знаете, того, что жилъ близъ старой тріумфальной арки... Надо было видѣть, какъ онъ не церемонился со своими коллегами въ куріи, какъ онъ рѣзалъ имъ правду въ глаза безъ околичностей! Когда онъ ораторствовалъ на форумѣ, его голосъ становился

[1]) Orelli, 4942.

силенъ, какъ труба. А все таки онъ со всѣми учтиво здоровался; онъ всѣхъ называлъ по имени; когда онъ съ тобой говорилъ, можно было подумать, что это такой же бѣднякъ, какъ нашъ братъ.—Вотъ отчего и хлѣбъ въ тѣ времена чуть не даромъ отдавали. За одинъ ассъ можно было купить такой большой хлѣбъ, что два человѣка едва могли прикончить его, а теперь намъ продаютъ хлѣбы меньше бычачьяго глаза. День ото дня все идетъ хуже. — Это мы виноваты; зачѣмъ мы взяли себѣ негоднаго эдила, который насъ всѣхъ готовъ продать за ассъ? Онъ себѣ пируетъ дома, онъ беретъ со всѣхъ; мнѣ извѣстенъ субъектъ, кто далъ ему тысячу динаріевъ. Ахъ, еслибъ у насъ хватило духу, онъ бы посбавилъ гордости; но вѣдь дома мы храбры, какъ львы, а на улицѣ трусливы, какъ лисицы. Я ужъ проѣлъ всѣ свои пожитки; если такъ дальше пойдетъ, придется продать свою лавку [1]".

Впрочемъ, недовольныхъ было меньшинство. Города принимали обыкновенно съ благодарностію щедроты своихъ сановниковъ; многія надписи свидѣтельствуютъ, что эта благодарность высказывалась часто съ большимъ энтузіазмомъ. Горожане получали хорошіе обѣды и пышныя зрѣлища, а отплачивали за нихъ почестями и комплиментами. Такого щедраго сановника осыпали похвалами до самой смерти; когда онъ умиралъ, ему устраивали публичныя похороны, при которыхъ часто сжигали до десяти фунтовъ благовоній, а семья его получала въ подарокъ нѣсколько футовъ муниципальной земли около какой-нибудь большой дороги для постройки его гробницы. Порою благодарность шла еще дальше. Когда какой нибудь дуумвиръ или *quinquennalis* проявлялъ изъ ряда выходящую щедрость, декуріоны собирались въ храмѣ и здѣсь постановляли воздвигнуть щедрому сановнику конную статую; въ то же время народъ собирался на форумъ и рѣшалъ поставить пѣшую статую [2]). Оба эти голосованія сопровождались гиперболическими похвалами; такіе декреты составлялись въ пышныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ, какими любили выражаться въ маленькихъ городишкахъ не хуже, чѣмъ въ римскомъ сенатѣ. Но и въ этихъ случаяхъ опять таки страдалъ кошелекъ несчастнаго

[1]) Петроній. Sat, 44.
[2]) Orelli, 3856.

сановника. Въ обычаѣ было, чтобы онъ, оставаясь великодушнымъ до конца, отказался отъ щедротъ муниципіи; осчастливленный честью, которую ему оказывали, онъ не допускалъ своихъ согражданъ до издержекъ *honore contentus, impensam remisit*, была употребительная формула. Это значило, что онъ воздвигалъ обѣ статуи на свой счетъ и такимъ образомъ воздавалъ почести самъ себѣ; затѣмъ, когда наступалъ день освященія статуй, нельзя было обойтись безъ публичныхъ угощеній и великолѣпныхъ празднествъ для декуріоновъ и для народа, которые такимъ образомъ, не истративъ ни гроша, имѣли возможность проявить свою признательность и даже извлечь изъ нея нѣкоторую выгоду.

Но, спрашивается, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было такъ упорно домогаться столь дорого стоющихъ почестей? — Чтобы понять это, нужно знать, какъ люди тогда были привязаны къ своимъ роднымъ городишкамъ, въ которыхъ протекала вся ихъ жизнь. Въ тѣ времена сношенія были не такъ легки и горизонтъ ограниченнѣе, чѣмъ теперь, и поэтому привязанность не такъ разбрасывалась. Естественно, что чувство любви болѣе всего сосредоточивалось на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣку приходилось прожить весь свой вѣкъ. Если стоики называли себя гражданами всего міра, то они дѣлали это только въ силу философской абстракціи; теперь мы безъ труда дѣлаемся таковыми, благодаря легкости путешествій и быстротѣ сообщеній, связывающихъ между собою всѣ народы. Наша жизнь чрезвычайно растянулась въ ширь. Мы оставляемъ частичку ея въ посѣщаемыхъ нами странахъ: понятно, что ея остается нѣсколько менѣе для той страны, гдѣ мы родились. Когда кое что почитаешь, кое что увидишь, сейчасъ же возникаютъ сравненія, а ничто такъ не портитъ удовольствій, которыя случается испытывать, и мѣстности, гдѣ приходится жить, какъ мысль объ удовольствіяхъ, которыя пережиты только въ мечтахъ, или о странахъ, которыя промелькнули передъ нами во время путешествій.

Въ древности, когда люди охотнѣе сидѣли на мѣстѣ, всѣ воспоминанія, вся привязанность сосредоточивалась на одномъ городѣ. Его любили тѣмъ горячѣе, что нечего было любить, кромѣ него. Даже тѣ, которыхъ честолюбіе заставляло покинуть родной городъ и искать карьеры въ Римѣ, не забывали его. Цицеронъ, будучи уже сенато-

ромъ и консуларіемъ, съ нѣжной заботливостью занимался дѣлами маленькой муниципіи, откуда произошла его семья. Къ концу своей жизни онъ говорилъ своему другу, Аттику, указывая на Арпинумъ: „Вотъ мое настоящее отечество и отечество моего брата; здѣсь мы родились отъ старинной семьи; здѣсь живутъ наши домашніе боги и воспоминанія нашихъ предковъ. Видишь этотъ домъ: его построилъ мой отецъ, въ немъ онъ жилъ, предаваясь научнымъ занятіямъ. На этомъ самомъ мѣстѣ нѣкогда стоялъ другой, меньше и проще, похожій на домъ Курія у Сабинянъ; мой прадѣдъ жилъ въ немъ, когда я родился. Поэтому-то, всякій разъ, когда я увижу эту страну, въ глубинѣ моей души просыпается, не знаю, какое то тайное чувство, которое дѣлаетъ мнѣ ее милѣе всѣхъ другихъ [1]). Еще съ большею нѣжностью относился человѣкъ къ своей муниципіи, какая бы она ни была маленькая и ничтожная, если онъ ее никогда не покидалъ, если все честолюбіе его ограничивалось скромными должностями, которыя она могла ему предоставить. Ему лестно было пользоваться въ ней почетомъ и популярностью, пріобрѣсти громкое имя среди своихъ согражданъ—было его счастьемъ. Жители Рима охотно смѣялись надъ сановниками мелкихъ городковъ и надъ ихъ величественною осанкой; но это не уменьшало ихъ гордости, когда они подобно консуламъ, проходили по улицамъ, одѣтые въ претэксту и латиклавъ. Даже простой *sevir* августальской ассоціаціи, т. е. нѣчто вродѣ предсѣдателя филантропическаго общества, считалъ себя важной особой, когда онъ былъ одѣтъ въ свою бѣлую одежду, а передъ нимъ шелъ его ликторъ [2]). Если въ большихъ городахъ такъ сильно желаніе быть въ первомъ ряду, имѣть больше значенія, чѣмъ другіе, то въ маленькихъ городкахъ оно, пожалуй, еще сильнѣе. Такъ какъ здѣсь всѣ понимаютъ толкъ въ отличіяхъ, то они доставляютъ болѣе осязательныя радости. Къ удовольствію господства, власти присоединяется удовлетворенное чувство, вызываемое сознаніемъ, что кругомъ тебѣ завидуютъ. Это удовлетвореніе покупалось тогда довольно дорого; но извѣстно, что тщеславіе не жалѣетъ издержекъ.

Впрочемъ, не одно тщеславіе влекло людей къ муниципальнымъ

1) *De leg.*, II, 1.
2) Петроній, *Sat.*, 65.

должностямъ,—онѣ доставляли болѣе серьезныя преимущества. Для честолюбцевъ, мечтавшихъ о великой роли, эти должности служили первымъ этапомъ по пути къ дальнѣйшимъ почестямъ. Кто былъ первымъ въ своей муниципіи, тотъ могъ играть роль и въ государствѣ. Ничто не мѣшало сыновьямъ какого нибудь дуумвира маленькаго городка, въ какой бы странѣ они ни родились, питать самыя широкія надежды. Кто чувствовалъ влеченіе и способность пойти далѣе своихъ отцовъ, могъ попытать удачу и часто достигалъ ея. Онъ могъ быстро сдѣлать карьеру въ легіонахъ, особенно, если принадлежалъ къ какому нибудь старинному и уважаемому роду. Если онъ былъ храбръ и уменъ, то становился военнымъ трибуномъ. Отсюда была прямая дорога къ гражданскимъ и финансовымъ должностямъ; можно было сдѣлаться *прокураторомъ* Цезаря или занять административную должность въ провинціяхъ. Такимъ образомъ, напр., Ноній Бальбъ, именемъ котораго полны надписи Геркуланума, а статуями улицы, впослѣдствіи управлялъ Критомъ и Керенаикой. Болѣе счастливые достигали консульства, какъ напр. Агрикола, происходившій изъ колоніи *Frejus*; были и такіе, которые стали императорами, напр. испанецъ Траянъ и африканецъ Северъ.

Итакъ состояніе муниципій въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. было цвѣтущее; и въ общемъ онѣ ничего не потеряли съ водвореніемъ имперіи. Населеніе провинцій и раньше не пользовалось тѣми правами, которыя императоры отняли у населенія Рима. Римскимъ гражданамъ, жившимъ въ Помпеѣ, легко было перенести уничтоженіе комицій на Марсовомъ полѣ, въ которыхъ они по дальности разстоянія все равно не могли принимать участіе. Древніе народы не имѣли понятія о томъ, что теперь называется представительнымъ правленіемъ, при которомъ отъ ничтожнѣйшаго поселка до столицы государства, всѣ равно участвуютъ въ государственномъ управленіи черезъ своихъ выборныхъ [1]).

Такія сложныя системы были тогда неизвѣстны. Только одни граждане Рима могли участвовать въ верховномъ управленіи госу-

1) Повидимому Августъ думалъ установить нѣчто вродѣ представительнаго режима. Светоній сообщаетъ, что онъ позволилъ декуріонамъ италійскихъ городовъ присылать въ Римъ свои голоса запечатанными. Ихъ должны были распечатывать въ день комицій и принимать въ разсчетъ при выборахъ (Свет., *Aug.*, 46), но неизвѣстно, пользовались ли когда нибудь декуріоны этимъ позволеніемъ.

дарства, утверждать законы, избирать должностныхъ лицъ, поэтому они одни только и испытывали тиранію цезарей. Республика не нашла средства заинтересовать жителей провинціи въ центральномъ управленіи; естественно, что они остались равнодушны къ ея паденію. Такъ какъ и въ періодъ имперіи провинціи сохранили муниципальную независимость и право избранія мѣстныхъ должностныхъ лицъ, то онѣ едва замѣтили измѣненіе политическаго строя; или скорѣе измѣненіе это коснулось ихъ только благодѣтельными своими сторонами. При новомъ правленіи провинціи не подвергались такимъ политическимъ безпорядкамъ, были болѣе увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, а безопасность дала имъ богатство. Такимъ образомъ въ тѣхъ статуяхъ и храмахъ, которые повсюду воздвигались императорамъ умершимъ или живымъ, было меньше лести, чѣмъ это принято думать. Провинціи чтили императоровъ какъ верховную власть, предъ которой умолкала вражда партій и которая дала возможность всѣмъ у себя дома мирно пользоваться своею свободой и своимъ достояніемъ. Всѣ императоры были одинаково чтимы въ провинціяхъ, потому что всѣ они оказывали имъ тѣ же услуги. Какъ дурные, такъ и хорошіе государи одинаково поддерживали общественное спокойствіе. Какой нибудь городокъ въ Галліи или въ Испаніи не страдалъ отъ ихъ безумствъ: до него едва доходилъ слухъ о нихъ [1]); онъ видѣлъ въ императорѣ только власть, покровительствующую его муниципальнымъ привилегіямъ, и не желалъ ея паденія.

IV.

Римъ. — Какъ римляне приняли водвореніе имперіи. — Начало царствованія Августа. — Возникновеніе оппозиціи.

Мы только что видѣли, что ни въ войскахъ, ни въ провинціяхъ, ни въ муниципіяхъ имперія не находила систематической оппозиціи; съ перваго взгляда кажется, что таковой не было и въ столицѣ. Если

[1]) Когда Филонъ былъ отправленъ посломъ отъ Іудеи къ Калигулѣ (Филонъ *Leg.*, 9), тамъ еще не слышали о жестокостяхъ Тиберія, и его царствованіе считали такимъ же счастливымъ, какъ царствованіе Августа. «Хорошіе государи, говоритъ Тацитъ, дѣлаютъ добро всему міру, дурные дѣлаютъ зло особенно вокругъ себя» (*Hist.*, IV, 74).

держаться въ нѣкоторомъ разстояніи и только издалека прислушиваться къ голосамъ раздающимся въ Римѣ, то слышишь одинъ хоръ похвалъ. Всѣмъ государямъ, худшимъ также, какъ и лучшимъ, воздается неизмѣнно одинаковое поклоненіе. Сенатъ истощается въ усиліяхъ, чтобы придумать въ честь ихъ новую лесть; великія жреческія коллегіи во всѣхъ своихъ молитвахъ упоминаютъ имя императора, каково бы оно ни было; когда императоръ уѣзжаетъ изъ города, вездѣ воздвигаются алтари *фортунѣ возвращенія;* какъ только онъ захвораетъ, повсюду даются обѣты Сильвану или Эскулапу. Въ циркѣ, въ театрѣ народъ осыпаетъ его криками одобренія. Самые именитые граждане толпятся на скатахъ Палатинскаго холма, чтобы привѣтствовать его при пробужденіи. Повсюду ему ставятся статуи, ему строятъ тріумфальныя арки, его именемъ называются мѣсяцы года, на обратной сторонѣ его монетъ чеканятъ изображеніе всеобщаго счастья. Знаменитые поэты осыпаютъ его самыми преувеличенными комплиментами. Причисливъ Августа при его жизни къ созвѣздіямъ, Вергилій возвѣщаетъ, что Скорпіонъ нѣсколько сжался, чтобы дать мѣсто новому свѣтилу. Луканъ совѣтуетъ Нерону, когда онъ будетъ богомъ, стать какъ разъ посрединѣ неба: а то, если онъ будетъ слишкомъ давить на одну изъ сторонъ небеснаго свода, ось міра согнется подъ тяжестью такого великаго государя, и равновѣсіе вещей нарушится. Марціалъ совершенно серьезно вопрошаетъ, обладалъ ли когда нибудь Римъ большей славой и свободой, чѣмъ при Домиціанѣ. Судя по одному оффиціальному энтузіазму, можно подумать, что всѣ эти люди въ высшей степени счастливы; общее довольство повидимому не оставляетъ мѣста ни малѣйшей жалобѣ.

Одно время этотъ энтузіазмъ былъ дѣйствительно искреннимъ. Намъ кажется, нельзя отрицать, что, въ первые блестящіе годы, слѣдовавшіе за побѣдой при Акціумѣ, имперія встрѣтила хорошій пріемъ не только въ народѣ, который способствовалъ ея побѣдѣ, но и въ самой аристократіи, которая вначалѣ боролась съ нею. Всѣ эти знатные господа, неосмотрительно взявшіеся было за оружіе, по словамъ Катона, болѣе дорожили своими живорыбными садками, чѣмъ судьбой республики; молодые аристократы, отправляясь въ лагерь Помпея, думали, какъ французскіе эмигранты 190 года, что уѣзжаютъ

лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, и всюду говорили, что вернутся осенью ѣсть тускуланскіе финики, а гроза междуусобной войны продержала вдали отъ родины и отъ привычныхъ удовольствій долгіе и долгіе годы. Поэтому то всѣ они были отъ души признательны Августу, который позволилъ имъ безопасно возвратиться по домамъ, вернулъ имъ ихъ дворцы на Цѳлійскомъ и Квиринальскомъ холмѣ, ихъ Пренестскія и Тибурскія виллы, представленія въ театрѣ и циркѣ, прогулки въ портикахъ, вечернія гулянія по Марсову полю, блестящія весеннія празднества въ Байяхъ. Взрывъ благодарности и энтузіазма встрѣтилъ молодого Августа, который послѣ столь безпокойныхъ лѣтъ водворилъ миръ на землѣ. „Это богъ, твердили всѣ вслѣдъ за Вергиліемъ, и каждый мѣсяцъ новая жертва будетъ закалываема на его алтарѣ". Благодаря добротѣ этого божества, которое освободило гражданъ отъ ихъ обязанностей, оставалось думать лишь о покоѣ и радостяхъ. Какъ часто случается послѣ великихъ кризисовъ, грозившихъ опасностью всему обществу, люди беззавѣтно отдавались блаженству существованія и съ жадностью упивались тѣми благами, которыхъ они такъ долго были лишены. Такъ было и здѣсь: тотъ свѣтскій кругъ, для котораго Овидій былъ любимымъ поэтомъ, для котораго онъ написалъ *Ars amandi*, всецѣло отдавался радостямъ настоящаго; эти свѣтскіе люди не сожалѣли ни о чемъ прошломъ и отъ всей души благодарили того, кто возвратилъ имъ ихъ удовольствія.

Но вообще довольство продолжалось недолго. Какъ бы весело ни жилось, удовольствія въ концѣ концовъ начинаютъ тяготить, а миръ надоѣдаетъ; нѣтъ ничего утомительнѣе на свѣтѣ, какъ долгій покой. По мѣрѣ того, какъ отдалялся громъ междоусобныхъ войнъ, уменьшалась и благодарность къ Августу, который водворилъ миръ и спокойствіе въ имперіи. Новое поколѣніе, рожденное послѣ битвы при Филиппахъ, не пережившее проскрипцій, находило меньше прелести въ общественномъ спокойствіи, такъ какъ оно никогда не переставало имъ пользоваться. Все это были неглупые люди, которые, едва отдышавшись отъ своего страха, возвратились къ своимъ естественнымъ инстинктамъ, и вновь начали фрондировать и злословить,—недостатокъ, отъ котораго они никогда не исправились. Имперія захватила общество въ моментъ самаго широкаго развитія образованности; литература и искусство были во всемъ блескѣ; такія условія неблагопріятствовали установленію цезарей. Чтобы терпѣть ее безъ ропота, чтобы одобрять всѣ ея рѣшенія, нужно совершенно отказаться отъ собственнаго сужденія, а этой добродѣтели просвѣщенные люди достигаютъ не безъ труда. Ничто такъ не поддерживаетъ деспотизмъ, какъ невѣжество; напротивъ, литературныя занятія развиваютъ извѣстную независимость мысли, а, чѣмъ развитѣе умы, тѣмъ они подвижнѣе, требовательнѣе, тѣмъ труднѣе ими управлять. Къ тому же Августъ становился старъ; несчастье не разъ поражало его семью, его дѣти умерли, его оружіе не всегда было побѣдоносно; однимъ словомъ, престижъ первыхъ лѣтъ палъ. Люди устали удивляться и принялись критиковать и жаловаться. Что подобныя жалобы оказывали дѣйствіе на общественное мнѣніе, доказываютъ попытки заглушить ихъ; если Августъ, который до сихъ поръ пренебрегалъ выраженіями недовольства, перестатъ уже быть терпимымъ,—значитъ онъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе они произвели на публику. Тотъ день, когда онъ почувствовалъ необходимость прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ противъ недовольныхъ, можно считать днемъ рожденія оппозиціи: онъ попытался по крайней мѣрѣ помѣшать ея росту; онъ обнародовалъ строгій законъ противъ письменныхъ диффамацій, онъ изгонялъ авторовъ и сжигалъ книги [1]). Хотя эти строгости, и не имѣли результата, но ихъ важно отмѣтить, потому что онѣ точно указываютъ намъ моментъ, когда въ изящномъ свѣтскомъ кругу Рима началась противъ цезарей оппозиція, которой суждено было прожить столько же, сколько жили сами Цезари.

[1]) Діонъ, IV 10. Сенека. *Controv.*, V.

ГЛАВА II.

Оппозиція свѣтскихъ людей.

I.

Цезаризмъ.—Современники въ принципѣ не признаютъ его деспотическимъ режимомъ.—Какимъ образомъ онъ часто становился таковымъ.—Цезаризмъ скорѣе плохо ограниченъ, чѣмъ не ограниченъ.—Опасности, проистекавшія изъ отсутствія опредѣленныхъ границъ власти цезарей.—Оппозиція причастна къ недостаткамъ правительства.—Оппозиція не выражалась открыто и не вылилась ни въ какую политическую корпорацію.

Мы видѣли, что недовольные были только въ Римѣ. Постараемся узнать, чего они хотѣли, что они порицали, какимъ образомъ, въ какой формѣ выражались ихъ жалобы и желанія. А для этого нужно вспомнить, какой характеръ имѣла императорская власть въ Римѣ: исходя отсюда, мы поймемъ характеръ оппозиціи.

Точно опредѣлить понятіе, называемое *цезаризмомъ*, не такъ легко, какъ кажется. Слово это весьма распространено, оно раздается постоянно при политическихъ столкновеніяхъ въ Европѣ, но, намъ кажется, правильнаго понятія объ этомъ предметѣ не существуетъ. Подъ словомъ „цезаризмъ" обыкновенно представляютъ себѣ нѣчто вродѣ демократическаго деспотизма, т. е. такое абсолютное правительство, гдѣ именемъ народа правитъ одинъ человѣкъ, считающій себя его представителемъ и избранникомъ. Это опредѣленіе справедливо только отчасти. Безъ сомнѣнія, Юлій Цезарь былъ любимцемъ и защитникомъ римской демократіи. Онъ охотно выставлялъ себя продолжателемъ Гракховъ, а, когда ему нуженъ былъ предлогъ, чтобъ произвести нашествіе на Италію, онъ любилъ говорить: „Я прихожу освободить римскій народъ отъ партіи, которая его угнетаетъ [1]". Еслибъ онъ успѣлъ создать прочное учрежденіе, то по

[1]) Ю. Цезарь, *De bello civ.*, I, 22.

всей вѣроятности искалъ бы для него опоры во всеобщемъ голосованіи и въ народной симпатіи; но его племянникъ, который и сдѣлался настоящимъ основателемъ имперіи, избралъ другую систему. Онъ присталъ къ аристократіи и хотѣлъ слыть продолжателемъ ея политики [1]). Онъ расточалъ ей милости и знаки вниманія. Завоевать симпатіи какого нибудь вельможи, который держался въ сторонѣ,—это онъ считалъ для себя важной побѣдой: такъ онъ однажды умолялъ Пизона, чтобы тотъ удостоилъ принять предлагаемое ему консульство [2]). Онъ дѣлалъ видъ, что управляетъ только посредствомъ сената и ради него [3]); онъ хотѣлъ быть только первымъ изъ сенаторовъ (*princeps*); уже одинъ этотъ титулъ, которымъ его величали, указываетъ, какой характеръ имѣлъ въ виду Августъ придать своей власти. Его преемникъ, Тиберій, былъ аристократъ по рожденію и по духу, послѣдній изъ Аппіевъ Клавдіевъ; въ немъ ожила вся гордость этого неукротимаго рода [4]). Простой народъ внушалъ ему отвращеніе; онъ даже не бралъ на себя трудъ доставлять народу увеселенія, какъ дѣлалъ Августъ, и очень небрежно относился къ публичнымъ играмъ. Его глубоко отталкивали всѣ эти толпы людей, простертыя ницъ вдоль дорогъ по всей Италіи въ ожиданіи его проѣзда. Онъ эдиктомъ приказалъ жителямъ муниципій оставаться дома, когда онъ путешествуетъ [5]). Именно при немъ и народъ былъ лишенъ всякаго участія въ управленіи; несмотря на то, что народъ всегда проявлялъ неисчерпаемую податливость, у него отнимаютъ право назначенія должностныхъ лицъ, чтобъ вручить его сенаторамъ. Новые императоры уже не требуютъ отъ народа при своемъ восшествіи на престолъ извѣстнаго рода санкціи своей власти, хотя никто бы не подумалъ имъ въ этомъ отказать,—отнынѣ лишь сенату принадлежитъ обязанность придавать видъ законнаго провозглашенія тѣхъ, кого сажали на престолъ.

[1]) Это желаніе видно изъ того, что Августъ заботился о возвращеніи силы всѣмъ древнимъ учрежденіямъ, покровительствовалъ оффиціальному культу, запрещалъ распространять званіе гражданина (Dion, LVI, 33), и т. д.

[2]) Тац., *Ann.*, II, 34.

[3]) Это особенно замѣтно въ Анкирскомъ памятникѣ, гдѣ такъ часто повторяется названіе сената, и гдѣ повидимому императоръ только исполняетъ его приказанія.

[4]) Тац., *Ann.*, I, 4: *vetere atque insita Claudiae familiae superbia.*

[5]) Тац., *Ann.*, IV, 67.

столъ козни или насиліе. Неточно, слѣдовательно, было бы сказать, что императоры управляли именемъ народа, и называть цезаризмъ демократической тираніей, какъ это обыкновенно дѣлаютъ.

Цезаризмъ былъ скорѣе монархическимъ правленіемъ, скрывавшимся подъ республиканскими формами. Это смѣшеніе двухъ различныхъ принциповъ было измышлено Августомъ; онъ былъ такъ гордъ своимъ изобрѣтеніемъ, что постарался указать, съ какого именно момента ведетъ начало этотъ режимъ. „Во время моего шестого и седьмого консульства, говоритъ онъ, послѣ того какъ гражданскія войны были окончены, я отказался отъ власти, ввѣреной мнѣ съ согласія всѣхъ гражданъ, и отдалъ республику въ руки народа и сената [1]“. Однако эти слова ни въ какомъ случаѣ не надо понимать буквально. Здѣсь идетъ рѣчь уже не о томъ старомъ управленіи, разрушенномъ Цезаремъ и Октавіаномъ, которое будто бы въ 726 году отъ основанія Рима возродилось заново; сохранена была только его внѣшность; но Августъ хотѣлъ, чтобы эта внѣшность по крайней мѣрѣ пользовалась уваженіемъ. Онъ не требовалъ для себя никакой новой чрезвычайной власти [2]; онъ упорно отказывался отъ диктатуры, или отъ пожизненнаго консульства и бранилъ народъ, который однажды въ театрѣ назвалъ его владыкой [3]). Но и не имѣя этого имени, онъ все же былъ имъ; титулы, отъ которыхъ онъ отказывался, нисколько не увеличили бы его силы. Хотя повидимому ничего не измѣнилось, на самомъ дѣлѣ ничто не осталось въ прежнемъ видѣ. Сохранивъ прежнихъ должностныхъ лицъ, государь оставилъ имъ лишь тѣнь власти, а всю фактическую ея силу взялъ себѣ [4]). Еще существовали народные трибуны, но трибунскую власть государь заставилъ присвоить себѣ. Сенатъ назначалъ правителей въ подчиненныя ему провинціи, но государь наблюдалъ за чиновниками сената, какъ за своими собственными. Онъ набиралъ войска и командовалъ ими, онъ рѣшалъ вопросы

[1]) *Mon. Ancyr.*, 34: *In consulatu sexto et septimo postquam bella civilia extinxeram, per consensum universorum potitus rerum omnium rempublicam ex mea potestate in senatus populique romani arbitrium transtuli.*

[2]) Mommsen, *Mon. Ancyr.*, стр. 100 и слѣд.

[3]) Свет. *Aug.*, 53.

[4]) Тац., *Ann.*, III, 60: *Sed Tiberius vim principatus sibi firmans imaginem antiquitatis senatui praebebat*, и въ другомъ мѣстѣ (II, 55): *cuncta legum et magistratuum munio in se trahens.*

мира и войны, онъ былъ освобожденъ отъ обязанности повиноваться законамъ, которые стѣсняли его исключительную власть, наконецъ, онъ имѣлъ „право во всѣхъ дѣлахъ, частныхъ и общественныхъ, человѣческихъ и божественныхъ дѣлать все, что считалъ полезнымъ въ интересахъ государства“ [1]). Вотъ какимъ образомъ Августъ „отдалъ республику въ руки сената и народа“. Одни льстецы или глупцы могли быть обмануты внѣшностью и утверждать, что онъ воззвалъ къ новой жизни прежній образъ правленія [2]). Другіе хорошо знали, какъ назвать новый режимъ, и говорили вмѣстѣ съ Тацитомъ, что имперія, несмотря на республиканскія формы, по существу есть ничто иное какъ монархія, *haud alia re romana quam si unus imperitet* [3]).

По своему существу однако это не была абсолютная монархія. Она могла стать таковою и дѣйствительно часто становилась ею, но въ принципѣ она не должна была быть абсолютной. Таково мнѣніе Тацита и всѣхъ лучшихъ умовъ того времени. „Не слѣдуетъ смѣшивать принципата съ деспотизмомъ“ [4]). Теперь намъ очень трудно ихъ раздѣлить, и римская имперія кажется намъ однимъ изъ наиболѣе законченныхъ типовъ деспотическаго правленія. Намъ почти невозможно понять, какъ тѣ, которые видѣли имперію вблизи и страдали отъ нея, могли судить о ней иначе. Намъ кажется весьма страннымъ, что Тацитъ заставляетъ говорить Гальбу, послѣ Тиберія и Нерона, будто „Римляне не могутъ выносить ни полной свободы, ни полнаго рабства [5])“. Насъ не менѣе удивляетъ, когда Діонъ Кассій говоритъ, что когда Калигула посѣщалъ маленькихъ восточныхъ деспотовъ, то это производило непріятное впечатлѣніе, „потому что боялись, чтобы онъ не научился отъ нихъ быть тиранномъ [6])“. Нужно ли было ему учиться быть тиранномъ, и не достаточно ли было бы ему для этого

[1]) Таково содержаніе *Lex regia: utique quaecumque ex usu reipublicae majestate divinarum humanarum publicarum privatarumque rerum esse censebit ei agere facere jus potestasque sit.*

[2]) Такъ напр. Веллей Патеркулъ говоритъ: *prisca illa et antiqua reipublicae forma revocata*, II, 80.

[3]) *Ann.*, IV, 33.

[4]) *Paneg.*, 45. См. также Тац., *Ann.*, I, 9: *non regno neque dictatura sed principum nomine constitutam rempublicam.*

[5]) *Hist.*, I, 16.

[6]) LIX, 24.

слѣдовать примѣру Тиберія? Но Римляне подъ названіемъ тиранніи, а иногда и подъ названіемъ деспотіи понимали такое правленіе, гдѣ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ капризовъ, гдѣ всѣ преступленія становятся не только возможными, но и дозволенными, разъ повелитель этого хочетъ, гдѣ является обычнымъ, чтобы государи „разрушали города, убивали своихъ братьевъ, женъ и родителей [1])“. Несомнѣнно, Римъ былъ знакомъ съ этими преступленіями, императоры не разъ позволяли ихъ себѣ, и имперія ихъ терпѣла; но если подобныя злодѣйства терпѣлись, то въ то же время ихъ и осуждали; они оскорбляли общественное мнѣніе, которое втайнѣ ненавидѣло ихъ, ожидая возможности во всеуслышаніе заклеймить ихъ. Самоотверженное рабство нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, отданныхъ въ добычу причудамъ деспотовъ, которые могли все себѣ позволить, не встрѣчая противодѣйствія и не возбуждая ропота,—вотъ то, что Тацитъ называлъ „полнымъ рабствомъ“; ему казалось, что Римъ никогда не падалъ такъ низко. Такимъ образомъ, рядомъ съ тиранніей цезарей, которая была порой такъ невыносима, Римляне видѣли другую еще болѣе тяжелую и суровую, при которой уже не было ни закона, ни общественнаго мнѣнія; тѣ насилія, которымъ Римляне подвергались лишь при дурныхъ государяхъ, и которыя они считали явленіемъ преходящимъ, являлись тамъ въ совершенно обыкновенномъ и нормальномъ порядкѣ вещей. Такія параллели дѣлали нѣсколько болѣе снисходительными къ режиму, подъ которымъ они имѣли несчастіе жить; этимъ и надо объяснить, что они скорѣе склонны считать режимъ цезарей свободнымъ образомъ правленія [2]), или, въ крайнемъ случаѣ, ограниченной монархіей, тогда какъ мы безъ колебанія относимъ его къ разряду деспотическихъ.

Имперія несомнѣнно могла бы быть и ограниченной монархіей. Въ противовѣсъ цезарю, существовало уже достаточно живыхъ силъ, чтобы поставить его въ извѣстныя границы. Должностныя лица, которыя не всѣ были назначаемы имъ и которыя помогали ему управлять имперіей, сенатъ, котораго авторитетъ былъ древнѣе его собственнаго, об-

[1]) Тац., *Hist.*, V, 8: *urbium eversiones, fratrum, conjugum, parentum neces alia solita regibus ansi.*

[2]) Сенека послѣ Тиберія еще называетъ Римъ: *libera civitas* (*De Ben.*, II, 12).

щественное мнѣніе, проницательное и насмѣшливое, традиціи, обычаи, воспоминанія о славномъ прошломъ, требующія къ себѣ уваженія по своей давности,—все это могло служить уздой его все захватывающей власти и умѣрять ея излишества. Къ несчастью, эти границы не имѣли ничего опредѣленнаго. Насколько административныя реформы Августа были ясны и точны, настолько его политическія нововведенія были расплывчаты. И вотъ „въ одинъ прекрасный день имперія вкралась въ республику“, какъ умно выразился Сенека [1]); но, внѣдрившись въ нее, имперія не проявила достаточно предосторожности, чтобы точно опредѣлить, что̀ она намѣревалась взять себѣ, и что ей угодно было оставить прежнимъ владѣльцамъ. Тѣ изъ прежнихъ должностныхъ лицъ, которыя были сохранены, уже не знали, до какихъ предѣловъ простиралась ихъ компетенція [2]). Если власть цезаря не была совсѣмъ неограничена, то по крайней мѣрѣ она была плохо ограничена: отсюда и произошло все зло. Въ Анкирскомъ памятникѣ Августъ утверждаетъ, что у него реальной власти не больше, чѣмъ у прочихъ должностныхъ лицъ, и свое превосходство надъ ними онъ приписываетъ лишь нравственному авторитету и вліянію *dignitas* [3]). Съ внѣшней стороны это можетъ казаться маловажнымъ, въ дѣйствительности это было все. Плохо разграниченная и неопредѣленная власть, еще болѣе могущественная именно своею неясностью, парализовала все остальное. Чувствуя ее всегда надъ собою, сенатъ не осмѣливался ничего предпринимать или дѣйствовалъ только урывками, въ тѣ моменты, когда случайно сколько нибудь свободный голосъ встряхивалъ на мигъ всеобщій сервилизмъ [4]). Сами государи не были свободны отъ страха, который они внушали другимъ: принужденые сохранять подобіе свободы, чтобъ не отступать отъ разъ принятой системы,

[1]) *De clem.*, I, 4. *se induit reipublicae Caesar.*

[2]) Напримѣръ, когда императоръ взялъ себѣ власть трибуновъ, не было издано никакого закона для точнаго обозначенія, сколько власти осталось еще дѣйствительнымъ трибунамъ. Поэтому-то трибуны не смѣли ничего дѣлать. Плиній Младшій очень хвалитъ самого себя, «потому что, будучи трибуномъ, онъ приписывалъ себѣ нѣкоторое значеніе». Другіе думали, что они ничего не значатъ, и были правы. Плиній, *Epist.*, I, 23.

[3]) Mon Ancyr., 34.

[4]) Тац., *Ann.*, XIV, 49: *libertas Thraseae servitium aliorum rupit.*

они вѣчно боялись, какъ бы этой системѣ не повѣрили въ серьезъ [1]). Совершенно ясно, что они не имѣли той спокойной увѣренности, которую въ благоустроенномъ государствѣ даетъ монарху сознаніе своихъ правъ. Эти чередованія насилій и лицемѣрія, замѣчаемыя въ ихъ поведеніи, обнаруживаютъ неувѣренную въ себѣ власть, не знающую точно своихъ границъ. Неронъ былъ правъ, говоря, что его предшественники не знали ясно, что имъ было позволено [2]). Такимъ то образомъ подданные и повелители, боясь другъ друга, жили между собою въ состояніи взаимнаго недовѣрія и обоюднаго страха. Здѣсь то и лежитъ причина несчастій, удручавшихъ Римъ втеченіе столькихъ столѣтій. Верховная власть, не имѣвшая вѣры въ самое себя, пугающаяся всякаго пустяка, по необходимости становилась жестокой, потому что ничто такъ не озвѣряетъ, какъ страхъ. Говоря словами Боссюэта, это было одно изъ тѣхъ правительствъ, которыя по своему характеру производятъ дурныхъ государей, и неудивительно, что оно произвело ихъ больше, чѣмъ какое либо другое.

Только что описанному неспокойному и неувѣренному въ себѣ деспотизму соотвѣтствовала и оппозиція, неопредѣленная, скрытая, не приводящая къ плодотворнымъ результатамъ, но за то безпокойная, безсодержательная и безпринципная. Она не велась правильно и открыто; она не исходила отъ какой нибудь политической корпораціи, отъ сената или отъ народа. Съ народомъ, правду сказать, и не считались, со временъ Юлія Цезаря. Народъ, при Августѣ, все еще оставался довольно безпокойнымъ, но бунты его не имѣли уже больше цѣли требовать правъ или увеличивать ихъ; Діонъ сообщаетъ, что даже напротивъ, въ одинъ прекрасный день народъ взбунтовался, чтобы принудить Августа принять диктатуру [3]). Такія легко усмиряемыя возмущенія были не безвыгодны для имперіи: они пугали миролюбивыхъ людей и укрѣпляли ихъ привязанность къ государю, который бралъ на себя трудъ умиротворять уличную толпу. При Тиберіи назначеніе должностныхъ лицъ было предоставлено сенату. Народъ такъ легко уступилъ въ

[1]) Такимъ именно образомъ наружный видъ свободы обращался всегда во вредъ самой свободѣ: *quanto majore libertatis imagine tegebantur, tanto eruptura ad infensius servitium.* Тац., *Ann.*, I, 81.

[2]) Свет., Nero, 37.

[3]) Діонъ, LIV, 1.

этомъ вопросѣ, что нѣсколько лѣтъ позднѣе, когда Калигула захотѣлъ вновь созвать комиціи къ голосованію, никто не явился, и пришлось возвратиться къ тому, что сдѣлалъ Тиберій. Съ этихъ поръ народъ приходитъ въ раздраженіе лишь тогда, когда бывалъ дорогъ хлѣбъ, или игры происходили слишкомъ рѣдко. Онъ не заявляетъ болѣе притязаній на свободу, но когда дѣло идетъ объ его развлеченіяхъ,—съ нимъ трудно справиться. Народъ желаетъ, чтобъ его увеселяли, и позволяетъ себѣ быть разборчивымъ въ доставляемыхъ ему развлеченіяхъ. Въ театрѣ онъ еще порой бываетъ требователенъ и упрямъ; это единственное мѣсто, гдѣ онъ осмѣливается быть свободнымъ. Здѣсь народъ не всегда считаетъ себя обязаннымъ льстить государю и не церемонится свистать гладіатору или возницѣ, хотя бы они были любимцы Цезаря. Въ общемъ императоры обращаются съ народомъ весьма снисходительно; они терпятъ его шалости и уступаютъ ему, когда это возможно. Народъ однажды разсердился при Тиберіи за то, что прекрасная статуя Лизиппа, составлявшая украшеніе общественныхъ бань, была убрана оттуда и заперта во дворцѣ. И Тиберій, не смотря на свою враждебность къ черни, поспѣшилъ возвратить статую [1]). Народу иногда даже предоставлялось открыто высказывать свое мнѣніе и, такъ какъ онъ не внушалъ ни подозрѣній, ни опасеній, то его и не наказывали за свободу рѣчей. Однажды Калигула, любившій рядиться богомъ и выставлять себя на поклоненіе набожныхъ людей рядомъ съ Юпитеромъ въ одной изъ нишъ Капитолія, замѣтивъ галла, который смѣялся, спросилъ его, какое впечатлѣніе онъ производитъ на него. „Впечатлѣніе большого глупца“, отвѣчалъ галлъ [2]). На его слова не было обращено вниманія: это былъ сапожникъ, а чтобы внушать опасенія, нужно было быть изъ хорошаго рода [3]). Впрочемъ, было хорошо извѣстно, что, несмотря на мимолетныя вспышки, народъ охотно мирился съ имперіей. Онъ способствовалъ ея возникновенію, онъ имѣлъ отъ нея значительную выгоду, и императорамъ нечего было бояться недовольныхъ изъ его среды.

[1]) Плин., *Hist., nat.*, XXXIV, 8 (19).

[2]) Діонъ, LIX, 26.

[3]) Тацитъ разсказываетъ о важномъ лицѣ, избѣжавшемъ жестокости Нерона, лишь потому, что онъ былъ не изъ старинной знати (*Ann.*, XIV, 47).

Болѣе всего императоровъ пугалъ сенатъ. Онъ еще сохранялъ часть своего престижа, и со всѣхъ концовъ имперіи глаза были обращены на него. Еще болѣе вѣсу въ общественномъ мнѣніи придавали ему тѣ знаки почтенія, которые усердно ему расточали сами императоры. Августъ и Тиберій осыпали его выраженіями вниманія; они старались казаться лишь слугами сената. Поэтому большинство современниковъ, наблюдавшихъ лишь издали и судившихъ на основаніи одной внѣшности, считало сенатъ въ дѣйствительности всемогущимъ; онъ былъ для нихъ, по словамъ Отона, глава и честь имперіи [1]). Видя такое уваженіе къ сенату, императоры не могли не бояться его, а такъ какъ они имѣли возможность давить его безнаказанно, то они его и не щадили. Ихъ гнѣвъ падалъ всегда на сенатъ, и ихъ тираннія выбирала себѣ жертвы только между сенаторами. Эти несчастные, чувствуя надъ собою вѣчную опасность, проводили свою жизнь въ постоянномъ страхѣ. Былъ случай, что одинъ сенаторъ умеръ отъ страха въ самомъ сенатѣ, услышавъ нѣсколько суровыхъ словъ отъ Тиберія. Отъ такихъ запуганныхъ людей нельзя было ожидать открытаго противодѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ, сенатъ ни одного разу не воспротивился волѣ императора. Сенаторы льстили своимъ повелителямъ на перебой другъ передъ другомъ. „Ни одинъ самый обыкновенный, самый ничтожный вопросъ не обсуждался, говоритъ Плиній Младшій, безъ того, чтобы каждый сенаторъ, высказывая свое мнѣніе, не сдѣлалъ отступленія, восхваляя цезаря. Обсуждалось ли увеличеніе числа гладіаторовъ или учрежденіе ремесленной школы, мы вотировали тріумфальныя арки изумительной величины и надписи, для которыхъ не хватало мѣста на фронтонахъ храмовъ, какъ будто дѣло шло о расширеніи предѣловъ имперіи“ [2]). За то, какъ только императоръ умиралъ, сенатъ подымалъ голову; онъ опрокидывалъ его статуи, предавалъ проклятію его память, чтобъ отомстить за долгое рабство. Новый государь не препятствовалъ въ этомъ сенату, считая лестнымъ для себя поруганіе надъ своими предшественниками. Тогда сенаторы обыкновенно шли дальше: чтобы утолить свою жажду мести, они принимались за любимцевъ умершаго владыки; они при-

[1]) Тац., Hist., I, 84.
[2]) Плин., *Paneg.*, 54.

сваивали себѣ право преслѣдовать и судить ихъ. Поощряемые честными гражданами, которые одобряли такое пробужденіе силы, сенаторы, казалось, хотѣли возстановить свой прежній авторитетъ [1]); но новый императоръ обыкновенно не имѣлъ охоты поощрять подобныя дѣйствія и, не медля, давалъ это понять. Обыкновенно ему стоило сказать одно слово, чтобъ охладить весь этотъ пылъ. Сенатъ, по своей привычкѣ, подчинялся первому знаку свыше и, признавши безропотно новаго повелителя, вновь начиналъ трепетать и раболѣпствовать.

II.

Оппозиція въ Римѣ.—Пиры.—Кружки.—О чемъ разговаривали въ римскомъ большомъ свѣтѣ.—Различные пріемы, къ какимъ прибѣгала оппозиція въ зависимости отъ момента.

Тѣмъ не менѣе, именно между этими робкими сановниками и испуганными вельможами больше всего и было недовольныхъ. Въ сенатѣ они расточали императору лесть и соперничали между собою въ низости, но, когда они думали, что ихъ не услышатъ, они говорили другимъ языкомъ. Надписи, медали сохранили намъ воспоминаніе о

[1]) Послѣ смерти Тиберія они уничтожили его завѣщаніе, подобно тому какъ Парижскій парламентъ уничтожилъ завѣщаніе Людовика XIV (Діонъ, LIX, 1). Когда стало извѣстнымъ, что Неронъ убилъ самъ себя, по городу ходили люди, имѣя на головѣ нѣчто вродѣ фригійской шапки *(pileus)* для обозначенія того, что Римъ сталъ вновь свободнымъ. Сенатъ, набравшись смѣлости, тѣмъ болѣе, что новый государь отсутствовалъ, поспѣшилъ вернуть себѣ одну изъ тѣхъ старинныхъ привилегій, которыя у него отняла имперія; онъ приказалъ отчеканить золотую и серебряную монету (ему была оставлена только мѣдная). Мы имѣемъ нѣсколько такихъ монетъ; съ перваго взгляда онѣ кажутся весьма смѣлыми. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ такую надпись: *Libertas p. r. restituta* и *pileus* между двумя кинжалами; онѣ совершенно похожи на тѣ монеты, которыя отбилъ Брутъ послѣ убійства цезаря. Изъ этого нѣкоторые изслѣдователи хотѣли вывести, что сенатъ пытался въ этотъ моментъ возстановить республику (см. Duc de Blacas въ *Revue de numismatique*, 1862, стр. 197—234). Эти изслѣдователи зашли слишкомъ далеко. Не надо забывать, что сенатъ призналъ Гальбу безъ всякаго затрудненія. Такому повидимому республиканскому девизу на имперскихъ монетахъ не слѣдуетъ придавать больше значенія, чѣмъ французскимъ пятифранковымъ монетамъ 1804 г., на которыхъ читается: *République française—Napoléon empereur*. Всего серьезнѣе, можетъ быть, думалъ тогда о возвращеніи Римлянамъ республики знаменитый военачальникъ Вергиній Руфъ; но и онъ не замедлилъ подчиниться Гальбѣ (Mommsen, *Der letzte Kampf der römischen Republik*, въ Hermes'ѣ, 1878 стр. 90 и слѣд.).

тѣхъ лживыхъ титулахъ, которыми они осыпали государей, даже самыхъ дурныхъ; но интересно было бы знать, что они говорили про нихъ, когда не боялись быть искренними. Это къ несчастью не легко; недовольные, стараясь увернуться отъ полиціи императора, укрываются такимъ образомъ и отъ нашего любопытства. Они такъ тщательно прятались, чтобы, не стѣсняясь, высказать свои мысли, что теперь намъ не только невозможно ихъ подслушать, но мы не знаемъ даже, гдѣ ихъ найти. Мы только что осмотрѣли всю имперію, ища недовольныхъ, и убѣдились, что ихъ можно было встрѣтить только въ Римѣ; теперь мы должны вновь пуститься въ дорогу и обойти самый Римъ, стараясь ихъ найти здѣсь.

По счастью, для руководства въ нашихъ поискахъ мы имѣемъ важное указаніе, данное самимъ Тиберіемъ: этотъ подозрительный и зоркій государь конечно долженъ былъ знать, гдѣ скрывались его враги: Тацитъ передаетъ слѣдующія его слова: „Я знаю, что на пирахъ и въ кружкахъ раздаются жалобы (*in conviviis et in circulis* [1])“. Эти два слова иногда встрѣчаются въ такомъ же сочетаніи и у другихъ латинскихъ писателей. Цицеронъ говоритъ, что во время перваго тріумвирата, когда демократія въ союзѣ съ бравымъ воиномъ отдала власть въ руки нѣсколькихъ честолюбцевъ, площадь онѣмѣла, и честные люди осмѣливались говорить только „въ кружкахъ и на пирахъ [2])“. Онъ очень недоволенъ этимъ; столь робкая оппозиція не удовлетворяетъ его. Онъ знаетъ, какъ она безсильна: „она способна укусить, но не растерзать [3])“. Онъ сожалѣетъ о томъ времени, когда дѣла обсуждались открыто на форумѣ, когда добрые граждане, вмѣсто того, чтобы вздыхать при запертыхъ дверяхъ, всходили на трибуну и всему народу указывали враговъ республики, какъ онъ самъ сдѣлалъ относительно Катилины и Антонія. Но сильные взрывы гнѣва были уже не по сезону при начинающемся режимѣ. Теперь надо было быть скромнѣе, осторожнѣе, можно было давать волю своему дурному настроенію только въ средѣ нѣсколькихъ друзей, воздержныхъ на языкъ, а не дѣлиться имъ со всѣми.

[1]) Тац., *Ann.*, III, 54.
[2]) *Ad. Att.*. II, 18.
[3]) *Pro Balbo*, 28 *in conviviis rodunt, in circulis vellicant, non illo inimico, sed hoc maledico dente carpunt.*

Что же это были за пиры и кружки, гдѣ позволяли себѣ такъ нападать на Тиберія? Нѣтъ надобности останавливаться на пирахъ; извѣстно, какое значеніе имѣли въ жизни римлянъ всѣхъ положеній и состояній такія собранія друзей и близкихъ, и насколько часты они сдѣлались. Семейныя годовщины, религіозные праздники, потребность въ обсужденіи общихъ дѣлъ для участниковъ одной и той же корпораціи или просто желаніе внести больше радости въ свое существованіе,—все это умножило подобныя собранія во времена имперіи до крайней степени. Люди развитые искали здѣсь преимущественно удовольствія побесѣдовать на свободѣ съ друзьями [1]). Въ этихъ разнообразныхъ и безконечныхъ бесѣдахъ политика, надо думать, не была забыта. Послѣ обѣда, когда подъ вліяніемъ пира сотрапезники разгорячались, а ихъ языки развязывались, политическіе разговоры, которые здѣсь возникали, не всегда были благопріятны для цезарскаго правительства. Именно на одномъ изъ подобныхъ пировъ преторъ Антистій прочелъ оскорбительные для Нерона стихи, за которые онъ и былъ осужденъ на изгнаніе [2]).

Не такъ легко понять, что подразумѣвалось подъ словомъ кружки. Чтобы составить себѣ объ этомъ предметѣ точное понятіе, вспомнимъ привычки древнихъ. Въ благодатномъ климатѣ Италіи нѣтъ обычая запираться на цѣлый день дома; напротивъ, люди охотно покидаютъ дома и проводятъ день на открытомъ воздухѣ. Римскіе жители, когда они были не въ театрѣ, не въ циркѣ, прогуливались, развлекаясь тѣми постоянными зрѣлищами, которыя вѣчный городъ въ изобиліи доставлялъ любопытнымъ всѣхъ странъ. Они ходили по улицамъ, останавливались на перекресткахъ; уставши, они садились на скамьяхъ и сидѣньяхъ, которыми были окружены площади. Такія то группы праздныхъ людей, сошедшихся посмотрѣть или поболтать вмѣстѣ, и назывались *circuli* [3]). „Кружки“ образовались главнымъ образомъ на Марсовомъ полѣ и на форумѣ вокругъ шарлатановъ, которые сбы-

[1]) Циц., *De senect.*, 13.
[2]) Тац., *Ann.*, XIV, 48.
[3]) То, что называли *stationes* и *sessiunculae* или группы сидящихъ людей очень походили на эти *circuli*. Тутъ также занимались политикой, и Плиній Младшій говоритъ, что кандидаты на общественныя должности искали здѣсь поддержки (*Epist.*, II, 9, 5).

вали здѣсь свои лѣкарства [1]), вокругъ людей, показывавшихъ ученыхъ или рѣдкихъ животныхъ [2]), вокругъ гимнастовъ [3]). Порой какой нибудь несчастный поэтъ, огорченный отсутствіемъ читателей, пользовался этими случайными сборищами, чтобъ продекламировать свои стихи присутствующимъ [4]). Часто также „кружки" собирались лишь для того, чтобы послушать разглагольствованія одного изъ тѣхъ говоруновъ, которые принимали очень важный видъ, давая понять, что они хорошо освѣдомлены въ вопросахъ политики. Въ Римѣ было много такихъ господъ, и въ серьезныхъ обстоятельствахъ, въ моменты общаго безпокойства и ожиданія, когда людей разбираетъ сильное нетерпѣніе услышать то, чего они боятся, такіе говоруны пользовались большимъ довѣріемъ. Выслушавши ихъ, каждый говорилъ свое мнѣніе. Здѣсь съ полною серьезностью раздавались похвалы и порицанія военачальникамъ, составлялись планы походовъ [5]), обсуждались мирные договоры. Эти уличные политики къ концу республики и въ первыя времена имперіи сходились у подножія ораторской трибуны, вслѣдствіе чего они были прозваны *subrostrani* [6]). Изъ ихъ среды распространялись зловѣщіе слухи, приводившіе римлянъ въ ужасъ [7]). Вдругъ возникалъ слухъ, будто паряне завладѣли Арменіей, или германцы перешли Рейнъ; толпа же, слушавшая эти тревожныя новости, не всегда щадила императора и его слугъ, которые будто бы не принимали достаточно дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы защитить границы. Поэтому императоры въ концѣ концовъ приказывали слѣдить за этими дерзкими говорунами. Они посылали въ такіе „кружки" переодѣтыхъ солдатъ, которые доносили своимъ начальникамъ, что они слышали.

Такимъ образомъ, подобные разговоры на открытомъ воздухѣ

[1]) Отсюда и названіе ихъ *circulatores*.
[2]) Петроній говоритъ, что тамъ показывали ученыхъ свиней (*Sat.*, 47).
[3]) Марціалъ, X, 62.
[4]) Марціалъ, II, 86.
[5]) Титъ Ливій, 22: *in omnibus circulis atque etiam (si diis placet) in conviviis sunt, qui exercitus in Macedoniam ducant,* и т. д.
[6]) Сиц., *Ad fam.*, VIII, 1.
[7]) Горацій, *Sat.*, II, 6. 50: *Frigidus a rostris manat per compita rumor.* Привычка составлять на площадяхъ такіе *circuli,* гдѣ обсуждались общественныя и частныя дѣла, продолжалась въ Римѣ еще въ послѣднія времена имперіи. См. Аммiанъ Марцелинъ XXVIII, 4, 29.

могли быть подслушаны шпіонами цезаря и были небезопасны. Кто не хотѣлъ рисковать своею гибелью, не долженъ былъ вовсе высказываться тамъ. Люди осторожные пускались въ откровенность лишь при такихъ условіяхъ, гдѣ они считали себя безопасными. Впрочемъ, и у нихъ не было недостатка въ удобныхъ случаяхъ для обмѣна мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Римѣ тогда существовало уже нѣчто аналогичное тому, что мы называемъ свѣтомъ, т. е. соединеніе людей, чаще всего чужихъ другъ для друга, различныхъ по происхожденію и по состоянію, у которыхъ нѣтъ ни общихъ дѣлъ, ни общихъ интересовъ, и которые, собираясь, не ищутъ ничего, кромѣ удовольствія находиться въ обществѣ другъ друга. Въ наше время свѣтъ особенно характеризуется тѣмъ, что въ немъ женщины свободно сходятся съ мужчинами; то же самое очень часто было и въ Римѣ. Женщинамъ не было запрещено появляться за столомъ, даже когда къ столу собирались посторонніе семьѣ люди; такъ, Корнелій Непотъ говоритъ, что никто не удивлялся, если римлянинъ отправляясь обѣдать въ гости, бралъ съ собой жену, что весьма шокировало бы грековъ [1]). Такимъ образомъ, ѣда служила поводомъ для свѣтскихъ собраній; но можно утвердительно сказать, что таковыя происходили и въ другое время, хотя воспоминаніе объ этомъ и не дошло до насъ явственно. Мы думаемъ даже, что уже въ первомъ вѣкѣ привычка совмѣстнаго времяпрепровожденія породила ту вѣжливость въ отношеніяхъ между обоими полами, которая была до тѣхъ поръ довольно чужда древнему обществу и напоминала порой нравы семнадцатаго вѣка во Франціи. Марціалъ рисуетъ слѣдующій портретъ современнаго ему щеголя: „Щеголь—это человѣкъ, у котораго волосы раздѣлены правильно расчесаннымъ проборомъ, отъ котораго пахнетъ всегда духами, который напѣваетъ сквозь зубы египетскія и испанскія пѣсни, умѣетъ въ тактъ размахивать своими руками, на которыхъ тщательно выщипаны волосы, весь день не отходитъ отъ стульевъ дамъ, вѣчно разсказываетъ имъ что то на ухо, знаетъ всѣ городскія сплетни, съумѣетъ назвать вамъ имя женщины, въ которую такой то влюбленъ, скажетъ, какіе кружки посѣщаетъ такой то, наизустъ перечислитъ всю генеалогію лошади

[1]) Корн. Неп., *Предисл.*, 8.

„Hirpinus" [1]). Намъ кажется, что этотъ щеголь мало отличается отъ маркизовъ Мольера; подобно послѣднимъ, онъ имѣетъ привычку „не отходить отъ стульевъ дамъ". Въ Римѣ были люди, которые шли далеко при помощи такого постоянства. Тацитъ разсказываетъ, напр., что одинъ консулъ, большой умница и страшный насмѣшникъ, обязанъ былъ своею политической карьерою [2]) благосклонности дамъ. Когда сходились одни мужчины, то шли споры и разсужденія; въ присутствіи женщинъ приходилось поддерживать болѣе легкій разговоръ. Сенека превосходно описалъ подобную свѣтскую болтовню, гдѣ всѣ предметы затрогиваются, и ни одинъ не исчерпывается, гдѣ такъ свободно переходятъ отъ одной темы къ другой [3]). Въ короткое время бесѣда этихъ остроумныхъ людей совершала, должно быть, немало экскурсій. Каждый безъ сомнѣнія много говорилъ о себѣ и о другихъ. Привычка жить въ обществѣ развиваетъ охоту наблюдать самого себя, углубляться въ изученіе страстей и характеровъ. Въ громадномъ городѣ, который могъ вмѣстить весь міръ, какъ говоритъ Луканъ [4]), гдѣ ежедневно шла ожесточенная битва изъ за власти и богатства, свѣтскіе наблюдатели нравовъ имѣли достаточно предметовъ для изученія. Они подхватывали пикантные анекдоты объ извѣстныхъ личностяхъ, а вечеромъ разсказывали ихъ своимъ друзьямъ. Должно быть, много говорилось также и о литературѣ. Римскій большой свѣтъ любилъ искусства и культивировалъ ихъ: большинство было ораторами по оффиціальному положенію и поэтами въ минуты досуга. Въ то время расцвѣла цѣлая литература салонной поэзіи, которая до насъ не дошла и, пожалуй, не заслуживала долговѣчности, но въ свое время она восхищала элегантное общество Рима. Какъ во времена аббата Делилля, такъ и здѣсь воспѣвалась, напр., игра въ кости или въ шахматы, рыбная ловля и искусство плаванія, танцы и музыка, искусство хорошо устроить пиръ и принять гостей [5]). Однако, какое бы удовольствіе ни доставляло чтеніе подобныхъ стихотвореній, они въ концѣ концовъ должны были надоѣдать, и надо было искать новыхъ предметовъ для разговора, чтобы поддерживать интересъ бесѣды; такимъ образомъ, когда исчерпывались болтовня о литературѣ и злословіе, естественно выступала на сцену политика.

[1]) III, 53.

[2]) Тац., *Ann.*, V, 2 Въ свѣтскомъ же собраніи, гдѣ было много женщинъ, Луторій Прискъ, римскій всадникъ, прочелъ тѣ стихи, за которые онъ былъ осужденъ на смерть. Тац., *Ann.*, III, 49.

[3]) *Epist.*, 64, 2.

[4]) *Phars.*, 1. 512: generis, coeat si turba, capacem Humani.

[5]) Овидій, Epist., II, 470.

Весьма натурально, что въ такой обстановкѣ политика носила нѣсколько фрондирующій характеръ: умные люди, которые особенно боялись казаться простаками, не могли серьезно относиться къ тѣмъ комедіямъ, которыя разыгрывались въ сенатѣ. Такіе сдержанные и насмѣшливые наблюдатели, мало расположенные къ энтузіазму, должны были съ улыбкой слушать непомѣрную лесть, которая расточалась цезарю, а апоѳеозъ мертваго или живого императора, безъ сомнѣнія, не встрѣчалъ съ ихъ стороны горячей вѣры. Свѣтъ развиваетъ наклонность къ ироніи: умѣнье тонко подсмѣяться надъ сосѣдомъ считается въ свѣтѣ весьма почтеннымъ качествомъ, и надо думать, что это качество цѣнилось еще болѣе, когда объектомъ насмѣшки являлся императоръ. Несомнѣнно, это была весьма опасная игра; насмѣшки, мѣтившія такъ высоко, могли дорого стоить; но опасность не всегда заставляла отказываться отъ шутки, когда она считалась остроумной и встрѣчала одобреніе. „Я не могу жалѣть тѣхъ людей, говорилъ Сенека-отецъ, которые рискуютъ скорѣе потерять голову, чѣмъ красное словцо [1])". Въ легкомысленномъ, веселомъ свѣтскомъ обществѣ остроты цѣнились выше человѣческой жизни. Надо же было хоть такимъ способомъ вознаградить себя за гнетъ, испытанный въ сенатѣ, гдѣ поневолѣ приходилось дѣлать пріятную гримасу передъ друзьями цезаря и громко выражать сочувствіе похваламъ, которыми его осыпали льстецы. Сенаторы выходили оттуда всегда недовольные другъ другомъ и самими собой, съ потребностью излить гнѣвъ, накопившійся въ глубинѣ души. Поэтому то, гдѣ бы ни сошлось нѣсколько друзей, увѣренныхъ другъ въ другѣ, сейчасъ же начинался свободный разговоръ. Въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ преимущественно сообщались такія новости, „которыя нельзя было ни гово-

[1]) *Controv.*, 3, 12: *Horum non possum misereri, qui tanti putant caput potius, quam dictum perdere.*

рить, ни слушать безъ опасности [1])". Въ тѣ времена Римъ былъ полонъ такими разносчиками новостей, ремесло которыхъ нынѣ вытѣснено газетами и телеграфомъ. Мы видѣли, какую роль они играли въ „кружкахъ", но еще больше ихъ было въ свѣтскихъ собраніяхъ. Они знали все, что говорилось въ войскахъ, что думали въ провинціяхъ; обо всемъ, что происходило, они давали самыя точныя свѣдѣнія. Когда умиралъ кто нибудь изъ видныхъ лицъ, они разсказывали всѣ обстоятельства его смерти, они безъ колебанія называли того, кто дѣйствовалъ при этомъ кинжаломъ или ядомъ. Всевозможные дурные слухи никогда въ такомъ количествѣ не циркулировали въ Римѣ, какъ съ той поры, когда людямъ запрещено было говорить: *prohibiti sermones, ideoque plures* [2]). Стараясь хватать тѣхъ, которые распространяли эти слухи, власти только придавали имъ болѣе достовѣрности. Такова впрочемъ наша природа, что мы неохотно вѣримъ тому, что разсказывается открыто, и безъ возраженій принимаемъ то, что намъ шепчутъ на ухо. Такимъ образомъ, всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ, обращались противъ него же. Все становилось извѣстно, всему вѣрили, всему хотѣли найти причины, причемъ наибольшимъ довѣріемъ пользовались далеко не самыя естественныя объясненія; чтобы заставить себя слушать, надо было всѣмъ происшествіямъ находить самую необыкновенную и изысканную подкладку.

Свѣтская оппозиція принимала весьма различныя формы и сообразовалась съ обстоятельствами. Въ зависимости отъ момента, она то всплывала на поверхность, то пряталась въ тѣнь; но, смѣлая или робкая, видимая или скрытая, она никогда не умирала: именно эта изворотливость и устойчивость составляла ея силу. То вдругъ она отваживалась заявить себя памфлетомъ: обыкновенно памфлету придавалась форма сатирическаго завѣщанія какой нибудь важной особы, гдѣ мертвые свободно высказывали все, что они думали о живыхъ. То оглашались ѣдкіе стихи, которые говорились не иначе, какъ на ухо; они проходили всѣ слои этого недовольнаго общества, и въ одинъ прекрасный день вдругъ оказывались написанными неизвѣстной рукой на стѣнѣ форума. „Тиберій пренебрегаетъ виномъ, говорилось тамъ,

[1]) Сен., *De tranq. animi,* 12.
[2]) Тац., *Hist.* III, 54.

съ той поры, какъ онъ чувствуетъ жажду крови; онъ теперь пьетъ кровь такъ, какъ когда то онъ пилъ вино [1])". Если подобная смѣлость представляла слишкомъ много опасности, то оппозиція прибѣгала къ ядовитымъ намекамъ, весьма прозрачнымъ для остраго глаза. Когда даже такіе намеки вызывали преслѣдованія и наказанія, приходилось ограничиться двумя-тремя словами, сказанными украдкой при встрѣчѣ съ пріятелемъ. Когда становилось совсѣмъ невозможно говорить, то вырабатывалось искусство молчать такъ, чтобы были видны скрытыя мысли, такъ что ухитрялись даже самое молчаніе сдѣлать неблагонадежнымъ: *occulta vox aut suspicax silentium* [2]). Вотъ какова была оппозиція во времена имперіи.

III.

Что до насъ дошло отъ оппозиціи въ Римѣ.—Памфлеты.—Литература намековъ.—Публичныя чтенія.—Политика въ трагедіяхъ Сенеки.—Тайныя бесѣды.—Какъ мы можемъ знать, о чемъ тамъ говорилось.

Какъ ни скромна, какъ ни скрыта была оппозиція въ Римѣ, она не вся цѣликомъ погибла; намъ осталось достаточно образчиковъ ея, чтобъ прослѣдить ее во всѣхъ степеняхъ. Правда, до насъ не дошли уже тѣ памфлеты, которые въ минуты отваги распространялись въ оппозиціонной средѣ. Это были произведенія, приноровленныя къ случаю; Тацитъ говоритъ, что ихъ жадно читали, пока была какая нибудь опасность ихъ добывать, а когда всякій могъ ихъ имѣть, они предавались забвенію [3]). Но историки сохранили намъ нѣсколько эпиграммъ, сочиненныхъ противъ Цезарей [4]); въ числѣ ихъ есть довольно остроумныя, и всѣ онѣ очень рѣзкія. Императоры сначала старались пренебрегать этими нападками; Августъ писалъ Тиберію, который принималъ ихъ слишкомъ къ сердцу: „Остерегайся, дорогой Тиберій, слишкомъ поддаваться пылкости твоего возраста, и не негодуй на то, что обо мнѣ говорятъ зло: достаточно и того, что намъ

[1]) Свет., *T ib,*. 59.
[2]) Тац., *Ann.*, III, 3.
[3]) Тац., *Ann.*, XIV, 50.
[4]) Онѣ были собраны въ диссертаціи Бернштейна подъ заглавіемъ: *Versus ludicri in Romanorum Caesares.* Halle, 1810.

не могутъ сдѣлать зла [1]“. Самъ Тиберій, сдѣлавшись императоромъ, отвѣчалъ тѣмъ, которые понуждали его преслѣдовать злоязычниковъ, что, „въ свободномъ государствѣ всякій долженъ пользоваться свободой думать и говорить, какъ ему угодно [2]“. Но эта умѣренность скоро прекратилась; при томъ же самомъ Тиберіи авторы ѣдкихъ стиховъ, когда ихъ только можно было найти, безъ милосердія подвергались наказаніямъ: однихъ свергали съ Капитолія [3]), другихъ душили въ тюрьмѣ [4]).

Когда недовольные не рѣшались вести открытую оппозицію, когда становилось слишкомъ опаснымъ распространять стихи или памфлеты, они брались за дѣло, какъ мы видѣли, окольнымъ путемъ. Они искали въ старыхъ и новыхъ произведеніяхъ сближеній съ современностью; они указывали ихъ другъ другу, и, своимъ обобщеніемъ, подчеркивали ихъ еще болѣе. Такой способъ фрондировать противъ правительства былъ менѣе опасенъ и довольно легокъ. Нетрудно придать желательный смыслъ тому, что читаешь или слышишь, и открыть въ любомъ произведеніи хитрые намеки, въ которыхъ авторъ вполнѣ не виненъ. Недовольные, одушевляемые ненавистью и сдерживаемые страхомъ, повсюду находили скрытый смыслъ. Напримѣръ, появлялся на сценѣ актеръ съ невѣрной походкой, съ трясущейся головой, а хоръ при этомъ пѣлъ: „Вотъ старый дуракъ возвращается съ поля“, и весь театръ покатывался со смѣху: въ немъ узнавали Гальбу [5]). Но независимо отъ подобныхъ случайныхъ намековъ было много и предумышленныхъ, на которые авторъ разсчитывалъ для успѣха своего произведенія. Конечно, такая смѣлость могла дорого обойтись; но писатель, чтобы вызвать одобреніе, рисковалъ многимъ. И дѣйствительно, въ то время появлялась масса произведеній, полныхъ скрытыхъ подвоховъ, словъ съ двоякимъ смысломъ, общихъ мыслей, способныхъ получить частное значеніе, сентенцій и афоризмовъ, въ которыхъ, подъ видомъ поученія человѣчеству, высказывалась истина по адресу цезаря. Эта литература намековъ была разсчитана главнымъ образомъ на свѣтскихъ людей, и ареной ея дѣйствія были преимущественно читальныя залы.

[1]) Свет., Aug., 51.
[2]) Свет., *Tib.*, 28.
[3]) Діонъ, LVII, 22.
[4]) Тац., *Ann.*, VI, 39.
[5]) Свет., *Galba*, 13.

Публичныя чтенія были введены въ моду Полліономъ около середины царствованія Августа. Они пріобрѣли быстрый успѣхъ, который нетрудно себѣ объяснить, если вспомнить занятія и вкусы людей той эпохи. Уже было упомянуто, что литература тогда пользовалась большой симпатіей, и, если вѣрить Горацію, почти всякій претендовалъ на званіе писателя [1]). Никто обыкновенно не хранилъ про себя своихъ произведеній; каждый былъ о своемъ писательствѣ такого высокаго мнѣнія, что считалъ бы преступленіемъ не познакомить публику съ плодами его. Къ несчастью, книги въ древности не расходились такъ быстро и такъ легко, какъ теперь. Книги знаменитыхъ писателей распространялись скоро и далеко; остальнымъ же обыкновенно предстояло оставаться въ тѣни. А чтобъ избѣжать такой грустной участи и какимъ нибудь образомъ дать знать о себѣ, авторы и ввели обыкновеніе читать публично свои произведенія: это было средство спасти ихъ отъ грозящаго имъ забвенія. Если писатель былъ бѣденъ, онъ шелъ съ своими произведеніями туда, гдѣ собиралась толпа, на форумъ, въ портики, въ публичныя бани; онъ останавливалъ прохожихъ, чтобы продекламировать имъ свои стихи, рискуя, что его освищутъ или побьютъ камнями, если публика окажется не въ настроеніи его слушать. Если писатель былъ человѣкъ богатый, онъ приглашалъ къ обѣду своихъ клієнтовъ и друзей, былъ съ ними въ высшей степени любезенъ, и, пользуясь ихъ благодарностью, заставлялъ ихъ слушать и восхищаться. Горацій разсказываетъ забавную исторію о страшномъ заимодавцѣ, который созывалъ своихъ неоплатныхъ должниковъ въ срокъ платежа и читалъ имъ свои скучнѣйшія произведенія; надо было или ему апплодировать, или уплатить долгъ. Несчастные „протягивали шеи“, какъ обреченныя жертвы, и апплодировали, чтобъ получить отсрочку [2]). Полліонъ не былъ ни настолько бѣденъ, чтобы бѣгать со своими произведеніями по общественнымъ мѣстамъ, ни настолько глупъ, чтобъ довольствоваться апплодисментами изъ снисхожденія. Но всетаки онъ очень старался объ извѣстности своихъ траге-

[1]) *Epist.*, II, 107 и слѣд.
[2]) Гор., *Sat.*, I, 3, 88.

дій и исторій. Этотъ тщеславный субъектъ, помогшій Цезарю и Октавію занять первое мѣсто въ государствѣ, самъ однако не довольствовался вторымъ мѣстомъ и искалъ въ литературѣ того положенія и значенія, котораго не дала ему политика. Ему пришла мысль выбрать залу въ своемъ домѣ, устроить ее на манеръ театра, т. е. съ оркестромъ и съ галлереями, и по билетамъ приглашать къ слушанію своихъ произведеній тѣхъ лицъ, которыхъ онъ зналъ, или которымъ онъ желалъ быть извѣстенъ. Многіе послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ вскорѣ въ Римѣ вошло въ моду посѣщать читальныя залы, особенно въ апрѣлѣ и въ августѣ [1]).

Легко составить себѣ понятіе, какія чувства одушевляли посѣтителей этихъ литературныхъ празднествъ. Слушатели и чтецы принадлежали обыкновенно къ лучшему обществу; поэтому они раздѣляли всѣ симпатіи и антипатіи большого свѣта; отсюда можно заключить, что въ общемъ оппозиціонные элементы на этихъ публичныхъ чтеніяхъ преобладали. Когда можно было высказываться, то это дѣлалось именно здѣсь. Здѣсь, послѣ смерти Домиціана, Титиній Капито читалъ исторію его жестокостей. Всякій считалъ своею обязанностью прійти его послушать. „Казалось, говоритъ Плиній, что присутствуешь при надгробномъ похвальномъ словѣ этихъ несчастныхъ (жертвъ императорской жестокости), похороны которыхъ нельзя было почтить [2])“. При дурныхъ цезаряхъ, конечно, на публичныхъ чтеніяхъ господствовала большая сдержанность, но и тутъ находили возможность высказываться. Въ самую мрачную эпоху царствованія Нерона поэтъ Куріацій Матернъ осмѣлился прочитать трагедію, полную намековъ [3]). При Веспасіанѣ онъ продолжалъ свою мелкую войну посредствомъ эпиграммъ. Онъ прочелъ однажды *Катона,* „гдѣ онъ забывалъ о себѣ, говоритъ Тацитъ, думая лишь о своемъ героѣ“. Безъ сомнѣнія, смѣлыя выходки поэта встрѣчали себѣ полное одобреніе у слушателей: на слѣдующій день въ Римѣ только и было разговоровъ,

[1]) Плиній, *Epist.*, I. 3: *toto mense aprilli nullus fere dies, quo non recitaret aliquis.* Ювен., III, 9: *et augusto recitantes mense poetas.*

[2]) Плин., *Epist.*, VIII, 12.

[3]) Тац., *Dial. de orat.*, II. Мы читаемъ здѣсь: *imperante Nerone,* согласно поправкѣ Л. Мюллера, вмѣсто: *in Nerone.*

что объ его смѣлости и объ опасностяхъ, которыя она могла на него навлечь [1]).

Трагедіи Куріація Матерна потеряны, но у насъ есть трагедіи Сенеки, которыя могутъ намъ дать достаточно полное понятіе, что позволяли себѣ говорить писатели въ читальныхъ залахъ. Конечно, трагедіи Сенеки весьма посредственны; если разсматривать ихъ, какъ театральныя пьесы и сравнивать съ пьесами Софокла и Эврипида, то нельзя не отнестись къ нимъ весьма сурово. Но надо помнить, что были написаны онѣ не для сцены, что авторъ предназначалъ ихъ только для публичныхъ чтеній. Эти пьесы принадлежатъ къ типу салонныхъ трагедій, къ которымъ нельзя относиться совершенно такъ же, какъ къ театральной трагедіи. Этотъ родъ пьесъ можетъ казаться фальшивымъ и плохимъ, мы вправѣ сурово осудить его; однако, при всемъ томъ, салонная трагедія представляетъ совершенно особенный родъ литературы, который подчиненъ другимъ правиламъ, чѣмъ театральная трагедія; онъ имѣетъ свою спеціальную публику и поневолѣ долженъ носить извѣстные недостатки, чтобы ей нравиться. Сенека, дорожившій успѣхомъ, добровольно обрекалъ свои произведенія на эти недостатки. Онъ только и заботится о томъ, чтобы польстить вкусу своихъ слушателей. А онъ хорошо знаетъ, что они только тогда будутъ заинтересованы, если онъ будетъ говорить имъ о ихъ времени и о нихъ самихъ; онъ, не обинуясь, такъ и поступаетъ,—совершенно откровенно: по нѣкоторымъ его выраженіямъ можно было бы подумать, что онъ самъ старается предувѣдомить своихъ слушателей, что настоящее занимаетъ его болѣе, чѣмъ прошлое, и что его взоры всегда обращены на Римъ, хотя онъ говоритъ объ Аргосѣ или о Ѳивахъ [2]). Поэтому то онъ и вводитъ столько политическихъ намековъ въ свои трагедіи.

Латинскіе авторы имѣли отличное средство вплетать такіе намеки въ свои трагедіи, не возбуждая особеннаго подозрѣнія власти. Между персонажами древней римской трагедіи былъ одинъ, съ которымъ авторы обыкновенно не стѣснялись, именно тираннъ, котораго всегда пред-

[1]) Тац., Dial., 2.

[2]) Можно ли сомнѣваться въ томъ, когда напр. въ серединѣ своего *Тіеста* онъ говоритъ намъ о *связкахъ прутьевъ* (у ликторовъ) и произноситъ имя *Quirites?*

ставляли несправедливымъ, вспыльчивымъ, грозно повелѣвающимъ своими трепещущими подданными[1]). Ему суждено было возбуждать ненависть, какъ предателю нашихъ мелодрамъ. Когда онъ произносилъ свои высокомѣрныя фразы, откинувши назадъ голову[2]), вся толпа во времена республики чувствовала себя счастливою, что надъ нею нѣтъ таковаго. Тираннъ сохранился въ трагедіи и при императорахъ, и авторы продолжали къ нему относиться съ антипатіей; это стало традиціей. Цезари съ грѣхомъ пополамъ могли не принимать на свой счетъ всѣхъ дерзостей, которыя имъ говорились, потому что считалось признаннымъ разъ навсегда, что „принципатъ и тираннія не одно и тоже". Но, повидимому, Сенека не хочетъ вводить въ обманъ своихъ слушателей. Онъ самъ старается подчеркнуть, что, клеймя это смѣшное лицо трагедіи, онъ выбираетъ болѣе высокую цѣль для своей насмѣшки. Одинъ изъ афоризмовъ, которые онъ чаще всего влагаетъ въ уста тиранну, таковъ: „Только добродушные цезари убиваютъ однимъ ударомъ; въ моемъ царствѣ смерть есть милость, которую нужно вымаливать[3]).“—„Тотъ, кто убиваетъ слишкомъ скоро, не умѣетъ быть тиранномъ“[4]). Это изреченіе Тиберія: онъ отвѣчалъ такъ однажды своей жертвѣ, просившей у него смерти: „Развѣ мы уже примирились“[5])? Очевидно, подъ образомъ тиранна здѣсь надо разумѣть цезаря, и, если всмотрѣться внимательнѣе, то повсюду мы встрѣчаемъ тоже самое. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, къ кому относился слѣдующій великодушный совѣтъ: „Вы, сидящіе высоко, воздерживайтесь проливать кровь“[6]). Нѣкоторыя выраженія этихъ трагедій, повидимому, даже прямо намекаютъ на особенное положеніе Сенеки и на безсиліе его обратить своего ученика на добрый путь. „Я знаю, говоритъ онъ, какъ высокомѣрныя уши цезарей не любятъ слышать истину; ихъ гордость не желаетъ,

---

1) Циц., *Pro Rab.*, 11.
2) Сен., *Epist.*, 80, 7: *in scena latus incedit, et haec resupinus dicit.*
3) *Thyestes*, 247.
4) *Herc. fur.*, 511. См. также *Phaenissae*, 100; *Froad.*, 1175; *Med.*, 19 и 1018; *Agam.*, 994.
5) Свет., *Tib.*, 61. Онъ также говорилъ про Карвилія, который убилъ себя въ тюрьмѣ: «Карвилій улизнулъ отъ меня».
6) *Herc. fur.*, 747.

чтобъ имъ напоминали о добродѣтели“[1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ повидимому выражаетъ сожалѣніе по поводу непріятныхъ уступокъ, которыя ему пришлось сдѣлать Нерону въ бытность свою у власти, — уступокъ, которыя такъ огорчили всѣхъ честныхъ людей: „Кто поставилъ себя въ зависимость отъ принципатовъ, говоритъ онъ, тотъ долженъ отказаться отъ всякой справедливости, изгнать изъ своего сердца всякое честное чувство; кто сколько нибудь сохраняетъ честь, тотъ оказываетъ имъ плохую услугу“[2]). Еслибы кто спросилъ его, какъ такой наставникъ, какъ онъ, могъ воспитать такого ученика, какъ Неронъ, Сенека могъ отвѣтить: „Если бы не было никого, кто бы научилъ его вѣроломству и преступленію, его научитъ самое положеніе его“[3]). Вотъ, какимъ образомъ самые общіе мысли и афоризмы, которые кажутся съ перваго взгляда избитыми мѣстами, получаютъ частный смыслъ и становятся живыми, если за комментаріями къ нимъ обратиться къ исторіи самого Сенеки. Любовь къ скромному положенію, которою онъ надѣляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, ужасъ передъ высокою ролью, сожалѣніе о слишкомъ большихъ уступкахъ соблазнамъ богатства и власти, — все это онъ прочувствовалъ самъ послѣ своей немилости. Не онъ ли самъ говоритъ, напр., устами Тіеста: „Вѣрьте мнѣ, избытокъ соблазняетъ насъ лишь обманчивою внѣшностью, и не правъ тотъ, кто боится бѣдности. Пока я былъ могучъ, я не переставалъ трепетать. Теперь я счастливъ, не возбуждая ни въ комъ ни ревности, ни страха. Преступленіе не ищетъ бѣдняка въ хижинѣ. Тамъ можно безопасно сѣсть за скромную трапезу, тогда какъ изъ золотыхъ кубковъ рискуешь выпить яду. Я говорю это, потому что самъ испыталъ“[4]). Говорятъ, онъ дѣйствительно самъ испыталъ нѣчто подобное. Неронъ хотѣлъ отравить его черезъ одного изъ своихъ вольноотпущенниковъ, и только его умѣренность спасла его. Съ этихъ поръ, чтобы избѣжать опасности, онъ питался только дикими плодами и утолялъ свою жажду проточной водой[5]).

Интересъ его трагедій возрастаетъ еще отъ того, что онъ безпо-

---

1) *Hippol.*, 135.
2) *Thyestes*, 313.
3) *Hippol.*, 428.
4) *Thyestes*, 446.
5) Тац., *Ann.*, XV, 45.

коится не только о себѣ одномъ, но заботится и о другихъ столько же, сколько о себѣ. Сознаніе грозящихъ ему опасностей заставляетъ его думать о своихъ товарищахъ по несчастію; онъ старается ихъ поддержать и укрѣпить. Онъ напоминаетъ имъ, что „тотъ, кто сохраняетъ силу духа, не можетъ быть несчастнымъ [1])“. Кромѣ того, говоритъ онъ, развѣ у нихъ нѣтъ вѣрнаго средства, чтобы отдѣлаться отъ столь суроваго гнета: „Всякій, говоритъ онъ, можетъ отнять у насъ жизнь, но никто не можетъ отнять у насъ смерти [2]).—Тотъ, кто умѣетъ умирать, никогда не будетъ рабомъ [3])“. Онъ ихъ утѣшаетъ, показывая, что, какъ бы ни печально было положеніе подданныхъ, положеніе тиранна еще печальнѣе. Онъ не можетъ укрыться отъ всѣхъ глазъ, устремленныхъ на него: „его палаты прозрачны и позволяютъ замѣтить всѣ его недостатки [4])“. У него нѣтъ друзей, онъ не долженъ разсчитывать ни на чью преданность: „вѣрность никогда не переступаетъ порога палатъ [5])“. Тираннъ знаетъ, какія опасности ему угрожаютъ, и проводитъ жизнь въ постоянномъ трепетѣ. „Кто управляетъ желѣзнымъ скипетромъ, тотъ трепещетъ передъ тѣми, которыхъ онъ заставляетъ трепетать; страхъ возвращается къ тому, кто его внушаетъ [6])“. Здѣсь опять идетъ рѣчь ни о комъ другомъ, какъ о Неронѣ; невозможно въ этомъ сомнѣваться, читая слѣдующіе стихи: „Кто раздаетъ короны по своему произволу, передъ кѣмъ дрожащіе народы склоняютъ колѣна, кто однимъ мановеніемъ головы обезоруживаетъ Мидянъ, Индійцевъ и Даковъ, страшныхъ для Пароянъ, тотъ самъ не свободенъ отъ безпокойства на своемъ тронѣ; онъ содрогается, думая о капризахъ судьбы и о внезапныхъ ударахъ рока, опрокидывающихъ царства [7])“. Такъ ясно указавши публикѣ на Нерона, Сенека позволяетъ себѣ обратиться къ нему съ такими словами: „Вы, которымъ владыка земли и морей вручилъ ужасное право надъ жизнью и смертью всѣхъ людей, оставьте

---

1) *Herc. fur.*, 464.
2) *Phaen.*, 152.
3) *Herc. fur.*, 426.
4) *Agam.*, 148.
5) Agam., 285.
6) Oedip., 705.
7) *Thyestes*, 600.

этотъ высокомѣрный и неприступный видъ. Участь, которою вы грозите другимъ, вы можете испытать сами. Вы повелѣваете другими, но и надъ вами тамъ есть повелитель, который распоряжается вашей судьбой [1])“. Высшая власть оттого такъ хрупка и ненадежна, что тираннъ можетъ быть увѣренъ въ ненависти своихъ подданныхъ.“—Какъ Неронъ можетъ устоять противъ возбуждаемаго имъ повсюду недовольства,—въ одинъ прекрасный день онъ долженъ отъ него погибнуть, особенно если онъ злоупотребляетъ своей властью. Поэтъ предсказываетъ ему это неизбѣжное паденіе [2]), и не только предсказываетъ, но желаетъ и зоветъ его; насколько можетъ, онъ даетъ оружіе въ руки недовольныхъ и заранѣе оправдываетъ ударъ кинжала, который освободитъ Римъ и весь міръ отъ него. „Нельзя, говоритъ онъ, принести Юпитеру болѣе пріятной жертвы [3])“. Вотъ что говорилось, вотъ чему апплодировали въ читальныхъ залахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Палатинскаго холма, вотъ, что повторялось и комментировалось врагами цезаря, что составляло на слѣдующій день предметъ разговора во всемъ Римѣ. Намъ было бы весьма трудно понять, какъ можно было такъ смѣло и свободно говорить при Неронѣ [4]), если бы мы не знали, насколько неопредѣленно и нерѣшительно по своей природѣ было цезарское правительство; оно являлось то терпимымъ, то безпощаднымъ, позволяя въ одномъ мѣстѣ то, что запрещалось въ другомъ, наказывая одного за то, что сходило другому.

Но не всѣ говорили такъ громко, не всѣ желали подвергаться риску. Гласно высказывали свои мысли только смѣльчаки; остальные довѣрялись только нѣсколькимъ друзьямъ. Съ перваго взгляда кажется невозможнымъ, чтобы до насъ дошло что нибудь изъ тѣхъ разговоровъ, которые велись по секрету. Всетаки и они не совсѣмъ потеряны для насъ; историки зачастую приводятъ ихъ. Они собирали подобные

---

1) Весьма важно, что Сенека здѣсь намекаетъ на одно изъ случившихся при немъ пораженій Пароянъ. Не идетъ ли здѣсь дѣло о побѣдахъ Корбулона?
2) *Med.*, 196: *iniqua numquam regna perpetuo manent.*
3) *Herc. fur.*, 923.
4) Весьма вѣроятно, что большая часть трагедій Сенеки были сочинены и читаны послѣ его немилости и незадолго до его смерти. Тацитъ говоритъ, будто того обвиняли за то, что онъ чаще писалъ стихи съ тѣхъ поръ, какъ Неронъ почувствовалъ вкусъ къ поэзіи (*Ann.*, XIV, 52); это обвиненіе имѣетъ силу только если Сенека сочинялъ пьесы для сцены, какъ Неронъ.

разговоры изъ устъ современниковъ и удѣляли имъ важное мѣсто въ своихъ повѣствованіяхъ. Тацитъ, Светоній, даже Діонъ полны подобными рѣчами. Отсюда происходили всѣ противорѣчивые слухи, среди которыхъ сами историки съ трудомъ разбираются, всѣ недоброжелательные комментаріи на каждое дѣйствіе цезаря, неправдоподобные разсказы, странныя обвиненія, которыя историкамъ приходится тутъ же опровергать. Такимъ образомъ они сохранили намъ кое-что изъ робкихъ проявленій оппозиціи, которая держалась въ тѣни и говорила только полусловами; читая историковъ, мы можемъ оцѣнить ее.

Прежде всего можно замѣтить, что чѣмъ болѣе оппозиція таилась, тѣмъ она была безпощаднѣе. Ничто не укрывалось отъ недоброжелательства этихъ людей; они были тѣмъ смѣлѣе втайнѣ, чѣмъ сдержаннѣе они должны были быть на глазахъ. Они никогда ничѣмъ не были довольны. Имъ случалось нападать на отличныя мѣропріятія, значеніе которыхъ они не желали понять. Все служило поводомъ для ихъ недовольства. Тиберій въ первые годы не могъ ничего сдѣлать, чтобы его дѣяніямъ не придали дурного смысла: его порицали за то, что онъ оставался въ Римѣ во время возмущенія легіоновъ въ Германіи [1]); правда, его порицали бы еще болѣе, если бы онъ покинулъ Римъ. На него сердились за то, что онъ избѣгалъ зрѣлища гладіаторовъ [2]): эту ненависть къ народнымъ празднествамъ объясняли его мрачнымъ и угрюмымъ характеромъ. Но въ то же время его сыну Друзу не могли простить, что онъ находилъ въ нихъ слишкомъ много удовольствія. Осуждали ненасытное тщеславіе Тиберія, когда онъ принималъ предлагаемыя ему почести, а затѣмъ его называли высокомѣрнымъ, если онъ ихъ отвергалъ. Когда онъ запретилъ воздвигнуть себѣ храмъ въ Испаніи и отказался принимать въ серьезъ свою божественность,— мудрость, за которую потомство обязано ему благодарностью,—недовольные говорили, что это низменная душа: „И великіе люди, молъ, жаждутъ великихъ наградъ, а кто пренебрегаетъ славой, пренебрегаетъ и доблестью [3])“. Однажды, послѣ разлива Тибра, опустошившаго всѣ низменные кварталы въ Римѣ, возникла мысль предупре-

[1]) Тац., *Ann.*, I, 46.
[2]) Тац., *Ann.*, I. 76.
[3]) Тац., *Ann.*, IV, 38.

дить повтореніе подобныхъ бѣдствій, давши другой стокъ озерамъ и рѣчкамъ, переполнявшимъ Тибръ. Нашлись люди, жаловавшіеся и на эту мѣру. Они говорили, что „природа предусмотрѣла нужды смертныхъ“, и что „стремленіе ее насиловать и исправлять есть преступленіе“; они доходили до утвержденія, что Тибръ былъ бы униженъ, если бы была уменьшена масса его водъ, „и что онъ вознегодовалъ бы, если бы его заставили течь съ меньшею славой [1])“. Все это конечно очень странныя разсужденія, и обитатели Велабра безъ сомнѣнія находили, что оградить ихъ дома лучше, чѣмъ сохранить славу Тибра; но надо было ко всему привязаться и всюду найти поводъ для жалобъ. Въ этомъ заключалась единственная мысль большинства недовольныхъ изъ большого свѣта.

IV.

Чего хотѣла оппозиція. — Почему ее считали республиканской. — Оппозиція въ школахъ. — Оппозиція философовъ. — Сенека. — Тразеа. — Политика воздержанія. — Почему философы были недовольны.

Римская оппозиція, какою мы ее только что описали, была мелочна, придирчива, и дѣйствовала раздражающимъ образомъ на представителей власти: понятно, что она часто приводила императоровъ въ нетерпѣніе. Но представляла ли она для нихъ дѣйствительную опасность? Чтобъ оправдать ихъ насилія противъ нея, надо было бы рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. И дѣйствительно, тѣ политики, которые въ наше время берутся за реабилитацію римской имперіи, пытались доказать серьезную опасность оппозиціи для императорской власти. Эти изслѣдователи утверждаютъ, будто цезари были вовлечены въ жестокую борьбу съ аристократіей, будто они, безпрестанно вызываемые ею, находясь подъ вѣчнымъ опасеніемъ за свое существованіе и за свою власть, наносили ей удары лишь изъ самозащиты, и не могли щадить ее, не губя себя. При подобномъ освѣщеніи всѣ эти недовольные являются открытыми и систематиче-

[1]) Тац., *Ann.*, 1, 79.

скими противниками императорскаго режима, принципіальными республиканцами [1]), стремившимися разрушить новый порядокъ вещей и возстановить тотъ, который былъ уничтоженъ Цезаремъ и Октавіемъ.

Повидимому, въ пользу этого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что всѣ тогда съ большой симпатіей отзываются о республикѣ. Ея имя у всѣхъ на языкѣ, ея герои упоминаются при каждомъ удобномъ случаѣ. Съ перваго взгляда трудно допустить, чтобы въ такихъ похвалахъ прошедшему не содержалось извѣстной доли сожалѣнія о немъ; кажется, будто нельзя было быть другомъ Катона, не будучи врагомъ имперіи. Не надо забывать однако, что, если причислить къ заговорщикамъ всѣхъ прославляющихъ прошлое, то въ первые ряды мятежниковъ надо поставить самихъ цезарей. Никто больше ихъ не злоупотреблялъ славными воспоминаніями о минувшемъ; они не только не считаютъ эти воспоминанія протестами противъ своей власти, — наоборотъ, они первые ихъ вызываютъ и прославляютъ. Это было слѣдствіемъ искусной политики Августа. Цезарь низвергъ республику; Августъ хотѣлъ прослыть возстановителемъ ея: онъ заявлялъ себя ея продолжателемъ и наслѣдникомъ. Съ этого момента уже не было противоположности между героями республики и имъ, онъ безъ церемоніи расположился въ ихъ компаніи и воспользовался ихъ славой для того, чтобы возвысить свою. Если онъ и не говорилъ открыто, что Цезарь былъ неправъ въ своей борьбѣ съ Помпеемъ, то онъ предоставилъ это высказывать своимъ историкамъ и поэтамъ [2]). Всѣ вокругъ него принадлежали къ помпеянской партіи, и онъ не сердился на это. Кто хотѣлъ ему польстить, какъ напр., Проперцій, тотъ извращалъ исторію безъ зазрѣнія совѣсти, представляя битву при Акціумѣ реваншемъ за Фарсалы [3]). Дошло до того, что одинъ изъ членовъ императорскаго дома, будущій императоръ Клавдій, котораго сдѣлали историкомъ, потому что не знали, что съ нимъ дѣлать, написалъ произведеніе въ

[1]) Мы можемъ употребить это слово *республиканцы* для обозначенія сторонниковъ режима, предшествовавшаго имперіи, и это не будетъ анахронизмомъ. Тацитъ употребляетъ слово *respublica* въ томъ же смыслѣ: *quotus quisque reliquus, qui rempublicam vidisset* (*Ann.*, I, 3).

[2]) Вергилій повидимому высказываетъ именно это, прося Цезаря первымъ положить оружіе (*Ann.*, VI, 36). Титъ Ливій обсуждалъ вопросъ, не было ли рожденіе Цезаря несчастіемъ для Рима.

[3]) III, 2, 36.

защиту Цицерона противъ клеветъ Галла [1]). Итакъ, было бы большимъ заблужденіемъ думать, будто всѣ тѣ, которые съ такимъ почтеніемъ отзывались о людяхъ и порядкахъ прежняго времени, сожалѣли о прежнемъ правительствѣ, и будто нельзя было хвалить республику, не будучи республиканцемъ.

Мы не хотимъ утверждать, что и въ то время не было дѣйствительныхъ республиканцевъ, но мы думаемъ, что они были рѣдки [2]). Больше всего ихъ вѣроятно было въ школахъ. Юношеству преподавали только одно искусство—краснорѣчіе; а на краснорѣчіи-то болѣе, чѣмъ гдѣ либо, вредно отозвалась гибель республики. Краснорѣчію нужна свобода; даже нѣкоторая крайность въ этомъ смыслѣ ей не во вредъ. „Великое краснорѣчіе, говоритъ Тацитъ, подобно пламени; ему нуженъ матеріалъ для питанія, движеніе для его возбужденія; оно блистаетъ лишь когда горитъ“ [3]). Среди бурь народнаго правленія, великій ораторъ можетъ достигнуть всего. Счастливый поворотъ судьбы возноситъ его къ власти и даетъ ему заразъ славу и богатство. Эти случайности были рѣдки при новомъ правительствѣ: краснорѣчіе играло здѣсь незначительную роль. Поэтому-то тѣ, которыхъ соблазняла карьера приключеній, которые торопились выдвинуться, горячія натуры, пылкіе темпераменты, порожденные судорожной гражданской борьбой, тѣ, которыхъ стѣснялъ порядокъ и правильность императорскаго режима, люди, подобные Лабіену, Кассію Северу, горько сожалѣли о республикѣ и, не таясь, высказывали это. Насколько ихъ мнѣнія выдѣлялись изъ робкой оппозиціи большого свѣта, доказываетъ то обстоятельство, что въ общемъ ихъ тамъ терпѣть не могли. Они открыто возставали противъ этого элегантнаго общества, которое скандализовалось смѣлостью ихъ словъ и цинизмомъ ихъ поведенія, и почти одобряли императоровъ за ихъ суровость по отношенію къ свѣтскимъ людямъ; за то такіе люди имѣли большое вліяніе въ школахъ. Будучи знаменитыми

[1]) Свет., *Claud*, 41.

[2]) Это совершенно ясно выражаетъ Тацитъ сжатой фразой, когда онъ описываетъ состояніе умовъ и мнѣній въ моментъ смерти Августа. Онъ говоритъ, что нѣсколько человѣкъ сожалѣли о потерянной свободѣ, но что они были малочисленны, и что жалобы ихъ остались безъ результата, *pauci bona libertatis incassum disserere* (*Ann.*, I, 4).

[3]) Тац. *De orat.*, 36: *Magna eloquentia, sicut flemma, materia, alitur et motibus excitatur, et urendo clarescit.*

ораторами на форумѣ, они не пренебрегали и тѣми упражненіями, на которыхъ риторы обучали своихъ учениковъ, и которыя назывались *декламаціями*. Они вносили туда заразъ блестящія качества своего краснорѣчія и смѣлость своихъ мнѣній. Разсказываютъ, что Лабіенъ декламировалъ однажды на одинъ изъ любимыхъ риторами сюжетовъ; дѣло шло о промышленникахъ, которые подбирали брошенныхъ дѣтей и калѣчили ихъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ прибыльныхъ нищихъ. Всѣ ораторы обыкновенно съ жалостью относились къ жертвамъ; Лабіенъ задумалъ принять сторону палача. Онъ защищалъ его, напр., противъ цезарей и вельможъ, которые не болѣе того заслуживали уваженіе человѣчества, которые скопляли рабовъ въ своихъ домахъ, калѣчили ихъ для служенія своимъ прихотямъ, „которые, не будучи сами людьми, хотѣли, чтобъ и другіе ими не были“ [1]); справедливо ли было наказывать какого нибудь ничтожнаго преступника, когда такіе большіе преступники избѣгали правосудія? Подобное горячее краснорѣчіе прельщало молодыхъ людей. Лабіенъ и Кассій Северъ были въ модѣ у школьниковъ. Не только ихъ манера говорить находила подражаніе, но и ихъ политическое настроеніе находило сочувствующихъ. Обычные у риторовъ сюжеты сохранялись еще отъ прежняго времени; и здѣсь много говорилось о тираннѣ, лицѣ, обладавшемъ гиперболичной злостью, которому приписывались всякаго рода злодѣйства. Съ какимъ удовольствіемъ его здѣсь отдѣлывали! И какъ счастливъ былъ весь классъ, „цѣлымъ хоромъ убирая тиранна“, какъ выражается Ювеналъ [2]). Современная исторія также проникала въ школу. Здѣсь трактовались тоже сюжеты изъ событій ближайшаго прошлаго. Съ царствованія Августа, жизнь и смерть Цицерона стали темой для декламацій учениковъ и учителей. Напр. предполагалось, что въ послѣднія свои минуты онъ разсуждаетъ со своими друзьями о томъ, долженъ ли онъ умолять Антонія о прощеніи и сжечь свои *филиппики*. Это былъ удобный случай, чтобъ поговорить о проскрипціяхъ, и никто не отказывалъ себѣ въ удовольствіи заклеймить мимоходомъ „кровавый торгъ, гдѣ назначалась цѣна за жизнь гражданъ“. Антонія конечно ругали болѣе всѣхъ другихъ тріумвировъ: онъ уже не могъ защищаться,

[1]) Сен., *Controv.*, 33.
[2]) Ювен., VII, 151: *quum perimit saevos classis numerosa tyrannos.*

его уже не было; но и другихъ не щадили. Здѣсь не хотѣли вѣрить оффиціальной лжи, будто Октавій сдѣлалъ всѣ усилія, чтобъ вырвать Цицерона у своего коллеги; великому оратору говорили, что ему надо умереть, что ему не отъ кого ждать помощи, что онъ ненавистенъ одному изъ тріумвировъ, и что стѣснителенъ для другого, и что его смерть освобождаетъ одного—отъ врага, а другого—отъ угрызенія совѣсти [1]). Можно судить, какими апплодисментами встрѣчались такія смѣлыя рѣчи!

Итакъ, въ школахъ еще были республиканцы; особенно учителя должны были сожалѣть о прошломъ, такъ какъ они болѣе всѣхъ потеряли при новомъ строѣ; энтузіазмъ учениковъ не вознаграждалъ ихъ за успѣхи на форумѣ. Это сожалѣніе было вполнѣ естественно, и не трудно его понять, если лишь бѣгло взглянуть на то, что намъ осталось отъ всего этого риторскаго краснорѣчія. Сколько потерянныхъ силъ! Сколько тутъ ума и таланта затрачено безъ пользы! Какая тонкость наблюденія! Какая сила мысли! Но, къ несчастью, въ тотъ моментъ, когда римское краснорѣчіе достигло высшей точки своего развитія, когда ему открывались всѣ пути, имперія внезапно заперла его въ школу! Какой ораторъ вышелъ бы напр. изъ Порція Латрона, если-бы онъ попробовалъ свои силы въ борьбѣ, достойной его таланта! Сенека говоритъ, что въ его рѣчахъ встрѣчались прекрасные порывы, но между ними внезапно прорывались слабыя мѣста [2]); если ему случалось быть ниже своего таланта, если онъ минутами какъ будто небрежничалъ, не происходило ли это оттого, что онъ втайнѣ сознавалъ всю безполезность своего искусства, представляя себѣ, чего онъ могъ бы достигнуть въ другія времена? Его соперникъ, Альбуцій Силъ старательно пересыпалъ свои рѣчи вульгарными словами, чтобъ не показаться исключительно мастеромъ стиля [3]). Ему было противно риторское ремесло, которому онъ служилъ съ такою славой. Поэтому онъ не скрывалъ сожалѣнія о такой формѣ правленія, которая позволила бы ему стать политическимъ ораторомъ. Однажды, когда онъ защищалъ дѣло въ Миланѣ, слушателямъ его хотѣли помѣшать

[1]) Сен., *Suas.*, 6: *si cui ex triumviris non es invisus, gravis es.*
[2]) *Controv.*, I, предисл.
[3]) Сен., *Controv.*, VII., предисл.

ему апплодировать; тогда онъ обернулся къ статуѣ Брута и назвалъ его опорой и защитникомъ законовъ и свободы [1]). Если такіе серьезные и положительные люди, учителя, часто бывали республиканцами, то тѣмъ болѣе ученики должны были быть таковыми. Но вѣроятно пылъ молодости удерживался не долго. Вступивши въ дѣйствительную жизнь, молодые люди забывали свои прежнія мнѣнія. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые въ школѣ всего энергичнѣе убивали тиранна, которые энергично совѣтовали Цицерону умереть скорѣе, чѣмъ опозорить себя, шли по кратчайшей дорогѣ и, стремясь быстрѣе выдвинуться, дѣлались доносчиками. Болѣе честные дѣлались благоразумными изъ чувства самосохраненія, и не отказывались нѣсколькими льстивыми выраженіями купить свою безопасность; но всѣ въ концѣ концовъ мирились съ принципомъ существующаго режима; всѣ единогласно признавали, что обширное пространство имперіи, разнообразіе составлявшихъ ее народовъ, напирающіе на ея границы враги,—все это требовало концентраціи власти для большей ея силы и сосредоточенія ея въ рукахъ одного человѣка.

Поэтому то ораторы не были опасны для цезарей; философы были въ ихъ глазахъ подозрительнѣе—они казались имъ настоящими врагами имперіи. Начиная съ Тиберія, было организовано правильное преслѣдованіе философовъ, которое продолжалось безъ перерыва до Антониновъ. Часто философы терпѣли гоненія поодиночкѣ, иногда же они подвергались и массовымъ преслѣдованіямъ: при Неронѣ, Веспасіанѣ, Домиціанѣ всѣ они были изгнаны изъ Рима и изъ Италіи.

Чѣмъ же они такъ провинились? Чѣмъ они заслужили такую строгость? О нихъ сложилась молва, что они недовольны новымъ строемъ и сожалѣютъ о старомъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они подражали такимъ рѣшительнымъ республиканцамъ, какъ Туберонъ, Фавоній, Брутъ. Доносчики говорили о стоикахъ; „это секта, которая никогда не порождала ничего, кромѣ интригановъ и бунтовщиковъ“ [2]). Такое мнѣніе было весьма распространено даже среди умѣренныхъ круговъ общества, такъ что Сенека чувствовалъ необходимость возстать противъ него. Онъ сдѣлалъ это въ знаменитомъ письмѣ, гдѣ

[1]) Сен., *De rhet.*, 6.
[2]) Тац., *Ann.*, XVI. 23.

онъ старался доказать, что у государей нѣтъ болѣе вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, чѣмъ философы. „Изъ путешественниковъ, говорилъ онъ, которые плаваютъ по тихому морю, наиболѣе выигрываютъ отъ спокойствія водъ и наиболѣе чувствуютъ себя обязанными Нептуну тѣ, кто перевозитъ самые цѣнные товары“; такимъ же образомъ общественное спокойствіе наиболѣе драгоцѣнно для тѣхъ, кто пользуется имъ, чтобы достигнуть мудрости. Такъ какъ философы лучше всѣхъ другихъ пользуются спокойствіемъ, то они умѣютъ лучше оцѣнить его благодѣянія и чувствуютъ больше благодарности тому, кто даетъ его [1]). Несомнѣнно, что лично Сенека нисколько не республиканецъ; во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ излагаетъ свое политическое *profession de foi*, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно его убѣжденій. Монархія при справедливомъ царѣ казалась ему лучшимъ изъ правительствъ [2]); онъ былъ убѣжденъ, что нельзя вернуться къ древней республиканской формѣ правленія, разъ были потеряны древніе нравы [3]); онъ нѣсколько разъ высказываетъ, что считаетъ императорскую власть необходимой для блага Рима: „Если бы намъ случилось какъ нибудь низвергнуть это иго, еслибъ мы не согласились вновь возложить его на себя, то нарушилось бы удивительное единство нашей исторіи, и обширное зданіе ея разбилось бы въ куски. Въ тотъ день, когда Римъ перестанетъ повиноваться“ [4]), онъ перестанетъ повелѣвать. Правда, что имя Катона безпрестанно на языкѣ у Сенеки; это могло бы дать подозрѣніе, что онъ симпатизируетъ тому дѣлу, которому Катонъ такъ благородно служилъ; но надо замѣтить, что обычныя похвалы, которыя Сенека расточаетъ Катону, не такого свойства, чтобы его компрометтировать. Онъ видитъ въ немъ только философа, онъ порицаетъ Катона за то, что тотъ былъ патріотомъ и республиканцемъ; онъ находитъ, что, вмѣшиваясь въ общественныя дѣла, Катонъ унизилъ себя. „Что тебѣ дѣлать, говоритъ онъ ему, въ этой свалкѣ? Дѣло идетъ уже не о свободѣ,—она давно потеряна. Рѣшается вопросъ, которому изъ двухъ соперниковъ будетъ принад-

[1]) *Epist.*, 73.
[2]) *De benev.*, II, 2: *cum optimus status civitatis sub rege justo sit.*
[3]) Тамъ же.
[4]) *De clem.*, I, 4.

лежать республика; что тебѣ до этого спора? Ни одна изъ сторонъ недостойна тебя“ [1]). Исправленный такимъ образомъ Катонъ перестаетъ быть гражданиномъ, чтобы стать мудрецомъ; онъ паритъ слишкомъ высоко надъ человѣчествомъ, чтобы заниматься мелкими людскими ссорами, онъ окончательно потерялъ интересъ къ политическимъ дѣламъ; понятно, такой Катонъ не могъ болѣе затмевать цезарей, и хвалить его можно было безъ опасенія прослыть бунтовщикомъ [2]).

Чувства Сенеки, вѣроятно, раздѣлялись большинствомъ философовъ того времени. Самый знаменитый изъ нихъ, честный Тразеа, также не кажется намъ рѣшительнымъ врагомъ имперіи. Мы представляемъ себѣ его обыкновенно человѣкомъ строгой жизни, фрондеромъ съ суровымъ нравомъ: это былъ напротивъ свѣтскій человѣкъ, домъ котораго посѣщали лица обоего пола и хорошаго общества. Тразеа очень любилъ театръ, и въ своей родинѣ, Падуѣ, онъ однажды появился на сценѣ въ трагическомъ костюмѣ, что сильно скандализировало бы древнихъ Римлянъ [3]). По характеристикѣ Плинія, онъ обладалъ необыкновенной кротостью и проповѣдовалъ, чтобы строгость не была примѣняема даже къ величайшимъ преступникамъ. „Кто слишкомъ ненавидитъ пороки, говорилъ онъ часто, тотъ не любитъ людей“ [4]). И свою оппозицію Тразеа проводилъ очень скромно и съ большимъ тактомъ. Онъ нисколько не былъ прямолинеенъ и рѣзокъ. Если онъ считалъ нужнымъ поднять голосъ въ сенатѣ противъ какой нибудь нежелательной мѣры, онъ начиналъ съ восхваленія императора, котораго онъ, не колеблясь, называлъ превосходнымъ государемъ, *egregius princeps,* хотя этотъ превосходный государь былъ Неронъ [5]); да и такія выходки онъ позволялъ себѣ рѣдко; онъ больше любилъ протестовать однимъ молчаніемъ. Когда Неронъ пѣлъ, онъ не засыпалъ, какъ однажды заснулъ Веспасіанъ, едва не заплатившій жизнью за эту невѣжливость; Тразеа выражалъ даже одобреніе въ удачныхъ

[1]) *Epist.*, 14.

[2]) Что можно было хвалить Катона, не будучи мятежникомъ, доказываетъ примѣръ Петронія, который не колеблясь, прославляетъ его въ самыхъ высокихъ выраженіяхъ въ своей поэмѣ De bello civili.

[3]) Тац., *Ann.*, XVI, 21.

[4]) Плиній., *Epist.*, VIII, 22.

[5]) Тац., *Ann.*, XIV, 48.

мѣстахъ, только его энтузіазмъ находили слишкомъ умѣреннымъ. Когда въ сенатѣ разыгрывались нелѣпыя комедіи, когда растерянные сенаторы, опьяняя самихъ себя криками одобренія, въ концѣ концовъ доходили до какого то изступленія лести, Тразеа былъ холоднѣе своихъ коллегъ, но и онъ подавалъ голосъ вмѣстѣ со всѣми [1]). Онъ умышленно высказывалъ все свое мнѣніе цѣликомъ только тогда, когда дѣло шло о малозначительныхъ вопросахъ, къ которымъ по его мнѣнію императоръ былъ равнодушенъ [2]); такое осторожное поведеніе предохраняло его долго отъ гнѣва государя. Припомнимъ, что, несмотря на свою репутацію честнѣйшаго человѣка имперіи, онъ былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ Нерона.

Итакъ, оппозиція философовъ вовсе не была такая заговорщицкая, какъ утверждали доносчики. Единственный поводъ, который подавали философы для упрековъ въ томъ, что они находятся въ сговорѣ и конспираціи, былъ тотъ, что въ одинаковыхъ случаяхъ они вели себя одинаково: когда они видѣли, что честный человѣкъ не можетъ уже появиться въ сенатъ, они рѣшались не приходить вовсе или, если приходили, то молчали. „Они требовали для себя свободы лишь въ одномъ отношеніи, меньше чего уже нельзя требовать,—свободы ничего не говорить“ [3]); но именно это то имъ и не хотѣли разрѣшить. Когда нельзя было уличить философовъ въ открытомъ заговорѣ, ихъ обвиняли въ томъ, что они сговорились воздерживаться. Въ такихъ границахъ, намъ кажется, обвиненіе было справедливо, и почти всѣ философы, повидимому, его заслуживали. Къ концу жизни Сенека совѣтовалъ Луцилію удалиться отъ дѣлъ [4]). Въ тоже время онъ наполнялъ свои трагедіи тирадами о прелести ничтожества, о счастіи жить „вдали отъ скользкихъ вершинъ власти“ и умереть „старымъ плебеемъ“ [5]). Когда, по его мнѣнію, настало время ему самому удалиться, какъ онъ совѣтовалъ другимъ, онъ просилъ на это согласія государя, чтобы рѣшеніе его не было дурно истолковано. Сенека предложилъ возвра-

[1]) Тац., *Ann.*, XIV, 12: *silentio vel brevi assensu priores adulationes transmittere solitus.*

[2]) Тац., *Ann.*, XII, 49.

[3]) Сен., *Oedip.*, 523, *Tacere liceat: nulla libertas minor et rege petitur.*

[4]) *Epist.*, 19 и слѣд.

[5]) Сен., *Thyestes*, 390.

тить Нерону всѣ имѣнія, которыя тотъ ему далъ, и просилъ позволить ему удалиться отъ двора. Неронъ отказалъ ему въ этомъ. Около того же времени Тразеа, который не захотѣлъ поздравить императора со смертью его матери, а также воздать божескія почести Поппеѣ, совершенно пересталъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Стараясь не пріобщаться къ мѣропріятіямъ, которыя онъ считалъ преступными, но всетаки не желая явиться бунтовщикомъ, нападая на нихъ открыто, Тразеа удалился изъ сената и въ теченіе трехъ лѣтъ не показывался тамъ. Доносчики воспользовались этимъ, чтобъ его погубить. Они разсказывали Нерону, что въ провинціяхъ и въ войскахъ читается *Оффиціальный журналъ* Рима, куда вносились постановленія сената и имена голосовавшихъ сенаторовъ, съ спеціальною цѣлью узнать, чего Тразеа не захотѣлъ сдѣлать" [1]). Неронъ написалъ сенаторамъ жалобу на тѣхъ, кто не исполняетъ обязанностей своего званія и своимъ примѣромъ поощряетъ безпечность другихъ, и Тразеа, какъ „дезертиръ общаго дѣла", былъ осужденъ на смерть. Вотъ крайній предѣлъ, наибольшая смѣлость оппозиціи, которая такъ дорого стоила философамъ! Она не осмѣливалась проявляться въ опредѣленныхъ и прямыхъ дѣйствіяхъ и никогда не шла дальше молчанія и воздержанія. Такое поведеніе можетъ объяснить ненависть къ нимъ дурныхъ государей; но оно, конечно, не въ силахъ оправдать мѣръ, которыя они принимали противъ философовъ.

Сила оппозиціи не только была преувеличена, но и самый принципъ ея не былъ понятъ. Безъ сомнѣнія, они не любили дурныхъ цезарей; этому нельзя удивляться, и нельзя имъ ставить этого въ упрекъ; но они ненавидѣли пороки цезарей, а не власть ихъ. Эта власть дѣйствительно нисколько ихъ не стѣсняла, и они охотно съ нею мирились. Почти всѣ эти мудрецы дѣлали видъ, будто они съ презрѣніемъ смотрятъ на теченіе земныхъ дѣлъ, и заниматься подробностями правленія казалось имъ низкимъ ремесломъ. Къ тому же они проповѣдывали, что духъ можетъ и долженъ отвлекаться отъ плоти, что онъ самъ создаетъ свою судьбу и свое счастье, что случаи жизни не имѣютъ вліянія на него, что духъ можетъ быть счастливымъ

[1]) Тац., *Ann.*, XVI, 22 *Diurna populi romani per provincias, per exercitus curatius leguntur, ut noscatur, quid Thrasea non fecerit.*

посреди нищеты и мученій, можетъ быть свободнымъ въ оковахъ. Такимъ образомъ, режимъ, подъ которымъ они жили, ихъ мало интересовалъ, и самые отважные изъ нихъ желали даже, чтобъ онъ былъ суровымъ, и тѣмъ далъ бы имъ возможность упражнять свою добродѣтель, какъ набожный человѣкъ желаетъ страданій и бѣдности, которыя помогли бы ему скорѣе достигнуть небесъ. Такимъ образомъ, оппозиція философовъ противъ цезарей была не столько политическая по своему принципу, сколько моральная. Они цѣнили болѣе всего соблюденіе простыхъ правилъ честности, и въ императорѣ они порицали болѣе человѣка, чѣмъ повелителя. Они ставили ему въ упрекъ излишество празднествъ, изобиліе ѣды, пышность, распутство, безчеловѣчность или, лучше сказать, они включали его въ анаѳему, которую они произносили надъ всѣми своими современниками; обыкновенно они не шли дальше подобныхъ общихъ требованій, и если бы они имѣли счастье видѣть на Палатинскомъ холмѣ честнаго и умѣреннаго государя, какимъ, напр.. былъ впослѣдствіи Маркъ Аврелій, добрый супругъ и нѣжный отецъ, привязанный къ своему дому, педантъ въ его исполненіи, охотно убѣгающій отъ толпы, чтобы углубиться въ самого себя, они бы охотно помирились съ нимъ и ничего больше и не желали бы [1]). Итакъ философы не были мятежники, какими ихъ выставляли доносчики; можно даже утверждать, что нѣкоторый индифферентизмъ, который они рекомендовали по отношенію ко всему внѣшнему, склонность искать себѣ полное удовлетвореніе въ душѣ и пренебрегать всѣмъ остальнымъ, — все это было на руку установившемуся режиму и дѣлало изъ нихъ самыхъ мирныхъ подданныхъ. Но, если подобная оппозиція не имѣла опасности для имперіи, она была очень непріятна цезарю. Она принимала форму поученія, а ничто такъ не выводитъ изъ терпѣнія людей съ извѣстнымъ высокимъ положеніемъ, какъ слушаніе поученій. Они неохотно переносятъ подобные выговоры и не любятъ непрошенныхъ наставниковъ. Когда Неронъ возвращался къ себѣ во дворецъ въ костюмѣ кучера

[1]) Мы не хотимъ сказать, что Маркъ Аврелій обезоружилъ тѣхъ людей, которые по профессіи были всѣмъ недовольны. И въ его царствованіе были такіе, которые продолжали жаловаться. Его историкъ по этому поводу замѣчаетъ, что нѣтъ такого государя, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, котораго бы пощадило злословіе. Hist. Aug., *Marc. Anton.*, 15.

или комедіанта, или когда онъ шелъ домой, поколотивши кого нибудь ночью, что было однимъ изъ любимѣйшихъ его удовольствій, онъ, конечно, входилъ въ ярость, если ему случалось встрѣтить кого нибудь изъ этихъ людей съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ серьезной осанкой, въ строгой одеждѣ, которые какъ будто для того и попадались ему на пути, чтобъ напомнить ему объ его обязанностяхъ [1]). Онъ дѣйствительно и имѣлъ смертельную ненависть къ философамъ, и нетрудно было убѣдить его въ томъ, что они глубокіе конспираторы, что они всегда подготовляютъ въ тиши какое нибудь великое предпріятіе, и будучи заклятыми врагами имперіи, работаютъ надъ возстановленіемъ прежняго правленія.

Эти упреки были неосновательны; чтобы ни утверждали доносчики, оппозиція въ общемъ не имѣла ни такихъ высокихъ перспективъ, ни такихъ установившихся принциповъ. Когда государи видѣли ловкихъ и рѣшительныхъ заговорщиковъ въ свѣтскихъ людяхъ, виновныхъ въ нѣсколькихъ остротахъ, они дѣлали имъ слишкомъ много чести. Тѣ, которые дѣйствительно были въ заговорѣ, конечно, остерегались это высказывать; другіе высказывались безъ намѣренія, случайно, чтобъ дать волю накипѣвшей злобѣ. У нихъ не было предвзятаго плана, они не старались стакнуться, не составляли партій. Самые рѣшительные изъ недовольныхъ страстно желали избавиться отъ иного цезаря, но въ общемъ ихъ мысль, не шла дальше. У нихъ было больше ненависти къ человѣку, чѣмъ къ режиму, они не хотѣли перемѣны правленія, но перемѣны повелителя. Итакъ между недовольными въ Римѣ могли встрѣчаться единичные республиканцы, но мы не думаемъ, чтобы во времена имперіи существовала въ Римѣ республиканская партія.

---

[1]) Тац., *Ann.*, XVI, 22; *rigidi et tristes, quo tibi lasciviam exprobrent.*

ГЛАВА III.

Ссылка Овидія.

Мы видѣли, что Августъ къ концу царствованія измѣнилъ свою политику относительно тѣхъ, которые осмѣливались быть недовольными имъ и къ тому же высказывали это. Онъ долго старался показать, что презираетъ ихъ нападки; теперь онъ началъ сурово наказывать ихъ, и повидимому, намѣренъ былъ не терпѣть болѣе вокругъ себя никакой оппозиціи. Въ этотъ то моментъ поэтъ Овидій былъ изгнанъ изъ Рима и сосланъ на край свѣта. Эта ссылка является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и темныхъ эпизодовъ эпохи Августа. Причина ссылки остается весьма гадательной; императорскій эдиктъ, въ силу котораго поэтъ былъ водворенъ въ дикія страны Эвксинскаго Понта, ставитъ ему въ упрекъ только изданіе поэмы *Ars amandi*, но ни для кого въ Римѣ не было тайной, что безнравственность его произведеній не была единственной причиной наказанія, постигшаго поэта. Говорили, что Овидій совершилъ болѣе серьезный проступокъ, будто бы лично противъ императора. Объ этомъ говорили, но говорили шопотомъ, и ни одинъ писатель древности не открываетъ намъ, какого рода былъ этотъ проступокъ. Единственнымъ документомъ, на основаніи котораго мы можемъ судить о немъ, являются произведенія самого Овидія; намъ кажется, они могутъ дать въ этомъ отношеніи достаточныя указанія. Поэмы, которыя Овидій написалъ во время своего пребыванія въ Римѣ, позволяютъ намъ оцѣнить оффиціальный мотивъ его ссылки; то, что онъ написалъ впослѣдствіи, можетъ открыть намъ тайную ея причину. Надо изслѣдовать тотъ и другой періодъ творчества Овидія, если мы хотимъ разрѣшить историческую проблему о причинахъ его немилости.

I.

Счастливая юность Овидія.—Онъ любитъ свой вѣкъ.—Его современники симпатизируютъ ему.—*Amores*.—*Ars amandi*.—Какіе упреки вызывало это произведеніе.—Отвѣтъ Овидія на эти упреки.

Кажется, никогда не было человѣка болѣе счастливаго, чѣмъ Овидій до своей ссылки. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ жизнь была къ нему гораздо ласковѣе, чѣмъ она обыкновенно бываетъ къ поэтамъ. Горацій и Вергилій, великіе его предшественники, не имѣли такой постоянной удачи, а быть можетъ и такого безусловнаго успѣха. Овидію не приходилось, подобно имъ, бороться съ суровою нуждою; онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, благодаря своему происхожденію и состоянію, находятъ готовое мѣсто въ свѣтѣ, какъ только они въ немъ появляются. Его семья носила уважаемое имя и занимала видное положеніе; его отецъ имѣлъ хорошія средства и прилагалъ всѣ силы, чтобъ сохранить ихъ. Въ молодости Овидій жаловался на эту послѣднюю черту въ характерѣ отца, ставившую границы его издержкамъ [1]), но впослѣдствіи онъ даже воспользовался ею. Онъ самъ при всѣхъ своихъ безумствахъ никогда не былъ расточителенъ. Мы знаемъ, что за любовь онъ платилъ охотнѣе красивыми стихами, чѣмъ чистыми деньгами; такимъ образомъ, чтобы существовать, Овидію не было надобности состоять на жалованіи у какого нибудь покровителя подобно большинству своихъ собратьевъ. Его слава началась съ раннихъ лѣтъ. Онъ былъ знаменитъ еще ученикомъ, и память объ его патетическихъ импровизаціяхъ долго сохранялась среди риторовъ [2]). Въ двадцать лѣтъ онъ читалъ свои стихи въ многолюдныхъ собраніяхъ. Горацій и Тибуллъ, Вергилій и Проперцій еще были живы; эти великіе геніи занимали все вниманіе Римлянъ, такъ что тѣ были вправѣ игнорировать или же относиться индефферентно къ новичкамъ; несмотря на это, римскій свѣтъ внимательно прислушивается къ начинаніямъ молодого Овидія и до конца не перестаетъ выражать ему одобреніе. „Мнѣ посчастливилось, говоритъ намъ Овидій, пріобрѣсти при жизни всю ту славу, которая становится обыкновенно достояніемъ лишь мертвецовъ [1])“.

[1]) *Am.*, I, 3, 10
[2]) Сен., *Controv.*, 10.

Благополучіе поэта довершалось тѣмъ, что онъ былъ вполнѣ доволенъ собою и многимъ изъ того, что его окружало. У него былъ не такой характеръ, чтобъ видѣть жизнь съ дурной стороны. Если поэтамъ недостаетъ дѣйствительныхъ несчастій, они обыкновенно создаютъ себѣ воображаемыя. По большей части настоящее имъ не нравится; они охотнѣе живутъ въ прошедшемъ или въ будущемъ, и эти экскурсіи въ область пережитого и ожидаемаго доставляютъ имъ тысячу причинъ для жалобъ на все окружающее. Овидій, напротивъ, любилъ свое время и чувствовалъ, что онъ созданъ именно для него. „Пусть другіе, говоритъ онъ, сожалѣютъ о древнихъ временахъ; я считаю себя счастливымъ, что родился въ этотъ вѣкъ,—онъ мнѣ по вкусу [2])“. Даже тамъ, гдѣ онъ старается восхвалять древнюю доблесть, чтобъ показаться человѣкомъ серьезнымъ и понравиться императору, онъ находитъ средства проявить свои истинныя чувства. Послѣ красивой тирады, гдѣ онъ прославляетъ то счастливое время, когда консуловъ брали отъ плуга, когда спали на соломѣ съ вязанкой сѣна подъ головой, онъ спѣшитъ прибавить, какъ бы про себя: „Мы хвалимъ людей стараго времени, а живемъ, какъ люди современные [3])“. Слова эти были лишь слишкомъ справедливыми.

Кто такъ увлеченъ и такъ полонъ своимъ временемъ, тотъ не любитъ покидать его даже мысленно, тотъ всегда носитъ съ собою воспоминаніе о немъ и сообщаетъ его характеръ всѣмъ другимъ эпохамъ.

Такъ поступалъ и Овидій, что и отличаетъ его отъ другихъ писателей его вѣка. Воображеніе Вергилія охотно уносилось къ далекимъ первобытнымъ вѣкамъ, куда онъ увлекалъ своихъ героевъ. Надо думать, что особенно по душѣ ему былъ образъ добраго царя Эвандра, настоящаго царя золотого вѣка: этотъ царь гуляетъ подъ единственной охраной двухъ собакъ, просыпается въ своей хижинѣ подъ пѣніе птицъ. Титъ Ливій высказалъ знаменитую фразу, что, когда онъ разсказываетъ про древность, то и его душа дѣлалась древнею. Овидій поступаетъ на-

[1]) *Trist.*, IV, 10, 121.
[2]) *Ars am.*, III, 121.
[3]) *Fast.*, I, 225: *Laudamus veteres, sed nostris utimur annis.*

оборотъ: онъ приближаетъ древность къ себѣ, вмѣсто того чтобы самому удаляться въ нее; онъ смотритъ на старину сквозь призму своего времени и даетъ ей свою окраску. Пріуроченіе древности къ современности—его обычная манера. Этотъ пріемъ пріобрѣтаетъ пикантную прелесть еще отъ того, что поэтъ пользуется имъ безъ всякаго усилія, съ какой то наивностью; онъ описываетъ прошлое такъ, какъ онъ его видитъ. Такой характеръ присущъ уже первымъ его произведеніямъ: молодыя женщины или дѣвушки, которыхъ онъ заставляетъ говорить въ своихъ *Героидахъ*,—это все современницы Августа, свѣтскія особы, умныя, хорошо воспитанныя, не имѣющія никакой античной простоты. Онѣ постоянно заняты тѣмъ, что пишутъ письма своимъ мужьямъ или любовникамъ; онѣ ожидаютъ и получаютъ отъ нихъ отвѣты, что предполагаетъ довольно дѣятельныя письменныя сношенія между разными частями свѣта; посланцы проникаютъ даже на пустынный островъ, Наксосъ, гдѣ покинутая Аріадна утѣшается, сочиняя трогательное посланіе къ тому, кто только что ее покинулъ. Даже всѣ детали носятъ тотъ же самый характеръ. Герои троянской войны, возвратившись домой, разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ послѣ чаши вина, совсѣмъ какъ римскіе легіонеры. Парисъ—это щеголь, который тутъ же за столомъ Менелая и въ его присутствіи, объявляетъ Еленѣ о своей любви, соблюдая всѣ пріемы, которые позднѣе будутъ описаны въ *Ars amandi*. Неравнодушная къ красотѣ Фригійца Елена, однако, очень смущена вопросомъ, и не знаетъ, какъ отвѣтить на него. Это первое любовное письмо, которое она пишетъ; она завидуетъ счастью женщинъ, которыя имѣютъ больше опыта, чѣмъ она: *felices, quibus usus adest* [1]). Такимъ образомъ, Овидій ушелъ отъ Гомера очень далеко. Неудивительно, почему благоговѣйные поклонники древности жаловались, что Овидій профанируетъ ее; но чтобы понять произведенія этого послѣдняго, нужно читать ихъ такъ, какъ онъ ихъ писалъ, а не требовать отъ него того, чего онъ самъ не хотѣлъ дать. Овидій не изъ тѣхъ строгихъ художниковъ, которые стараются проникнуться шедеврами древности и почтительно ихъ воспроизводить. Онъ безпрестанно только заигрываетъ съ прошлымъ; онъ говоритъ о немъ съ улыбкой на устахъ. Овидія совершенно справедливо сравнивали съ его соотечественникомъ, Аріостомъ; оба эти поэта совершенно одинаково обращаются со старыми воспоминаніями и съ древними легендами. Оба они любятъ разсказывать ихъ, но оба нисколько не церемонясь, извлекаютъ изъ этихъ разсказовъ только веселое; они держатся на срединѣ между ироніей и серіозностью. Въ такомъ отношеніи къ своимъ сюжетамъ заключается ихъ главная оригинальность, что болѣе всего и способствовало ихъ успѣху. Вергилій говоритъ, что въ его время миѳологія износилась; Овидій обновилъ ее, но обновилъ извративши ея характеръ, такъ что всѣ читавшіе его стихи удивлялись, какую новую прелесть онъ умѣлъ придать старымъ, общеизвѣстнымъ повѣствованіямъ: его герои вновь становились живыми и молодыми, приспособляясь къ обычаямъ, къ взглядамъ, къ образу жизни читателей, которые безъ колебанія провозгласили Овидія первымъ поэтомъ своего времени.

1) *Heroid.*, XVII, 145.

Безъ сомнѣнія, такой приговоръ преувеличенъ, но по крайней мѣрѣ его высказывали вполнѣ искренно. Общество современное Овидію узнавало себя въ его произведеніяхъ, а превознося ихъ, хвалило и себя. Никто лучше Овидія не съумѣлъ изобразить этого общества. Чтобы понять, чѣмъ стало это общество во второй половинѣ царствованія Августа, именно нужно читать стихи Овидія. Изучивши римское общество по произведеніямъ этого поэта, можно ясно видѣть, какъ оно непохоже на обычныя фантастическія его изображенія. Въ наше время къ нему обыкновенно относятся съ жалостью за то, что оно не смогло сохранить за собою своей свободы. Потеря эта несомнѣнно очень большая, но римское общество переносило ее безъ труда. Оно видѣло лишь послѣднія несчастныя битвы за свободу или ради ея уничтоженія. Поэтому можно сказать, что римское общество страдало изъ-за нея, не зная ея, и никогда о ней не сожалѣло. Это общество цѣликомъ принадлежало настоящему: подобно Овидію, оно не переживало тревожныхъ наплывовъ старыхъ воспоминаній, которыя всегда вносятъ нѣкоторую горечь въ удовольствія настоящаго. На мѣсто общественныхъ дѣлъ, которыми римляне перестали заниматься, у нихъ были другіе предметы развлеченія, болѣе для нихъ пріятные. Интересъ къ жизни измѣнился. Онъ уже не сосредоточивался на стремленіи завоевать политическое вліяніе,

управлять партіями, вызывать страсти на народныхъ собраніяхъ, какъ это было во время оно; теперь люди направляли всѣ силы на то, чтобы блистать въ благовоспитанномъ обществѣ, распространять въ немъ славу своего ума или молву о своихъ похожденіяхъ. Римляне того времени при всей своей праздности были народъ очень занятой, *in otio negotiosi;* тысячи важныхъ пустяковъ, составляющихъ свѣтскую жизнь, отнимали у нихъ досугъ и не оставляли времени сожалѣть о дѣятельности, которую они утратили и которая дѣйствительно достойна мужа. Вотъ какое представленіе о современникахъ Овидія является у насъ, когда мы читаемъ его произведенія. Мы не осмѣлимся безусловно утверждать, чтобы та эпоха, о которой идетъ рѣчь, была счастливая эпоха: счастье, въ самомъ общемъ значеніи этого слова, заключаетъ и то серьезное удовольствіе, которое испытываетъ человѣкъ, сознавая себя своимъ собственнымъ господиномъ и управляя своею судьбою. Тогда же всѣ находились въ полной зависимости отъ одного человѣка. Но общество той эпохи по крайней мѣрѣ было совершенно довольно своею судьбою. Никогда въ другое время люди не пользовались въ большей степени благами, которыя имъ были доступны, и не думали такъ мало о тѣхъ благахъ, которыхъ они лишились.

Понятно, такое общество было по душѣ Овидію, и онъ считалъ за счастье жить въ немъ; никто лучше него не былъ приспособленъ къ пріятному существованію въ подобныхъ условіяхъ. Что такой человѣкъ какъ Овидій долженъ былъ пользоваться всевозможнымъ успѣхомъ, что онъ долго жилъ одною жизнью съ людьми своего вѣка и своего положенія, эти факты мы могли бы предположить и à priori, даже еслибъ онъ позаботился скрыть ихъ отъ насъ,—а онъ старательно подчеркивалъ ихъ. Его *Amores* содержатъ исторію его юности, а изъ этой исторіи видно, по всѣмъ приключеніямъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, что онъ провелъ свою юность весьма разсѣянно. Правда, позднѣе, въ ссылкѣ, Овидій старался значительно смягчить дурное впечатлѣніе своихъ первыхъ произведеній. Его письма къ императору и къ друзьямъ полны опроверженій установившагося на его счетъ взгляда. Онъ хотѣлъ бы заставить думать, что его нравы были лучше его произведеній, и что, „если его муза была легкомысленна, то по крайней мѣрѣ жизнь его была чиста“ [1]). На самомъ дѣлѣ весьма возможно, что во всѣхъ его повѣствованіяхъ много выдуманнаго и просто напросто ложнаго. Стихи у него не вытекаютъ прямо изъ сердца, какъ напр., у Катулла; въ его элегіяхъ нѣтъ признаній въ порывѣ страсти, носящихъ на себѣ печать правдивости. Овидій представляется намъ скорѣе человѣкомъ съ распутнымъ воображеніемъ, и въ его безпорядочной жизни голова, кажется, играла большую роль, чѣмъ сердце. Его болѣзненный темпераментъ, его утомленное здоровье дѣлали его неспособнымъ къ большимъ излишествамъ. Онъ самъ говоритъ, что онъ блѣденъ и почти никогда не пьетъ вина [2]). Когда Овидій воспѣваетъ свою любовь, то его любовныя раны никогда не бываютъ глубоки; онѣ не могутъ заставить его забыть, что онъ поэтъ. Любовникъ не уничтожаетъ художника, который только и думаетъ о томъ, какъ бы изъ всего того, что онъ дѣлаетъ или видитъ, извлечь выгоду для своей поэзіи. Итакъ Овидій могъ преувеличивать свои чувства, Овидій украшалъ дѣйствительность, чтобы сдѣлать ее болѣе достойною вниманія читателей; но, несмотря на всѣ его увѣренія, мы не можемъ допустить, чтобы все съ начала до конца было имъ выдумано. Коринна—личность не вымышленная, и въ описаніи ея развлеченій есть нѣчто большее, чѣмъ поэтическія фикціи и мечты. Овидій самъ сознается въ этомъ въ минуты откровенности. Въ тотъ моментъ, когда онъ пытается защитить свою молодость, у него проскальзываютъ слова: „Мое сердце тогда было нѣжно, чувствительно къ стрѣламъ любви, оно воспламенялось отъ малѣйшей искры“ [3]). Это признаніе стоитъ замѣтить. Итакъ Овидій не обманываетъ насъ, когда въ своихъ *Amores*, въ прекрасныхъ стихахъ, говоритъ, что былъ влюбленъ во всѣхъ женщинъ: „у меня нѣтъ силы управлять собою; я какъ корабль, который уносятъ быстрыя волны. Мое сердце не ограничивается предпочтеніемъ къ извѣстнымъ красавицамъ, оно находитъ сотни причинъ любить ихъ всѣхъ“; затѣмъ онъ перечисляетъ, какъ Донъ-Жуанъ, всѣхъ тѣхъ, которыя ему нравятся [4]). Допустимъ, что въ его признаніяхъ есть доля пре-

1) *Trist.*, II, 354.
2) *Pont.*, I, 10, 30.
3) *Trist.*, IV, 10, 65.
4) *Am.*, II, 4, 7.

увеличенія и фатовства, тѣмъ не менѣе ихъ основа справедлива. На этой основѣ Овидій вышивалъ узоры, не стѣсняясь. Свои приключенія онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ, обычнымъ при подобнаго рода чувствѣ, чтобъ имѣть удовольствіе описать ихъ: онъ пользуется случаемъ, чтобы описать любовь ревнивую, любовь счастливую, любовь обманутую; но этотъ случай доставляла ему его собственная біографія, такъ что тѣ, которые искали въ его элегіяхъ поводовъ къ нападкамъ на его юность, имѣли для этого нѣкоторое основаніе.

Позволяя себѣ такимъ образомъ измѣнять и украшать дѣйствительность, поэтъ иногда вноситъ нѣкоторую неопредѣленность въ свои картины. Напр. мы не умѣемъ ясно различить, въ какой свѣтъ онъ насъ вводитъ. Такая неопредѣленность имѣла важное значеніе, и мы увидимъ позднѣе, что ею жестоко воспользовались противъ самого поэта. Какого сорта женщины принимали участіе въ тѣхъ веселыхъ собраніяхъ, которыя онъ намъ описываетъ? Главное, кто эта Коринна, его первая возлюбленная? Все, что мы о ней знаемъ, это то, что имя Коринны ей не принадлежало, и что поэтъ выдумалъ его, чтобы скрыть ея настоящее имя [1]). Если онъ боялся ее скомпрометтировать, очевидно, ея репутація была такова, что ее надо было щадить. Слѣдовательно, она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя ищутъ приключеній и шума. Въ противномъ случаѣ, она бы пожелала, чтобы ее назвали, потому что стихи великаго поэта ввели бы ее въ моду [2]). Но принадлежала ли эта женщина вполнѣ хорошему свѣту? На этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить утвердительно, судя по тому способу, какимъ Овидій обозначаетъ того, у кого онъ ее отнялъ: онъ называетъ его ея мужемъ, *vir suus*. „Такъ сильно охранялась эта женщина, которую оберегали мужъ, бдительный слуга, крѣпкая дверь: сколько враговъ надо было побѣдить“ [3])! Допустивши даже, что названіе мужа скрываетъ здѣсь другое, менѣе почетное названіе, нужно все же признать, что завоеваніе Коринны было дѣломъ труднымъ, и что она не была изъ тѣхъ, которыя доступны всѣмъ. Правда, читая нѣкоторые

[1]) *Trist.*, IV, 10, 60.
[2]) Овидій именно разсказываетъ, что одна изъ подобныхъ женщинъ, пользуясь такой неопредѣленностью, говорила повсюду, что Коринна—никто иной, какъ она. *Am.*, II, 17, 29.
[3]) *Am.*, II, 12, 3.

детали, которые Овидій сообщаетъ о ней, мы находимъ ее весьма податливой и нрава самаго легкаго; но въ концѣ концовъ она не хуже Деліи Тибулла и Цинтіи Проперція, а мы знаемъ, что обѣ онѣ были свѣтскія дамы, послѣдняя даже носила весьма почетное имя. Однако мы предпочитаемъ думать, несмотря на всѣ приведенные доводы, что Коринну слѣдуетъ причислить, какъ выражается Горацій, ко второму классу или, какъ у насъ говорятъ, къ полусвѣту. Овидій очень горячо защищается отъ обвиненія, будто онъ когда либо любилъ замужнюю женщину. „Нѣтъ никого, говоритъ онъ, даже изъ простого народа, который по моей винѣ могъ бы сомнѣваться въ законности своихъ дѣтей“ [1]). Это было одно изъ величайшихъ преступленій для Римлянъ; оно осуждалось общественнымъ мнѣніемъ также, какъ и закономъ. Въ свою очередь, къ любви куртизанокъ относились весьма снисходительно. Плавтъ, который иногда старается казаться моралистомъ, говоритъ: „Лишь бы не вступать въ чужія владѣнія,—ничто не мѣшаетъ идти по большой дорогѣ“. Вотъ почему Овидій, такъ сильно занимавшій общественное мнѣніе своею разсѣянной жизнью, признавая, что всѣ въ Римѣ говорили объ ней, въ то же время отважно прибавляетъ, что о немъ никогда не ходили дурные слухи. Дѣло въ томъ, что связь съ Коринной и съ подобными ей не была изъ числа тѣхъ, которыя даютъ дурную славу.

Надо признаться, что эта неопредѣленность, которую весьма трудно разсѣять, читая *Amores*, не особенно говоритъ въ пользу общества того времени. Если трудно опредѣлить, какой именно слой общества хотѣлъ изобразить Овидій, то происходитъ это оттого, что различные слои часто сливались одинъ съ другимъ. Картины легкихъ нравовъ, начертанныя поэтомъ, почти въ равной степени соотвѣтствовали всѣмъ слоямъ. Онъ самъ переходитъ отъ одного къ другому, не предупреждая насъ объ этомъ, и съ большою легкостью, доказывающею, что между разными слоями общества не было очень глубокаго разграниченія. Когда Овидій говоритъ намъ, что въ Римѣ только и занимаются, что удовольствіями, что Венера царствуетъ въ городѣ, основанномъ ея сыномъ, что нѣтъ добродѣтельныхъ женщинъ кромѣ тѣхъ, на

[1]) *Trist.*, I. II

которыхъ никто не обращаетъ вниманія, *casta est quam nemo rogavit* [1]), онъ повидимому говоритъ здѣсь за всѣхъ и не дѣлаетъ никакихъ исключеній. На счетъ одной изъ его элегій невозможно даже никакое сомнѣніе; она обращена именно къ людямъ женатымъ, и, къ несчастью для нравственности, это вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ пріятныхъ и легкихъ во всемъ сборникѣ. Это та самая элегія, гдѣ онъ совѣтуетъ слишкомъ строгимъ мужьямъ быть довѣрчивѣе къ своимъ женамъ и не умножать безполезныхъ предосторожностей. Еще понятно, когда онъ говоритъ: „Какъ бы вы ни охраняли все остальное, вы не властны надъ душой. Пусть всѣ замки крѣпко заперты, любовникъ въ сердцѣ“ [2]). Или еще: „Мы особенно желаемъ того, въ чемъ намъ стараются отказать. Тщательная охрана привлекаетъ воровъ. Мало кто любитъ удовольствія легко доступныя. „Есть женщины, которыя нравятся не столько въ силу своей красоты, сколько въ силу любви своихъ мужей. Видя, какъ влюблены мужья, въ ихъ женахъ предполагаютъ нивѣсть, какую прелесть“. Но то, что слѣдуетъ дальше, поистинѣ удивительно: „Кто сердится, если у его жены есть любовники, тотъ не умѣетъ жить, тотъ не знаетъ римскихъ нравовъ. Если ты уменъ, закрой глаза, успокой свое разгнѣванное лицо, забудь суровыя права мужа. Поддерживай знакомство съ друзьями, которыми ты обязанъ своей женѣ,—безъ нихъ она тебя не оставитъ. Ты такимъ образомъ обяжешь очень многихъ, нисколько не вредя себѣ; ты будешь имѣть готовое мѣсто на всѣхъ празднествахъ молодежи и увидишь свой домъ полнымъ подарковъ, которые тебѣ ничего не будутъ стоить“. За эти неосторожныя шутки Овидій дорого заплатилъ!

Искуство любить (Ars amandi), написанное позднѣе и послужившее одною изъ причинъ ссылки поэта, не оставляетъ мѣста такимъ неопредѣленностямъ, какъ *Amores*. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ Овидій высказываетъ очень ясно, для кого именно написана эта книга. „Удалитесь отсюда тѣ, кто носитъ легкія повязки, знакъ цѣломудрія, и кого длинное платье покрываетъ до земли. Я пою любовь, не вызывающую скандала, и незапрещенныя радости [3])“.

1) *Am.*, I, 8, 4.
2) *Am.*, III, 4.
3) *Ars am.*, I, 13.

Итакъ онъ обращается къ тѣмъ женщинамъ легкаго поведенія, въ большинствѣ случаевъ вольноотпущеннымъ, которыя были тогда такъ многочисленны и играли такую видную роль. Римъ сильно манилъ ихъ къ себѣ во всѣ времена. Уже Плавтъ говорилъ въ эпоху пуническихъ войнъ: „Здѣсь куртизанокъ больше, чѣмъ мухъ, когда бываетъ жарко“. Еще хуже стало во времена Августа, особенно вслѣдствіе громадныхъ празднествъ, которыя привлекали столько любопытныхъ, такъ что, по выраженію Овидія, городъ и міръ сливались воедино, *orbis in urbe fuit* [1]). Эти женщины, если вѣрить поэту, были большія искусницы и очень ловки. Ихъ образованіе было очень значительно. Онѣ умѣли не только говорить на греческомъ и латинскомъ языкахъ, которые дѣлили между собою тогдашній міръ, не только танцовать и пѣть, но также говорить жеманно, ходить граціозно, смѣяться и плакать: все это были таланты, которыми онѣ умѣли пользоваться очень кстати. Онѣ имѣли всѣ недостатки, обычные у подобныхъ женщинъ, а кромѣ того другіе, свойственные тогдашнему времени; напр. онѣ были очень суевѣрны. Восточныя религіи, которыя начинали пріобрѣтать уже большое значеніе, не имѣли болѣе горячихъ адептовъ, чѣмъ онѣ. Онѣ принимали участіе въ праздникахъ Великой Богини, онѣ отъ всей души оплакивали Адониса, посѣщали храмъ Изиды и даже назначали тамъ свиданія, и набожно постились въ день шабаша; заболѣвая, онѣ за колдуньей посылали раньше, чѣмъ за врачемъ. Понятно, что онѣ не ставили вѣрность себѣ въ достоинство. Овидій, не вѣрящій женской добродѣтели, держится того мнѣнія, что рано или поздно ни одна женщина не можетъ устоять, и что побѣда надъ ними есть лишь дѣло терпѣнія. „Увѣрь себя, говоритъ онъ, что ты долженъ побѣдить, и ты побѣдишь [2]).“ Онъ утверждаетъ, что даже Пенелопа начинала уже поддаваться искушенію, и что ея мужъ возвратился во время. Правда, она потратила двадцать лѣтъ на то, чтобы сдаться; правда, это прекрасный примѣръ, но ему не будутъ подражать тѣ, къ кому обращается *Ars amandi*. Нужно ли прибавлять, что женщины, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были также и очень жадны? Поэтъ горько жалуется, что ихъ уже не трогаютъ прекрасные

1) *Ars am.*, I, 174.
2) *Ars am.*, I, 269.

стихи. Самому Гомеру, еслибъ онъ могъ предложить только *Иліаду*, указали бы двери. „Мы по истинѣ живемъ въ золотой вѣкъ, весело говоритъ Овидій; при помощи золота можно достигнуть почестей, при помощи золота можно добиться любви [1])“. Да вѣдь и много нужно было денегъ этому легкомысленному обществу, чтобъ удовлетворить всѣмъ своимъ разорительнымъ капризамъ, чтобъ платить за тѣ прекрасныя матеріи, „блестящія краски которыхъ подобны весеннимъ цвѣтамъ [2])“, или за тѣ богатыя и искусныя куаффюры, которыя продавались близъ храма Геркулеса Музагета (въ Римѣ былъ тогда рынокъ волосъ [3]); надо было привлекать къ себѣ взоры и затмевать соперницъ, на прогулкахъ вечеромъ по форуму или подъ портиками Октавія и Помпея, на поѣздкахъ вмѣстѣ съ цѣлымъ Римомъ на праздники Діаны, къ берегамъ озера Неми, на колесницѣ, съ возжами въ рукахъ, или, когда въ августѣ мѣсяцѣ веселыя компаніи шли гулять на полянку въ Байѣ, гдѣ по словамъ Сенеки, „назначали себѣ *rendez-vous* всѣ пороки.

Вотъ для какихъ женщинъ написана поэма Овидія, а изъ мущинъ для молодыхъ римскихъ щеголей, особенно для тѣхъ, которые очень любили удовольствія, но у которыхъ не хватало средствъ платить за нихъ. „Я пою для бѣдныхъ, говоритъ поэтъ, я самъ былъ бѣденъ, когда былъ влюбленъ [4])“. У богатыхъ есть вѣрное средство нравиться. Искусство любви для нихъ весьма просто: имъ нужно изучить другое искусство—искусство не быть обманутыми, а оно не изъ легкихъ. Остальные должны замѣнить ловкостью недостающее имъ богатство. Овидій учитъ ихъ чудеснымъ хитростямъ. Если они ничего не могутъ дать, они тѣмъ не менѣе должны обѣщать. „Обѣщанія ничего не стоютъ, и самый бѣдный можетъ быть ими богатъ. Заставь думать, что ты вотъ-вотъ готовъ дать то, что ты не дашь никогда. Такъ владѣлецъ безплоднаго поля всегда даетъ себя обмануть надеждой на будущій урожай; такъ, разсчитывая отыграться, игрокъ продолжаетъ играть: завлекающая надежда на удачу возвращаетъ къ игрѣ его

[1]) *Ars am.*, II, 277.
[2]) Ib., III, 185.
[3]) *Ars am.*, III, 186.
[4]) *Ars am.*, II, 165.

жадныя руки. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ одинъ разъ достигнуть своего, ничего не потративши; а ужъ тамъ, чтобы не потерять плоды первыхъ милостей, тебѣ окажутъ и новыя [1])“. Съ наибольшею выгодою богатые подарки можно замѣнить предупредительностью; но ужъ тутъ надо идти на все. Овидій требуетъ чудесъ терпѣнія и смиренія. Нужно уступать всѣмъ требованіямъ любимой женщины, нужно повиноваться ея приказаніямъ, защищать ея мнѣнія, смѣяться, какъ только она улыбнется, плакать, когда она плачетъ, проигрывать, когда играешь съ ней, подставлять кресло, какъ только она захочетъ сѣсть, „снимать обувь съ ея нѣжной ноги и надѣвать ее“, и даже держать зеркало, когда она занимается своимъ туалетомъ [2]). Если эта обязанность тебѣ противна, не забывай, чтобъ придать себѣ мужества, что Геркулесъ исполнялъ ее раньше тебя. Но это еще не все, поэтъ требуетъ большаго. Перенеся всѣ женскія фантазіи, нужно закрывать глаза на женскія невѣрности. Нужно научиться терпѣть присутствіе соперника. Жертва велика. Овидій предвидитъ, что она дорого достанется каждому, и даже сознается, что онъ самъ никогда не могъ съ этимъ примириться. Онъ смиренно обвиняетъ себя за такой недостатокъ и надѣется излѣчить отъ него своихъ учениковъ [3])“. Мужья, въ крайнемъ случаѣ, еще имѣютъ право сердиться; но въ томъ свѣтѣ, куда поэтъ вводитъ насъ, гдѣ одинъ капризъ создаетъ связи, гнѣвъ смѣшенъ, и Овидій, пользуясь случаемъ, напоминаетъ еще разъ, что наставленія, которыя онъ даетъ, не предназначены для женатыхъ. „Я свидѣтельствую еще разъ, что здѣсь дѣло идетъ только о позволенныхъ закономъ удовольствіяхъ. Моя легкая муза далека отъ того, чтобы шутить съ честными женщинами [4])“.

Несмотря на всѣ предосторожности, *Ars amandi* доставило ему больше вреда, чѣмъ *Amores*. Пока онъ ограничивался разсказами о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, его не трогали. Произведенія Тибулла и Проперція, которыя были у всѣхъ въ рукахъ, пріучили публику къ подобнымъ повѣтствованіямъ; но хладнокровно, съ обдуман-

[1]) *Ars am.*, I, 445.
[2]) *Ars am.*, I, 211.
[3]) *Ars am.*, II, 539.
[4]) *Ars am.*, II, 597.

нымъ намѣреніемъ, обращать свои поступки въ наставленія, писать теорію той легкомысленной жизни, которую онъ велъ, желать преподавать ее другимъ и создать себѣ учениковъ, — это было слишкомъ. Овидій говоритъ намъ, что на него сильно напали. Онъ помышлялъ даже обезоружить своихъ враговъ, въ извѣстномъ смыслѣ отрекшись отъ своей книги; онъ опубликовалъ то, что называлъ *Средствомъ отъ любви*. Къ несчастью, добродѣтель ему не удавалась. *Средство отъ любви* скучное произведеніе, которое не могло исцѣлить зла, произведеннаго поэмой *Ars amandi;* оно никого не удовлетворило.

Противъ Овидія были возстановлены не какіе нибудь единичные мрачные и суровые люди; его враги составляли цѣлую партію, которая всегда была очень сильна въ Римѣ, а именно партію сторонниковъ древнихъ нравовъ и обычаевъ. Эти люди имѣли достатоточно причинъ, чтобы быть недовольными Овидіемъ. Онъ оскорблялъ ихъ своимъ поведеніемъ не меньше, чѣмъ своими произведеніями. Его происхожденіе предназначало его къ общественнымъ должностямъ, и сначала онъ повидимому хотѣлъ пойти именно по этому пути. Онъ выполнялъ, и даже съ честью, тѣ должности, съ которыхъ начинали свою карьеру молодые люди изъ хорошихъ семей: но такое его рвеніе быстро остыло. Въ тотъ моментъ, когда ему открылся доступъ въ сенатъ, его честолюбіе вдругъ оборвалось, и онъ сразу отдался частной жизни. Какъ всякій другой, онъ могъ бы стать преторомъ или консуломъ; но онъ захотѣлъ быть только поэтомъ. Теперь это не кажется намъ особенно дикимъ, но тогда людямъ, питавшимся старыми традиціями, казалось, что отреченіе отъ общественныхъ должностей есть измѣна государству. Подобныя измѣны были нерѣдки въ описываемую эпоху, когда политическая жизнь уже утратила свою привлекательность; но тѣ, кто совершалъ подобныя измѣны, остерегались хвалиться этимъ. Овидій, напротивъ, на всѣ нападки отвѣчалъ рѣзко: „Почему вы обвиняете меня въ томъ, что я провожу мою жизнь, ничего не дѣлая, и называете меня лѣнивымъ, когда я сочиняю стихи? Почему вы сердитесь на меня за то, что я во цвѣтѣ лѣтъ не посѣщаю пыльнаго лагеря, пренебрегаю изученіемъ законовъ и связаннымъ съ этимъ пустословіемъ, что я отказываюсь проституировать свой голосъ въ скучныхъ состязаніяхъ на форумѣ? Работа, которую вы отъ меня тре-

буете, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя разрушаются смертью, а я ищу безсмертной славы. Я хочу, чтобы мое имя воспѣвалось всегда и во всей вселенной“ [1]). Этотъ гордый отвѣтъ не могъ успокоить враговъ, они должны были сердиться еще сильнѣе, когда онъ шутя сравнивалъ влюбленныхъ съ солдатами (*militat omnis amans*) [2]), когда утверждалъ, что его любовныя исторіи должны быть ему зачтены за военные походы, что всѣмъ браннымъ подвигамъ онъ предпочитаетъ завоеваніе Коринны. „Увѣнчайте же главу мою, лавры тріумфа! Я побѣдитель: Коринна въ моихъ объятіяхъ. Я опрокинулъ не какія нибудь жалкія стѣны, я преодолѣлъ не ничтожные, узкіе рвы, — я сталъ властелиномъ женщины“ [3])!

Теперь эти шутки вызываютъ улыбку, но тогда многіе ими возмущались, или дѣлали видъ, что возмущаются. Поклонники прошлаго, проповѣдники морали, которыми Римъ всегда изобиловалъ, дѣлали видъ, что они очень разгнѣваны. Имъ не трудно было сочинять прекрасныя тирады объ опасностяхъ, которыя книги Овидія представляли для добродѣтели. Когда поэтъ пытался защищаться, напоминая, для кого были написаны *Amores* и въ особенности *Ars amandi*, то противъ него выставляли пе мало вѣскихъ доводовъ. Увѣренъ ли онъ, что его книги всегда будутъ попадать по адресу? Онъ самъ такъ тонко описалъ привлекательность запрещеннаго плода; слѣдовательно, онъ долженъ знать, какое удовольствіе доставляетъ человѣку узнать что нибудь такое, чего ему не хотятъ сообщать? Написать на произведеніи: „Удалитесь отсюда тѣ, которыя носятъ легкія повязки, признакъ цѣломудрія“, не значитъ ли это дать нѣкоторымъ изъ нихъ желаніе приблизиться? А если онѣ уступятъ искушенію, если въ тѣни или тайкомъ онѣ пробѣгутъ эти прелестные стихи, не для нихъ написанные, не найдутъ ли онѣ тамъ уроковъ, которыми смогутъ воспользоваться? Способъ обмануть мужа весьма похожъ на способъ обмануть любовника, а разъ, благодаря ловкости преподавателя, усвоивши это опасное искусство, трудно противостоять желанію утилизировать его. Овидій хорошо зналъ, что его будутъ

[1]) *Am.*, I, 15.
[2]) *Am.*, I. 9. 1.
[3]) *Id.*, II, 12.

читать всё: „молодая дѣвушка, которая краснѣя смотритъ на лицо того, кого она любитъ, юноша, котораго сердце трепещетъ невѣдомымъ ему чувствомъ, узнаютъ, читая его, какое ощущеніе ихъ волнуетъ“ [1]). Въ минуты искренности онъ не былъ недоволенъ этимъ. Онъ зналъ, что страстныя картины, которыми были полны его стихи, смутятъ душу многихъ изъ его читателей: „Наша любовь, говорилъ онъ Коринне, породила любовь у многихъ“ [2]). Его враги ничего другого и не говорили. Такимъ образомъ, они не совсѣмъ были неправы, находя опасными его произведенія; но они шли слишкомъ далеко, обвиняя его въ томъ, что онъ развратилъ своихъ современниковъ. Это значило придавать его стихамъ слишкомъ много значенія. Овидій основательно возражалъ имъ, что онъ скорѣе слѣдовалъ за своимъ временемъ, чѣмъ направлялъ его, что все общество было полно подобныхъ опасностей, и что тотъ, кто хочетъ погубить себя, найдетъ всюду случай; для этого ему достаточно было указать на гулянья, гдѣ появлялось на показъ столько продажныхъ красавицъ, на цирки, гдѣ скучивались всѣ полы и всѣ состоянія, на театры, гдѣ, какъ и нынѣ, мужья представлялись всегда несчастными и осмѣянными, а любовники всегда увѣренными въ благосклонности своихъ возлюбленныхъ и въ аплодисментахъ публики, на храмы, гдѣ лучшіе художники изображали любовныя похожденія боговъ, что должно было сообщить ихъ поклонникамъ сильную охоту подражать имъ. Было ли справедливо, среди всѣхъ этихъ опасностей, такъ сильно тревожиться о дурномъ вліяніи, какое могли имѣть нѣсколько легкихъ стиховъ? И самые эти стихи, которые такъ поносились моралистами, были ли они столь же преступны, какъ позорные мимы, подвизавшіеся на сценѣ подъ покровительствомъ властей, или какъ непристойные романы, которые свободно продавались у всѣхъ книготорговцевъ и выдавались читателямъ во всѣхъ библіотекахъ государства [3])?—Всѣ эти доводы были справедливы; но ихъ не хотѣли слушать. Обществу всегда нужно взвалить на кого нибудь отвѣтственность за свои недостатки. Чѣмъ

[1]) *Am.*, II, 1, 7.

[2]) *Am.*, III, 11, 19.

[3]) Мы здѣсь только резюмируемъ доводы, которые приводитъ Овидій, въ защиту *Ars amandi*, въ элегіи, адресованной Августу и составляющей вторую книгу его *Tristes*.

болѣе оно чувствуетъ раскаянія, тѣмъ болѣе оно расположено искать виновнаго, который бы понесъ наказаніе вмѣсто него, а когда общество хорошенько его накажетъ, оно даруетъ само себѣ прощеніе и радуется своей невинности.

II.

Овидій старается стать серьезнѣе.—Его отношенія къ Августу.—Почему Августъ не любилъ его.—Первая Юлія.—Вѣроятная причина ссылки Овидія.

Овидію было около сорока лѣтъ, когда онъ писалъ *Ars amandi*. Давно наступило время, когда муза его должна была бы стать солиднѣе, а жизнь его серьезнѣе. Для тѣхъ, кто любитъ свѣтъ и его удовольствія, переходъ отъ молодости къ зрѣлому возрасту всегда тяжелый кризисъ. Эта перемѣна тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ она бываетъ рѣзче. По прелестному выраженію поэта, годы приходятъ безъ шума, *tacitis senescimus annis* [1]); человѣкъ замѣчаетъ, что онъ старѣется лишь тогда, когда старость уже наступила. Тогда уже поздно измѣнять свой образъ жизни, поздно отказываться отъ своихъ вкусовъ. Съ ними человѣкъ разстается нехотя, пробуетъ даже сохранить ихъ. Кто слишкомъ поздно желаетъ удержать молодость, тотъ, въ наказаніе за это, не умѣетъ примириться со старостью.

Овидій по крайней мѣрѣ попробовалъ примириться со своимъ возрастомъ. Послѣ *Ars amandi* онъ измѣнилъ тонъ и хотѣлъ обратиться къ болѣе серьезнымъ произведеніямъ. Уже не первый разъ пытался онъ это сдѣлать. Такъ какъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, когда былъ молодъ, то его соблазняла слава Гомера. Онъ разсказываетъ про себя, что онъ началъ эпическую поэму на тему о войнѣ боговъ и гигантовъ; величіе сюжета приводило его въ восторгъ, и онъ пылалъ рвеніемъ. Къ несчастью, Коринна разсердилась: она хотѣла одна владѣть своимъ поэтомъ и не соглашалась дѣлить его даже съ богами. „Такъ какъ я не говорилъ ни о чемъ больше, какъ о буряхъ, о громахъ, которые мечетъ Юпитеръ, защищая небо, то моя возлюб-

[1]) *Fast.*, VI, 771.

ленная меня выгнала; я какъ можно скорѣе бросилъ Юпитера и его громы [1])". Когда кончилось владычество Коринны, онъ возвратился къ миѳологическимъ поэмамъ, къ которымъ у него всегда была рѣшительная склонность. Однако его обращеніе не было такъ полно, какъ онъ думалъ: измѣнивъ сюжеты, онъ не измѣнилъ манеры; да можно ли сказать даже, что онъ измѣнилъ сюжеты? Когда поэтъ съ такою грустью прощался съ Венерой въ четвертой книгѣ *Fastes* и просилъ у нея извиненія за то, что онъ ее покидаетъ, Венера могла бы успокоить его: онъ не переставалъ быть ей вѣрнымъ. Что бы онъ ни предпринималъ, надъ нимъ господствуютъ его старыя привычки, онъ остается „пѣвцомъ легкой любви" [2]). Если онъ вводитъ насъ на Олимпъ, то только для того, чтобы разсказывать намъ скандальныя исторіи, происходящія тамъ. Такимъ образомъ, его усилія стать солиднѣе плохо ему удаются; онъ походитъ на того добраго бога Сильвана, большого волокиту, про котораго онъ намъ разсказываетъ: тотъ былъ всегда нѣсколько моложе своего возраста [3]).

Пытаясь перейти къ болѣе значительнымъ произведеніямъ, Овидій въ то же время старался иначе устроить свою жизнь. Онъ нисколько не сталъ честолюбивѣе; онъ достаточно зналъ себя, чтобы не стремиться играть политическую роль; но по мѣрѣ того, какъ ему приходилось отказываться отъ удовольствій, онъ получалъ все больше вкуса къ размышленію. Въ молодости своей онъ жилъ больше съ поэтами и вообще съ писателями; старѣясь, онъ сближается съ великими міра сего. И здѣсь перемѣна въ дѣйствительности была меньше, чѣмъ съ перваго взгляда. Въ новомъ обществѣ, въ которое онъ вошелъ, онъ занялъ почти то же мѣсто, что и въ прежнемъ. При изученіи причины его ссылки легко видѣть, что для великихъ міра сего онъ остался поэтомъ *Искусства любить* и *Amores*. Онъ принималъ участіе главнымъ образомъ только въ ихъ развлеченіяхъ и былъ для нихъ не столько другомъ, который своимъ обществомъ доставляетъ честь, сколько пріятелемъ и повѣреннымъ ихъ легкихъ приключеній. Впослѣдствіи онъ горько оплакивалъ свои блестящія связи, ко-

[1]) *Am.*, II, 1, 15.
[2]) *Trist.*, III,3, 73: *Tenerorum lusor amorum.*
[3]) *Metam.*, XIV, 639: *Silvanusque sui semper iuvenilior annis.*

торыя способствовали его гибели. „Повѣрьте мнѣ, писалъ онъ изъ страны скиѳовъ, жить въ неизвѣстности—значитъ жить счастливо" [1]). Но, живя въ Римѣ, онъ говорилъ другое. Его вездѣ съ удовольствіемъ принимали благодаря его таланту и пріятному уму. Его литературная слава открыла ему доступъ въ такой свѣтъ, куда по своему происхожденію, хоть и высокому, онъ не могъ бы проникнуть; въ этомъ высокомъ обществѣ онъ былъ предметомъ самой лестной предупредительности; онъ здѣсь встрѣчалъ для себя соблазны, которые были для него непреодолимы, вслѣдствіе его склонности къ роскоши. Когда кто нибудь изъ важныхъ господъ въ минуту досуга удостоивалъ написать нѣсколько стиховъ, онъ съ радостью читалъ ихъ Овидію, и въ свою очередь съ благодарностью принималъ стихи, которые поэту угодно было написать въ его честь. Въ числѣ тѣхъ, къ которымъ онъ обращается въ своихъ элегіяхъ, находятся Мессала, Грецинъ, Помпей, Котта, Фабій Максимъ, лучшія имена во всей имперіи.

Но такого рода хорошихъ связей Овидію было недостаточно. Унаслѣдовавъ репутацію Горація и Вергилія, онъ хотѣлъ бы занять то приближенное положеніе при императорѣ, которое занимали его предшественники, и всѣмъ казалось, что оно должно было ему принадлежать. Августъ принялъ на себя роль покровителя современной ему литературы; въ его политику входило привязать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто могъ влiять на общественное мнѣніе. На этомъ основаніи онъ естественно долженъ былъ бы стремиться привлечь къ себѣ поэта, стихи котораго распѣвалъ весь Римъ. Однако онъ повидимому никогда не приближалъ Овидія къ своей особѣ. Еслибы Августъ какимъ бы то ни было образомъ отличилъ Овидія, послѣдній не преминулъ бы это подчеркнуть, а онъ ничего подобнаго не говоритъ нигдѣ. Повидимому, трудно объяснить, почему Августъ, который такъ симпатизировалъ искусствамъ, систематически отдалялъ отъ себя столь крупнаго поэта, какъ Овидій: нужно однако поискать причину этого.

Прежде всего отмѣтимъ, что если отношенія между поэтомъ и государемъ никогда не были очень близки, то въ этомъ не былъ ви-

[1]) *Trist.*, III, 4, 25.

новатъ поэтъ. Онъ сдѣлалъ всѣ шаги и ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы привлечь къ себѣ благосклонность императора. Надо однако признать, что первыя его произведенія сдержаннѣе и менѣе льстивы, чѣмъ позднѣйшія. Въ его *Amores* едва два-три раза упоминается объ Августѣ; онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда ищутъ болѣе расположенія Коринны, чѣмъ императора. Мы находимъ здѣсь даже смѣлую выходку, которая не обратила на себя вниманія, но всетаки весьма удивительна для такого робкаго человѣка, какъ Овидій. Онъ говоритъ про Галла, который былъ одною изъ жертвъ Августа. Одно упоминаніе этого имени, непріятнаго для императора и которое онъ заставилъ вычеркнуть изъ *Георгикъ*, было дерзостью. Но Овидій идетъ далѣе: онъ рѣшается намекнуть, что Галлъ не былъ виновенъ, что его ложно обвинили [1]). Зная Овидія, нельзя не поразиться такою храбростью. Но такая независимость съ его стороны удержалась не долго. Начиная съ *Ars amandi*, тонъ измѣняется; съ этихъ поръ у Овидія замѣтно намѣреніе стать оффиціальнымъ поэтомъ имперіи. Это было въ тотъ моментъ, когда молодой Кай, сынъ Агриппы и Юліи, усыновленный Августомъ, отправлялся на Востокъ въ походъ, изъ котораго онъ уже не вернулся. Поэтъ предсказываетъ ему всевозможный успѣхъ и тріумфальное возвращеніе. Онъ набожно проситъ у Марса, отца Римлянъ, и у цезаря, отца молодого царевича, оказать ему свое божественное покровительство, „потому что изъ нихъ двухъ одинъ уже богъ, другой будетъ имъ впослѣдствіи [2])“. Такова была прелюдія къ неимовѣрной льстивости *Метаморфозъ* и *Fastes*.

Нужно сказать нѣсколько словъ объ этой сторонѣ поэзіи Овидія, которая такъ отталкиваетъ при чтеніи послѣднихъ его произведеній. Единственнымъ извиненіемъ въ его пользу можетъ служить то, что онъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ только примѣру другихъ. Всѣ современные ему писатели говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ онъ. Можно допустить, что они дѣйствительно были крайне поражены событіями, происходившими на ихъ глазахъ; твердая охрана общественнаго порядка, бдительная забота о томъ, чтобы заставить уважать имперію на всѣхъ границахъ, преклоненіе передъ ея могуществомъ со сто-

[1]) *Am.*, III, 63.
[2]) *Ars am.*, I, 208.

роны невѣдомыхъ, варварскихъ народовъ,—все это могло имъ импонировать. Несмотря на всѣ язвы, это была великая эпоха; люди справедливые и великодушные, которые не ставили себѣ въ заслугу быть всегда недовольными и „печаловаться объ общественномъ благѣ“, могли найти много основаній для похвалы. Но отчего же во всѣхъ этихъ похвалахъ столько сервилизма [1])? Откуда эти преувеличенія, которыя даже истинѣ придаютъ лживую внѣшность? И какъ могло произойти, что Августа совершенно также восхваляли, какъ Нерона и Домиціана? Есть люди, которые всю вину хотѣли бы взвалить на самого Августа; мы думаемъ, что, по всей справедливости, большую часть ея нужно отнести къ характеру эпохи. Очевидно въ основѣ тогдашняго общества, которое кажется намъ такимъ блестящимъ, было что-то низкое; оно созрѣло для деспотизма, когда онъ явился. Это доказывается тѣмъ, что оно съ удовольствіемъ встрѣтило появленіе деспотизма и удивительно быстро приспособилось къ нему. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ битвы при Филиппахъ, въ то время какъ солдаты Октавія грабили Италію, Вергилій, которому онъ оказалъ нѣсколько милостей, восклицаетъ: „Да, это богъ, и кровь агнца будетъ часто орошать его жертвенники!“ Какая поспѣшная апоѳеоза на другой день послѣ проскрипцій! Такимъ образомъ можно сказать, что имперія была уже подготовлена въ умахъ раньше Августа. Съ перваго же момента общество стремилось отдать ему власть также ревностно, какъ горячо онъ желалъ ее получить. Впослѣдствіи сенатъ всегда предлагалъ ему больше почестей, чѣмъ онъ хотѣлъ; однажды народъ даже возмутился, чтобъ принудить его принять диктаторство. Надо оставить каждому причитающуюся ему долю отвѣтственности; не только имперія создавала тогдашнее общество, но и общество создавало имперію. Августъ далеко не былъ одинъ виноватъ въ происшедшемъ ослабленіи характеровъ,—въ концѣ концовъ оно испугало его самого. Можно было бы думать, что всеобщая трусость, отсутствіе собственнаго достоинства, безпомощность общества, должны были увеличивать прочность его власти. Но эти явленія привели его въ ужасъ.

[1]) Мы исключаемъ прекрасные стихи Горація во вступленіи къ его посланію, обращенному къ Августу. Так. обр. человѣкъ рабскаго происхожденія въ самой лести съумѣлъ лучше другихъ сохранить свое достоинство.

Конечно, Августъ не любилъ честолюбцевъ, но онъ понялъ, что имперія погибнетъ, если всѣ будутъ бѣжать отъ общественныхъ должностей, и принялъ мѣры, чтобы воспрепятствовать такому дезертирству. Безъ сомнѣнія, ему на руку была всеобщая склонность къ удовольствіямъ: абсолютная власть его всегда выигрываетъ отъ этого. Но онъ увидѣлъ наконецъ, что страна, гдѣ удовольствія являются самымъ важнымъ занятіемъ, не можетъ дать болѣе ни гражданъ, ни солдатъ. Послѣ пораженія Вара, когда Августъ попробовалъ набрать новую армію, никто не хотѣлъ отправляться въ походъ, и пришлось набирать ветерановъ и вольноотпущенниковъ [1]). Правда и то, что Августъ не возвратилъ обществу утраченной энергіи. Для его излеченія онъ могъ ему предложить лишь мало дѣйствительныя средства. Единственнымъ цѣлесообразнымъ лѣкарствомъ могло бы быть возвращеніе ему самоуправленія: но это было то единственное средство, къ которому онъ не могъ прибѣгнуть. Такимъ образомъ, попытки Августа реформировать общество оказались безуспѣшными; такъ какъ онъ обращался съ нимъ кротко, то онъ былъ ему пожалуй менѣе полезенъ, чѣмъ дурные государи, которые слѣдовали за нимъ. Деспотизмъ жестокій иногда лучше деспотизма гуманнаго и умѣреннаго. Благосостояніе вызываетъ духовное ослабленіе, а избытокъ страданій возрождаетъ; такимъ образомъ, можно сказать въ общемъ, что Тиберій и Неронъ сдѣлали болѣе Августа въ смыслѣ нѣкотораго развитія силы характеровъ.

Итакъ, Августъ не вполнѣ былъ доволенъ своею эпохой, хотя онъ долженъ былъ въ многомъ пенять на самого себя. Здѣсь заключается первое разномысліе Августа съ Овидіемъ, который не перестаетъ восхвалять свой вѣкъ. Взглядъ Августа на способъ исцѣленія общества былъ еще болѣе далекъ отъ Овидія. Августъ хотѣлъ возродить, въ тотъ развращенный вѣкъ, вкусъ къ античнымъ добродѣтелямъ. Слишкомъ усиленно вызывать великія воспоминанія прошлаго было, можетъ быть, нѣсколько опасно для его власти; но онъ думалъ, что еще опаснѣе было бы дать имъ окончательно погибнуть. Когда онъ говорилъ въ сенатѣ или на площади, онъ безпрестанно обращался къ примѣру

[1]) *Діонъ,* LVI, 23.

предковъ. Напр., чтобъ побудить своихъ подданныхъ вступать въ бракъ или быть умѣренными въ издержкахъ, Августъ приказывалъ публично читать рѣчь Метелла о необходимости поддерживать родъ *(de prole augenda)* или рѣчь Рутилія о соблюденіи мѣры въ постройкахъ *(de modo aedificiorum)*. Надо думать, что Овидій немного подсмѣивался надъ этой старой моралью, тогда какъ Августъ хотѣлъ явиться поклонникомъ ея.

Воздавая хвалу старому времени, Августъ хотѣлъ понудить своихъ современниковъ возвратиться къ старымъ нравамъ. Такое средство ему казалось подходящимъ, чтобъ придать имъ больше энергіи, чтобъ упорядочить ихъ домашнюю жизнь. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ возвратить римское общество, ослабленное двумя вѣками деморализаціи и пятьюдесятью годами междуусобной войны, къ простотѣ, внушить ему уваженіе къ религіи, любовь къ семьѣ, однимъ словомъ, всѣ тѣ добродѣтели, которыя составляютъ основу спокойствія въ настоящемъ и обезпечиваютъ будущее. Къ несчастью, добродѣтель нельзя ввести приказомъ; административныхъ мѣръ недостаточно для того, чтобы сдѣлать народъ честнымъ. Августъ вскорѣ самъ увидѣлъ это. Если и былъ моментъ, когда онъ могъ радоваться удачѣ своихъ нравственныхъ реформъ, то громкіе скандалы скоро ему доказали, какъ онъ обманывался. Въ началѣ царствованія Августа его поэтъ, Горацій, говорилъ ему: „Прелюбодѣяніе не пачкаетъ больше семействъ, нравы и законы восторжествовали надъ грязнымъ порокомъ“ [1]); а къ концу своей жизни Августъ долженъ былъ наказывать прелюбодѣянія въ своемъ собственномъ домѣ.

Безпорядочная жизнь его дочери, Юліи, была однимъ изъ наибольшихъ несчастій Августа. Онъ ей далъ весьма тщательное воспитаніе. Она пряла шерсть, какъ Римлянка древнихъ временъ; Августъ не носилъ другой одежды, кромѣ той, которую ткали ему его жена и дочь; но подобныя предосторожности не сдѣлали изъ Юліи Лукреціи. Светоній и Сенека разсказали намъ, до чего она дошла. Несмотря на ихъ свидѣтельства, которыя трудно опровергнуть, Виландъ въ умной и горячей статьѣ попытался защитить ее. Онъ напоминаетъ,

[1]) *Od.*, IV, 5.

что Юлія была женщина умная, кроткая и привѣтливая, и что народъ ее обожалъ. Онъ искусно группируетъ всѣ причины, которыя объясняютъ и смягчаютъ ея ошибки. Несомнѣнно, въ извиненіяхъ ея поведенію нѣтъ недостатка. Подъ одной крышею съ нею жилъ ловкій и ожесточенный врагъ—ея мачеха Ливія, которая не только ничего не дѣлала, чтобъ защитить свою падчерицу отъ нея самой, но вѣроятно помогла ей погибнуть, чтобы не имѣть соперницы въ сердцѣ Августа. Юлію выдавали замужъ послѣдовательно за всѣхъ кандидатовъ на императорскій престолъ. Ее передавали отъ одного другому, даже не спрашивая ея совѣта, и съ такою быстротою, что ей трудно было отличать своихъ мужей отъ своихъ любовниковъ. Странный способъ пріучать молодую женщину уважать бракъ и внушать ей цѣломудренность! Двое послѣднихъ, за которыхъ она вышла замужъ, были уже женаты, и ихъ принудили развестись, чтобъ очистить ей мѣсто. Такимъ образомъ, ей выпадала печальная судьба, вступая въ новый домъ, вытѣснять оттуда любимую женщину, которую мужъ долженъ былъ съ неудовольствіемъ принести ей въ жертву. Она видѣла, какъ ея новый мужъ плачетъ при воспоминаніи о той, которую она замѣнила. Отсюда безъ сомнѣнія должна была проистекать холодность и взаимное отвращеніе. Юлія чувствовала, что ее брали только потому, что она приносила съ собою въ приданое имперію; поэтому она и искала внѣ дома связей, гдѣ бы сердце играло какую нибудь роль. Она находила ихъ въ средѣ той щеголеватой и развращенной молодежи, которою она любила окружать себя. Списокъ ея любовниковъ очень длиненъ. Тутъ на ряду съ нѣсколькими краснобаями, греками, встрѣчались имена Гракха, Сципіона, Аппія Клавдія, все великія имена республики, ставшія будуарными героями; главное же мѣсто занималъ Юлій Антоній, единственный пощаженный сынъ тріумвира; онъ жилъ на Палатинѣ, въ домѣ убійцы своего семейства, пользуясь его милостями; здѣсь онъ тайкомъ читалъ произведенія Цицерона, ради развлеченія писалъ миѳологическія поэмы, можетъ быть, иногда думалъ о своемъ отцѣ, который чуть не сталъ властелиномъ всего свѣта, и о своихъ братьяхъ, которыхъ Августъ предательски убилъ. Какъ же случилось, что дочь Августа полюбила сына Антонія?—Неизвѣстно. Извѣстно только, что обоимъ имъ доставляло удовольствіе бравировать общественнымъ мнѣніемъ; въ то время, когда добродѣтель была оффиціально предписана, они дошли до невѣроятныхъ предѣловъ безстыдства, они ночью избирали форумъ или трибуну сценой своихъ оргій, какъ будто они въ своемъ усталомъ распутствѣ нуждались въ грозящей опасности, чтобъ заново воодушевиться и набраться силъ.

„Августъ, говоритъ Виландъ, любилъ свою единственную дочь такъ, какъ могъ любить подобный ему человѣкъ, т. е. онъ въ ней любилъ самого себя". Такого рода привязанность была недостаточна, чтобъ сдѣлать его снисходительнымъ. Его гнѣвъ разразился съ ужасающей силой. Онъ сдѣлалъ сенатъ и весь міръ повѣренными своего несчастья. Онъ велѣлъ убить или изгнать сообщниковъ Юліи и ее самое сослалъ на островъ, къ которому никто не могъ приблизиться безъ его приказанія. Напрасно народъ нѣсколько разъ просилъ о помилованіи ея; Августъ былъ непреклоненъ, и передъ своей смертью онъ проклялъ ее въ своемъ завѣщаніи. Такой страшный гнѣвъ былъ бы непонятенъ, если бы допустить, что онъ былъ вызванъ лишь любовью къ добродѣтели; но у Августа были другія причины сердиться на свою дочь. Онъ наказывалъ въ ней скорѣе неудачу своей политики, чѣмъ оскорбленіе нравственности. Какое горе для него, какая горькая досада — чувствовать себя побѣжденнымъ въ той борьбѣ, которую онъ предпринялъ противъ современныхъ нравовъ, видѣть, какъ членъ его же семьи обнаруживаетъ всю безплодность его усилій, быть принужденнымъ признаться предъ цѣлымъ міромъ, что его льстецы и его поэты слишкомъ поспѣшили воспѣть его побѣду! Такая жестокая неудача поразила въ самое сердце государя, привыкшаго къ успѣху. Вотъ что сдѣлало его неумолимымъ. Отецъ, быть можетъ, простилъ бы, но верховный повелитель мстилъ за себя.

У Юліи были и другіе сообщники кромѣ тѣхъ, которые были наказаны; Августъ хорошо зналъ это. Этими сообщниками были всѣ тѣ щеголи, которые посѣщали портики и театры, всѣ свѣтскіе люди, у которыхъ, по выраженію Тацита, развращенность считалась хорошимъ тономъ и послѣднею модой *(corrumpere et corrumpi saeculum vocant)* [1]; однимъ словомъ все изнѣженное общество, снисходительныя

[1] *Germ.*, 18.

правила котораго проникли и на Палатинскій холмъ. Какъ долженъ былъ сердиться Августъ на это общество за то, что оно не дало себя побѣдить и доказало ему даннымъ примѣромъ, что оно сильнѣе его! Но такъ какъ Августу было невозможно справиться со всѣми, такъ какъ общество по своему объему не могло стать объектомъ его мести, то онъ естественно больше всего сердился на тѣхъ, кто служилъ самымъ блестящимъ его представителемъ, въ комъ римское общество любило себя узнавать. Какъ таковой, Овидій долженъ былъ ему особенно не нравиться. Если Августъ ощущалъ потребность найти виновнаго для наказанія и свалить на кого нибудь общую вину, его гнѣвъ долженъ былъ по преимуществу обратиться на того, кто столько разъ прославлялъ нравы своего времени. Кто знаетъ, не установилась ли съ этого момента въ его умѣ скрытая связь между его домашними несчастьями и стихами поэта? Какъ разъ, въ силу непріятнаго совпаденія, *Ars amandi* было опубликовано въ годъ ссылки Юліи. Это было простою случайностью; уроки Овидія не имѣли никакого вліянія на поведеніе молодой женщины; она слѣдовала его правиламъ гораздо ранѣе, чѣмъ они были написаны; но понятно, что такое совпаденіе поразило Августа. Самый успѣхъ подобнаго произведенія могъ показаться оскорбленіемъ отцовскаго горя, а кромѣ того въ глазахъ императора онъ казался общественно опаснымъ [1]). Мы убѣждены, что Августъ никогда этого не забылъ; однако онъ скрылъ свое недовольство. *Ars amandi* вначалѣ не подверглось никакому преслѣдованію. Когда императоръ предсѣдательствовалъ при производствѣ ценза, онъ оставилъ поэту его всадническое кольцо; очень вѣроятно, что, хотя императоръ и былъ сердитъ на поэта за его стихи и втайнѣ обвинялъ его отчасти за распутство его современниковъ, онъ удовольствовался бы тѣмъ, что держалъ Овидія вдали отъ себя, если бы не произошло

[1]) Успѣхъ былъ дѣйствительно очень великъ. Имя Овидія конечно было одно изъ популярнѣйшихъ въ римскомъ свѣтѣ. Въ одной изъ его поэмъ, Трагедія бранитъ его за то, что онъ покинулъ ее, что съ того времени, какъ появились Amores, его стихи распѣваются на пирахъ, что ихъ пишутъ на стѣнахъ у перекрестковъ (*Am.*, III, 1, 17); и дѣйствительно стихи Овидія теперь часто находятъ въ Помпеѣ начерченными или вырѣзанными на стѣнахъ домовъ. Послѣ *Ars amandi* его слава должна была еще возрасти. „Онъ, говоритъ риторъ Сенека, наполнилъ весь міръ своимъ *Ars amandi* и своими любовными изреченіями (*Excerpta controv.*“ 7).

какого то новаго случая, который напомнилъ его старые поступки и вызвалъ ихъ наказаніе.

Тутъ мы наконецъ подошли къ тому таинственному происшествію, которое вызвало гнѣвъ Августа. Какъ уже сказано, мы можемъ судить о немъ лишь по свидѣтельству самого Овидія; но и онъ говоритъ объ этомъ фактѣ очень мало. Въ его время всѣмъ былъ извѣстенъ истинный ходъ событій, что избавляло Овидія отъ необходимости пускаться въ разсказъ. Онъ избѣгаетъ даже, поскольку можетъ, намекать на происшедшее: „Молчи, языкъ; не надо болѣе ничего прибавлять. Отчего не могу я похоронить это воспоминаніе вмѣстѣ со своимъ пепломъ“ [1])! А такъ какъ современники поэта, безъ сомнѣнія по тѣмъ же мотивамъ, были также скрытны, то у насъ нѣтъ никакого точнаго указанія ни отъ него, ни отъ другихъ о причинахъ его ссылки.

Это молчаніе исторіи даетъ полный просторъ воображенію; за отсутствіемъ достовѣрныхъ фактовъ, появилось множество гипотезъ. Мы не будемъ обсуждать каждую изъ нихъ, это былъ бы скучный и безполезный трудъ. Всѣ онѣ въ общемъ основываются на слѣдующихъ словахъ поэта: „Зачѣмъ я что либо видѣлъ? Зачѣмъ я сдѣлалъ свои взоры сообщниками проступка [2])? . . . . Я наказанъ за то, что былъ свидѣтелемъ преступленія, не зная этого; я виновенъ лишь въ томъ, что имѣлъ глаза“ [3]). Что же такое преступнаго могъ онъ видѣть? Одни склоняются къ мысли, что онъ подсмотрѣлъ какую нибудь государственную тайну; это предположеніе очень неопредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ мало вѣроятно. Сурово наказать Овидія, сослать его въ такое мѣсто, откуда онъ могъ имѣть сношенія съ Римомъ, было плохимъ средствомъ обезпечить себѣ его молчаніе. Также ничто не даетъ права предполагать, что онъ былъ наказанъ за то, что выдалъ эту тайну. Овидій говоритъ вездѣ, что онъ виноватъ тѣмъ, что видѣлъ, а не тѣмъ, что говорилъ. Другіе вообразили себѣ, будто онъ нескромно подсмотрѣлъ, какъ Ливія купается; но это совсѣмъ несогласно со словами Овидія: онъ говоритъ, что онъ былъ свидѣтелемъ преступленія, а купаться вѣдь не есть преступле-

[1]) *Pont.*, II, 2, 61.
[2]) *Trist.*, II, 5.
[3]) *Trist.*, III, 5, 49.

ніе. Большинство придерживается того мнѣнія, что онъ случайно присутствовалъ при какомъ нибудь дурномъ поступкѣ Августа, можетъ быть при любовныхъ сношеніяхъ съ собственной дочерью. Это мнѣніе, котораго держался Вольтеръ, опирается на очень несерьезный авторитетъ, именно на Калигулу. Этому императору недостаточно было того, что онъ происходилъ отъ Августа по своей бабушкѣ Юліи; въ своемъ странномъ тщеславіи онъ претендовалъ на происхожденіе отъ Августа съ обѣихъ сторонъ. Мысль о томъ, что его предкомъ былъ плебей Агриппа, солдатъ-выскочка, приводила его въ негодованіе, и онъ находилъ гораздо болѣе почетнымъ для своего рода, что мать его обязана своимъ происхожденіемъ кровосмѣшенію. Но бредъ сумасшедшаго не можетъ служить доказательствомъ; Августъ совершилъ достаточно дурныхъ поступковъ, за которые его можно порицать, не навязывая ему еще воображаемые. Впрочемъ, если даже допустить, что онъ виновенъ, — а нѣтъ никакого основанія это думать, — то было бы невозможно установить какое либо отношеніе между подобнымъ происшествіемъ и ссылкой Овидія: когда Овидій былъ изгнанъ изъ Рима, уже десять лѣтъ прошло послѣ удаленія Юліи; она жила въ строгомъ заточеніи и вдали отъ взоровъ отца. Кромѣ того, какъ не сообразить, что, если бы дѣло шло о дурномъ поступкѣ Августа, Овидій не говорилъ бы о немъ или старался бы его смягчить? А онъ, напротивъ, характеризуетъ его очень сурово; онъ называетъ его преступленіемъ. Если онъ такъ свободно говоритъ объ этомъ преступленіи, то это значитъ, что оно было совершено не Августомъ, а противъ него; дѣло идетъ о проступкѣ, жертвой котораго былъ Августъ, а не дѣйствующимъ лицомъ, и который причинилъ ему глубокое горе. „Я не хочу вновь открывать твои раны, говоритъ ему поэтъ; онѣ достаточно причинили тебѣ боли одинъ разъ“ [1]).

Эти слова наводятъ насъ на слѣдъ истины. Наибольшее горе, которое испыталъ Августъ, — всѣ историки согласны въ этомъ, — было вызвано преступнымъ поведеніемъ царевенъ его дома, потому что оно оскорбляло въ немъ императора и отца. Такимъ образомъ возможно, что Овидій намекаетъ на какое нибудь приключеніе въ этомъ родѣ,

[1]) *Trist.*, II, 209.

и что та рана, которую онъ не хочетъ бередить въ душѣ императора, есть воспоминаніе о безчестіи его дома. Правда, здѣсь не можетъ быть рѣчи о распутствахъ первой Юліи, уже десять лѣтъ удаленной изъ Рима; но это не единственный скандалъ во дворцѣ реформатора общественныхъ нравовъ. Не смотря на устрашающій примѣръ, который онъ далъ, тѣ же самые проступки повторялись, и приходилось прибѣгать къ тѣмъ же наказаніямъ. Августъ долженъ былъ наказать свою внучку, вторую Юлію, которая подражала поведенію своей матери. Ее обвинили въ прелюбодѣйствѣ съ молодымъ человѣкомъ хорошаго рода, Силаномъ, и водворили въ одинъ изъ городовъ Италіи, гдѣ она прожила еще двадцать лѣтъ. Къ тому же, моментъ, когда ея преступленіе было открыто и наказано, совпадаетъ какъ разъ съ ссылкой Овидія. Не позволяетъ ли намъ это совпаденіе предположить, что Овидій былъ замѣшанъ въ любовныя сношенія Юліи и Силана, и что мы здѣсь имѣемъ истинную причину гнѣва Августа противъ него?

Если допустить этотъ фактъ, все поддается объясненію. Тѣ нѣсколько словъ, которыя выронилъ поэтъ въ свое оправданіе, становятся понятными; онъ намекаетъ, какимъ образомъ онъ вошелъ въ близкія отношенія съ Юліей и Силаномъ и какую роль онъ игралъ при этомъ; соберемъ тщательно все, что Овидій высказалъ по этому поводу, и попытаемся, насколько возможно, освѣтить темную исторію его опалы.

Не трудно себѣ вообразить, какъ завязались тѣ отношенія, которыя его погубили. „Мои стихи, говоритъ онъ, къ моему несчастью сдѣлали то, что мужчины и женщины желали со мною знакомиться“ [1]). Понятно, что Силанъ и Юлія въ пылу взаимной страсти пожелали ближе сойтись съ авторомъ *Amores* и *Ars amandi*. Такое желаніе со стороны внучки императора было приказомъ. Овидій охотно повиновался и безъ сомнѣнія считалъ за счастье завести сношенія, приближающія его къ императору; но какъ онъ могъ не предусмотрѣть опасность, которую могло повлечь для него подобное знакомство? Какимъ образомъ ссылка первой Юліи, смерть Антонія, всѣ эти страшныя воспоминанія, которыя не могли быть забыты, не научили его

[1]) *Trist.*, II, 5: *Carmina fecerunt, ut me cognoscere vellent,*
Omine non fausto, femina virque, mea.

держаться насторожѣ? Онъ самъ понимаетъ, какъ странно было его неблагоразуміе, и старается намъ объяснить его. „Мой первый проступокъ, говоритъ онъ, былъ результатъ заблужденія [1])“, и это слово повторяется постоянно въ его стихахъ. Овидій безъ сомнѣнія хочетъ сказать, что онъ сначала заблуждался относительно характера склонности Юліи къ Силану и считалъ ее менѣе преступной, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Признаться, намъ очень трудно повѣрить ему на слово. Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, такой проницательный въ подобнаго рода интригахъ, написавшій ихъ теорію и знакомый съ ихъ практикой, позволилъ себя провести людямъ, которые, зная его снисходительность, не имѣли причины скрываться отъ него? Напрасно, онъ для большей убѣдительности обвиняетъ свое простодушіе и нѣсколько разъ повторяетъ, что онъ былъ глупцомъ [2]): есть люди, которые никогда не заставятъ вѣрить своей наивности. Предположивъ даже, что онъ ошибся вначалѣ, его заблужденіе не могло долго тянуться. Когда оно прекратилось, когда онъ понялъ, къ какимъ отношеніямъ онъ примѣшанъ, рѣшился ли онъ измѣнить свое поведеніе? „Мой второй проступокъ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что я былъ робокъ [3])“, а это, кажется, должно означать, что онъ не смѣлъ говорить; онъ не сказалъ ничего ни молодымъ людямъ, чтобы вернуть ихъ къ долгу, ни императору, чтобы открыть ему ихъ преступленіе. Онъ боялся, и не безъ причины. Его положеніе было крайне опасное. Его молчаніе погубило его, но онъ могъ погибнуть, еслибъ и не молчалъ. Кромѣ того, въ это время онъ уже самъ былъ запутанъ. Его предупредительность, можетъ быть, вначалѣ не была преступна: незамѣтно она сдѣлалась таковою. Въ подобномъ ежедневномъ общеніи одна слабость влечетъ за собой другую, и онѣ такъ сплетаются, что трудно бываетъ сказать, въ какой именно моментъ началось преступленіе. „Ты простилъ бы мнѣ, говоритъ онъ, еслибъ ты зналъ всю послѣдовательность и сцѣпленіе моихъ несчастій [4])“. Можно болѣе

[1]) *Trist.*, IV, 4, 39: *Prius offuit error.*
[2]) *Trist.*, I, 5, 42: .... *hanc merui simplicitate fugam. Trist.*, III, 6. .... *stultitiamque meum crimen debere vocari.*
[3]) *Trist.*, IV, 4, 39. *Pont.* II, 2, 17. *Nil nisi non sapiens possum timidusque vocari.*
[4]) *Trist.*, IV, 4, 37: *Hanc quoque qua perii culpam scelus esse negabis, Si tanti series sit tibi nota mali.*

или менѣе догадываться, какого рода услуги Овидій могъ оказывать молодымъ людямъ. Онъ былъ безъ сомнѣнія однимъ изъ тѣхъ повѣренныхъ въ любви, которыхъ охотно вводятъ въ самыя интимныя отношенія, чтобъ время отъ времени нарушить *tête-à-tête*, когда оно становится въ тягость. Должно быть, никто лучше этого поэта и остряка не умѣлъ внести веселье въ бесѣду и оживить праздникъ любви. Надо думать, что онъ зашелъ въ своей предупредительности довольно далеко, потому что самъ ощущаетъ потребность оправдать ее. Овидій признаетъ, что его поведеніе было достойно порицанія, но онъ спѣшитъ прибавить, что по крайней мѣрѣ онъ никогда изъ него не извлекалъ выгоды [1]). Похожденія, въ которыя онъ такъ необдуманно впутался, кончились насильственнымъ образомъ. Оба любовника, увлеченные страстью, забыли благоразуміе. Должно быть, случилась какая нибудь оргія, болѣе бѣшеная, болѣе шумная, чѣмъ другія, можетъ быть имѣло мѣсто нѣчто вродѣ той сцены на трибунѣ и на форумѣ, которая вызвала наказаніе первой Юліи. Если полагаться на его увѣренія, онъ ничего не зналъ заранѣе, онъ не имѣлъ понятія о томъ, что должно было произойти [2]). Онъ не принималъ прямого участія въ празднествѣ и былъ лишь свидѣтелемъ его. Подобно Актеону, онъ видѣлъ [3]); это было единственнымъ его преступленіемъ: этого было совершенно достаточно, чтобы его погубить.

Дѣло получило огласку. Въ Римѣ, по словамъ Тацита, все становилось извѣстнымъ и обо всемъ говорилось [4]). Кто нибудь изъ свидѣтелей проговорился; Овидій, который оказался однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ лицъ, былъ болѣе всего и скомпрометтированъ. Быть можетъ, остальные обвинили его, чтобъ оправдать себя: „Нужно ли мнѣ, говоритъ онъ, напоминать преступленіе моихъ товарищей и слугъ“ [5])? Фабій Максимъ, одинъ изъ его покровителей, узналъ о случившемся наравнѣ съ другими. Онъ попробовалъ вызвать Овидія на признаніе и далъ ему понять, какой опасности онъ подвергается. „Я робко признавался,

[1]) *Trist.*, III, 6: *Nil igitur referam, nisi me peccasse, sedillo. Praemia peccatto nulla petita mihi.*
[2]) *Trist.*, II, 107: Овидій говоритъ здѣсь *casus* и *fortuna*.
[3]) *Trist.*, II, 105.
[4]) *Ann.*, II, 27: *in civitate omnium gnara et nihil reticente.*
[5]) *Trist.*, IV, 10, 101.

говоритъ поэтъ, или пытался отрицать, и подобно снѣгу, который таетъ подъ влажнымъ дыханіемъ западнаго вѣтра, слезы помимо моей воли текли по моему испуганному лицу"[1]). Въ концѣ концовъ узналъ и Августъ, и, узнавши, сейчасъ же наказалъ виновныхъ. Весьма замѣчательно, что болѣе всѣхъ былъ наказанъ Овидій, который былъ виноватъ менѣе другихъ. Юлія не покинула Италію. Силанъ могъ остаться даже въ Римѣ; онъ удалился добровольно, хорошо понимая, что послѣ такого громкаго дѣла ему нельзя болѣе оставаться въ присутствіи оскорбленнаго имъ государя. Овидій былъ отосланъ на край свѣта. Такое усугубленное наказаніе объясняется только предыдущею неприязнью къ нему Августа. Обыкновенно утверждаютъ, что происшествіе съ Юліей было единственнымъ мотивомъ наказанія Овидія, а что поэма *Ars amandi* была только предлогомъ къ нему; мы думаемъ наоборотъ, что его стихотворенія были настоящею причиной, а все остальное лишь поводомъ[2]). Какъ сказано, Августъ вѣроятно втайнѣ обвинялъ его за всеобщую развращенность и валилъ на него вину всѣхъ. Эта мысль получала повидимому, подтвержденіе въ томъ, что Овидій всегда ему попадался въ его домашнихъ несчастьяхъ, косвенно—черезъ *Ars amandi*, въ преступленіи первой Юліи, а болѣе непосредственно въ исторіи второй Юліи. Августъ сердился на поэта за все то распутство, которое онъ долженъ былъ наказывать. Его сердце было преисполнено сдерживаемаго и скрываемаго злопамятства; послѣдній скандалъ переполнилъ чашу. Вотъ почему Овидій былъ строже наказанъ, чѣмъ другіе; онъ заплатилъ за себя и за все общество. Гнѣвъ Августа былъ такъ силенъ, что не стѣснился никакими соображеніями справедливости или законности[3]). Ненавистный поэтъ, личный врагъ императора за то, что онъ причинилъ столько вреда его политикѣ и внесъ развращеніе въ его семью, распространивши его сначала въ обществѣ, былъ безжалостно водворенъ въ маленькомъ городкѣ близъ Эвксинскаго Понта.

[1]) *Pont.*. II, 4, 90.
[2]) Такое мнѣніе проводитъ и Адольфъ Шмидтъ въ своемъ сочиненіи *Geschichte der Denk—und Glaubensfreiheit*.
[3]) Овидій утверждаетъ, что въ Римѣ не было закона противъ безнравственныхъ произведеній, и что ихъ никогда не наказывали. «Я ничего не сдѣлалъ запрещеннаго закономъ». *Pont.*, II, 9, 71.

III.

Отъѣздъ Овидія въ ссылку.—Первая книга *Tristes*.—Жизнь Овидія въ Томи.—Его посланія къ женѣ. — Мольбы къ Августу. — Послѣдніе годы Овидія. — Его смерть.

Въ одной изъ самыхъ отчаянныхъ элегій Овидій разсказалъ намъ, какъ онъ провелъ послѣднюю ночь въ Римѣ. Ничего не было готово къ отъѣзду, хотя Августъ далъ время приготовиться къ нему. Дочь поэта нельзя было предувѣдомить, и она не могла привести къ нему его внуковъ. Его домъ былъ почти пустъ; лишь два—три друга отважились придти пожать ему руку. Ничто такъ не поразило его, ничто не было ему такъ чувствительно, какъ эта заброшенность. Такъ какъ онъ до тѣхъ поръ никогда не испытывалъ неудачи, то онъ не зналъ, что, „пока человѣкъ счастливъ, онъ насчитываетъ много друзей, но при первомъ же облакѣ онъ остается одинъ"[1]). Несчастье заставило поэта сдѣлать это открытіе. Но вотъ скоро встанетъ солнце; пора ѣхать. Домъ огласился слезами рабовъ и вольноотпущенниковъ; „этотъ день походилъ на день похоронъ"[2]). Овидій наконецъ оторвался отъ огорченныхъ домочадцевъ и убѣжалъ, бросивъ послѣдній взглядъ на тотъ городъ, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ и гдѣ онъ оставлялъ, какъ ему казалось, часть самого себя. — Мы увидимъ, что онъ оставилъ тамъ заразъ свое счастіе и свой талантъ.

Овидій переплылъ Адріатическое море въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ періодъ бурь. Его плаваніе было небезопасно; буря отбросила его къ берегамъ Италіи, которую онъ, казалось, не могъ покинуть. На другомъ кораблѣ, *Минервѣ*, на который онъ сѣлъ въ Коринѳѣ, онъ прошелъ мимо Цикладскихъ острововъ и вдоль береговъ Малой Азіи. Эти страны были ему небезъизвѣстны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ своего друга Мацера, такого же поэта, какъ и онъ, онъ проѣхалъ Грецію и переплылъ Іонійское море, чтобы посѣтить мѣсто дѣйствія Иліады. Все напоминало ему о томъ счастливомъ времени, и это дѣлало его путешествіе еще печальнѣе; чтобы утѣшиться, онъ писалъ. „Стихи, которые вы прочтете, говорилъ онъ своимъ друзьямъ,

[1]) *Trist.*, I, 9, 5.
[2]) *Trist.*, I, 3, 22.

я пишу не въ садахъ моихъ, растянувшись для отдыха на мягкой постели, какъ я дѣлалъ обыкновенно; я пишу среди бурь, при свѣтѣ ненастнаго неба, и волны гнѣвнаго моря ударяются въ дощечки, на которыхъ я пишу“ [1]). Въ такихъ условіяхъ была сочинена первая книга *Tristes*.

Когда она дошла до Рима, ее не всѣ одобрили. Нѣкоторые изъ друзей Овидія порицали его за то, что онъ ее написалъ. Надо думать, это были тѣ самые люди, которые отсутствовали въ его домѣ въ день его отъѣзда. Съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ далеко и не могъ ихъ компрометтировать, они великодушно давали ему добрые совѣты; они главнымъ образомъ проявляли большую заботу объ его достоинствѣ, и, такъ какъ нѣтъ ничего величественнѣе молчанія, то они желали бы убѣдить его, что онъ долженъ молчать. Бѣдный поэтъ отвѣчалъ имъ, что очень трудно удержать слезы, когда страдаешь, и что на душѣ даже становится легче, если предоставить имъ течь. У поэта не было другого облегченія въ его горѣ, какъ бесѣдовать о немъ съ друзьями и съ публикой. Вѣдь извѣстно, говорилъ онъ, что всѣ несчастные поютъ. „Рабъ, воздѣлывающій землю съ оковами на ногахъ, смягчаетъ своими пѣснями тяжесть работы. Бурлакъ поэтъ, когда, наклонившися надъ топкимъ пескомъ, съ усиліемъ тянетъ свою барку противъ теченія. Поетъ и матросъ, мѣрно притягивая гибкія весла къ своей груди и въ тактъ ударяя по волнамъ. Когда пастухъ, уставши опирается на свою палку или садится на скалу, онъ услаждаетъ слухъ своего стада звуками своей деревенской дудки. Служанка поетъ, сидя за пряжей, и такимъ образомъ легче достигаетъ конца своего урока[2]).“

Овидій высказываетъ здѣсь не все, что у него въ головѣ; у него другая, гораздо болѣе важная причина постоянно посылать новые стихи въ Римъ: онъ боялся, что его забудутъ. Онъ хорошо зналъ легкомысліе свѣтской жизни; ему было не безъизвѣстно, что кто постоянно занятъ настоящимъ, тому некогда вспоминать прошлое; несчастные не по вкусу тѣмъ людямъ, которые не хотятъ, чтобы ихъ отвлекали отъ ихъ удовольствій, они спѣшатъ забыть объ ихъ существованіи, чтобъ избавиться отъ обязанности сожалѣть ихъ. Но этого то

[1]) *Trist.*, I, 11, 37.
[2]) Trist., IV, 1.

Овидій и хотѣлъ избѣжать во что бы то ни стало; вотъ почему онъ и писалъ постоянно, чтобъ будить память о себѣ въ забывчивыхъ умахъ своихъ бывшихъ знакомыхъ. Его письма, адресованныя самымъ вѣрнымъ изъ его друзей, тотчасъ же предавались гласности. Онъ хотѣлъ всѣми средствами повернуть общественное мнѣніе въ свою пользу; но общественное мнѣніе, дисциплинированное полувѣковымъ рабствомъ, оставалось индифферентнымъ. Римляне стали уже тѣмъ народомъ, о которомъ Ювеналъ впослѣдствіи сказалъ: „Онъ обожаетъ успѣхъ и ненавидитъ изгнанниковъ [1]).“

Овидій не заблуждался насчетъ достоинства своихъ послѣднихъ произведеній. Ему было хорошо извѣстно, что онъ отъ природы былъ поэтомъ радости, и что у его музы не было звуковъ для выраженія страданій. Его элегическій стихъ, такой веселый, игривый, скачущій, сбивается съ толку отъ слезъ. Овидію случается улыбнуться по привычкѣ и пошутить не во время. Не разъ помимо воли поэта, быть можетъ, помимо его вѣдѣнія въ концѣ пентаметра полнаго отчаяніемъ проскользнетъ острота. Читателя особенно приводитъ въ нетерпѣніе злоупотребленіе миѳологіей въ его стихахъ послѣдняго періода. Все напоминаетъ ему баснословныя сказанія; они являются кстати и некстати. Можно ли было бы подумать, напримѣръ, что, при видѣ замерзшаго Геллеспонта, среди печали, причиняемой поэту такимъ зрѣлищемъ, ему тотчасъ же прійдетъ въ голову, что для Леандра это былъ бы прекрасный случай придти на свиданіе къ Геро и не утонуть? Миѳологическія воспоминанія осаждаютъ его мысль; онъ не умѣетъ имъ противостоять; вѣчно онъ портитъ намъ выраженіе своихъ реальныхъ несчастій, сравнивая ихъ съ воображаемыми. Такія отступленія дурного вкуса огорчаютъ насъ, а не удивляютъ. Въ концѣ концовъ Овидій былъ только свѣтскій и салонный поэтъ. А въ аристократическихъ компаніяхъ, гдѣ каждый старается выдѣлиться изъ толпы, гдѣ наибольшій упрекъ, который только можно сдѣлать, есть упрекъ въ вульгарности, обыкновенно создается особенный языкъ, которымъ тамъ очень любятъ пользоваться. Во времена Людовика XIV въ салонахъ выработался цѣлый словарь галантныхъ

[1]) Ювен. X, 73: Sequitur fortunam udsemper etoqit damnatos.

выраженій, и, чтобы выказать себя свѣтскимъ человѣкомъ, нужно было пользоваться ими. Въ эпоху Августа такимъ языкомъ воспитанныхъ людей была миѳологія. Никто на этомъ языкѣ не говорилъ остроумнѣе Овидія; но онъ такъ привыкъ употреблять его, что ему уже было невозможно отъ него освободиться; какъ въ семнадцатомъ столѣтіи любезности заполняютъ у величайшихъ писателей даже тѣ мѣста, гдѣ хотѣлось бы слышать только голосъ истинной страсти, также у авторовъ временъ Августа и особенно у Овидія часто случается, что миѳологія распространяетъ атмосферу педантизма тамъ, гдѣ должно было бы говорить одно страданіе.

Послѣ долгаго и опаснаго путешествія Овидій прибылъ въ городъ, гдѣ онъ осужденъ былъ жить и умереть. Онъ описалъ его намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Хотя онъ ко всему готовился, но дѣйствительность превзошла его опасенія. Этотъ городъ, называвшійся Томи или Томисъ (нынѣ Кюстенджи [1]), расположенъ на берегахъ Чернаго моря, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дуная. Томи была древняя греческая колонія, населенная главнымъ образомъ осѣвшими тамъ сарматами. Овидій почувствовалъ, какъ сердце его сжимается при пріѣздѣ туда. Онъ убѣжденъ, что никакая страна такъ мало не походитъ на ту, которую онъ съ неутѣшнымъ сожалѣніемъ оставилъ за собой; здѣсь пейзажъ мраченъ и климатъ суровъ. Нынѣ мы не такъ исключительны и умѣемъ цѣнить красоту самыхъ различныхъ мѣстностей. Величіе дикой природы насъ трогаютъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ нарядность природы цивилизованной. Путешественники, глядя изъ Кюстенджи на степи Добруджи, не могутъ налюбоваться величіемъ этихъ безлюдныхъ равнинъ и ихъ грандіозной монотонностью; Овидій былъ пораженъ лишь ихъ пустыннымъ видомъ. „Глазъ встрѣчаетъ тамъ, говоритъ онъ, только совершенно голую землю, безъ тѣни, безъ зелени“ [2]). Тамъ не знаютъ ни весны, ни осени, тамъ не

[1]) Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія насчетъ истиннаго мѣста Томи. Изъ надписей, найденныхъ въ Кюстенджи, изъ которыхъ нѣкоторыя были списаны французскими офицерами во время Крымской войны, ясно, что этотъ городъ замѣнилъ древнюю столицу Понта. Можно справиться объ этомъ вопросѣ въ интересномъ сочиненіи доктора Алара (Alard), подъ заглавіемъ *La Bulgarie orientale*. Всѣ найденныя тамъ надписи собраны и объяснены Леономъ Ренье. См. также *Corp. insc. lat.*, III, 753.

[2]) *Trist.*, III, 10, 75.

видно ни жатвы, ни сбора винограда, тамъ никогда не слышно пѣнія птицъ. Поле, гдѣ не замѣтно ни деревьевъ, ни домовъ, какъ будто служитъ продолженіемъ моря. Смотришь ли на Эвксинскій Понтъ или на сушу, вѣчно имѣешь передъ собою только громадную, голую, волнистую равнину. Какое грустное зрѣлище для взора, привыкшаго къ граціозной и разнообразной природѣ Италии и къ тѣни римскихъ виллъ.

Впрочемъ Овидій высказываетъ много и другихъ упрековъ мѣсту своей ссылки. Томи была однимъ изъ недавнихъ завоеваній Римлянъ, такъ что они не успѣли еще умиротворить этотъ городъ. Нравы тамъ остались буйные, споры легко переходили въ битвы, и суды оканчивались ударами мечей. Съ виду городъ имѣлъ въ себѣ что то странное и страшное. Какъ бываетъ въ варварскихъ странахъ, женщины работали тамъ больше мужчинъ; ихъ повсюду можно было видѣть, какъ онѣ давили зерно или несли на головахъ кувшины. По улицамъ и площадямъ часто проѣзжали верхомъ сарматы и геты. У нихъ былъ грубый голосъ, дикое лицо, борода и волосы длинные. Они носили въ рукахъ лукъ, у пояса ножъ и часто имъ пользовались. Нѣтъ ничего суровѣе тамошняго климата. Поэтъ разсказываетъ, что вѣтеръ дуетъ тамъ съ такою силою, что опрокидываетъ стѣны. Зима тамъ длинна и сурова. Снѣгъ, едва знакомый итальянцу, мѣсяцами покрываетъ тамъ землю. Въ это время ручьи и море окованы льдомъ, и телѣги переѣзжаютъ черезъ рѣки. Вино замерзаетъ въ боченкахъ; чтобъ раздать его сотрапезникамъ, нужно разбивать его ударами топора. Жители не выходятъ иначе, какъ одѣтые въ шкуры животныхъ, которыя совсѣмъ покрываютъ ихъ: едва можно разглядѣть ихъ лица и бороду всю въ ледяныхъ сосулькахъ. „Таково мѣстопребываніе поэта легкой любви! Таковы люди, которыхъ онъ принужденъ видѣть и слышать“ [1])! Тѣ, которые живутъ по ту сторону Дуная, еще гораздо страшнѣе. Что за сосѣди эти сарматы, бессы, геты, которые никого не боятся, а наводятъ страхъ на всѣхъ! Въ Римѣ любятъ говорить, что міръ покоренъ, что всѣ народы трепещутъ передъ легіонами. Овидій со времени своей ссылки, знаетъ хорошо цѣну этимъ иллюзіямъ національной гордости. Рядомъ съ нимъ живутъ варвары, которые не повину-

[1]) *Trist.*, 7, 21.

ются претору и смѣются надъ легатомъ. Дунай—лучшая защита противъ нихъ, чѣмъ страхъ, внушаемый Римлянами; но когда—Дунай замерзаетъ, болѣе ничто не задерживаетъ ихъ; они дѣлаютъ набѣги отдѣльными толпами, уводя людей и стада, какія удается захватить. „Ихъ кони быстры, какъ птицы“, ихъ оружіе безъ промаха. Они пускаютъ отравленныя стрѣлы, которыя приводятъ въ дрожь Овидія всякій разъ, какъ онъ объ нихъ думаетъ, а это бываетъ часто. Единственное средство имъ не попасться — сидѣть дома и запереться на цѣлую зиму. Иногда же не отдѣльные всадники, а цѣлыя племена переходятъ рѣку и осаждаютъ городъ. Тогда нужно брать оружіе, бѣжать на стѣны. Несчастный поэтъ, не пожелавшій быть воиномъ, когда былъ молодъ, принужденъ сражаться въ старости. Нападенія часто бываютъ серьезныя, и стрѣлы варваровъ, эти знаменитыя отравленныя стрѣлы, падаютъ на середину улицъ. Однажды Овидій поднялъ одну изъ нихъ, чтобъ послать своимъ друзьямъ въ Римѣ: онъ не могъ найти для нихъ другого подарка, это былъ единственный продуктъ страны гетовъ [1]).

При тѣхъ опасностяхъ, которыя окружали Овидія въ Томи, понятно что онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы уѣхать оттуда. Онъ обращается послѣдовательно ко всѣмъ своимъ друзьямъ, утомляетъ ихъ своими просьбами и умоляетъ ихъ добиться отъ *божественнаго человѣка* [2]), котораго онъ оскорбилъ, не полнаго помилованія,—онъ не смѣетъ на это разсчитывать, но смягченія своей ссылки. Онъ сначала пишетъ имъ, не называя ихъ, изъ боязни ихъ скомпрометтировать; затѣмъ, въ нетерпѣніи ожиданія, онъ становится менѣе робкимъ и болѣе настойчивымъ; онъ взываетъ къ нимъ поименно, чтобы тѣмъ болѣе связать ихъ со своимъ дѣломъ; онъ надѣется, что при прямомъ обращеніи они не посмѣютъ отказать ему въ своей поддержкѣ, что общественное мнѣніе будетъ тяготѣть надъ ними и принудитъ ихъ предпринять что нибудь въ его пользу.

Между лицами, которыхъ онъ умоляетъ о помощи, первое мѣсто занимаетъ его жена,—ибо поэтъ *Искусства любить*, любовникъ Коринны, былъ женатъ. Это очень удивительно слышать, потому что

[1]) *Pont.* III, 8.
[2]) *Trist.*. I, 3, 37.

трудно себѣ представить его въ законномъ брачномъ союзѣ. Однако онъ былъ женатъ три раза. Разводъ разлучилъ его съ первыми его двумя женами, о которыхъ онъ говоритъ мало хорошаго, и которыя въ свою очередь безъ сомнѣнія имѣли многое поставить ему въ упрекъ. Послѣдняя была въ родствѣ съ очень важными родами и въ личной дружбѣ съ императрицей Ливіей. Овидій женился на ней, когда старался утвердиться въ оффиціальномъ мірѣ и добиться близкихъ отношеній къ Августу: это былъ бракъ по разсчету. Очень возможно, что Овидій всегда относился со вниманіемъ къ особѣ съ такимъ хорошимъ родствомъ, но совершенно неизвѣстно, была ли она ему пріятна настолько же, насколько она могла ему быть полезна; до момента своей немилости она не занимаетъ никакого мѣста въ его стихотвореніяхъ, а это можетъ внушить подозрѣніе, что она не имѣла мѣста и въ его сердцѣ. Но нѣжное чувство къ женѣ такое затаенное до сихъ поръ, вдругъ проявляется въ тотъ моментъ, какъ Овидій покидаетъ Римъ. Оно разражается тогда съ удивительною силою. Если ему вѣрить, то при отъѣздѣ, болѣе всего онъ жалѣетъ, свою жену. „Мнѣ кажется, что я говорю съ тобою, хотя ты и отсутствуешь; мой голосъ призываетъ лишь твое имя; ни одного дня, ни одной ночи не проходятъ безъ того, чтобы я не думалъ о тебѣ [1]).“ Тутъ онъ рѣшительно становится образцовымъ супругомъ. Перемѣна произошла въ немъ очень рѣзко; ничто не давало ее предчувствовать; однако многіе критики считали ее искренней. Есть даже такіе, которые до глубины души были тронуты тѣмъ, что столь горячая привязанность была такъ жестоко разбита. Признаемся, мы менѣе склонны сожалѣть объ этомъ; по нашему мнѣнію внезапная страсть Овидія не вполнѣ естественна. Похвалы Овидія по адресу своей жены не безкорыстны. Если онъ щедро обѣщаетъ ей безсмертіе, какъ онъ обѣщалъ его уже Кориннѣ, то подъ условіемъ, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы извлечь его изъ Томи. Поэтому въ концѣ концовъ можно подозрѣвать, что всѣ нѣжныя чувства относятся скорѣе къ вліятельной особѣ, чѣмъ къ страстно любимой женщинѣ. Когда Овидій говоритъ съ ней, онъ повидимому не сомнѣвается въ ея преданности; но онъ менѣе въ ней

[1]) *Trist.*, III, 3, 15.

увѣренъ, когда пишетъ другимъ: „Конечно, говоритъ онъ Руфу, моя жена отлично расположена ко мнѣ сама по себѣ; но когда ты совѣтуешь, ей, она ведетъ себя еще лучше [1].“ Это, надо признаться, весьма умѣренное довѣріе. Дѣло доходило до того, что, когда ей не удавалось спасти мужа, тотъ не скрывалъ отъ нея своего недовольства: „Ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, что тебѣ дѣлать; спроси это у самой себя, ты легко найдешь отвѣтъ, если захочешь его найти. Я хвалилъ тебя часто въ моихъ стихахъ; можетъ быть со временемъ усумнятся, заслуживаешь ли ты эти похвалы. Остерегайся, чтобы зависть не имѣла права сказать: эта женщина ничего не хотѣла сдѣлать для спасенія своего мужа [2].“ Мы знаемъ, что несчастье дѣлаетъ людей несправедливыми, однако горечь и постоянство этихъ жалобъ позволяютъ думать, что онѣ имѣли основаніе. Близость Ливіи не способствовала развитію самоотверженія, такъ что очень возможно, что жена Овидія, воспитанная въ подобной школѣ, думала больше о томъ, чтобы сохранить свое вліяніе, чѣмъ о томъ, чтобы защитить своего мужа.

Легко понять, что всѣ мольбы Овидія къ женѣ и къ могущественнымъ друзьямъ ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ обращаетъ къ Августу. Въ своей лести къ нему, Овидій доходилъ до низости, когда былъ еще только въ немилости; теперь, когда его постигло несчастіе, онъ потерялъ послѣдній стыдъ. Мало того, что онъ ставитъ Августа выше всѣхъ героевъ древности; онъ ему безъ зазрѣнія совѣсти приноситъ въ жертву всѣхъ боговъ Олимпа. Если онъ сравниваетъ его съ Юпитеромъ, то только для того, чтобы сейчасъ же добавить, что Юпитеръ есть богъ воображаемый, тогда какъ Августъ—богъ видимый [3]. Тотъ день, когда его другъ Котта прислалъ ему изображенія императора и его семьи, былъ праздникомъ для этого бѣднаго дома въ Томи. Поэтъ не устаетъ созерцать ихъ. Онъ строитъ для нихъ часовню; онъ набожно обращается къ нимъ съ молитвой: „моя голова упадетъ съ моихъ плечъ, говоритъ онъ, глаза мои выйдутъ изъ своихъ орбитъ, прежде чѣмъ я допущу, чтобы вы,

[1]) *Pont.*, II, 11, 13.
[2]) *Pont.*, III, 1, *passim.*
[3]) *Trist.*, IV, 4, 20.

дорогія божества, были вырваны у меня. Вы служите мнѣ пристанью и алтаремъ въ моемъ злосчастьѣ. Если гетъ придетъ убить меня, онъ найдетъ васъ прижатыми къ моей груди [1].“ Лесть здѣсь доходитъ до бѣшенства. У него однако бываетъ лесть поискуснѣе и потоньше. Можно ли было бы подумать, что изъ всѣхъ добродѣтелей Августа Овидій съ наибольшимъ удовольствіемъ будетъ прославлять милосердіе и доброту? Всѣ поразившія его несчастія не помѣшаютъ ему сказать, „что нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе кроткаго, чѣмъ цезарь [2])“. Никогда Овидій не жалуется Августу, что онъ съ нимъ слишкомъ сурово поступилъ. Поэтъ не только не упрекаетъ его за свою ссылку, но благодаритъ его за то, что онъ оставилъ ему жизнь. „Я опасался всего, говоритъ онъ императору, потому что я все заслужилъ; но твой гнѣвъ былъ меньше моего проступка [3])“. Совершенно также въ восточныхъ монархіяхъ жертва проситъ извиненія у палача.

Какъ бы снисходительно мы ни судили Овидія, принимая во вниманіе громадность его несчастія, его льстивость насъ отталкиваетъ. Его упрекали за это уже въ то время, но онъ съ обезоруживающею откровенностью отвѣчалъ: „Скажи, если хочешь, что у меня чувства женщины; я признаю, что душа моя слаба въ несчастіи [4])“. Онъ винитъ въ этомъ свою природу: „Я родился для покоя и досуга, я имѣлъ отвращеніе къ серьезнымъ дѣламъ, я не зналъ труда“. Быть можетъ, было бы справедливѣе винить образъ жизни, который онъ велъ до тѣхъ поръ. Въ свѣтской жизни есть что то изнѣживающее; она можетъ увеличить достоинства человѣка посредственнаго, но человѣкъ выдающійся теряетъ въ ней время и силы. Ежедневное общеніе съ людьми придаетъ характерамъ блескъ и лоскъ, но отнимаетъ у нихъ долю крѣпости. Съ душой происходитъ то же, что и съ тѣломъ: удобство и грація тѣлодвиженій и позъ достигаются лишь въ ущербъ крѣпости, и гибкость обыкновенно идетъ рядомъ съ нервностью. Старый Варронъ, который былъ простой мужикъ и неучъ, мужественно пере-

[1]) *Pont.*, II, 8, 65.
[2]) *Trist.*, V, 2. 38.
[3]) *Trist.*, V, 2, 59.
[4]) *Pont.*, I, 3, 31.

несъ несчастье: „Въ какомъ бы мѣстѣ вы ни были, говорилъ онъ тѣмъ, кого пугало изгнаніе, не всюду ли та же самая природа?“ Напротивъ, Цицеронъ, Овидій и Сенека, образованные люди, привыкшіе посѣщать изящное общество, проводили время въ стонахъ, когда имъ пришлось покинуть Римъ. Свѣтская жизнь помимо истинныхъ потребностей создаетъ цѣлую кучу потребностей воображаемыхъ, а съ послѣдними бываетъ, какъ съ безразсудными привязанностями: онѣ завладѣваютъ сердцемъ сильнѣе, чѣмъ другія, и человѣкъ уже не имѣетъ силы разстаться съ ними. Такъ и Овидій жалѣлъ болѣе всего свѣтъ и его удовольствія. Его мысль никогда не покидаетъ блестящихъ собраній, душою которыхъ онъ былъ; ему кажется, что съ береговъ Эвксинскаго Понта онъ видитъ храмы, мраморные театры, портики, газонъ Марсова поля и прекрасные публичные сады, гдѣ прогуливается молодежь [1]“. Когда наступало время какого нибудь праздника, онъ издали слѣдитъ за всѣми его эпизодами; можно было бы подумать, что онъ дѣйствительно тамъ присутствуетъ. „Теперь садятся на лошадей; вотъ часъ, когда происходятъ состязанія въ мирныхъ битвахъ. Бросаютъ мячъ или дискъ. Открывается театръ, и каждый страстно апплодируетъ своимъ любимымъ актерамъ“. Когда Овидій посылаетъ въ Римъ одну изъ своихъ книгъ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ней, и его воображеніе сопровождаетъ ее. Какое счастье для него еще разъ увидѣть незабвенныя мѣста! Вотъ Форумъ; священная дорога, храмъ Весты; вотъ дверь, украшенная дубовымъ вѣнкомъ. Овидій хорошо ее знаетъ, это дверь на Палатинъ. Онъ проникаетъ или скорѣе проскальзываетъ туда, онъ пресмыкается тамъ въ мольбахъ, чтобы обезоружить „страшное божество, могущество котораго онъ слишкомъ знаетъ по опыту [2]„. Послѣ возвращенія изъ такихъ воображаемыхъ путешествій, гдѣ на мигъ поэтъ могъ увидѣть всю пышность жизни и блескъ цивилизаціи, понятно, какимъ пустыннымъ и жалкимъ казался ему его скиѳскій городъ. Тутъ мужество окончательно покидало его, и онъ съ отчаяніемъ говорилъ: „Ни къ чему у меня сердце не лежитъ, я способенъ только плакать [3]“.

[1] *Pont.*, I, 8, 35.
[2] *Trist.*, III, 1.
[3] *Trist.*, III, 2, 19.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ провелъ Овидій въ Томи. Онъ имѣлъ время выучить мѣстный языкъ, и, такъ какъ онъ былъ неисправимый поэтъ, онъ сталъ сочинять сарматскіе стихи. Жители при всемъ своемъ варварствѣ были польщены, пріобрѣтя такого великаго писателя, и осыпали его отличіями. Сенатъ и народъ города Томи [1]) даровали ему невмѣняемость во всѣхъ должностяхъ; сосѣдніе города послѣдовали этому примѣру [2]). Ему присудили даже лавровый вѣнокъ, но онъ говорилъ, что его съ сожалѣніемъ принялъ. Онъ думалъ, конечно, о другихъ, болѣе шумныхъ тріумфахъ, которыхъ былъ лишенъ. Годы текли, и ничто не могло излѣчить разбитое сердце поэта; до конца онъ устремлялъ глаза на городъ, „который со своихъ семи холмовъ смотритъ на міръ, покоренный къ его ногамъ [3]).“ Онъ никогда не отрекся отъ желанія снова увидѣть его. Неудачи, которыя онъ потерпѣлъ въ своихъ хлопотахъ, не мѣшали ему надѣяться. Онъ утверждаетъ, что былъ моментъ, когда его другу, Фабію Максиму, удалось смягчить Августа; но Фабій, ставъ жертвой придворной интриги, принужденъ былъ убить себя, и Августъ пережилъ его лишь на короткое время. Овидій поспѣшилъ воздвигнуть храмъ богу, который только что умеръ, и воспѣть ему хвалу въ поэмѣ на гетскомъ языкѣ; затѣмъ, подведя счеты съ умершимъ императоромъ, онъ обратился къ новому и возобновилъ свои моленія. Но вѣдь Овидій былъ знакомъ съ Тиберіемъ и долженъ былъ знать, что можно было ожидать отъ его милосердія. И дѣйствительно, въ послѣднихъ его стихахъ иногда попадаются отзвуки какой то мрачной покорности, которая ему вообще несвойственна. „Простите мнѣ, мои друзья, если я слишкомъ надѣялся на васъ; это ошибка, отъ которой я наконецъ хочу исправиться... Я пришелъ въ страну Гетовъ, я долженъ въ ней и умереть, моя судьба должна довершиться, какъ она началась. Пусть прилѣпляются къ надеждѣ тѣ, которые не всегда были ею обманываемы. Когда болѣе не на что надѣяться, лучше всего умѣть во время отчаяться и думать, что ты разъ навсегда безвозвратно по-

[1]) Такимъ громкимъ именемъ обозначены муниципальные сановники города Томи въ одной надписи временъ Адріана.
[2]) *Pont.*, Ш, 9, 100 и 14, 104.
[3]) *Prist.*, I, 5, 69.

гибъ. Есть раны, которыя заражаются отъ стараній ихъ лѣчить; лучше было бы ихъ не трогать. Меньше страданій быть сразу поглощеннымъ волнами, чѣмъ утомлять ихъ безсильною рукой [1])". Но это только молніи; въ глубинѣ души онъ упорно надѣялся, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаянья опять принимался просить и льстить, какъ будто жестокая и презрительная душа Тиберія могла быть доступна мольбѣ и лести. Онъ былъ занятъ просмотромъ своей поэмы *Fastes*, чтобъ ввести въ нее нѣсколько намековъ на новое царствованіе и нѣсколько похвалъ старому, когда смерть застигла его на шестидесятомъ году.

Ссылка Овидія и связанные съ ней эпизоды принадлежатъ столько же политической исторіи Рима, сколько и литературной. Они освѣщаютъ намъ закатъ того царствованія, котораго побѣдоносное начало привѣтствовали Горацій и Вергилій. Мы можемъ видѣть здѣсь какъ государь, который до тѣхъ поръ умѣренно пользовался своею властью, наконецъ, огорченный дурнымъ успѣхомъ своихъ реформъ, раздосадованный неожиданнымъ сопротивленіемъ, сталъ безжалостенъ ко всѣмъ тѣмъ, кто по его мнѣнію былъ вдохновителемъ этого сопротивленія; подъ вліяніемъ гнѣва онъ отрекся отъ искуснаго и великодушнаго образа дѣйствія, какого до тѣхъ поръ держался; Августъ, который долго ставилъ себѣ въ заслугу уваженіе къ свободѣ слова и писательства, въ концѣ концовъ сталъ присуждать писателей къ ссылкѣ, а книги къ сожженію; такимъ образомъ, по свидѣтельству Діона, онъ сталъ въ тягость римлянамъ, которые раньше такъ ему удивлялись, и міръ почувствовалъ облегченіе, когда онъ умеръ. Послѣдніе годы Августа, какъ и Людовика XIV, весьма для насъ поучительны. Штудируя произведенія Овидія, мы понимаемъ, какъ, несмотря на блестящую внѣшность царствованія Августа, могла родиться глухая оппозиція, которая при всей его славѣ выводила его изъ себя, которая еще гораздо сильнѣе раздражала его преемниковъ.

[1]) *Pont.*, III, 7.

ГЛАВА IV.

Доносчики.

Въ силу *lex majestatis*, цезари преслѣдовали тѣхъ, кто по ихъ подозрѣнію, былъ недоволенъ ими; они отыскивали и наказывали ихъ при помощи доносчиковъ. Такимъ образомъ, намъ важно знать, что за люди были эти доносчики; надо знать, каково было ихъ происхожденіе, какіе пріемы они употребляли при своихъ обвиненіяхъ, и какія страшныя послѣдствія для тогдашняго общества имѣло довѣріе, пріобрѣтенное ими во время цезарей.

Римская имперія совершенно естественно произошла изъ республики. Большая часть учрежденій, которыя мы считаемъ созданіемъ императоровъ, древнѣе, чѣмъ эти послѣдніе; но, заимствуя ихъ изъ прошлаго, императоры старались извратить ихъ смыслъ: изъ гарантіи свободы они дѣлали орудія деспотизма. Такъ было и съ доносчиками. Это зловѣщее имя въ нашихъ глазахъ характеризуетъ тиранію императоровъ; однако доносчики существовали и при республикѣ, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ они терпимы въ свободной странѣ. Извѣстно, что у римлянъ не было спеціальныхъ должностныхъ лицъ, которыя бы открывали и преслѣдовали государственныя преступленія. Забота объ этомъ была возложена на обыкновенныхъ должностныхъ лицъ, а за недостаткомъ ихъ, всѣ граждане имѣли право брать ее на себя. Такимъ правомъ въ Римѣ пользовались очень охотно, особенно въ моменты смутъ. Жизнь политическихъ дѣятелей тогда проходила въ томъ, что они нападали на другихъ и защищали себя: Катонъ былъ сорокъ четыре раза обвиняемымъ и гораздо чаще обвинителемъ. Девятидесяти лѣтъ отъ роду онъ появился на форумѣ, чтобы сдѣлать доносъ народу на Сервія Гальбу, который вопреки договорамъ вырѣзалъ цѣлое племя Лузитанцевъ; но роль обвинителей повидимому больше нравилась молодымъ людямъ. Честолюбцы, сознававшіе въ себѣ талантъ и желавшіе, чтобы о немъ узнали всѣ, находили въ этой роли удобное средство быстро проявить себя: они выбирали кого

нибудь изъ самыхъ значительныхъ лицъ противной партіи съ наиболѣе сомнительной репутаціей и требовали его на судъ народа. Если имъ удавалось вызвать большой скандалъ, вниманіе общества отнынѣ было обезпечено за ними: это было блестящее вступленіе въ общественную жизнь; Цезарь и Целій дебютировали именно такимъ образомъ. Однако къ концу жизни республики болѣе благородные умы стали совѣститься подобнаго способа извлекать себѣ выгоду изъ вреда для другихъ. Патріотизмъ ослабѣвалъ, древнія традиціи замѣнились новымъ духомъ, и выше всѣхъ добродѣтелей античнаго времени стали считать ту симпатичную черту, которая составлялась изъ благородства души и возвышеннаго ума, и которое философы называли *человѣчностью*. Цицеронъ, начавшій карьеру съ обвиненія Верра, объявлялъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, что „ему кажется безчеловѣчнымъ употреблять на погибель людей искуство, созданное природой для ихъ спасенія [1])“.

Законодательство повидимому предвидѣло зарожденіе такой совѣстливости и прибѣгло къ весьма дѣйствительному средству, чтобъ ее побѣдить. Тѣ, которые вызвали чье нибудь осужденіе, получали четверть имущества обвиненнаго: отсюда, говорятъ, произошло названіе *quadruplatores*. Такъ какъ адвокатамъ запрещено было брать деньги, то оказалось, что прибыльнѣе было обвинять, чѣмъ защищать, и люди, желавшіе быстро обогатиться, натурально сдѣлали изъ доноса ремесло; но такое ремесло было гораздо болѣе выгодно, чѣмъ почетно; тѣхъ, кто изъ него извлекалъ доходъ, уважали очень мало. „Я не хочу сдѣлаться профессіональнымъ доносчикомъ, говоритъ одинъ паразитъ у Плавта; мнѣ не прилично безъ всякаго риска вырывать у людей имущество; я не люблю тѣхъ, кто поступаетъ такъ [2])“. Онъ считаетъ болѣе благороднымъ слѣдовать примѣру своего отца и всѣхъ своихъ предковъ, „которые, подобно крысамъ, всегда ѣли чужой хлѣбъ“. Не съ большей симпатіей говоритъ о профессіональныхъ обвинителяхъ и Горацій; онъ описываетъ двухъ знаменитыхъ обвинителей своего времени, „голоса которыхъ, говоритъ онъ, охрипли отъ злословія“.

[1]) *De off.*, II, 14. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ, на которые здѣсь только указывается см. Laboulaye, *Essai sur les lois criminelles des Romains.*
[2]) *Persa*, 1, 2, 10.

Только послѣдняя черта какъ будто говоритъ въ ихъ пользу: „Они гуляютъ со своими документами подъ мышкой и бесѣдуютъ другъ съ другомъ объ ужасахъ, ожидающихъ жуликовъ [1])“.

Обвинители во времена имперіи ужасали только честныхъ людей. Надо думать, что такая перемѣна въ ихъ роли уже чувствовалась обществомъ, потому что имъ дали новое имя: около времени Августа первый разъ встрѣчается названіе *доносчика*. У нихъ было тогда очень много дѣла. Не говоря о нарушеніяхъ старыхъ законовъ, новые законы доставляли имъ массу работы. Такъ напр., Августъ принялъ строгія мѣры противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ вступать въ бракъ. По его наущенію доносчики проникали въ семьи, чтобы видѣть, все ли тамъ въ порядкѣ, дѣйствительную ли силу имѣютъ тѣ браки, которые заключались ради внѣшняго подчиненія волѣ императора. Такая домашняя инквизиція была большимъ зломъ въ ту эпоху, и Тацитъ справедливо говоритъ, что послѣ страданій отъ болѣзни наступили страданія отъ лѣкарства [2]); но, съ наибольшею противъ *lex majestatis* выгодою эксплуатировали преступленія. Тѣ доносчики, которые чувствовали себя созданными для первыхъ ролей, имѣли въ рукахъ легкое средство достигнуть ихъ быстро; вмѣсто того, чтобы терять время, преслѣдуя толпу корыстныхъ адвокатовъ или упорныхъ холостяковъ, они обвиняли передъ сенатомъ враговъ Августа на основаніи даннаго закона.

Этотъ знаменитый законъ, на который падаетъ извѣстная доля отвѣтственности за преступленія имперіи, относится также и ко времени республики. Онъ наказывалъ смертью всякаго, „кто будетъ уличенъ въ томъ, что вредилъ величію и достоинству римскаго народа“. Такая неопредѣленная формула имѣла то преимущество, что при каждомъ политическомъ кризисѣ позволяла побѣдившей партіи преслѣдовать своихъ противниковъ. Поэтому побѣжденная партія обыкновенно проклинала ее, но въ случаѣ побѣды сейчасъ же ею пользовалась. Особенно сильно ею воспользовался Сулла, который при помощи ловкой интерпретаціи упомянутаго закона нашелъ средство

[1]) *Sat.*, 1, 4, 65.
[2]) Тац., *Ann.*, III, 25: *utque antehac flagitus, ita tunc legibus labrabatur.*

распространить его, какъ на слово, такъ и на дѣйствія [1]). Имперія съ внѣшней стороны ничего не измѣнила въ данномъ законѣ; текстъ его остался тотъ же, но результаты получились совсѣмъ другіе. На мѣсто народа повсюду было поставлено нѣчто другое; Августъ и воспользовался этимъ, чтобы оградить себя и свое величіе законами, защищавшими величіе и безопасность республики. Не трудно отгадать послѣдствія такой постановки. Отвлеченныя понятія гораздо менѣе требовательны, чѣмъ такіе люди, какъ Августъ: когда слово республика означало всѣхъ, она не имѣла надобности такъ часто прибѣгать къ своей защитѣ и къ наказаніямъ. Когда-же она отожествилась съ однимъ человѣкомъ, все стало страшить ее. Прибавимъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ особенныя свойства, а масса почестей, какія ему оказывали, поставили его выше всѣхъ. Онъ тогда былъ надѣленъ властью трибуна и потому былъ лицомъ священнымъ; онъ считался божествомъ при жизни и становился таковымъ окончательно послѣ смерти: проступокъ предъ нимъ осложнялся религіознымъ чувствомъ, а оппозиція становилась кощунствомъ. Повиновеніе должно было принять характеръ культа, и, какъ во всякомъ культѣ, малѣйшая разсѣянность, малѣйшая ошибка ставилась въ вину. Случалось, что людей преслѣдовали и осуждали за то, что они брали имя Августа въ свидѣтели при ложной клятвѣ за то, что они прибили раба или перемѣнили одежду передъ изображеніемъ императора. Таковы были крайніе результаты закона о величествѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго, этотъ законъ доставлялъ много матеріала для ремесла доносчиковъ; ихъ задача сводилась просто къ тому, чтобы извлечь изъ этого закона все, что онъ только могъ дать. Любопытно поискать, въ какое время и какимъ образомъ они этого достигали.

---

[1]) Циц., *Ad. fam.* III, 11, 2: *verum tamen est malestas (ut Sulla voluit), nen pueminis impune declamare liceret.* Другое мѣсто у Цицерона показываетъ, что уже при республикѣ можно было бы съ нѣкоторою натяжкою дать закону о величествѣ кое-какія изъ тѣхъ примѣненій, которыя возмущаютъ насъ въ императорскую эпоху *In Verrem*, IV, 41.

I.

Когда появляются доносчики.—Августъ и процессъ Корнелія Галла.—Доносчики во время Тиберія.—Какъ нужно судить объ этомъ государѣ.—Его управленіе и характеръ.—Отвѣтственны ли доносчики за его жестокости.

Если вѣрить Тациту, доносчики начали свою дѣятельность лишь въ царствованіе Тиберія; онъ тщательно устанавливаетъ дату и называетъ то лицо, которому онъ приписываетъ первенство: „Криспинъ, говоритъ онъ, первый принялся за это ремесло, которое вслѣдствіе тяжелыхъ временъ и человѣческаго безстыдства позднѣе пріобрѣло большое вліяніе. Бѣдный, темнаго происхожденія интриганъ, Криспинъ дѣйствовалъ на жестокіе инстинкты государя сначала косвенными путями, при помощи секретныхъ записокъ; вскорѣ онъ сталъ нападать, на самыхъ видныхъ людей; пользуясь довѣріемъ одного, а ненавистный всѣмъ, онъ показалъ примѣръ, который его подражатели, ставшіе богатыми и страшными изъ бѣдняковъ и презрѣнныхъ личностей, обратили на погибель другихъ, а въ концѣ концовъ и самихъ себя [1]).“ Это утвержденіе не совсѣмъ точно; подобнаго рода доносы также стары, какъ имперія, и существовали уже при Августѣ, какъ доказываетъ конецъ Корнелія Галла. Его исторію стоитъ разсказать. Галлъ былъ богатый провинціалъ, давно, еще во время гражданской войны поселившійся въ Римѣ и создавшій себѣ громкую репутацію роскошью жизни и качествами своего ума. Онъ посѣщалъ лучшее общество, покровительствовалъ литераторамъ и самъ сочинялъ любовные стихи, нѣсколько манерные, но очень милые. Ведя такую веселую жизнь, Галлъ былъ въ то же время и человѣкомъ дѣйствія; онъ храбро сражался за Октавія. Ему послѣ битвы при Акціумѣ было поручена преслѣдовать Антонія, онъ же и довелъ его до самоубійства. Въ награду Галлъ получилъ въ управленіе Египетъ и здѣсь, исполняя свою трудную должность, проявилъ большія способности; но услуги, оказанныя имъ имперіи, не спасли его отъ немилости. Довольно трудно установить, въ чемъ онъ провинился; вѣроятно, онъ былъ опьяненъ своимъ могу-

---

[1]) *Ann.* 1, 74.

ществомъ. Египетъ во всѣ времена былъ страною рабовъ; отъ эпохи фараоновъ тамъ существовало обыкновеніе обоготворять повелителя, какой бы онъ ни былъ. Пришедшіе затѣмъ Греки въ сущности нисколько не измѣнили этого сервилизма; они удольствовались тѣмъ, что придали всеобщей лести болѣе пикантную форму, а это дѣлало ее еще опаснѣе для тѣхъ, кому она относилась. Лесть вскружила голову и Галлу; онъ заставлялъ себѣ самому приписывать честь за всѣ благія дѣйствія, что было непростительнымъ преступленіемъ въ глазахъ подозрительнаго монарха; онъ позволялъ воздвигать себѣ статуи и вырѣзать свое имя на пирамидахъ; по секрету, считая себя окруженнымъ только друзьями, онъ въ интимной бесѣдѣ проронилъ какія то неосторожныя слова. Между его собесѣдниками однако оказался предатель. Императоръ былъ увѣдомленъ; Галлъ былъ отозванъ изъ Египта и получилъ приказаніе не показываться болѣе во дворцѣ; всѣ накинулись на него, сенатъ проявилъ особое рвеніе, разслѣдовалъ дѣло и осудилъ несчастнаго на изгнаніе. Галлъ въ отчаяніи убилъ себя. Когда Августъ, не бывшій въ этотъ моментъ въ Римѣ, узналъ о его смерти, то сдѣлалъ видъ, будто оплакиваетъ своего друга и сожалѣетъ, что къ нему отнеслись слишкомъ строго, но это не помѣшало ему горячо благодарить сенатъ, „который такъ горячо принялъ къ сердцу нанесенныя императору оскорбленія“ [1]). Вотъ первое представленіе комедіи, которая разыгрывалась впродолженіе всей имперіи: тутъ уже участвуютъ всѣ персонажи, имѣютъ мѣсто всѣ эпизоды, предательство друга, усердіе и низость судей, фальшивая умѣренность повелителя. Тиберію не остается выдумывать ничего новаго, и такимъ образомъ честь открытія принадлежитъ Августу.

Надо сказать правду,—въ царствованіе Августа подобныя сцены были всетаки довольно рѣдки; напротивъ, послѣ него онѣ происходятъ очень часто. Зная личность Тиберія, легко понять, почему при немъ доносничество стало правильнымъ учрежденіемъ и однимъ изъ главныхъ средствъ управленія. Никогда ни одинъ государь не имѣлъ такой боязни скомпрометтировать себя, какъ онъ. Онъ дѣйствовалъ какъ можно меньше лично и пользовался своей властью только скрытно.

[1]) Свет., *Aug.*, 66.

Такъ какъ онъ не желалъ открыто принимать участіе въ дѣйствіяхъ своей мести, то онъ нуждался въ доносчикахъ, чтобъ донимать своихъ враговъ и привлекать ихъ къ суду сената; такимъ образомъ доносчики были необходимымъ колесомъ въ лицемѣрномъ правительствѣ Тиберія. Если и не онъ первый пустилъ ихъ въ дѣло, то по крайней мѣрѣ при немъ совершенно рельефно обнаружилось, какія услуги они могутъ оказать ему, если онъ пожелаетъ распоряжаться жизнью и состояніемъ всѣхъ своихъ подданныхъ, не выдавая при этомъ себя. Пользуясь службой доносчиковъ, Тиберій угнеталъ Римлянъ жесточайшею тираніей, какую они когда либо испытали.

По этому вопросу однако встрѣчаются серьезныя возраженія. Вполнѣ ли справедливо только что высказанное нами сужденіе? Тиберій ли пользовался доносчиками, или доносчики привели въ заблужденіе и увлекли Тиберія? Кому на самомъ дѣлѣ принадлежала инициатива вчинавшихся тогда обвиненій? На кого должна пасть отвѣтственность за пролитую кровь? Всѣ эти, казалось, исчерпанные вопросы въ наши дни были вновь подняты и получили самые разнообразные отвѣты. Тиберій нашелъ смѣлыхъ апологистовъ, которые, не колеблясь, взваливаютъ отвѣтственность за приписываемыя ему преступленія на тѣхъ людей, которыми онъ пользовался какъ орудіями, и даже на несчастныхъ его жертвъ. Ученые историки въ Германіи еще недавно пытались намъ доказать, что о Тиберіи составилось невѣрное сужденіе, и что надо наконецъ вернуть ему наше уваженіе [1]). Такая задача въ высшей степени неблагодарна, и упомянутые изслѣдователи встрѣтили много возраженій. Не входя въ подробности возникшей по этому

[1]) См. особенно *Ad. Stahr, Tiberius.* Эта книга, входящая въ серію этюдовъ о римской древности (*Bilder aus dem Alterthume*), появилась въ Берлинѣ въ 1863 г. Она была предметомъ горячаго спора въ нѣмецкой и англійской прессѣ. Эдуардъ Пашъ задался цѣлью ее опровергнутъ (*Zur Kritik der Geschichte des Kaisers Tiberius*, Altenburg. 1866). Насъ очень удивляетъ, что Штаръ, который прилагаетъ много стараній, чтобы найти себѣ предшественниковъ въ обзорѣ сочиненій, которыя благосклонно относятся къ Тиберію, забылъ упомянуть о диссертаціи Дюрюи (*de Tiberio imperatore*), защищенной имъ въ 1853 г. передъ Словеснымъ факультетомъ въ Парижѣ и вызвавшей тоже большіе споры. Почти всѣ аргументы Штара уже обсуждены и указаны въ этой диссертаціи; только заключенія Дюрюи далеко не такъ радикальны, какъ у Штара. Дюрюи защищаетъ администрацію Тиберія, но не доходитъ, подобно Штару, до утвержденія, что Тиберій есть личность симпатичная.

вопросъ полемики, взглянемъ вскользь, какимъ образомъ можно взяться за примиреніе Тиберія съ общественнымъ мнѣніемъ, и какую роль приписываютъ доносчикамъ апологеты Тиберія.

Изслѣдователи, которые желаютъ внушить намъ уваженіе къ Тиберію, начинаютъ всегда съ восхваленія его внѣшней политики. Надо признать, что это похвала заслуженная. Самъ Тацитъ соглашается, что въ царствованіе Тиберія вселенная была спокойна, имперія процвѣтала и пользовалась уваженіемъ. Ему было пятьдесятъ шесть лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ Августу: въ такомъ возрастѣ, люди уже не увлекаются блестящими случайностями войны. Отдаленныя приключенія не соблазняли Тиберія; имперія казалась ему достаточно обширной; онъ довольствовался защитой ея, не заботясь о ея расширеніи. Относительно чужихъ народовъ его политика была искусна и умѣренна: онъ остерегался ихъ раздражать, старался разъединить ихъ между собой и, чтобъ ослабить ихъ, разсчитывалъ больше на свои интриги, чѣмъ на легіоны. Что касается провинцій, то Тацитъ говоритъ, что Тиберій обыкновенно выбиралъ честныхъ управителей и зорко слѣдилъ за ними. Мы уже показали, что провинціи чувствовали себя при новомъ режимѣ лучше, чѣмъ объ этомъ думаютъ, и что онѣ пережили безъ особенныхъ страданій не только царствованіе Тиберія, но и царствованіе Калигулы и Нерона. Къ своему счастью, имперія тогда еще не была такъ централизована, какъ впослѣдствіи, и независимость муниципій не давала много простору имперскому правительству. При самыхъ дурныхъ государяхъ, какъ и при самыхъ хорошихъ, декуріоны продолжали вѣдать дѣла общинъ, должностныхъ лицъ избиралъ народъ, дуумвиры чинили судъ, народныя ассоціаціи собирались на свои банкеты и празднества. Дни текли среди мирнаго волненія, и лишь издали слышались грозы, приводившія въ ужасъ Римъ [1]).

Если въ общемъ нѣтъ разногласій относительно внѣшней политики Тиберія и его управленія въ провинціяхъ, то его поступки съ сенатомъ и съ римской аристократіей даютъ большее мѣсто для разнорѣчій;

[1]) Однако тиранія цезарей имѣла нѣсколько жертвъ и въ провинціяхъ. Светоній говоритъ, что Тиберій подъ самыми незначущими предлогами конфисковалъ состоянія богатѣйшихъ жителей Галліи, Испаніи, Сиріи и Греціи (Свет., *Tib.* 49). Неронъ велѣлъ убить шесть собственниковъ, которые владѣли половиной Африки. (Плиній, *Hist. nat.*, XVIII, 6).

но въ полной мѣрѣ различіе мнѣній обнаруживается тогда, когда дѣло доходитъ до оцѣнки Тиберія, какъ человѣка, когда стремятся понять его странный и сложный характеръ. Есть однако достовѣрные факты, признать которые принуждены всѣ: начало его царствованія было счастливо, конецъ ужасенъ. Какая причина такой полной перемѣны? Какъ совершился этотъ переходъ? Вотъ въ чемъ споръ. Объясненіе, которое даетъ Тацитъ, весьма просто. По природѣ Тиберій былъ золъ, говоритъ онъ; но пока рядомъ съ нимъ были соперники, которые могли воспользоваться его ошибками, пока онъ кого нибудь боялся или почиталъ, то дѣлалъ насиліе надъ самимъ собой. Но когда онъ освободился отъ Германика и его семьи, отъ Ливіи, отъ Сеяна, тогда онъ рѣшился быть самимъ собой и показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Настоящій Тиберій, слѣдовательно, таковъ какимъ мы знаемъ его въ послѣдніе годы. Противъ этого то и протестуютъ новѣйшіе критики. Тацитъ, говорятъ они, плохой психологъ, онъ плохо знаетъ человѣческую природу; до шестидесяти лѣтъ люди не выдерживаютъ роли [1]). Какимъ чудомъ искусства можно скрываться такъ долго? Какая бездна глупости заставляетъ человѣка распустить себя такъ поздно? Въ глазахъ благосклонныхъ изслѣдователей, настоящій Тиберій—это Тиберій первыхъ лѣтъ; люди и обстоятельства могли заставить его измѣниться; но по существу это была прекрасная и благородная натура (*eine gute und edle Natur* [2]).

Вотъ этого то никакъ и невозможно допустить; достаточно знать, какимъ Тиберій сталъ въ концѣ концовъ, чтобы понять, чѣмъ онъ былъ. Никто не можетъ намъ доказать, что „прекрасная и благородная натура“ можетъ допустить себя до такихъ ужасовъ. Какое бы вліяніе ни испыталъ Тиберій отъ событій и людей, жестокіе инстинкты которые открылись въ немъ въ концѣ жизни, существовали и вначалѣ; исторія его молодости доказываетъ, что время отъ времени онъ и тогда отводилъ душу. Безъ сомнѣнія несправедливо смѣшивать его съ государями, которые слѣдовали за нимъ. Тиберій не былъ сумасшедшимъ, какъ Калигула, слабоумнымъ, какъ Клавдій, или маніакомъ,

[1]) Пашъ приводитъ однако примѣръ Сикста V, который дождался почти такого же возраста, чтобы проявить свой настоящій характеръ.

[2]) Stahr., *Tib.* стр. 174.

какъ Неронъ. Его разсудокъ остался твердымъ среди величайшихъ эксцессовъ, но сердце его было всегда дурно. Онъ выросъ, окруженный интригами двора, гдѣ его не любили, окруженный тайными и открытыми врагами; его положеніе было заразъ высокое, и подчиненное; ему льстили одни, его унижали другіе; не имѣя другой поддержки кромѣ матери, онъ стыдился того, что обязанъ ей своимъ высокимъ положеніемъ; чтобъ не стать кому нибудь поперекъ дороги, онъ принужденъ былъ слѣдить за своими словами, своими жестами, за своими взглядами, скрывать свои самыя законныя стремленія и даже свои таланты. Съ той поры онъ сохранилъ на всю жизнь неизлѣчимое недовѣріе къ людямъ и непобѣдимую потребность лицемѣрить. Когда онъ достигъ власти, преисполненный злопамятства и жажды мести, храня воспоминанія объ униженіяхъ и страхѣ, которые ему случалось испытать, онъ всетаки продолжалъ окружать себя жалкими предосторожностями, все еще боялся дневнаго свѣта, ни съ однимъ затрудненіемъ не боролся открыто, видѣлъ повсюду враговъ и преслѣдовалъ ихъ низкою и темною местью. Ни его качества, ни его пороки не пріобрѣли никакого величія отъ того высокаго положенія, котораго онъ достигъ случайно и послѣ столь долгаго ожиданія. Онъ всегда остался выскочкой на тронѣ и имѣлъ видъ, какъ будто онъ на немъ себя не чувствуетъ дома. Однако Тиберій имѣлъ и хорошія качества, но, въ силу роковой странности, его недостатки дѣлали ихъ безполезными. Всѣ современники говорятъ намъ, что онъ былъ холоденъ и мраченъ, *tristissimus hominum*. Его откровенность имѣла въ себѣ что то жестокое, а его вѣжливость походила на скрытность. Если ему приходила фантазія быть великодушнымъ, что случалось рѣдко, онъ давалъ нехотя и своими благодѣяніями обижалъ. Онъ имѣлъ способность дурно дѣлать самыя лучшія вещи[1]). Его ненавидѣли еще раньше, чѣмъ онъ это заслужилъ. Изъ сочиненныхъ тогда сатирическихъ стиховъ, которые его такъ огорчали, видно, что еще съ первыхъ лѣтъ его царствованія окружающіе его предчувствовали въ немъ Тиберія послѣднихъ лѣтъ.

Итакъ мы думаемъ, что Тиберій уже родился злымъ, а его положеніе окончательно испортило его. „Онъ былъ сильно потрясенъ и измѣненъ властью“, говоритъ Тацитъ[1]). Вообще деспотизмъ одинаково опасенъ для обѣихъ сторонъ, но нигдѣ онъ не имѣлъ такихъ грустныхъ результатовъ для подданныхъ и для повелителя, какъ въ Римѣ. Выше было указано, почему этотъ режимъ далъ больше дурныхъ государей, чѣмъ всякій другой. И Тиберій также ощутилъ его вліяніе; онъ становился хуже, по мѣрѣ того, какъ старѣлся въ привычкахъ своей неопредѣленной власти; но, какъ мы уже сказали, не надо думать, что императорскій санъ отвѣтственъ за его преступленія и сдѣлалъ его тѣмъ извергомъ, какимъ онъ былъ подъ конецъ жизни. Въ каждомъ человѣкѣ есть какъ бы скрытыя силы, направленныя къ добру и къ злу, которыя при обыкновенной жизни часто остаются подъ спудомъ. Напрасно говорятъ, что ихъ создаютъ обстоятельства; они ихъ только раскрываютъ. Сколько чуднаго самоотверженія, сколько дикихъ инстинктовъ вывела на свѣтъ французская революція! Сколько людей создали себѣ ужасную славу, сколько людей, которые не возвысились бы выше извѣстной посредственности въ порокахъ, если бы великое потрясеніе не вызвало въ нихъ тѣхъ качествъ, которыя дремали въ глубинѣ ихъ природы! Достаточная ли это причина, чтобы ихъ оправдывать? Нужно ли ихъ преступленія приписывать событіямъ? Мы думаемъ наоборотъ, что вполнѣ законно судить о ихъ природѣ по ихъ поступкамъ, и мы вправѣ сказать, что они и въ дѣйствительности были злы, если они могли стать таковыми.

Мы здѣсь комментируемъ только Тацитово объясненіе темнаго и спутаннаго характера Тиберія и думаемъ, что оно правильно. Но если Тацитъ дѣйствительно ошибся, если нужно признать, что Тиберій имѣлъ „прекрасную и благородную натуру“, то какъ понять, что онъ могъ испортиться? Чтобы обосновать такую перемѣну, указываютъ на доносчиковъ. Намъ говорятъ, что Тиберій уступилъ дурнымъ вліяніемъ, что онъ слишкомъ слушался тѣхъ, въ интересахъ которыхъ было сдѣлать его такимъ же злымъ, какъ они, и воспользовать-

[1]) Сен., *De ben.*. II, 7 и 8.

[1]) *Ann.*, VI, 48: *vi dominationis convulsus et muttus.* Тацитъ точно отмѣчаетъ ходъ этихъ перемѣнъ въ Тиберіи. Онъ указываетъ моментъ, когда Тиберій рѣшительно сталъ портиться (*Ann.*, IV 1), а именно, когда онъ сталъ жаденъ къ чужому добру (*id.*, 20), и когда онъ получилъ вкусъ къ самому постыдному распутству. (VI, 1).

ся его жестокостью; что профессіональные обвинители, тихіе льстецы, бездарные честолюбцы вродѣ Сеяна, Макрона, насиловали его природное великодушіе и толкали его къ строгостямъ, которыя были ему антипатичны. Одинъ изъ послѣднихъ историковъ Тиберія, Штаръ, идетъ даже дальше: онъ хочетъ взвалить отвѣтственность за его жестокость на тѣхъ, кто были ея жертвами. Принуждая его постоянно къ репрессіямъ, они въ концѣ концовъ сдѣлали его сердце черствымъ. До сихъ поръ жалость людская заблуждалась; Штаръ направляетъ ее на истинный путь. Не слѣдуетъ болѣе жалѣть Сабина, Кремуція Корда, Агриппину; слѣдуетъ жалѣть бѣднаго Тиберія, который вынужденъ такъ часто насиловать свою природную доброту и дѣлается кровожаднымъ помимо своей воли! Можно подумать, что герой Штара передалъ ему свою подозрительность; историкъ также видитъ повсюду заговоры и злоумышленія. Онъ не хочетъ видѣть невинныхъ между тѣми, которые были наказаны Тиберіемъ; онъ довѣряетъ въ данномъ случаѣ свидѣтельству тѣхъ презрѣнныхъ личностей, которые доносили на этихъ несчастныхъ, и тѣхъ трусовъ, которые ихъ осуждали. Что бы ни говорилъ Тацитъ, дѣти Германика были въ заговорѣ. Не безъ основанія принуждали къ самоубійству Нерона, а Друза заперли въ комнатѣ дворца, гдѣ тотъ умеръ съ голоду, съѣвши даже шерсть своихъ матрацовъ. Агриппина была надеждой недовольныхъ и центромъ интригъ: она была слишкомъ высокомѣрна на словахъ и имѣла слишкомъ гордое сердце для подданной: Тиберій хорошо дѣлалъ, что не довѣрялъ ей. Конечно, съ нею обошлись нѣсколько грубо; центуріонъ, который велъ ее въ тюрьму, не долженъ бы былъ вышибать ей глаза; но въ концѣ концовъ, такъ какъ она, въ отчаяніи, потерявъ друзей и дѣтей, хотѣла смерти, то совершенно справедливо было дать ей умереть. Не достаетъ еще, чтобы Штаръ, подобно сенату, пришелъ къ мысли воздать славу императору за то, что тотъ все же не велѣлъ задушить и бросить на мѣстѣ казни внучку Августа.

Но верховъ искусства достигаютъ нѣкоторые сторонники Тиберія, когда они, высказавъ сожалѣніе по поводу преступленій его послѣднихъ лѣтъ, находятъ средства обратить ихъ ему же во славу. Они хотѣли бы убѣдить насъ, что Тиберій возненавидѣлъ родъ человѣческій только потому, что сначала слишкомъ его любилъ. Та мрачная

меланхолія, въ которую онъ впалъ, и которая имѣла такія ужасныя послѣдствія, была по ихъ мнѣнію доказательствомъ его тонкой душевной организаціи. Развѣ не нужно было имѣть нѣжную и чувствительную душу, говорятъ они, чтобъ такъ сильно ощутить постигшія ее неудачи? Сколько ранъ было нанесено этой душѣ! Сколько надо было ей выстрадать, какъ она должна была изойти кровью, чтобъ дойти до такихъ ужасныхъ жестокостей! Затѣмъ идутъ тщательныя перечисленія всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя заставили этого друга человѣчества окончить ненавистью къ людямъ: угрожавшіе ему заговоры, опасности, среди которыхъ онъ провелъ всю свою жизнь, измѣна его близкихъ, одиночество, въ которомъ онъ угасалъ. Эти картины могутъ быть очень патетичны, но врядъ ли онѣ возбудятъ въ насъ жалость къ Тиберію. Не надо забывать, что злоумышленія, о которыхъ намъ говорятъ, существовали большею частью лишь въ сообщеніяхъ доносчиковъ; что же касается тѣхъ, которыя дѣйствительно существовали, то развѣ неизвѣстно, что ихъ организовывали и возбуждали агенты-подстрекатели, чтобъ дать Тиберію возможность раздѣлаться съ тѣми, которыхъ онъ хотѣлъ доконать? Если Тиберій состарѣлся на своей Капрейской скалѣ, среди своихъ грамматиковъ и миньоновъ, если онъ въ свои послѣднія минуты видѣлъ вокругъ себя индифферентныя или враждебныя лица, то на кого ему было жаловаться? Вѣдь мы знаемъ, какъ умерли его друзья и родственники [1]), поэтому намъ кажется весьма страннымъ желаніе тронуть насъ его одиночествомъ!

Нельзя не выразить крайняго удивленія при мысли о томъ, сколько усилій, сколько тщетнаго остроумія потрачено для реабилитаціи Тиберія. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ могла вызвать къ себѣ симпатіи критиковъ столь отталкивающая, по нашему мнѣнію, личность. Быть можетъ, имъ пріятно было отдѣлиться отъ общаго мнѣнія и стать выше общихъ мѣстъ вульгарной морали, что и заставило нѣкоторыхъ изъ выдающихся ученыхъ защищать Тиберія. Боялись ли они по-

---

1) Светоній сообщаетъ, что Тиберій выбралъ двадцать сенаторовъ изъ тѣхъ, которые были ему особенно преданы, чтобы составить нѣчто вродѣ тайнаго совѣта. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ихъ оставалось лишь двое или трое: онъ предалъ смерти всѣхъ остальныхъ (*Tib.*, 55).

казаться наивными или простоватыми, санкціонируя съ своей стороны сужденіе, установленное вѣками? Мы скорѣе склонны думать, что то высокомѣрное презрѣніе, которое Тиберій проявлялъ къ людямъ, поразило воображеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, и они приняли это презрѣніе за величіе. Большинство людей созданы такъ, что ими можно повелѣвать, только унижая ихъ; оказываемое имъ презрѣніе вызываетъ у нихъ еще болѣе удивленія, чѣмъ ненависти. Цезарь и Наполеонъ, которые такъ ловко умѣли пользоваться людьми, презирали ихъ и не скрывали этого: въ глазахъ многихъ людей это составляетъ часть ихъ величія. Въ видѣ единственной уступки поклонникамъ Тиберія, надо признать, что онъ самъ сознавалъ низость своихъ преступленій и порою краснѣлъ за нихъ. Вотъ что отличаетъ его отъ его преемниковъ, и только это обстоятельство можетъ насъ расположить къ нѣкоторой снисходительности. Въ глубинѣ его извращенной натуры оставалось извѣстное чувство порядочности, которое онъ насиловалъ, не разрушая его, и которое порою заявляло протестъ. Презирая другихъ, онъ по крайней мѣрѣ въ то же время къ себѣ самому былъ настолько справедливъ, что презиралъ и самого себя. Такое душевное безпокойство, такіе припадки угрызеній совѣсти вызывали въ немъ неувѣренность, и странныя противорѣчія, замѣчаемыя въ его жизни, потребность быть обманутымъ, ненависть къ лести, страхъ передъ свободой и отвращеніе передъ рабской услужливостью, полное разочарованіе во всемъ, боязнь увидѣть вновь Римъ и сенатъ, презрѣніе къ другимъ и себѣ, наконецъ и глубокую тоску, которая до конца жизни снѣдала его. Тацитъ говоритъ, слѣдуя Платону, что, „еслибы открыть сердце тиранновъ, то мы увидѣли бы, что оно изсѣчено ударами и ранами, слѣдами жестокости, разврата, несправедливости, которые на душѣ оставляютъ такіе же слѣды, какіе на тѣлѣ производитъ кнутъ палача“ [1]); но Платонъ и Тацитъ идутъ слишкомъ далеко: есть тиранны, которые не испытываютъ такихъ терзаній, и поэтому справедливо поставить Тиберія нѣсколько выше Калигулы и Нерона, потому что онъ страдалъ отъ такихъ теряній, тогда какъ его преемники не испытывали ничего подобнаго.

[1]) *Ann.*, VI, 6.

Что Тиберій стыдился своихъ поступковъ, доказывается еще болѣе тѣмъ, что онъ всѣми силами старался свалить ихъ гадость на другихъ. Онъ всѣми силами хотѣлъ ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и заставить думать, что онъ чуждъ кровавымъ событіямъ, происходившимъ въ Римѣ. Тиберій съ внѣшней стороны принималъ въ нихъ какъ можно меньше участія; его жертвы преслѣдовали доносчики, а сенатъ ихъ судилъ. Тиберій оставлялъ себѣ лучшую роль; онъ дѣлалъ видъ, что подписываетъ постановленный приговоръ лишь съ величайшимъ сожалѣніемъ; онъ какъ-бы порицалъ строгость судей и иногда смягчалъ наказаніе. Что касается доносчиковъ, то Тиберію случалось иногда наказывать и ихъ, чтобы показать, что они не всегда дѣйствовали по его наущенію. Всѣ отлично знали тогда, что это была комедія; надо только удивляться, какую невѣроятную простоту обнаруживаютъ нынѣшніе почитатели Тиберія, принимая эту комедію въ серьезъ. Такое заблужденіе очень наивно для людей, которые какъ разъ стремятся не попасть въ просакъ. Тиберій, какимъ мы его сейчасъ изобразили, не принадлежитъ къ числу тѣхъ государей, которыхъ можно увлечь или направить: въ его царствованіе ничего не происходило помимо его воли; доносчики и сенатъ, хоть Тиверій отъ нихъ и отрекался порой, были лишь послушными его орудіями. Сенатъ не властенъ былъ не осудить обвиняемаго: это доказывается тѣмъ, что Тиберій сердился, когда сенату случалось ихъ оправдывать; онъ порицалъ сенатъ за строгость, но не позволялъ ему быть снисходительнымъ. Если Тиберію и случилось нѣсколько разъ наказывать доносчиковъ, то онъ гораздо чаще ихъ награждалъ; онъ удостоивалъ ихъ похвалъ, оказывалъ имъ милости, предоставлялъ имъ деньги ихъ жертвъ и государственныя должности: доносчики были, по выраженію Сенеки, любимыя собаки, которыхъ онъ кормилъ человѣческимъ мясомъ [2]). Однажды, когда зашла рѣчь о томъ, чтобы уменьшить вознагражденіе за ихъ услуги, Тиберій отвѣчалъ съ необычною для него горячностью и откровенностью, что республика погибнетъ, что лучше однимъ взмахомъ

[2]) *Cons. ad Marc.*, 22, 5. Въ другомъ мѣстѣ (*De Ben.*, III, 26) Сенека описываетъ манію обвиненія, которая была истинной мукой въ ту эпоху: *expiebatur ebriorum sermo simplicitas jocantium, nihil erat tutum, omnis saeviendi placebat occasio, necjam reorum exspectabatur eventus, cum esset unus.* Совершенно то же самое говоритъ и Тацитъ.

уничтожить всѣ законы, чѣмъ отнимать стражей, наблюдающихъ за ихъ исполненіемъ [1]). Конечно, мы не намѣрены уменьшать отвращенія, которое должны вызывать въ насъ доносчики—своимъ позорнымъ рвеніемъ, и сенатъ—своею низкою покорностью, но чѣмъ болѣе рабскія свойства обнаруживали эти люди, тѣмъ меньше можно ожидать отъ нихъ чего либо, кромѣ рабскаго исполненія воли повелителя: Тиберія такъ боялись, ему такъ слѣпо повиновались, что одно его слово могло бы ихъ остановить. Привыкши, такъ сказать, подстерегать его волю, они поспѣшили бы сдѣлаться милостивыми, еслибы только подозрѣвали въ немъ малѣйшую склонность къ милосердію; они были жестоки, потому что знали, что Тиберій не знаетъ жалости. Дѣйствуя такъ, какъ они дѣйствовали, они только исполняли его прямые приказы или его тайныя желанія, и отвѣтственность за всѣ совершенныя преступленія падаетъ на Тиберія какъ на того, отъ кого исходили приказанія и внушенія.

Намъ казалось необходимымъ подольше остановиться на характеристикѣ той личности, которая больше всѣхъ пользовалась доносчиками. Безъ сомнѣнія они продолжали существовать и послѣ нея, но они стали менѣе необходимы, правители обходились чаще безъ ихъ услугъ. Преемники Тиберія имѣли больше вѣры въ свою власть, они были больше убѣждены въ повиновеніи своихъ подданныхъ. При каждомъ новомъ преступленіи, которое они совершали, терпѣливость общества убѣждала ихъ, что они могутъ идти еще дальше. Принявши поздравленія по поводу смерти матери и важнѣйшихъ гражданъ отъ войска, отъ сената и отъ провинцій, Неронъ съ гордостью говорилъ, что его предшественники не знали, до какихъ поръ простирается ихъ власть. Поэтому онъ не всегда считалъ нужнымъ стѣсняться законной формой. Когда онъ захотѣлъ отдѣлаться отъ Суллы и отъ Рубелія Плавта, носившихъ великія имена, которыя его пугали, онъ не тратилъ труда подыскивать мотивы для ихъ обвиненія; онъ только послалъ солдатъ, которые, найдя Плавта въ его гимназіи, а Суллу за столомъ, отрѣзали имъ головы. Для такого рода казней можно обойтись безъ обвинителей и безъ судей,—достаточно одного центуріона. Но иногда все еще прибѣгали къ доносчикамъ, чтобъ

[1]) Тац., *Ann.*, IV, 30.

ихъ насиліе не показалось злоупотребленіемъ; такъ, когда надо было отдѣлаться отъ такихъ уважаемыхъ личностей, какъ Соранъ или Тразеа, имъ оказывали честь и предоставляли умереть по всѣмъ правиламъ. Ихъ обвиняли публично и даже допускали до защиты, хотя они были осуждены уже ранѣе. Такимъ образомъ, были доносчики еще во времена Калигулы, Клавдія и Нерона и достигали богатства и славы; но особенно много было ихъ при Домиціанѣ; они тогда какъ будто вновь вернули себѣ прежнее довѣріе и значеніе. Домиціанъ былъ также тиранъ; Педантичный и придирчивый, онъ усердно читалъ записки Тиберія [1]), и старался походить на него; подобно Тиберію, онъ осыпалъ ласками тѣхъ, кого онъ хотѣлъ умертвить; подобно тому, онъ желалъ казаться педантомъ законности, зналъ законы и заставлялъ строго ихъ исполнять; онъ хотѣлъ прослыть строгимъ, и ему принадлежитъ между прочимъ печальная слава, что при немъ были зарыты живыми нѣсколько весталокъ. Время Домиціана было временемъ благодатнымъ для доносчиковъ; къ счастью, его преемники были слишкомъ честны, чтобы ими пользоваться. Почти цѣлое столѣтіе составляя язву Рима, доносчики при Антонинахъ потеряли свое значеніе.

II.

Почему было столько доносчиковъ во времена имперіи. — Воспитаніе юношества.— Вознагражденіе, получаемое доносчиками. — Что вынуждало людей дѣлаться обвинителями. — Домицій Аферъ.—Регулъ.—Наказанія доносчиковъ.

Количество доносчиковъ поражаетъ еще больше, чѣмъ продолжительный періодъ ихъ значенія. Какое бы мнѣніе мы ни имѣли объ императорской эпохѣ, все же остается вопросомъ, почему столько людей, выдающихся по своему рожденію, могли стремиться безъ зазрѣнія совѣсти къ такому постыдному ремеслу? Каждый разъ, когда

[1]) Отъ этихъ мемуаровъ остается лишь одна фраза, цитированная Светоніемъ (*Tib.*, 61), въ которой Тиберій говоритъ, что «онъ велѣлъ убить Сеяна, потому что открылъ его преступные замыслы противъ семейства Германика». Но Друзъ, второй сынъ Германика, былъ убитъ послѣ смерти Сеяна и по повелѣнію Тиберія. По этой лжи можно судить, какъ Тиберій разсказывалъ исторію своей жизни.

какое нибудь вліятельное лицо заслуживало немилость императора, обвинители бросались на него со всѣхъ сторонъ; они оспариваютъ другъ у друга право его преслѣдовать, они дѣлятъ его жизнь, каждый изъ нихъ выдумываетъ какое нибудь особенное преступленіе, чтобъ только что нибудь дѣлать. Такъ на Скрибонія Либона, одну изъ первыхъ жертвъ Тиберія, сразу напали четыре доносчика, но въ то же время, несмотря на всѣ мольбы, онъ не могъ найти ни одного защитника.

Мы не сомнѣваемся, что главную причину изобилія доносчиковъ надо искать въ системѣ воспитанія юношества. Хотя политическій и соціальный строй Рима измѣнился, воспитаніе осталось почти то же самое, какъ и во времена республики. Это одна изъ непослѣдовательностей, которыхъ было тогда не мало. Люди вообще любятъ воспоминанія своего дѣтства и склонны думать, что тогда все было лучше; поэтому и случается, что какая нибудь старая система воспитанія, подъ покровительствомъ такого почтенія и піэтета, переживаетъ тотъ режимъ, для котораго она была создана. При республикѣ, когда краснорѣчіе открывало путь, всюду главное занятіе молодежи заключалось въ изученіи краснорѣчія; во времена имперіи краснорѣчіе продолжали преподавать, хотя значеніе слова сильно уменьшилось. Никогда не было такъ много учителей ораторскаго искусства, какъ при Августѣ, хотя онъ то и положилъ конецъ политическому краснорѣчію. и мы имѣемъ доказательства, что ученики стекались къ этимъ учителямъ со всѣхъ концовъ свѣта. Ежегодно изъ такихъ школъ выходили толпы молодыхъ людей, самоувѣренныхъ, опьяненныхъ похвалами своихъ учителей и апплодисментами своихъ сотоварищей, мечтавшихъ о высокой роли республиканскихъ ораторовъ, рѣчами которыхъ ихъ заставляли восхищаться. Сколько разочарованій ихъ ожидало! Прежде всего они находили нѣмой форумъ. Имъ приходилось забираться въ замкнутыя залы суда, появляться передъ скучающими и торопящимися судьями, которые заранѣе опредѣляли продолжительность рѣчей; вмѣсто того, чтобы заниматься судьбами государства, они должны были довольствоваться, какъ говорилось, обсужденіемъ вопросовъ о водосточныхъ трубахъ и пограничныхъ стѣнахъ. Какое разочарованіе для людей, воображеніе которыхъ еще было полно рѣчами противъ Катилины! Къ

тому же ремесло оратора въ случаѣ успѣха было не безопасно. Всякаго рода превосходство тревожило императора. Калигула хотѣлъ предать смерти Сенеку за то, что онъ хорошо говорилъ въ его присутствіи. Къ счастью, одна изъ любовницъ императора, которая безъ сомнѣнія имѣла нѣкоторое основаніе покровительствовать молодому философу, убѣдила Калигулу, что Сенека очень боленъ, и что не стоитъ труда убивать его. Въ тѣ времена разрѣшалось быть только посредственностью; талантъ считался такимъ же непростительнымъ преступленіемъ, какъ доблесть; добиться прощенія при этомъ можно было лишь однимъ способомъ: отдать свой талантъ въ распоряженіе цезаря. Такимъ то образомъ люди и дѣлались доносчиками и обвиняли другихъ, чтобы самимъ не попасть въ обвиняемые.

Обыкновенно молодые люди безъ труда рѣшались на подобный шагъ и быстро приспособлялись къ своей роли; это опять таки было результатомъ ихъ воспитанія. Риторы не занимались нравственнымъ воспитаніемъ и выработкой характеровъ своихъ учениковъ; вся задача заключалась въ томъ, чтобъ научиться хорошо говорить. Ученикъ учился защищать виновныхъ также, какъ и спасать невинныхъ; всѣ темы считались годными для обсужденія; цѣнилось только преодолѣніе трудностей; поэтому чѣмъ сомнительнѣе было дѣло, тѣмъ больше славы было защитить его. Ученики оставляли школу, пріобрѣтя способность говорить на всѣ сюжеты, и втайнѣ имѣли тенденцію отдавать предпочтеніе самымъ двусмысленнымъ, потому что тутъ то они и могли гораздо удобнѣе блеснуть талантомъ. Очень вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, молва проникала извнѣ и въ школу, и проштудировавъ достаточно Цицерона, ученики обращались къ изученію современныхъ ораторовъ. А ораторы съ именемъ въ ту эпоху тоже были доносчики. Имъ однимъ принадлежало слово; обвиняемый уже не бралъ на себя труда защищаться. Итакъ искусство, восхищавшее молодыхъ людей, увлеченныхъ краснорѣчіемъ, было искусствомъ доносчиковъ; ученики страстно читали ихъ рѣчи, запоминали и повторяли лучшія мѣста изъ нихъ, удивлялись смѣлымъ выходкамъ и ловкимъ инсинуаціямъ. Весьма возможно, что учителя, покидая сферу классическаго искусства и удостоивая своимъ вниманіемъ современность, выбирали именно эти примѣры. Даже самъ Квинтиліанъ, такой благоразумный и

сдержанный, предлагалъ иногда ученикамъ очень странные образцы. Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ имъ ораторовъ, Юлій Африканскій, былъ посланъ Галліей, чтобъ поздравить Нерона со смертью его матери; конечно, ораторъ долженъ былъ придерживаться оффиціальной басни, будто бы Мессалина, уличенная въ злыхъ умыслахъ противъ своего сына, убила себя, а Неронъ не можетъ утѣшиться послѣ ея смерти. „Цезарь, говорилъ онъ ему, твоя провинція Галлія проситъ тебя мужественно перенести свое счастье [1])“. Квинтиліанъ въ восторгѣ отъ этой фразы; онъ подчеркиваетъ все, что она заключаетъ въ себѣ острого и непредвидѣннаго: мужественно перенести свое счастье! *Этого вовсе не ожидаешь,* какъ говоритъ Филаминтъ у Мольера. Сенека былъ не менѣе остроуменъ въ письмѣ, которое онъ отъ имени Нерона написалъ сенату по тому же поводу. „Я и не вѣрю, что я спасенъ, говорилъ онъ отъ его лица, и не смѣю радоваться“ (*salvum me esse adhuc nec credo nec gaudeo* [2]). Эта изысканная, хорошо обдуманная фраза является конечно однимъ изъ худшихъ поступковъ Сенеки; нельзя понять, какъ у него хватило тогда совѣсти ее написать. Квинтиліанъ видитъ здѣсь только реторическую фигуру и безъ всякаго дурного умысла цитируетъ ее своимъ ученикамъ, не подозрѣвая, какъ опасно для нихъ подобные образцы: итакъ, возможно, что такое воспитаніе давало искусныхъ адвокатовъ, но навѣрное оно не вырабатывало честныхъ людей.

Уча воспитанниковъ цѣнить ораторскія ухищренія, не обращая вниманія на предметъ, къ которому они относились, осваивая ихъ еще въ школахъ съ краснорѣчіемъ доносчиковъ, учителя предрасполагали ихъ впослѣдствіи подражать поведенію доносчиковъ. Другія, болѣе серьезныя причины довершали ихъ рѣшимость вступить на это поприще. Прежде всего, тому, кто отказался бы отъ него, грозила опасность: отецъ Агриколы былъ убитъ за то что не повиновался приказанію Калигулы обвинять Силана [3]). Другимъ важнымъ стимуломъ была выгода, сопряженная съ дѣятельностью доносчика. Законъ требовалъ, чтобы доносчикъ получалъ четверть всего имущества осужденнаго; но эту долю часто увеличивали, когда жертвой являлся человѣкъ значительный; послѣ того, какъ осуждены были Тразеа и Соранъ, главные обвинители получили по пяти милліоновъ сестерцій (1 мил. франк.); такимъ позорнымъ путемъ быстро составлялись громадныя состоянія. Эпрій Марцеллъ и Вибій Криспъ заработали этимъ ремесломъ 300 мил. сестерцій (60 м. фр,). Услуги доносчиковъ оплачивались не только деньгами, имъ сверхъ того доставались государственныя должности. Послѣ каждаго громкаго процесса распредѣлялись должности преторовъ и эдиловъ. Эти почтенныя республиканскія функціи сдѣлались наградой за постыдную услужливость. По словамъ Тацита, порядочныхъ людей больше всего возмущало, когда они видѣли, что доносчики „кичатся званіями жрецовъ или консуловъ, какъ добычей, снятой съ врага [1])“. Въ концѣ царствованія Тиберія нельзя уже было достигнуть консульства иначе, какъ погубивши какого нибудь врага цезаря. Такова была и при Домиціанѣ кратчайшая дорога къ общественнымъ мѣстамъ. „Я предпочелъ, говоритъ Плиній, избрать самый дальній путь“. Но обыкновенно молодые люди очень спѣшили достигнуть цѣли и поэтому предпочитали идти напрямикъ.

Такимъ то образомъ, около времени Тиберія, доносчики выходили изъ всѣхъ слоевъ развращеннаго римскаго общества. „Всѣхъ обуяла какая то манія обвиненія,—говоритъ Сенека,—которая истощила Римъ гораздо болѣе, чѣмъ какая бы то ни было гражданская война [2])“. Всѣ тѣ, которые претерпѣли какую нибудь неудачу или обиду, всѣ тѣ, которые стремились утвердить свое шаткое положеніе или замаскировать непріятное прошлое, которые находили, что общество не предоставило имъ достаточно хорошаго мѣста, всѣ безпокойные, честолюбивые, недовольные, всѣ спѣшили при помощи доносовъ поправить свои дѣла или отмстить за себя. Какое могучее орудіе въ рукахъ зависти и злобы! Какое рѣдкое средство благополучно выйти изъ всякаго скомпрометтированнаго положенія! Какой нибудь вольноотпущенникъ разорилъ своего господина въ его отсутствіе; онъ обвинялъ его, чтобъ избавиться отъ отчета. Если какой нибудь мошенникъ уличенъ проконсу-

[1]) Квинт., VIII. 5, 15.
[2]) Квинт., VIII, 5, 18.
[3]) Тац. *Agric.*, 4.

[1]) *Hist.*, 1, 2.
[2]) *De Benef.*, III, 26.

ломъ въ преступныхъ операціяхъ гдѣ нибудь въ глуши провинціи, его въ цѣпяхъ привозятъ въ Римъ; но онъ, не смущаясь, высоко держитъ голову: у него местъ готова, онъ обвинитъ проконсула [1]). Вотъ молодой провинціалъ пріѣзжаетъ изъ дому безъ денегъ, съ головой, набитой проэктами обогащенія, и приходитъ въ отчаяніе, видя, что всѣ мѣста заняты, всюду тѣснота; зачѣмъ ему терять силы на борьбу съ нищетой? Ему стоитъ обвинить кого нибудь изъ вліятельныхъ лицъ; онъ въ одинъ день станетъ знаменитъ. Нигдѣ нельзя найти болѣе рѣзкихъ контрастовъ, какъ въ толпѣ доносчиковъ, которую описываетъ намъ Тацитъ; всѣ слои, всѣ соціальныя положенія имѣютъ тамъ своихъ представителей. Рядомъ съ кучей мелкихъ людишекъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ, солдатъ, школьныхъ учителей, встрѣчаются нѣсколько именъ древней знати, какой нибудь Долабелла, Скавръ, даже Катонъ [2]). Есть доносчики робкіе, стыдящіеся самихъ себя, напр, Силій Италикъ, который въ молодости, быть можетъ, страха ради кого то обвинилъ и втеченіе всей своей жизни затѣмъ старался заставить забыть свою вину [3]). Есть напротивъ доносчики наглые, циники, которымъ нравится бравировать общественнымъ мнѣніемъ, которые заставляютъ краснѣть порядочныхъ людей и гордятся этимъ, которые хвалятся своими подвигами и требуютъ себѣ славы за нихъ. Кто то говорилъ однажды въ присутствіи Меція Кара о несчастномъ Сенеціонѣ и, пользуясь случаемъ, еще лишній разъ оскорблялъ его память; Каръ, виновникъ его осужденія, сказалъ ему: „Не трогай мертвецовъ моихъ [4])“. Есть доносчики низкаго происхожденія, которые первоначально занимались самыми низменными ремеслами, которые, достигнувъ богатства и силы, все еще сохраняютъ какой то отпечатокъ своего происхожденія, какъ напр. Ватиній, котораго Тацитъ называетъ чудовищемъ Неронова двора [5]). Онъ былъ когда то башмашникомъ; онъ обязанъ былъ карьерой своему шутовству и физическому уродству. Введенный въ знатные дома, чтобы служить посмѣшищемъ, онъ протиснулся къ цезарю посредствомъ клеветы и въ концѣ кон-

[1]) Тац., *Ann.*, XVI, 10.
[2]) *Ann.*, IV, 68.
[3]) Плиній, *Epist.*, III, 7, 3.
[4]) Плиній, *Epist* 1, 5, 3.
[5]) *Ann.*, XV, 34.

цовъ заставилъ горько плакать тѣхъ, которыхъ раньше смѣшилъ. Есть наконецъ доносчики-франты, которые кичатся воспитанностью и требуютъ съ граціей и хорошими манерами чьей нибудь смерти. Однажды такой субъектъ появился передъ сенатомъ, одѣтый по послѣдней модѣ, съ улыбкой на губахъ: онъ пришелъ обвинить своего отца [1])!

Среди этой пестрой толпы выступаютъ нѣсколько фигуръ. Именно, въ числѣ доносчиковъ Тиберія находился величайшій римскій ораторъ тогдашняго времени, — Домицій Аферъ, рожденный въ колоніи Нимъ. Онъ принадлежалъ къ той группѣ краснобаевъ, ловкихъ адвокатовъ, подобно Монтану, Юлію Африканскому, которыхъ Галлія въ изобиліи поставляла въ Римъ къ концу царствованія Августа и втеченіе царствованія Тиберія, въ то время какъ Сенека, Порцій Латронъ и др. приходили туда изъ Испаніи. Домицію сначала пришлось трудно; онъ долго оставался въ бѣдности и въ неизвѣстности, хотя не былъ разборчивъ въ средствахъ обогащенія и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ достичь цѣли. Къ сорока годамъ онъ однако уже сдѣлался преторомъ, но у него было сознаніе, что его репутація не соотвѣтствуетъ его дарованіямъ; ему нужна была какая нибудь громкая исторія, чтобы привлечь на себя вниманіе общества. Такъ какъ ему нечего было терять, то онъ сталъ доносчикомъ, и, желая для дебюта совершить что нибудь крупное, онъ очень разсудительно выбралъ свою жертву. Онъ зналъ, съ какою ненавистью Тиберій относится ко всѣмъ, кто былъ связанъ съ семействомъ Германика; чтобы полнѣе угодить ему, онъ обвинилъ Клавдію Пульхру (прекрасную), родственницу и ближайшаго друга Агриппины. Онъ обличалъ ее въ безпорядочной жизни, въ прелюбодѣйной связи съ Фурніемъ, въ злодѣяніяхъ и въ чародѣйствѣ противъ государя. Дѣло вышло шумное. Всѣ понимали, что нападеніемъ на Клавдію хотѣли нанести ударъ ея другу, и что такимъ образомъ завязывается ссора между Агриппиной и Тиберіемъ. Весь городъ внимательно слѣдилъ за битвой; Аферъ, зная, что отъ этого одного удара зависитъ его репутація и богатство, превзошелъ самого себя; никогда онъ не говорилъ такъ краснорѣчиво: „Здѣсь,

[1]) *Ann.*, IV, 28.

говорилъ Тацитъ, какъ будто открылся его геній". Тиберій, не склонный къ комплиментамъ, удостоилъ его похвалы, а въ Римѣ только и было разговору, что о немъ [1]); такимъ образомъ Аферъ сразу достигъ богатства и славы. Правда, спустя нѣсколько лѣтъ, ему пришлось дорого заплатить за этотъ успѣхъ. Калигула не могъ любить человѣка, который съ такимъ блескомъ выступилъ врагомъ его матери. Аферъ, хорошо сознавая это, попробовалъ обезоружить его лестью; но лесть не всегда вела къ сближенію съ такимъ прихотливымъ тиранномъ, какъ Калигула; случалось, что онъ принималъ за оскорбленія высказываемые ему комплименты. Аферъ воздвигнулъ ему статую съ надписью, въ которой упоминалось, что въ двадцать семь лѣтъ Калигула былъ вторично консуломъ. Императору очень не понравилась такая похвала; онъ сдѣлалъ видъ, будто бы видитъ въ ней непріятный намекъ на свою молодость и напоминаніе о законѣ, который запрещалъ быть консуломъ въ такомъ молодомъ возрастѣ. Чтобы наказать льстеца, Калигула обратился въ сенатъ съ прекрасной рѣчью, которую онъ долго готовилъ, такъ какъ и самъ кичился своимъ ораторскимъ талантомъ; онъ приложилъ всѣ старанія, чтобъ одержать верхъ надъ первымъ ораторомъ того времени. Аферъ погубилъ бы себя, если бы вздумалъ защищаться: онъ и не сдѣлалъ этого. Простершись у ногъ государя, какъ будто пораженный громомъ его краснорѣчія, онъ объявилъ, что ему не такъ страшно могущество императора, какъ его талантъ; затѣмъ онъ повторилъ въ подробностяхъ только что прослушанную рѣчь, комментируя ее, чтобы подчеркнуть ея красоты. Калигула, въ восхищеніи, что его по достоинству оцѣнилъ такой отличный судья, возвратилъ ему свою дружбу [2]). Какъ умный человѣкъ, Аферъ хорошо понималъ, что надо было всетаки дать забыть о своемъ дебютѣ, что ему можно было утвердить свое блестящее положеніе только средствами противоположными тѣмъ, какими онъ пріобрѣлъ его. Не разъ обвинявъ честныхъ людей, онъ не разъ употреблялъ свой талантъ, чтобы и защищать ихъ. Особенно знаменита его рѣчь въ защиту Домитиллы. Это была жена осужденнаго за политическое преступленіе; въ то время, когда законъ запрещалъ оплакивать своихъ близкихъ, она

[1]) Тац., IV, 52 и 66.
[2]) Діонъ, LIX, 19.

осмѣлилась похоронить своего мужа. Она была обвинена своими сыновьями; ея братъ и друзья, повидимому, также были противъ нея. Аферъ защищалъ ея дѣло передъ государемъ, но велъ его такъ, какъ сдѣлалъ бы Катонъ; онъ остерегался говорить рѣзко и негодовать, не ставилъ энергичныхъ требованій во имя человѣчности; онъ скорѣе старался разжалобить судей. Квинтиліанъ съ похвалой цитируетъ то мѣсто этой защитительной рѣчи, гдѣ, обращаясь къ обвинителямъ Домитиллы, Аферъ говоритъ: „Несчастная не знаетъ въ своемъ замѣшательствѣ, что позволено женщинѣ, что повелѣвается женѣ. Я предполагаю, что въ своемъ безпокойствѣ она встрѣчаетъ васъ и спрашиваетъ тебя, своего брата, васъ, своихъ друзей, какой совѣтъ вы подадите ей" [1])? Намъ кажется, этотъ отрывокъ показываетъ, что Аферъ былъ ловкій адвокатъ еще болѣе, чѣмъ великій ораторъ. Его талантъ отражалъ его характеръ, онъ удивлялъ ловкостью своихъ рѣчей, также какъ ловкостью своего поведенія. Такимъ то образомъ, завязывая хорошія отношенія со всѣми партіями, доказывая свою преданность цезарю доносами, умиротворяя въ подходящіе моменты порядочныхъ людей проблесками независимости, Аферъ съумѣлъ избѣжать опасностей, связанныхъ тогда съ знаменитостью и богатствомъ. Онъ благополучно пережилъ самую опасную эпоху имперіи; составивъ свою репутацію при дворѣ Тиберія, онъ умеръ отъ старости при Неронѣ [2]).

Аферъ былъ классикъ. Своимъ медленнымъ и серьезнымъ произношеніемъ, своими благозвучными фразами, въ которыя онъ умышленно по временамъ вставлялъ нѣсколько словъ, нарушавшихъ ритмъ, чтобы замаскировать ихъ искусственность, онъ напоминаетъ Полліона или Мессалу, лучшихъ учениковъ Цицерона. Существовала тогда другая школа, болѣе живая, потому что она была моложе и болѣе соотвѣтствовала характеру времени. Послѣдователи этой школы старались удаляться отъ традицій древняго краснорѣчія: имъ не нравилась полнота развитія темы, которая приводила въ восторгъ современниковъ Цицерона; широкіе періоды она замѣняла короткими, какъ

[1]) Квинт., IX, 2, 20.
[2]) Впрочемъ не вполнѣ вѣрно, что онъ умеръ отъ старости: дѣйствительно, онъ былъ очень старъ въ моментъ своей смерти, но Св. Іеронимъ сообщаетъ, что онъ умеръ отъ несваренія желудка.

бы разрубленными фразами, умѣренный блескъ красокъ—смѣлыми и жосткими тонами; вмѣсто равномѣрнаго и спокойнаго теченія въ аллюрѣ рѣчи здѣсь было что то порывистое и рѣзкое. Разрушеніе границъ всѣхъ различныхъ родовъ рѣчи, вплетеніе при всякомъ удобномъ случаѣ поэзіи въ прозу, злоупотребленіе патетическимъ элементомъ, усиленіе энергіи до крайней степени, постоянное возбужденіе ума, стремленіе ослѣпить его неожиданностью мыслей и блесками стиля,—вотъ главныя черты этого новаго краснорѣчія. Оно возникло къ концу царствованія Августа, какъ реакція со стороны подавленныхъ и недовольныхъ. Первоначальное развитіе оно получило въ устахъ старыхъ республиканцевъ, какъ Кассій Северъ и Лабіенъ; это были люди съ стремительнымъ темпераментомъ, которые съ перваго же дня довели до крайности новый родъ краснорѣчія; оно своими вспышками производило странное впечатлѣніе посреди видимой тишины имперіи. Такой родъ ораторства оказался очень удобнымъ и для доносчиковъ. Трудно себѣ представить, какъ бы они требовали головъ честныхъ людей фразами Цицерона. Напротивъ, новая манера говорить, болѣе грубая и неправильная, свойственныя ей рѣзкости стиля и энергія мысли, какъ будто созданы были нарочно для нихъ: поэтому обыкновенно доносчики и принадлежатъ къ новой школѣ. Фульциній Тріонъ, одинъ изъ первыхъ доносчиковъ, былъ ея послѣдователемъ, и Тиберій, который, какъ и Аферъ, былъ классикъ, считалъ себя обязаннымъ напомнить ему, „чтобъ онъ остерегался ошибокъ слишкомъ пылкаго краснорѣчія [1])". То же было и съ Регуломъ. Однажды онъ разговаривалъ съ Плиніемъ и подсмѣивался надъ его ораторскими предосторожностями, надъ его длинными изложеніями, однимъ словомъ надъ всѣми подновленными цицероновскими длиннотами. „Я же, сказалъ онъ, наскакиваю на тему и душу ее за горло [2])". Это не трудно себѣ и представить,—такой именно способъ нападенія и приличествуетъ доносчикамъ! Все „корыстное и кровавое краснорѣчіе [3])" доносчиковъ для насъ, потеряно и, намъ кажется, утрата его заслуживаетъ нѣкотораго сожалѣнія. У этихъ безчестныхъ людей было много таланта;

[1]) Тац., *Ann.*, III, 19.
[2]) Плиній, *Epist.*, I, 20, 14.
[3]) Тац., *De orat.*, 11, *lucrosa et sanguinans eloquentia.*

это были не только искусные говоруны, изощренные съ юности и знакомые со всѣми тайнами своего искусства; часто настоящая страсть должна была одушевлять ихъ слово. Они обвиняли не только съ цѣлью наживы; у нихъ была и страшная жажда мести, которую имъ хотѣлось удовлетворить. Всѣ люди нравственные, всѣ люди съ уважаемымъ именемъ презирали ихъ,—они это знали—и были ихъ личными врагами; преслѣдуя ихъ, доносчики удовлетворяли свою ненависть также, какъ служили ненависти принципата; лежащее на нихъ пятно всеобщаго презрѣнія, злоба противъ того общества, съ которымъ они открыто вступали во вражду, желаніе впередъ отмстить за негодованіе, которое они предвидѣли,—все это, по нашему мнѣнію, должно было придавать порой дикую силу ихъ рѣчи.

Регулъ, о которомъ вскользь было уже упомянуто, хорошо намъ извѣстенъ изъ переписки Плинія. Онъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ доносчиковъ въ эпоху Нерона и Домиціана, какъ Аферъ въ эпоху Тиберія. Регулъ былъ знатнаго происхожденія; но его отецъ, разорившись, подвергся проскрипціи и оставилъ своимъ дѣтямъ только громкое имя, а это въ то время было опаснымъ наслѣдствомъ. Сынъ имѣлъ твердую рѣшимость выйти изъ бѣдности. Къ большому негодованію своихъ собратьевъ, людей знатныхъ, онъ сдѣлался доносчикомъ; чтобы заглушить дурную молву, онъ не нашелъ лучшаго средства, какъ напугать всѣхъ, кто рѣшился бы его порицать. О молодости Регула сохранились самыя страшныя воспоминанія. Говорятъ, онъ совѣтовалъ Нерону не утомляться, убивая людей одного за другимъ, тогда какъ однимъ словомъ онъ можетъ уничтожить весь сенатъ. Разсказывали, что послѣ смерти Гальбы онъ заплатилъ убійцамъ Пизона, котораго ненавидѣлъ, велѣлъ себѣ принести его голову и укусилъ ее [1]). Его непреклонная воля составляла его силу. Онъ захотѣлъ сдѣлаться ораторомъ; природа не приспособила его къ этому: она дала ему болѣзненное тѣлосложеніе, слабый голосъ, затрудненную рѣчь, у него не было ни фантазіи, ни памяти. Къ нему примѣняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое изреченіе Катона: говорили, что онъ безчестный человѣкъ, который не умѣетъ говорить.

[1]) Тац., *Hist.*, IV, 42.

Однако онъ съ такимъ упорствомъ работалъ надъ преодолѣніемъ своихъ недостатковъ, что подъ конецъ многіе находили его краснорѣчивымъ. Онъ хотѣлъ разбогатѣть, и такъ какъ ни въ чемъ не зналъ колебаній, то заранѣе уже опредѣлилъ сумму своего состоянія. Ему нужно было 60 мил. сестерцій (12 м. франковъ). Сумма большая, но зато у него было нѣсколько источниковъ, откуда можно было ее добыть. Съ ремесломъ доносчика онъ соединялъ другое, въ которомъ считался не меньшимъ мастеромъ: онъ хитростью добивался завѣщаній въ свою пользу. Этому доходному занятію отдавались тогда многіе. Съ тѣхъ поръ какъ люди старались не жениться, чтобы избѣгнуть неудобствъ, связанныхъ съ семьей, большія состоянія холостяковъ доставались наиболѣе ловкимъ и поэтому вводили въ соблазнъ многихъ алчныхъ искателей. Изъ всѣхъ такихъ охотниковъ за чужими наслѣдствами Регулъ былъ самый безстрашный и ловкій. Онъ шелъ на все и ни передъ чѣмъ не останавливался. Плиній разсказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько пикантныхъ анекдотовъ. Вдова того Пизона, котораго Регулъ погубилъ, была очень больна; у Регула хватило смѣлости пойти къ ней, онъ садится рядомъ съ ея постелью, разсказываетъ ей, какъ онъ приносилъ жертвы и совѣтовался съ гадателемъ о ея здоровьѣ, что отвѣты благопріятны, и что она навѣрное выздоровѣетъ. Бѣдная женщина, польщенная и обрадованная послѣдней надеждой, спѣшитъ завѣщать такому нѣжному другу часть своего имѣнія. Веллей Блезъ на своемъ смертномъ одрѣ хочетъ сдѣлать новое завѣщаніе. Регулъ, разсчитывая, что онъ не будетъ въ немъ забытъ, бѣжитъ за докторами и умоляетъ ихъ на нѣсколько часовъ продлить жизнь несчастнаго. Когда завѣщаніе подписано, онъ мѣняетъ тонъ: „Зачѣмъ, говоритъ онъ докторамъ, вы его заставляете такъ долго страдать? Дайте ему спокойно умереть, если вы не можете возвратить ему жизнь". Такой ловкій и беззастѣнчивый человѣкъ не могъ не добыть быстро состоянія. Когда оно достигло заранѣе назначенной цифры, ему стало казаться, что онъ былъ слишкомъ скроменъ, что онъ не можетъ довольствоваться столь малымъ. Онъ разсчитывалъ пойти еще дальше. Онъ разсказалъ Плинію, будто однажды во время жертвоприношенія, боги открыли ему извѣстными знаменіями, что онъ удвоитъ свое состояніе. Но всего удивительнѣе послѣднее его честолюбивое стремленіе. Хотя онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить почтеніе людей, онъ всетаки хотѣлъ, чтобы его уважали; онъ достигъ этого, пугая своимъ вліяніемъ тѣхъ, кто не былъ пораженъ его богатствомъ. Его тщеславіе равнялось его скупости. Когда онъ потерялъ сына, ему было мало наполнять Римъ порывами своего горя, которое было, слишкомъ шумно, чтобы можно было считать его искреннимъ; онъ хотѣлъ, чтобы въ Италіи и въ провинціяхъ оплакивали его потерю. Онъ сочинилъ въ честь сына похвальное слово ребенку, и добился, чтобы въ каждомъ городѣ его рѣчь была прочитана тѣмъ изъ декуріоновъ, у котораго окажется лучшій голосъ. Надъ его тщеславіемъ смѣялись, но спѣшили его удовлетворить. Всѣ знали Регула и терпѣть его не могли; вѣдь нельзя было забыть тѣ преступленія, которыя онъ совершилъ, и извѣстно было, что онъ жаденъ, жестокъ, суевѣренъ, капризенъ, нахаленъ при удачѣ и труслив въ опасности, однимъ словомъ его называли „самымъ злымъ изъ двуногихъ", и всетаки каждое утро его прихожая была полна. Плиній негодовалъ, что въ самую дурную погоду люди шли къ Регулу въ гости въ его прекрасные сады близъ берега Тибра, на краю города; Плиній готовъ былъ думать, что Регулъ нарочно поселился такъ далеко, чтобъ привести въ бѣшенство своихъ посѣтителей. Величайшей побѣдой Регула было то, что до самаго царствованія Траяна ему оказывались подобные внѣшніе знаки общаго почтенія [1]).

Не всѣ доносчики однако были такъ счастливы, и милости, которыми ихъ осыпали свыше, иногда смѣнялись страшною противоположностью. Даже при тѣхъ императорахъ, которые ими наиболѣе пользовались, часто случалось, что съ ними нисколько не стѣснялись. Тиберій имѣлъ обыкновеніе время отъ времени освобождаться отъ нихъ посредствомъ изгнанія или смерти. Вотъ еще одинъ доводъ, который приводятъ защитники Тиберія въ доказательство того, что онъ не былъ солидаренъ съ доносчиками,—но это соображеніе несерьезно. Тѣ доносчики, съ которыми раздѣлывался Тиберій, были обыкновенно сытые и усталые, изъ которыхъ онъ болѣе не надѣялся извлечь пользу; онъ хорошо зналъ, что, составивъ себѣ состояніе, они нападали

[1]) Всѣ предыдущія подробности относительно Регула, его краснорѣчія и богатства, взяты изъ писемъ Плинія (особенно см. II, 20 и IV, 2).

уже не съ прежнимъ пыломъ: они остывали и дѣлались осторожнѣе, какъ только имъ было что терять [1]). Тогда Тиберій наказывалъ ихъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, достигая при этомъ двойной выгоды: онъ отдѣлывался отъ безполезныхъ и обременительныхъ людей и безъ хлопотъ удовлетворялъ общественное мнѣніе.

Но доносчикамъ грозила одна особенно серьезная опасность. Въ моменты реакціи, слѣдовавшіе за смертью дурныхъ цезарей, изгнанники возвращались, исполненные непримиримой злобой, которую развивала ссылка; семьи убитыхъ, движимыя благоговѣйными воспоминаніями о погибшихъ родныхъ, а также нищетою, которую имъ приходилось испытывать, требовали мщенія. Доносчики трепетали и прятались; они, бывшіе такими дерзкими еще наканунѣ, вдругъ дѣлались смиренными и низкопоклонными.—Они старались безъ шума найти своихъ враговъ и смягчить ихъ. При восшествіи на престолъ Веспасіана, въ сенатѣ происходили рѣзкія сцены, напоминающія происшествія въ Конвентѣ послѣ Термидора 1794 г. Говорили о томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности всѣхъ, кто себя скомпрометтировалъ въ прошлыя царствованія; хотѣли, чтобы ни одинъ виновный не избѣгъ наказанія, и требовали регистры императорскаго дворца, чтобъ узнать имена тѣхъ, кто предлагалъ свои услуги въ качествѣ доносчиковъ. Всякій чиновникъ, всякій сенаторъ долженъ былъ присягнуть въ свою очередь, „что онъ не способствовалъ никакому дѣйствію, которое могло вредить чьей нибудь безопасности, что онъ никогда не извлекалъ ни выгоды, ни почестей изъ несчастья гражданъ [2])“. Когда выступалъ тотъ, кто былъ не безупреченъ, его преслѣдовали криками и угрожающими жестами; нѣкоторые изъ такихъ обвиняемыхъ опускали голову или обвиняли своихъ сообщниковъ; другіе смѣло защищались; они напоминали, какъ проконсулы во время террора, что если они виноваты, то всѣ причастны къ ихъ преступленію. „Мы обвиняли, говорилъ одинъ изъ нихъ, но вы осуждали“. Къ счастью для доносчиковъ и ихъ пособниковъ, гнѣвъ общества продолжался недолго. Но-

[1]) Тац., *Ann.*, IV, 36: *ut quis districtior accusator velut sacrosanctus erat; leves, ignobiles paenis afficiebantur.* Тамже, 71: *scelerum ministros ut perverti ab aliis dolebat, ita plerumque satiatus, et ablatis in eamdem operam recentibus, veteres et praegraves afflixit.*

[2]) Тац., *Hist.*, IV, 41.

вый государь скоро пріостанавливалъ преслѣдованіе, и такимъ образомъ месть за всю массу испытанныхъ несправедливостей и поруганій, месть, которую терпѣливо ждали столько лѣтъ, продолжалась лишь нѣсколько дней. Однако послѣ Домиціана общественное мнѣніе было настойчивѣе; оно потребовало репрессалій, оно желало жертвъ. Для наказанія доносчиковъ, была выдумана новая казнь: ихъ сажали на корабли безъ кормчихъ и предоставляли морю. „Какое зрѣлище! говорилъ Плиній, который не могъ забыть, что онъ самъ изъ-за нихъ чуть не погибъ: цѣлый флотъ доносчиковъ, отданный на полный произволъ вѣтровъ, принужденный подставлять свои паруса бурѣ, летѣть, слѣдуя бѣшеннымъ волнамъ, на всѣ утесы, куда имъ только угодно было его бросить! Радостно было видѣть, какъ при выходѣ изъ гавани всѣ эти корабли разсыпались во всѣ стороны; какъ сладко было благодарить на этомъ самомъ берегу государя, который, соединяя правосудіе съ милосердіемъ, земную месть поручалъ морскимъ богамъ [1])“!

Но даже и въ эту эпоху удовлетвореніе, данное честнымъ людямъ, было далеко неполно. Доносчики, тогда наказанные, не были ни самые извѣстные, ни самые виновные. Дѣло ограничилось наказаніемъ самыхъ ничтожныхъ,—тѣхъ, которые занимались своимъ ремесломъ только въ низшихъ слояхъ общества, тѣхъ, которые, принявшись слишкомъ поздно за это выгодное занятіе, еще не имѣли времени разбогатѣть, когда оно вдругъ было запрещено. Они поплатились за всѣхъ остальныхъ. Что касается тѣхъ, которые, какъ Регулъ, уже разбогатѣли, и занимали общественныя должности, пріобрѣли себѣ покровителей и имѣли людей, обязанныхъ имъ, то они и теперь сохранили свои состоянія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вліяніе. Однажды за столомъ у Нервы находилось нѣсколько друзей государя и между ними Вепенто, который имѣлъ дурную репутацію, потому что скомпрометтировалъ себя при Неронѣ; зашелъ разговоръ о знаменитомъ доносчикѣ изъ той же эпохи, по имени Мессалинъ, который умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Разсказывали о его преступленіяхъ, и такъ какъ никому не было интереса его защищать, то всѣ горячо на него нападали. Честный

[1]) Плиній, *Paneg.*, 35.

Нерва, въ порывѣ прекраснаго негодованія, вскричалъ: „что бы по вашему съ нимъ случилось, если бы онъ еще былъ въ живыхъ“? Одинъ изъ сотрапезниковъ, который имѣлъ право свободно говорить свое мнѣніе, сказалъ: „Онъ обѣдалъ бы съ нами [1])“.

III.

Вліяніе доносчиковъ на частную жизнь.—Доносы рабовъ. — Опасность сношеній съ людьми.—Во что обратилась общественная жизнь.—Государственный дѣятель въ царствованіе Клавдія.—Какъ Сенека рисуетъ жизнь того времени.—Всеобщій страхъ.—Самоубійства.—Презрѣніе къ жизни.—Римская имперія и французская революція.

Послѣ того, что разсказано нами о доносчикахъ, легко представить себѣ, какое вліяніе они оказали на общество того времени. Деспотизмъ цезарей былъ тяжелъ именно тѣмъ, что касался не только общественной, но и частной жизни: онъ проникалъ въ частные дома и находилъ тамъ въ лицѣ рабовъ вѣрныхъ и самоотверженныхъ агентовъ. Никогда ни у одного правительства не было болѣе освѣдомленной полиціи. Рабъ въ античной семьѣ занималъ гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ теперь наши слуги; мы ихъ всегда считаемъ чужими. и они, имѣя свободную личную жизнь, меньше проникаютъ въ нашу жизнь. Внѣ всякаго пріятельства и дружбы у насъ складывается замкнутый, интимный кругъ, въ который входятъ только близкіе люди. Въ тѣ времена рабъ допускался даже въ этотъ тѣсный кругъ. Господинъ ничего не дѣлалъ безъ раба, въ домѣ не было такихъ тайнъ, которыхъ не зналъ бы рабъ. Послѣдній иногда сохранялъ ихъ, но часто готовъ былъ ихъ продать. Съ тѣхъ поръ, какъ Августъ нашелъ, какъ обходить древній законъ, запрещавшій принимать на судѣ доносы отъ рабовъ, рабъ всегда могъ отомстить своему господину доносомъ, какъ только тотъ давалъ ему поводъ быть недовольнымъ. Если рабъ почему либо оказывался несклоненъ къ предательству, то существовало вѣрное средство заглушить его угрызенія совѣсти: если по доносу раба господинъ подвергался осужденію, то рабъ получалъ восьмую

---

[1]) Плиній, *Epist.*, IV, 22, 6.

долю его имущества и свободу. Такимъ образомъ, рабу стоило сказать слово, чтобы въ одинъ день получить то, что другіе при особенномъ счастьѣ могли пріобрѣсти втеченіе цѣлой жизни, исполненной лишеній и горестей. Какой соблазнъ быть свободнымъ и въ добавокъ богатымъ! Не только нельзя удивляться тому, что нѣкоторые изъ рабовъ поддавались такому соблазну, но наоборотъ поразительно, что кое кто изъ нихъ противостоялъ ему. Итакъ, и у себя дома каждый былъ окруженъ врагами. Надо было постоянно остерегаться любопытныхъ ушей и нескромныхъ глазъ. Любовь къ роскоши, увеличивая число слугъ, наполняла дворцы шпіонами. Привратники, охранявшіе каждый входъ, прикащики, пріемные слуги, однимъ словомъ, вся масса прислуги, служившей въ комнатахъ, только и дѣлала, что слѣдила за своимъ господиномъ повсюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ покояхъ. Повара пѣвцы, мимы, музыканты, всякаго рода артисты, существовавшіе для удовольствія и развлеченія, сдѣлались причиной опасности и тревоги для господина. Недостаточно было молчать при нихъ, чтобы избѣжать ихъ злословія. Развѣ они не могли выдумать то, чего они не слыхали? И можно было быть увѣреннымъ, что имъ повѣрятъ на слово. Поэтому приходилось льстить имъ, ласкать ихъ, добиваться ихъ расположенія. Условія существованія измѣнились: тѣ, которые прежде трепетали, теперь внушали страхъ. Господа находились постоянно подъ грозою и старались предотвратить послѣдствія гнѣва своихъ рабовъ. Значительная часть мученій въ тѣ времена обусловливалась именно тѣмъ, что нельзя было найти покоя и безопасности даже у себя дома, потому что дома грозили тѣ же опасности, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ; нельзя было иначе какъ подъ вѣчнымъ страхомъ, отдаваться своимъ душевнымъ склонностямъ; среди которыхъ можно было бы отдохнуть отъ всѣхъ неудачъ, нельзя было найти ни одного мѣстечка въ цѣломъ мірѣ, ни одного момента въ жизни, гдѣ бы можно было бы освободиться отъ тиранніи.

Если доносничество въ такой степени проникало даже въ семьи, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ его слѣдовало остерегаться въ тѣхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ со временъ Августа образованные римляне искали развлеченія отъ своей праздности. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ имперіи такія собранія получали все большее значеніе; утрата

свободы способствовала ихъ развитію. Къ несчастію, то живое удовольствіе, которое они доставляли римскому обществу, было отравлено доносчиками. Послѣдніе подслушивали интимныя бесѣды и умѣли вложить въ нихъ компрометтирующій смыслъ; они подмѣчали за столомъ всякое слово въ тѣ моменты, когда сотрапезники уже не отвѣчаютъ за свои выраженія. Благодаря доносчикамъ, всѣ темы для разговора становились опасными. Такъ какъ политика была запрещена, то обыкновенно служила сюжетомъ бесѣды—литература; но и литература вскорѣ стала подозрительной. Въ царствованіе Тиберія, и философія, и исторія, и поэзія имѣли свои жертвы. Августъ весьма неблагоразумно поощрялъ литературу; какъ бы ни держать ее въ строгой дисциплинѣ, въ ней все же поддерживается извѣстная независимость мысли. Тиберій не повторилъ подобной ошибки. Единственное произведеніе его времени, заслужившее его одобреніе, былъ діалогъ между шампиньономъ, устрицей и дроздомъ, которые вѣроятно оспаривали другъ у друга первенство. Тиберій велѣлъ выдать 200.000 сестерцій (40.000 фр.) автору этого шедёвра. Такая литература его не пугала [1]). Плиній Старшій, имѣвшій манію писательства, былъ въ большомъ затрудненіи при Неронѣ, когда нельзя было ничего писать, не компрометтируя себя. Онъ отважился сочинить лишь трактатъ о сомнительныхъ выраженіяхъ рѣчи [2]); но и тутъ еще вопросъ, долго ли эта невинная грамматическая книжка могла бы избѣжать проницательности доносчиковъ. Если же нельзя было говорить даже о литературѣ, не подвергаясь опасности, то о чемъ же было говорить? Разсказывать происшествія жизни было также небезопасно. Сколько людей было казнено за неосторожный разсказъ напр. о томъ, что имъ приснился сонъ, или что они совѣтовались съ гадателями! Подобныя мрачныя воспоминанія нарушали прелесть бесѣды. Въ томъ обществѣ, которое неспособно было дѣйствовать, особенно любили болтать; но въ данныхъ условіяхъ это стало и крайне опасно. Есть интимные разговоры, которые пріятны только тогда, когда собесѣдники совершенно откровенны; здѣсь это не могло болѣе имѣть мѣста. „Никогда,

[1]) Свет., *Tib.*, 43.
[2]) Плиній, *Epist.*, III, 5, 5.

говоритъ Тацитъ, въ Римѣ не царила такая тревога и такой ужасъ. Люди трепещутъ въ присутствіи своихъ самыхъ близкихъ родственниковъ, не смѣютъ подойти другъ къ другу и заговорить; уши знакомаго или не знакомаго всегда подозрительны. Даже нѣмые, неодушевленные предметы внушаютъ испугъ. Приходится безпокойно оглядываться на стѣны и комнатныя панели [1]). Такая осторожность была лишь черезчуръ основательна; вѣдь случилось же, что три сенатора забрались въ домъ измѣнника и здѣсь, между потолкомъ и крышей, приникнувъ ухомъ къ дырьямъ и щелямъ, подслушивали разговоръ Сабина, чтобъ повторить его Тиберію.

Нѣтъ надобности говорить, во что обратили доносчики общественную жизнь. Легко представить себѣ, каковы были засѣданія сената съ того момента, когда каждое слово неизмѣнно сообщалось императору, когда всѣ знали, что эти отчеты могли пропитаться ядомъ по пути отъ Рима до Капри. При такихъ условіяхъ сенатскія дебаты обратились въ непрерывныя состязанія лести. Каждый хотѣлъ отгадать мнѣніе государя, явиться самымъ энергическимъ защитникомъ его. Особенно старались не противорѣчить императору явно. Калигула, образъ жизни котораго извѣстенъ, спросилъ однажды у Пассіена Криспа, состоитъ ли онъ въ любовной связи со своей сестрой. Криспъ, не желая подать вида, что онъ порицаетъ поведеніе своего повелителя, отвѣчалъ: „Нѣтъ еще [2])“. Чтобы навѣрняка заслужить расположеніе государя, нужно было отвлечься отъ своихъ чувствъ, отъ своихъ дружескихъ связей, нужно было научиться говорить противъ своего сердца и своей совѣсти. Нужно было казаться всегда веселымъ, какъ бы ни были основательны причины для печали, скрывать полученныя обиды и какъ будто не замѣчать того зла, которое вамъ причинилъ императоръ. „Единственное средство состарѣться при дворѣ Цезарей, говорилъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Палатинскаго дворца, заключается въ томъ, чтобы благодарить [3]), принимая оскорбленія“. Калигула велѣлъ умертвить сына одного богатаго римскаго всадника, завидуя его умѣнью нарядно и хорошо одѣваться. Вечеромъ онъ при-

[1]) Тац., *Ann.*, IV, 69.
[2]) *Schol. Iuven.*, 4, 81.
[3]) Сен., *De ira*, II, 33.

гласилъ отца къ обѣду. Несчастый отправился, и его физіономія ничего не выдавала изъ его страданій. Онъ далъ себя умастить благовоніями, надѣлъ вѣнокъ, весело ѣлъ и пилъ за здоровье государя. „Хочешь знать, почему? говоритъ Сенека: у него былъ другой сынъ [1])“ При Неронѣ было придумано новое преступленіе: уже не слова, а молчаніе являлось преступнымъ. Если кто отсутствовалъ въ сенатѣ, когда тамъ шла рѣчь о какихъ нибудь почестяхъ императору, если кто не появлялся въ дворцѣ, когда императора поздравляли со смертью матери или жены, это являлось проступкомъ, караемымъ смертью. Только въ подобномъ поведеніи заключалась оппозиція Тразеи [2]); онъ заплатилъ за это жизнью. Другіе не имѣли и этой смѣлости. Всякій стремился проявить какъ можно больше пыла, когда дѣло шло о словѣ императора. О его великихъ дѣяніяхъ говорили не иначе, какъ съ энтузіазмомъ; люди изощряли свое воображеніе, чтобы каждый день выдумать какую нибудь новую форму лести. Тиберій по крайней мѣрѣ былъ настолько уменъ, что отказывался отъ смѣшныхъ почестей, которыя ему предлагались. Сенатъ постановилъ назвать его именемъ одинъ изъ мѣсяцевъ года, какъ уже было и раньше при двухъ его предшественникахъ. „Какъ же вы поступите, отвѣтилъ онъ, когда вы дойдете до тринадцатаго Цезаря [3])?“. Но послѣ него Калигула, Неронъ и особенно Домиціанъ не были такъ скромны.

Для образчика тѣхъ унизительныхъ средствъ, къ какимъ должны были прибѣгать высокопоставленныя лица, чтобъ пріобрѣсти право жить, достаточно собрать все то, что историки разсказываютъ про Вителлія, отца будущаго императора. Это былъ человѣкъ знатнаго происхожденія съ большимъ состояніемъ; онъ дебютировалъ блестящимъ образомъ. Будучи правителемъ Сиріи при весьма трудныхъ обстоятельствахъ, онъ принудилъ царя Пароянъ просить у него свиданія и преклониться передъ римскими орлами. Но и Вителлій испыталъ то, что испытывали всѣ выдающіеся люди той эпохи: они оставались честными, пока служба удерживала ихъ въ провинціи, тогда какъ атмосфера Рима ихъ портила. Вернувшись въ Римъ при Калигулѣ, который серьезно вѣрилъ въ свою божественность, Вителлій первый подалъ примѣръ поклоненія императору. Онъ обращался къ нему не иначе, какъ съ покрытымъ лицомъ и простершись ницъ. Его значеніе увеличилось при Клавдіѣ, онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ императора, но за свое вліяніе онъ долженъ былъ платить низкопоклонствомъ. Клавдіемъ управляли его жена и вольноотпущенники; Вителлій употребилъ всѣ усилія, чтобы расположить въ свою пользу вольноотпущенниковъ и жену государя. Онъ поставилъ статуи Нарцисса и Палласа между своими семейными ларами и воздавалъ имъ поклоненіе. Что касается Мессалины, то добившись, какъ величайшей милости, чтобы она подарила ему свою туфлю, онъ благоговѣйно носилъ ее между туникой и тогой, а время отъ времени вынималъ ее и цѣловалъ. Къ такой формѣ низкопоклонства еще никто не прибѣгалъ; это доказываетъ, что Вителлій имѣлъ въ этой области удивительный творческій талантъ, *miri in adulando ingenii* [1]). Впрочемъ онъ оказывалъ императрицѣ и болѣе существенныя услуги. Когда она захотѣла погубить Валерія Азіатика, завидуя его садамъ, она взвела на него обвиненіе предъ Клавдіемъ и Вителліемъ, которые были тогда консулами. Тацитъ описалъ странную сцену суда, которая была бы отличной комедіей, если бы ея развязкой не была смерть честнаго человѣка [2]). Валерій Азіатикъ защищался такъ мужественно, что всѣ присутствующіе были охвачены волненіемъ; сама Мессалина принуждена была удалиться, чтобы скрыть свои слезы; она едва успѣла наклониться къ Вителлію и, плача, сказать ему на ухо, чтобы онъ не далъ ускользнуть обвиняемому. Когда пришла очередь Вителлію подать свое мнѣніе, онъ осыпалъ Валерія похвалами, напомнилъ о тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказалъ государству, прочувствованнымъ голосомъ упомянулъ о тѣсной дружбѣ между ними обоими, не переставалъ перечислять все, что могло склонить судъ къ милосердію, наконецъ онъ закончилъ тѣмъ, что Валерію нужно предоставить выборъ

[1]) Сен., *De ira*, II, 33.
[2]) Тац., *Ann.*, XVI, 22.
[3]) Діонъ, *LVII*, 18.

[1]) Послѣ празднества столѣтнихъ игръ, которыя имѣли мѣсто разъ въ сто лѣтъ, Вителлій говорилъ Клавдію: «Дѣлай ихъ много разъ! *saepe facias!*» Это пожеланіе было благосклонно принято. «Нѣтъ такой невѣроятной лести, говоритъ Ювеналъ, которую не могла бы принять власть, равняющаяся съ богами!»—Всѣ приведенныя подробности взяты у Светонія, изъ его *Жизнеописанія Вителлія*.
[2]) *Ann.*, XI, 3.

смерти. Клавдій произнесъ тотъ же милостивый приговоръ [1]), и несчастный Валерій, несмотря на всеобщія похвалы и сожалѣнія, открылъ себѣ вены. Блестящее положеніе Вителлія при дворѣ Клавдія, которое онъ постоянно укрѣплялъ своею податливостью, всетаки было не вполнѣ безопасно, и ему подчасъ приходилось обладать большою ловкостью, чтобы вывертываться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Смерть Мессалины напр. заставила его пустить въ дѣло всю изворотливость, на какую онъ былъ способенъ. Онъ находился вмѣстѣ съ Клавдіемъ въ носилкахъ, въ которыхъ послѣдній возвращался изъ Остіи, когда ему повѣдали о его семейныхъ непріятностяхъ. Моментъ былъ критическій. Клавдій повидимому былъ въ нерѣшительности; онъ то смягчался при воспоминаніи о своихъ дѣтяхъ, то приходилъ въ ярость отъ невѣрности своей жены; но всѣмъ было извѣстно, что гнѣвъ Клавдія долго не продолжался, и что одно слово Мессалины могло все измѣнить. Поэтому столь же опасно было ее обвинять, какъ и защищать. Вителлій былъ благоразумно сдержанъ. Онъ старался дѣлать видъ, будто не знаетъ ничего о происходящемъ вокругъ него, а, если ужъ необходимо было что нибудь сказать, онъ ограничивался восклицаніями: о, преступленіе! о, злодѣяніе! „Напрасно, говоритъ Тацитъ, Нарциссъ принуждалъ его объяснить эти загадочныя изреченія и открыто высказать свою мысль, онъ не могъ добиться отъ Вителлія другого отвѣта, кромѣ такихъ двусмысленныхъ возгласовъ, которые могли, смотря по желанію, принять тотъ или другой смыслъ [2])“. Прежде чѣмъ стать на чью нибудь сторону, Вителлій ожидалъ, чтобы положеніе выяснилось и чтобы судьба Мессалины была окончательно рѣшена; но какъ только онъ убѣдился, что Мессалина погибла, онъ не сталъ ее щадить. Онъ первый сталъ на сторону той, которая замѣнила ее и безъ зазрѣнія совѣсти помогъ новой фавориткѣ отдѣлаться отъ друзей и креатуръ падшей императрицы. Но всетаки, противъ всякаго ожиданія, даже такой податливый, преданный, на все готовый человѣкъ, положившій столько труда, чтобы пріобрѣсти благорасположеніе императора, не отступавшій ни передъ какимъ позорнымъ поступкомъ, чтобы сохранить его милость, и тотъ не могъ вполнѣ избѣжать доносчиковъ. Его обвинили въ притязаніяхъ на императорскую власть, и Клавдій былъ настолько недовѣрчивъ, что, безъ заступничества Агриппины, онъ не колеблясь велѣлъ бы убить своего лучшаго друга. Когда Вителлій умеръ, послѣ того какъ побывалъ и цензоромъ, и три раза консуломъ, сенатъ опредѣлилъ ему воздать необыкновенныя почести. Ему воздвигли на форумѣ статую съ слѣдующею надписью: „Онъ былъ неизмѣнно преданъ государю, *pietatis immobilis erga principem*“. Не походитъ ли эта эпитафія на эпиграмму? Втеченіе его долгой карьеры не разъ перемѣнились государи и ихъ фавориты; неизмѣнной осталась лишь преданность Вителлія ко всѣмъ имъ по очереди.

[1]) Такъ выражается и Тацитъ: *secuta sunt Claudii verba in eandem clementiam.*
[2]) *Ann.*, XI, 34.

Такой сервилизмъ, понятно, возбуждаетъ негодованіе. Но внушаемое имъ отвращеніе отнюдь не должно служить къ оправданію тѣхъ, кто его внушалъ. Трусливая римская аристократія въ общемъ заслуживаетъ больше сожалѣнія, чѣмъ негодованія, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Тацитъ, который не скрываетъ ея недостатковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокимъ волненіемъ разсказываетъ о ея несчастіяхъ. Тотъ, кто носилъ знаменитое имя или оказалъ великія услуги государству, могъ сколько угодно унижаться передъ государемъ, онъ всегда оставался для послѣдняго слишкомъ великъ. Были фамиліи, гдѣ насильственная смерть стала обычной; Пизоны напр. иначе не кончали свою жизнь. Въ такихъ обреченныхъ семьяхъ всѣ молодые люди могли бы себѣ сказать, что ни одинъ изъ нихъ не достигнетъ зрѣлаго возраста. Если въ виду этой страшной перспективы у нѣкоторыхъ замѣчался недостатокъ мужества, то дѣйствительно виновными здѣсь являются тѣ, кто былъ для нихъ вѣчною грозою. Доносчики виновны не только въ тѣхъ злодѣйствахъ, которыя совершались по ихъ милости, они отвѣтственны и за всю трусость и низость, которую вызывали ихъ преслѣдованія.

Лучше всего насъ знакомитъ съ этою эпохой Сенека. Тацитъ и Плиній писали при Траянѣ, когда отъ нея остались одни воспоминанія; Сенека жилъ въ самый моментъ кризиса; въ послѣдніе годы своей жизни онъ зналъ, что станетъ жертвой этого безвременія. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ мудрецовъ, которые отдаляются отъ

своихъ современниковъ, отрѣшаются отъ своей страны и цѣликомъ отдаются созерцанію абсолютнаго; напротивъ никто болѣе, чѣмъ онъ, не сливался съ теченіемъ своего вѣка. Его произведенія отражаютъ въ себѣ всѣ волненія современности; въ основѣ его мыслей, и самыхъ отвлеченныхъ, легко найти вліяніе пережитыхъ имъ событій; его стоицизмъ, такой суровый съ виду, въ сущности есть только догматизація тѣхъ правилъ, которыя ему внушалъ данный историческій моментъ. Если въ его философіи есть что то жосткое и исключительное, то вѣдь она и создана была для людей, которые находились не въ обычныхъ жизненныхъ условіяхъ. Сенека самъ говоритъ, что его философія предназначается для того, чтобы „внушить мужество отчаявшимся". Такое критическое положеніе требовало сильныхъ средствъ. Когда читаешь письма Сенеки, сейчасъ видно, что они адресованы лицамъ, которымъ вѣчно грозитъ какая то страшная опасность. „Представьте себѣ, говоритъ Паскаль, въ одной изъ самыхъ извѣстныхъ своихъ Pensée, нѣкоторое количество людей въ цѣпяхъ; всѣ они приговорены къ смерти; каждый день нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваютъ на глазахъ у другихъ, а тѣ, которые остаются въ живыхъ, видятъ свою собственную участь въ участи себѣ подобныхъ и, глядя другъ на друга съ болью и безъ надеждъ, ожидаютъ своей очереди". Болѣе или менѣе въ тѣхъ же выраженіяхъ Сенека описываетъ положеніе своихъ современниковъ; только грозящая имъ опасность не принадлежитъ къ тѣмъ несчастіямъ, которыя составляютъ свойство человѣческой природы и о которыхъ говоритъ Паскаль,—къ такимъ человѣкъ волей-неволей долженъ привыкать: опасности, висѣвшія надъ современниками Сенеки, носили тотъ выходящій изъ ряда вонъ характеръ, который насилу етъ природу; эти опасности кажутся еще тяжеле, потому что ихъ могло бы не существовать. Надъ головой людей, живущихъ подъ тираннiей Цезарей, постоянно виситъ топоръ, „ихъ сердце вѣчно трепещетъ въ ожиданіи смерти, *palpitantibus praecordiis vivitur*". Все ихъ пугаетъ. „Подобно людямъ, путешествующимъ по неизвѣстнымъ странамъ, они глядятъ во всѣ стороны и поворачиваютъ голову при малѣйшемъ шумѣ". Они страдаютъ не только отъ собственныхъ несчастій, но и отъ чужихъ, которыя имъ кажутся зловѣщими предзнаменованіями. Когда раздастся „одинъ изъ тѣхъ громовыхъ ударовъ,

которые потрясаютъ всю окрестность", они теряютъ сонъ. „Достаточно свиста пращи, чтобы испугать птицъ; точно также мы содрогаемся при одномъ слухѣ о катастрофахъ, хотя мы и не испытываемъ ихъ ударовъ [1]". Какъ избѣжать печальной участи, которую всегда можно предвидѣть? Сенека не совѣтуетъ открытаго противодѣйствія; онъ не сторонникъ конспирацій и заговоровъ. Онъ вѣдь управлялъ нѣкоторое время имперіей, поэтому самъ до конца жизни требуетъ повиновенія той власти, которая ему принадлежала когда то. „Какъ бы тяжело ни было иго, говоритъ онъ, оно всегда доставляетъ меньше страданій тому, кто примиряется съ его тяжестью, чѣмъ тому, кто противится ему. Въ великихъ бѣдствіяхъ единственное облегченіе заключается въ томъ, чтобы терпѣливо сносить то, чему нельзя воспрепятствовать [2]". Надо стараться искусными маневрами избѣгать гнѣва императора, „какъ на морѣ надо избѣгать бури"; нужно какъ можно меньше подымать шуму, не слишкомъ привлекать къ себѣ вниманіе свѣта, не слишкомъ выдаваться ни своими талантами, ни даже добродѣтелью. „Юлій Грецинъ былъ убитъ Калигулой, потому что онъ былъ честнѣе, чѣмъ слѣдуетъ быть при тираннѣ [3]". Особенно надлежитъ удаляться отъ всякаго политическаго честолюбія: честолюбіе создаетъ враговъ, а врагъ легко становится обвинителемъ. Лучше всего жить въ уединеніи, вдали отъ Палатина, „этой печальной тюрьмы рабовъ [4]", наполняя свой досугъ честными и усердными занятіями. Вотъ почему Сенека такъ горячо рекомендуетъ своимъ друзьямъ удаляться отъ свѣта. Но и при этомъ дѣйствовать нужно осторожно, не подавая вида, что ты удаляешься, „потому что, если кто кого открыто избѣгаетъ, это значитъ, что онъ его осуждаетъ [5]". Хорошо тоже не быть богатымъ. „Не привлекай воровъ надеждой на добычу. Рѣдко кто проливаетъ кровь ради удовольствія ее проливать; жадныхъ людей еще больше, чѣмъ жестокихъ; зло дѣлается чаще изъ разсчета, чѣмъ изъ ненависти [6]". Кто имѣетъ слишкомъ большое

[1]) Сен., *Epist.*, 74, 3 и 4.
[2]) *De ira*, III, 15 3.
[3]) *De ben.*, II, 21.
[4]) *De ira*, III, 16, 3.
[5]) *Epist*, 14, 8.
[6]) *Epist.*, 14, 15.

состояніе, тотъ долженъ умѣть во́-время пожертвовать частью его, „подобно тому какъ бросаются товары въ море, чтобы облегчить корабль во время бури". Но, когда всѣ предосторожности приняты, можно ли быть увѣреннымъ въ своей безопасности? „Я этого также не могу обѣщать, говоритъ Сенека, какъ нельзя обѣщать человѣку, который бережется, что онъ будетъ всегда здоровъ [1])".

Что же дѣлать?—Предвидѣть всѣ несчастія и приготовиться къ нимъ, какъ можно скорѣе оторваться душой отъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя могутъ быть у насъ отняты. Каждый можетъ быть изгнанъ изъ своей страны и лишенъ своего состоянія, каждому можетъ предстоять умереть съ голоду на утесѣ, подобно Кассію Северу, и сгнить въ темницѣ, подобно Азинію Галлу. Поэтому слѣдуетъ научиться презирать изгнаніе, тюрьму и нищету. „Я обѣднѣю:—таковъ жребій большинства.—Я буду изгнанъ:—не могу ли я страну своего изгнанія считать своею родиной?—Меня закуютъ въ кандалы;—но развѣ теперь я свободенъ? Не держитъ ли меня природа въ оковахъ моего тѣла, которое давитъ меня?" Вотъ, что слѣдуетъ себѣ твердить, чтобы несчастья стали не такъ страшны, переставши быть непредвидѣнными; но недостаточно сказать себѣ это, нужно, чтобы духъ и тѣло напередъ освоились съ несчастіями. Сенека все предусмотрѣлъ: его мудрецъ долженъ дѣлаться бѣднякомъ на нѣсколько дней въ году. Онъ уединится гдѣ нибудь въ обширномъ дворцѣ, въ которомъ онъ живетъ; среди роскошной мебели онъ будетъ спать на жосткомъ одрѣ; онъ будетъ питаться черствымъ и заплѣсневѣлымъ хлѣбомъ, въ то время какъ его столъ отягченъ изысканными кушаньями, и когда онъ побѣдоносно окончитъ свое испытаніе, „онъ будетъ спокойнѣе пользоваться своимъ богатствомъ, потому что будетъ знать, что можно быть бѣднымъ и не страдать [2])". Но это еще не все; недостаточно пріучиться къ изгнанію и къ нищетѣ. Тотъ, кто является виновникомъ всѣхъ страховъ, не ограничивается этими наказаніями, когда онъ разгнѣванъ,—онъ отнимаетъ и жизнь. Обвиненіе въ преступленіи противъ величества, которое присоединялось всегда ко всѣмъ другимъ, не позволяло судьямъ быть снисходительными: разъ имя Цезаря было

[1]) *Epist.*, 14, 9.
[2]) *Epist.*, 18.

замѣшано, легкихъ проступковъ болѣе не существовало. Сенека хорошо это знаетъ; поэтому его философія большею частью ничто иное, какъ приготовленіе къ смерти. Онъ не только учитъ мужественно ожидать ее, но совѣтуетъ иногда и предупреждать ее. Самоубійство въ его глазахъ есть средство противъ всѣхъ золъ имперіи, нѣчто вродѣ противоядія тиранніи. Ему кажется, что человѣческое достоинство, поруганное Цезарями, не можетъ быть поднято другими средствами, кромѣ добровольной смерти. Она только даетъ возможность одинокому человѣку, какъ бы онъ ни былъ слабъ и тщедушенъ, противостоять самому повелителю вселенной. Она даетъ ему силы въ борьбѣ съ этой безграничною властью, внушая ему мысль, что онъ можетъ всегда отъ нея освободиться; онъ не считаетъ себя окончательно рабомъ потому что у него еще остается свобода умереть. Надо видѣть, съ какой энергіей Сенека защищаетъ это право, единственное, которое деспотизмъ оставилъ римлянамъ. „Есть люди, говоритъ онъ, считающіе себя мудрецами, которые говорятъ, будто непозволительно посягать на свою жизнь, будто преступно убивать себя, а нужно ждать часа, опредѣленнаго природой. Тѣ, которые такъ говорятъ, не видятъ, что они закрываютъ намъ единственную возможность, которая намъ остается, чтобы быть свободными. Вѣчный законъ не могъ оказать человѣку бо́льшаго благодѣянія, какъ открывши ему одинъ путь для вступленія въ жизнь и нѣсколько путей, чтобы ее покинуть [1])". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще съ большей силой: „Куда бы ты ни бросилъ взоръ, ты вездѣ найдешь конецъ своихъ страданій. Видишь ли ты эту пропасть? Спустившись туда, ты найдешь свободу. Видишь ли это море, эту рѣку, этотъ колодезь? Въ глубинѣ ихъ водъ скрывается свобода. Видишь ли это дерево, низкое, искривленное и безплодное? На немъ виситъ свобода [2])".

Вся исторія того времени можетъ служить комментаріемъ этихъ словъ. Никогда люди не умирали съ такою легкостью и съ такимъ мужествомъ. Не только такія знаменитыя личности, какъ Сенека и Тразеа, подавали великіе примѣры послѣдними минутами своей жизни: эти знали, что всѣ взоры были обращены на нихъ, и они слѣдили

[1]) *Epist.*, 70, 14
[2]) *De ira* III 15.

за собою, чтобы хорошо умереть; но сколько другихъ людей, которые были менѣе извѣстны, менѣе на виду у всѣхъ, менѣе связаны своимъ прошлымъ, которыхъ не такъ поддерживала надежда на славное имя,—сколько ихъ проявило такую же твердость! Юлій Канъ игралъ въ шахматы, когда пришелъ палачъ, котораго онъ ожидалъ и который долженъ былъ покончить съ нимъ. Онъ спокойно пересчиталъ свои шашки, и сказалъ своему партнеру: „Не хвастайся по крайней мѣрѣ послѣ моей смерти, что ты меня обыгралъ“; затѣмъ онъ обратился къ палачу: „Беру тебя въ свидѣтели, что у меня одной взяткой больше[1])“. Большинство обвиняемыхъ даже и не ожидало палача. При первомъ слухѣ, что одинъ изъ доносчиковъ внесъ въ сенатъ обвиненіе на кого нибудь, или даже ранѣе преслѣдованія, какъ только становилось извѣстнымъ, что императоръ кѣмъ нибудь недоволенъ, такой несчастный запирался у себя и открывалъ себѣ вены. Въ такой ускоренной смерти заключалось нѣсколько преимуществъ: обвиненные избѣгали пытки судебнаго процесса, исходъ котораго стоялъ внѣ сомнѣнія; у нихъ было болѣе вѣроятія сохранить часть своего состоянія для своихъ дѣтей, такъ какъ доносчики, за меньшее количество труда были конечно слабѣе и вознаграждаемы; наконецъ ихъ не бросали на мѣстѣ казни, какъ дѣлали съ осужденными, а позволяли родственникамъ хоронить ихъ. Все это были важныя причины торопиться. Вибуленъ Агриппа долгое время медлилъ; наконецъ, видя, что его дѣло принимаетъ плохой оборотъ, принялъ яду тутъ же въ сенатѣ; но судьи нашли, что онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, и поспѣшили задушить его уже мертваго, чтобы имѣть предлогъ ограбить все его имущество[2]). Такой способъ предупреждать приговоръ не всегда нравился императору. Вначалѣ Тиберій повидимому бывалъ признателенъ тѣмъ, которые охотно покорялись своей участи и освобождали его отъ хлопотъ и непріятностей казни; но позднѣе, когда его жестокость увеличивалась по мѣрѣ того, какъ онъ давалъ ей пищу, онъ пересталъ довольствоваться этимъ. „Онъ ускользнулъ отъ меня“, сказалъ онъ объ одномъ изъ намѣченныхъ имъ въ жертву, который раньше времени умеръ. Когда Л. Ветъ, узнавъ о томъ, что противъ него поднято обвиненіе, какъ можно ско-

[1]) Сен., *De tranq. animi*, 14, 7.
[2]) Тац. *Ann.*, XVI 11.

рѣе покончилъ съ собою вмѣстѣ со своею тещей и дочерью, то Неронъ былъ этимъ очень недоволенъ; онъ велѣлъ продолжать процессъ. Когда же ихъ такимъ образомъ осудили по всей формѣ, онъ великодушно позволилъ имъ избрать себѣ смерть, какую они найдутъ для себя болѣе подходящей [1]). Это было нѣсколько дней спустя, послѣ ихъ похоронъ. Такое презрѣніе къ жизни, такое быстрое примиреніе со своею участью и рѣшимость предупредить ее очень нравились Сенекѣ; онъ гордился своимъ вѣкомъ. „Посмотри на нашъ вѣкъ, говоритъ онъ, который мы обвиняемъ въ изнѣженности и трусости: во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ возрастахъ можно найти людей, которые безъ колебаній избавились отъ своихъ несчастій посредствомъ смерти [2])“. Тацитъ менѣе доволенъ своимъ временемъ. Его сердце сжимается „при видѣ рабскаго подчиненія и такого количества крови, пролитой въ мирное время;“ онъ объявляетъ, что не одобряетъ самоубійствъ, которыя являются результатомъ „трусливаго примиренія со своею участью [3])“. Онъ осуждаетъ ихъ такъ сурово несомнѣнно по той же причинѣ, по которой нѣкоторые порицаютъ малодушное подчиненіе жертвъ террора во время великой революціи. Не подлежитъ спору, что осужденный, принимающій такъ безпрекословно свой приговоръ, какъ будто признаетъ его справедливость; онъ поощряетъ своего убійцу къ новымъ убійствамъ надеждою на безнаказанность и не даетъ зародиться въ обществѣ жалости. Большее сопротивленіе, быть можетъ, имѣло бы тогда двойной результатъ: власть была бы сдержаннѣе и въ томъ обнаружилось бы болѣе симпатіи къ жертвамъ.

Втеченіе настоящаго изслѣдованія намъ случалось уже неоднократно вспоминать по поводу римской имперіи о французской революціи. Эти двѣ эпохи аналогичны во многихъ отношеніяхъ, и ихъ часто и сравнивали между собою. У Камилла Демулена есть прекрасная страница въ его *Vieux Cordelier*, гдѣ онъ пользуется Тацитомъ, какъ комментаріемъ къ закону о подозрѣваемыхъ лицахъ. Дѣйствительно, были подозрѣваемые и во времена имперіи; и тамъ проскрип-

[1]) Тац., *Ann.*, VI. 40.
[2]) *Epist.*, 24, 11.
[3]) Тац. *Ann.*, XVI, 16.

ціи прикрывались именемъ общественнаго блага; нѣкоторыя краткія постановленія сената, въ которыхъ подъ видомъ уваженія къ законнымъ формамъ скрывалось самое безстыдное насиліе надъ всѣми правами защиты, заставляютъ вспоминать о судилищѣ 1790-хъ годовъ. Два деспотическихъ режима, основанные на такихъ противоположныхъ принципахъ, часто приводили къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Имъ не въ чемъ укорять другъ друга. Оба они начали съ подавленія свободы; оба вызвали въ людяхъ одинаковое презрѣніе къ жизни и развили въ своихъ представителяхъ опьяненіе кровью и манію убійства; оба привели къ террору. Нѣкоторые разсказы Тацита или Светонія оставляютъ въ душѣ впечатлѣніе, весьма близкое впечатлѣнію отъ самыхъ мрачныхъ сценъ революціи. Развѣ, напр., царствованіе Тиберія не имѣло своихъ сентябрскихъ дней, когда послѣ смерти Сеяна ему надоѣло видѣть переполненіе всѣхъ тюремъ, и онъ опорожнилъ ихъ сразу, приказавъ убить всѣхъ, которые были въ нихъ заперты? „Земля была покрыта трупами; тѣла людей всѣхъ половъ, всѣхъ возрастовъ, и знатныхъ, и неизвѣстныхъ валялись по одиночкѣ и кучами. Родственники, друзья не могли приблизиться къ нимъ, и оросить ихъ слезами, ни даже смотрѣть на нихъ слишкомъ долго. Поставленные вокругъ солдаты, подстерегая ихъ печаль, сопровождали уже разложившіеся трупы, когда ихъ тащили въ Тибръ. Здѣсь они плавали по водѣ или приставали къ берегу, всѣми покинутые, и никто не смѣлъ не только сжигать ихъ, но даже прикасаться къ нимъ. Страхъ разрушалъ всякую связь между людьми, и, чѣмъ ужаснѣе становилась тиранія, тѣмъ болѣе подавлялось состраданіе [1])". Сходство двухъ названныхъ эпохъ довершается тѣмъ, что всѣ эти избіенія производились среди высокой цивилизаціи, когда нравы повидимому были въ высшей степени мягкіе, когда разумъ гордился своимъ просвѣщеніемъ. Входя въ разрушенные дома Помпеи, видя тамъ остатки богатой меблировки, мраморъ, бронзу, живопись, мозаику, всю ту изысканную роскошь, которая свидѣтельствуетъ объ изнѣженномъ и утонченномъ вкусѣ, нельзя не вспомнить и восемнадцатаго вѣка во Франціи, когда умъ достигъ такого развитія, когда привычки были

[1]) Тац. *Ann.* VI. 19.

такъ изящны, а жизнь такъ нарядна. И въ ту, и въ другую эпоху общество гордилось собою; оно тщеславилось своимъ просвѣщеніемъ; пренебрегало прошедшимъ и высокомѣрно наслаждалось настоящимъ; мудрецы возвѣщали, что варварство древнихъ вѣковъ побѣждено окончательно, что можно безгранично довѣрять добрымъ инстинктамъ человѣка, потому что природа сама собою влечетъ его къ добру. Съ поразительнымъ блескомъ и съ всемірнымъ успѣхомъ они провозглашали принципъ братства людей, изъ котораго долженъ вытекать долгъ для человѣка уважать человѣка: *homo res sacra homini* [1]). Какъ быстро эти благородныя мысли были забыты! Какія жестокія разочарованія смѣнили гордость настоящимъ и надежду на будущее. Какія ужасныя и непредвидѣнныя событія въ ту и въ другую эпоху доказали, что не слѣдуетъ слишкомъ надѣяться на человѣка, что часто подъ нарядною внѣшностью дремлетъ варварство, и что достаточно весьма немногаго, чтобы вызвать на поверхность грязныя и кровавыя подонки, которыя только прикрываются, но не уничтожаются цивилизаціей.

ГЛАВА V.

Бытовой романъ при Неронѣ.

Чтобы понять оппозицію римскаго большого свѣта противъ Нерона, намъ было бы весьма полезно имѣть какое нибудь изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ недовольные открыто или замаскированнымъ образомъ выражали свое дурное настроеніе. Къ несчастью, памфлеты, какъ произведенія даннаго момента, интересуютъ только современниковъ и часто ихъ не переживаютъ. Нѣкоторые думаютъ однако, что до насъ дошелъ одинъ изъ памфлетовъ той эпохи. *Satiricon* Петронія, по мнѣнію многихъ критиковъ, содержитъ горькія насмѣшки надъ дворомъ Нерона, въ немъ находятъ всевозможные хитрые намеки на императора и на его любимцевъ. Постараемся опредѣлить,

[1]) Сен., *Epist.*, 95, 33.

насколько справедливо это мнѣніе; взглянемъ попристальнѣе на это любопытное произведеніе, которое бросаетъ столько свѣта на общество временъ имперіи; поставимъ себѣ вопросъ, съ какимъ намѣреніемъ оно было написано, и дѣйствительно ли оно имѣло то политическое значеніе, которое ему нѣкоторые приписываютъ.

I.

Жизнь и смерть Т. Петронія.—Имъ ли написанъ *Satiricon*.—Романъ въ древности.—Разборъ романа Петронія.

Въ настоящее время говорить про Петронія неудобно; нельзя заниматься имъ и его книгой, сначала не извинившись передъ читателемъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ такая застѣнчивость была неизвѣстна; его тогда безъ стѣсненія читали, о немъ говорили въ лучшемъ обществѣ. Его книга была обычнымъ предметомъ изученія великаго Конде; С.-Эвремонъ ставилъ его выше всѣхъ латинскихъ писателей, а Расинъ чуть не на порогѣ Port-Royal, за частую цитируетъ его въ своихъ письмахъ. „Теперь въ модѣ, говоритъ одинъ изъ переводчиковъ *Satiricon'а*, и особенно между образованными людьми увлекаться Петроніемъ и знать лучшія мѣста изъ него“. Онъ утверждаетъ даже, что перевелъ его, только уступая просьбамъ дамъ, желавшихъ понимать автора, котораго имъ такъ расхваливали. Предлагать дамамъ восхищаться Петроніемъ безъ сомнѣнія очень рисковано, но не слѣдуетъ также слишкомъ поддаваться отвращенію, которое онъ внушаетъ. Если его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать моральнымъ писателемъ, тѣмъ не менѣе онъ весьма поучителенъ; (болѣе любопытной книги намъ не оставила древность. Отказываясь ее читать, мы лишились бы богатаго источника свѣдѣній и справокъ.)

Къ несчастью, произведеніе Петронія дошло до насъ въ очень жалкомъ видѣ. Болѣе трехъ четвертей его для насъ потеряно [1]), а то, что осталось, даетъ поводъ ко всевозможнымъ спорамъ. Мы не знаемъ въ точности его заглавія: названіе Satiricon, подъ которымъ оно извѣстно, повидимому неподлинно, и довольно вѣроятно, что древніе называли его болѣе простымъ и общимъ именемъ *Сатиры* [1]). Много спорили также о времени его возникновенія. Нибуръ относилъ его къ эпохѣ Александра Севера; нѣкоторые критики отодвигаютъ его ко временамъ Константина, тогда какъ другіе ставятъ его въ царствованіе Августа: такимъ образомъ получаются колебанія въ три столѣтія. Въ настоящее время всѣ согласны, что оно написано при Неронѣ. На эту эпоху указываетъ манера, которою оно написано и заключающіеся въ немъ историческіе намеки. На основаніи того, какъ авторъ полемизируетъ съ Луканомъ и подражаетъ Сенекѣ, нельзя сомнѣваться, что онъ былъ ихъ современникомъ. Что же касается имени автора, то здѣсь невозможно никакого сомнѣнія: рукописи и римскіе грамматики—всѣ называютъ его *Petronius Arbiter*.

При этомъ имени мы сейчасъ же вспоминаемъ лицо, игравшее извѣстную роль при Неронѣ. Тацитъ разсказываетъ о его смерти. Т. Петроній принадлежалъ къ числу тѣхъ распутныхъ людей, которыхъ въ Римѣ, было тогда такъ много, которые день посвящали сну, а ночь обязанностямъ и удовольствіямъ жизни [2]). „Другіе добиваются репутаціи трудомъ, а этотъ достигъ ея изнѣженностью. Онъ выдѣлялся въ толпѣ обыкновенныхъ расточителей, которые умѣютъ только прожигать свое состояніе: его считали чувственнымъ знатокомъ удовольствій. Самая беззаботность и непринужденность его поступковъ и словъ придавали имъ характеръ простоты и сообщали имъ новую прелесть [3]). „Этотъ изнѣженный человѣкъ умѣлъ однако въ случаѣ надобности проявлять дѣятельность и трудолюбіе. „Будучи

---

[1]) Рукописи сообщаютъ намъ, что сохранившіеся отрывки принадлежали четырнадцатой и пятнадцатой книгѣ. Такимъ образомъ потеряно тринадцать книгъ, не считая тѣхъ, которыя слѣдовали за пятнадцатой и число которыхъ намъ совершенно неизвѣстно (см. Bücheler, *Предисл.*, VI.)

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ *Satira* Bücheler опубликовалъ отрывки изъ Петронія. Его изданіе (Berlin 1862) безусловно лучшее. Мы имъ и пользовались здѣсь. Кромѣ того мы воспользовались прекрасной работой Штудера *Rheinisches Museum*, т. II, стр. 72, который возобновилъ изученіе Петронія.

[2]) Между модными развратниками было въ обычаѣ превращать день въ ночь. Сенека остроумно насмѣхается надъ подобными людьми, которые, «не покидая своей страны, находятъ возможность сдѣлаться антиподами своихъ согражданъ, и открываютъ свои глаза, отягченные излишествами предшествующаго дня, только тогда, когда всѣ другіе идутъ спать» (*Epist.*, 122).

[3]) Тац., *Ann.*, XVI, 18.

проконсуломъ, а впослѣдствіи консуломъ въ Виѳиніи, онъ обнаружилъ стойкость и стоялъ на высотѣ своихъ обязанностей". Послѣ такого напряженія онъ добровольно вернулся къ праздному и чувственному существованію. Неронъ чувствовалъ влеченіе къ этому изобрѣтательному уму, который изъ удовольствія создалъ искусство. Петроній пріобрѣлъ такое вліяніе при легкомысленномъ дворѣ императора, что получилъ репутацію властелина хорошаго вкуса *(arbiter elegantiae)*; отсюда, быть можетъ, и происходитъ его прозвище. Неронъ сталъ совѣтоваться съ нимъ насчетъ своихъ празднествъ, ему казались пріятными только тѣ развлеченія, которыя одобрилъ Петроній. Такая милость начала затмевать Тигелина. Этотъ фаворитъ добился расположенія императора, только льстя его страстямъ, и держался только своею податливостью; поэтому онъ испугался соперника и рѣшилъ его погубить, что было весьма нетрудно при такомъ боязливомъ и жестокомъ государѣ, особенно вскорѣ послѣ большого заговора, который чуть было не удался. Петроній конечно не былъ заговорщикомъ; но у такого общительнаго человѣка съ такимъ обширнымъ знакомствомъ необходимо должны были найтись какія нибудь компрометтирующія знакомства. Одно изъ такихъ знакомствъ и было ему вмѣнено въ преступленіе. На него было указано, какъ на друга одного изъ заговорщиковъ, котораго только что казнили. Одинъ изъ его подкупленныхъ рабовъ сыгралъ роль доносчика; остальные слуги его были брошены въ тюрьму; согласно обычаю, судьи сочли своею обязанностью осудить Петронія, не выслушавъ его.

Неронъ въ это время находился въ Кампаніи. Петроній отправился было въ дорогу, чтобы слѣдовать за дворомъ, но долженъ былъ остановиться въ Кумахъ, получивъ приказаніе ожидать здѣсь рѣшенія своей участи; но этого то ему менѣе всего и хотѣлось: колебанія между надеждой и страхомъ, которыя могли тянуться неопредѣленное время, были не въ его вкусѣ. Онъ рѣшилъ положить имъ конецъ и—умереть. Онъ быстро сдѣлалъ послѣднія распоряженія и, несмотря на свою изнѣженность, оказался въ эту послѣднюю минуту болѣе энергичнымъ, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые строгою жизнью пріобрѣли себѣ репутацію людей твердыхъ. Большинство осужденныхъ считали своимъ долгомъ наполнять свои завѣщанія лестью, а, чтобы

обезпечить своимъ семьямъ часть своего состоянія, они завѣщали остальное императору или его друзьямъ. Петроній, напротивъ, всѣми силами старался сдѣлать непріятность Нерону: онъ велѣлъ разбить драгоцѣнную вазу, стоившую ему 300.000 сестерцій, чтобы она не досталась въ руки императору, привычки котораго были ему извѣстны. Кромѣ того онъ нашелъ въ себѣ достаточно свободомыслія, чтобы сочинить посланіе, которое должно было за его печатью быть передано государю, подъ именами растлѣнныхъ юношей и распутныхъ женщинъ [1]) онъ описывалъ здѣсь тайныя похожденія Нерона, чудовищныя измышленія, посредствомъ которыхъ этотъ тридцатилѣтній старикъ пытался оживить свою усталую чувствительность. Удовлетворивши своему желанію мести, Петроній предусмотрительно сломалъ свой перстень, чтобы онъ не послужилъ впослѣдствіи средствомъ погубить новыя жертвы [2]) затѣмъ онъ приготовился умереть.

Смерть Петронія безспорно является одной изъ самыхъ любопытныхъ между тѣми, про которыя намъ разсказываетъ Тацитъ: она совершенно непохожа на всѣ другія. Во времена Нерона было много эпикурейцевъ по поведенію, но не по принципу; особенно, когда приближалась послѣдняя минута, эпикурейская философія совершенно забывалась. Въ тяжелой бѣдѣ люди чувствовали потребность пристать къ болѣе устойчивой доктринѣ, чтобы придать себѣ мужества. Эпикуреизмъ можетъ помочь жить; но опытъ показалъ, что его недостаточно, когда нужно умирать. Скрибоній Либонъ, одинъ изъ первыхъ павшій жертвой Тиберія, желая умереть такъ, какъ онъ жилъ, намѣревался насладиться въ послѣдній день, отдавшись удовольствію ѣды; но Тацитъ говоритъ, что «онъ нашелъ только послѣднюю пытку въ томъ, что

[1]) *Sub nominibus exoletorum feminarumque.* Многіе придаютъ здѣсь предлогу *sub* значеніе *cum*, которое оно дѣйствительно иногда имѣетъ, и понимаютъ эти слова такимъ образомъ, будто Петроній разсказываетъ Нерону свои похожденія съ именами мужчинъ и женщинъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Это объяснило бы, почему онъ запечаталъ свое посланіе, прежде чѣмъ отправить его императору.

[2]) Какъ разъ незадолго передъ тѣмъ это средство было употреблено для того, чтобы смерть одного невиннаго повлекла за собою гибель другихъ; въ завѣщаніи отца Лукана, Аннея Мелы, осужденнаго на смерть, была прибавлена обвинительная фраза; затѣмъ завѣщаніе было вновь запечатано, чтобы придать обвиненію хоть тѣнь вѣроятія. Этого то и хотѣлъ избѣжать Петроній, сломивши свой перстень (Тац., *Ann.*, XVI, 17).

должно было служить ему послѣднею радостью»[1]). Когда подобный способъ разставанья съ жизнью оказался неудаченъ, то начали прибѣгать къ другому. Стали обращаться къ помощи какого-нибудь мудреца, стали заниматься надеждами на будущую жизнь. Юлій Канъ шелъ на казнь въ сопровожденіи своего философа (*prosequebatur cum philosophus suus*[2]); Сенека диктовалъ секретарю свои послѣднія правила добродѣтели, въ то время какъ его кровь вмѣстѣ съ жизнью истекала изъ венъ; Тразеа слушалъ циника Деметрія, который бесѣдовалъ съ нимъ о безсмертіи, и, чувствуя приближеніе смерти, полный этихъ благородныхъ наставленій, онъ призывалъ Юпитера освободителя. Одинъ только Петроній умеръ совершеннымъ эпикурейцемъ. «Онъ не хотѣлъ рѣзко оборвать жизнь. Онъ открылъ себѣ вены, снова ихъ закрылъ, затѣмъ опять открылъ, разговаривая со своими друзьями; но въ его словахъ не было ничего серьезнаго, никакого показного мужества, а со стороны друзей тоже никакихъ размышленій о безсмертіи души, никакихъ философскихъ изреченій. Онъ хотѣлъ слышать лишь шутливые, легкіе стихи. Онъ наградилъ нѣсколькихъ рабовъ, другихъ велѣлъ наказать. Онъ сѣлъ за столъ, легъ спать, чтобы его вынужденная смерть казалась естественною[3]). Такой способъ покончить съ жизнью вызывалъ живѣйшее удивленіе у всѣхъ эпикурейцевъ семнадцатаго вѣка. «Или я ошибаюсь, говоритъ С.-Эвремонъ, или это самая прекрасная смерть во всей древности. Въ смерти Катона я нахожу огорченіе и даже гнѣвъ. Отчаяніе въ дѣлахъ республики, потеря свободы, ненависть къ Цезарю много способствовали его рѣшимости, и я не знаю, не дошла ли его дикая натура до свирѣпости, когда онъ распоролъ свои внутренности. Сократъ дѣйствительно умеръ, какъ мудрецъ и довольно равнодушно; однако и онъ старался убѣдиться въ своемъ положеніи въ будущей жизни и не убѣждался; онъ безпрестанно разсуждалъ объ этомъ въ тюрьмѣ со своими друзьями, и довольно слабо; въ концѣ концовъ нужно признаться, что смерть была для него фактомъ значительнымъ. Одинъ Петроній ввелъ въ свою смерть изнѣженность и безпечность. Ни одинъ поступокъ, ни одно слово, ни одна подробность не обнаруживаетъ смятенія умирающаго; для него умереть значило только перестать жить[4]).»

[1]) *Ann.* II, 31.
[2]) Сен., *De tranq. animi*, 14, 9.
[3]) Тац. *Ann.*, XVI, 19.

Принадлежитъ-ли *Satiricon* перу этого остроумнаго вельможи, этого эпикурейца, бывшаго консуломъ, который послѣ разсѣянной жизни съумѣлъ умереть такъ спокойно и даже равнодушно? Ничто не вынуждаетъ этого заключенія, но все говоритъ въ пользу такого предположенія. Посланіе, которое онъ, по словамъ Тацита, отправилъ Нерону, чтобы показать ему, что онъ знаетъ тайну его распутства, доказываетъ повидимому, что Петроній обладалъ нѣкоторымъ навыкомъ къ подобнымъ сочиненіямъ. Качества, которыя историкъ приписываетъ ему, особенно «непринужденность, развязность, полная простота, которыя придавали новую прелесть его словамъ», замѣчаются болѣе всего и въ *Satiricon*. Такимъ образомъ можно сказать, что книга соотвѣтствуетъ человѣку, и весьма естественно допустить, вмѣстѣ съ большинствомъ критиковъ, что авторъ ея и есть именно фаворитъ Нерона.

Отъ автора перейдемъ къ произведенію. Чтобы справедливо судить о немъ, надо отрѣшиться отъ современныхъ мнѣній и припомнить, что Римляне не спрашивали у своихъ романистовъ того, что мы требуемъ отъ нашихъ. Прежде всего они были гораздо менѣе строги по отношенію къ нравственности и приличію. Въ наше время всѣ болѣе или менѣе читаютъ романы, ихъ можно найти въ рукахъ самыхъ серьезныхъ людей: *La Princesse de Clèves* задумана въ обществѣ серьезнаго Ларошфуко. Понятно, что романъ старается быть достойнымъ такого пріема и становится приличнымъ и нравственнымъ. Въ Римѣ особенно въ раннее время къ роману относились не такъ хорошо, и, такъ какъ ему оказывали мало уваженія, то и онъ терялъ къ себѣ уваженіе. Повидимому романъ не считался годнымъ ни на что больше, какъ на минутное развлеченіе для праздныхъ людей; а пока продолжались древнія традиціи, праздные бездѣльники считались плохими гражданами, которые освобождали себя отъ первой изъ обязанностей,—отъ службы странѣ. Жизнь настоящаго Римлянина была такъ наполнена правильными и мелочными занятіями, что онъ не могъ терять времени. Тѣ, у которыхъ оставался досугъ, чтобы читать романы, которые такимъ обра-

[4]) Saint-Evrémond, *Jugement sur Sénéque, Plutarque et Pétrone.*

зомъ осмѣливались стать выше законовъ и традицій, были обыкновенно люди недостойные особеннаго уваженія: поэтому и романы, которые нравились подобнымъ людямъ, были не изъ лучшихъ. У Грековъ существовали всевозможные романы; даже философія и исторія измышляла ихъ въ большомъ количествѣ ради примѣра и поученія [1]). Но эти кажется, не имѣли особеннаго успѣха въ Римѣ; здѣсь больше любили разсказы о любовныхъ приключеніяхъ. Въ Греціи существовали очень знаменитыя произведенія этого сорта, которыя назывались «милетскими сказками», по имени ихъ родины; это были короткія и живыя повѣсти, остроумныя въ подробностяхъ, полныя соблазнительныхъ картинъ, прикрытыхъ отчасти словами. *Сказки* Лафонтена могутъ намъ дать о нихъ нѣкоторое понятіе [2]). Серьезные римляне отзывались очень дурно о произведеніяхъ этого рода; остальные очень любили ихъ читать, а со временемъ количество ихъ читателей возросло весьма значительно. Намъ передаютъ, что одинъ изъ офицеровъ, отправившихся съ Крассомъ сражаться противъ Пареянъ, наполнилъ ими свой сундукъ [3]). Изъ Овидія мы знаемъ что они имѣлись въ римскихъ публичныхъ библіотекахъ, и несомнѣнно на такія книги существовалъ наибольшій спросъ [4]). Усердные читатели ихъ не имѣли намѣренія поучаться, они хотѣли лишь развлекаться, и, чтобы ихъ удовлетворить, надо было не останавливаться ни передъ чѣмъ. Такимъ образомъ неприличіе и безнравственность стали, такъ сказать, закономъ въ этой отрасли литературы. Ни одинъ романистъ не могъ освободиться отъ этого, и даже Апулей, который имѣлъ намѣреніе написать благочестивый и теологическій романъ, долженъ былъ ввести въ него приключенія весьма легкаго свойства, чтобы удовлетворить своихъ читателей. Кто открывалъ одну изъ этихъ книгъ, тотъ долженъ былъ знать, чего онъ можетъ ожидать, такъ что ихъ непристойчивость казалась по крайней мѣрѣ постольку уменьшенной, поскольку она не была неожиданностью. Кромѣ того, не надо забывать, что, какъ бы далеко ни заходилъ

[1]) Эти романы перечислены и разобраны у Chassang, *Histoire du roman dans l'antiquité*.

[2]) Сказка о *Лохани*, въ которой Лафонтенъ подражаетъ Апулею, считается заимствованною послѣднимъ изъ милетскихъ сказокъ.

[3]) Плут., *Crassus*, 32.

[4]) Овидій, *Trist.*, II, 420.

латинскій авторъ, онъ имѣлъ свое оправданіе въ примѣрѣ греческаго автора, которому онъ подражалъ и который шелъ еще дальше. Теперь мы говоримъ, что римляне оскорбляютъ приличіе; римляне же говорили тоже самое о Грекахъ и были совершенно правы [1]).

У насъ романъ, вошедши въ область серьезной литературы, долженъ былъ подчиниться всѣмъ правиламъ, которымъ подчинены остальные литературные жанры. Отъ него требуютъ правильности, послѣдовательности, планомѣрности. Въ древности ему придавали меньшее значеніе и оставляли больше свободы. Отъ него не требовалось также вѣрнаго изученія характеровъ и страстей, котораго въ немъ ищутъ теперь. Вообще тогда не такъ, какъ теперь, нравилось мелочное изображеніе мѣщанской жизни. Греческая комедія стала вводить ее тогда, когда она была изгнана изъ области политики, и вслѣдствіе этого она по общему мнѣнію сильно понизилась.

Такое настроеніе публики и критики позволяло авторамъ не стѣсняться въ изображеніи общества и жизни. Особенно романъ былъ весь созданъ для фантазіи, поэтому казалось естественнымъ предоставить въ немъ господство воображенію. Фонъ, конечно, брался изъ дѣйствительной жизни, но на этомъ фонѣ, романистъ могъ свободно фантазировать. Характеры доводились до шаржа, когда подобныя преувеличенія должны были забавлять публику; самыя необычайныя происшествія перемѣшивались съ вѣрными картинами жизни, и никто не шокировался, когда теченіе разсказа прерывалось весьма важными эскападами, которыми такъ восхищались у Аристофана.

Вотъ что обыкновенно разрѣшалось романистамъ и чего слѣдуетъ ожидать и отъ Петронія: онъ, если возможно, еще менѣе мораленъ, чѣмъ другіе, и не стремится къ особенной планомѣрности. Читатель, привыкшій къ современнымъ романамъ, найдетъ безъ сомнѣнія, что событія, составляющія романъ Петронія, не связаны между собою достаточно сомкнутой фабулой, и что онъ не потрудился создать нѣчто цѣлое, имѣющее правильныя пропорціи. Повѣствованіе то становится торопливо, то совсѣмъ останавливается. Въ одномъ мѣстѣ авторъ едва намѣчаетъ послѣдовательность событій, въ другомъ онъ безъ конца

[1]) Квинт., VIII, 3, 39

развиваетъ картину, которая должна понравиться читателямъ: такимъ образомъ пиръ Трималхіона, который въ сущности составляетъ лишь эпизодъ, принялъ невозможные размѣры. Въ противность правиламъ искусства, къ концу разсказа вводятся новыя дѣйствующія лица, которыя тотчасъ же захватываютъ первыя роли [1]). Особенно поражаетъ то, что все произведеніе состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, и никто повидимому не заботится объ ихъ сліяніи. Здѣсь попадаются маленькія сказочки, заимствованныя съ греческаго, и связанныя съ остальнымъ весьма слабо, стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя были сочинены для другихъ обстоятельствъ, нравственныя сентенціи въ устахъ развратниковъ и очень серьезныя тирады среди самыхъ шутовскихъ происшествій. Здѣсь смѣшаны всѣ тоны и всѣ стили, что и объясняетъ и оправдываетъ имя, данное авторомъ своему произведенію: слово *сатира* у Римлянъ первоначально обозначало лишь смѣсь.

Легко понять, какъ трудно дать разборъ подобной книги, особенно когда отъ нея осталась лишь часть, и даже то, что осталось, безпрестанно прерывается пробѣлами. Чтобы дать о ней общую идею, скажемъ только, что она заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о бродяжнической жизни нѣсколькихъ искателей приключеній. Изъ романовъ новаго времени наиболѣе близко къ этому произведенію стоитъ *Жиль-Блазъ*; но герой Лесажа, какъ бы онъ ни былъ беззастѣнчивъ, является образцомъ добродѣтели въ сравненіи съ героями Петронія. Это въ большинствѣ случаевъ вольноотпущенники, т. е. то, что было худшаго въ римскомъ обществѣ. Эти люди во время своего рабства, привыкли ко всевозможнымъ хитростямъ и низкимъ услугамъ, чтобы заслужить милость своихъ господъ. Свобода не измѣняла ихъ: будучи дѣятельными, ловкими, способными (глупые обыкновенно оставались рабами), достойные занять первенствующее мѣсто по своему развитію, они часто оттѣснялись на послѣднее, благодаря предразсудкамъ и нищетѣ. Имъ давали образованіе безъ нравственности; они были бѣдны, имѣя всѣ пороки богатыхъ. Они не имѣли другихъ средствъ къ жизни, кромѣ своей изворотливости, не уважали законовъ, которымъ они

[1]) Эвмолпъ, появляющійся лишь около четырнадцатой книги, становится сейчасъ же однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

обязаны были своимъ прежнимъ тяжелымъ существованіемъ; принужденные жить на счетъ другихъ, безъ труда мирясь съ этимъ, они въ силу своего положенія были удивительно приспособлены къ роли искателей приключеній. Къ такому классу людей принадлежатъ герои Петронія. Главный изъ нихъ, Энколпъ, разсказываетъ свою исторію; этотъ несчастный убилъ, обокралъ, обезчестилъ жену своего друга и повидимому не особенно терзается угрызеніями. Въ тотъ моментъ, гдѣ начинаются сохранившіеся отрывки, онъ блуждаетъ по свѣту со своимъ миньономъ, въ сопровожденіи товарища, который не лучше его, а вскорѣ къ ихъ компаніи присоединяется голодный поэтъ; они разъѣзжаютъ вмѣстѣ по чудной Кампаніи, населенной изнѣженными Греками; здѣсь жизнь для нихъ течетъ легко, они ни о чемъ, кромѣ удовольствія, не заботятся, и событія чередуются быстро для веселой компаніи. То они обворовываютъ кого нибудь, то кто нибудь ихъ обворовываетъ, но они надуваютъ другихъ, чаще чѣмъ другіе ихъ; они ходятъ по подозрительнымъ мѣстамъ, посѣщаютъ музеи, бунтуютъ школьниковъ въ портикахъ или прячутся въ какомъ нибудь темномъ притонѣ. Когда у нихъ остается «одна монета въ два асса, чтобы купить немного скуднаго гороха [1])», они навязываются на обѣдъ къ какому нибудь расточительному parvenu, который соединяетъ за своимъ столомъ людей, которыхъ онъ не знаетъ. Послѣ такого роскошнаго пира они бродятъ ночью по темнымъ улицамъ, спотыкаясь о каждый камень, и возвращаются въ свою лачугу, мебель которой состоитъ изъ одного ложа. У нихъ происходятъ стычки съ полиціей, они ссорятся съ хозяиномъ, который боится, чтобъ они не выбрались, не заплативши денегъ, и кидаютъ ему подсвѣчники въ голову. Изображается, какъ они падаютъ подъ столъ послѣ обѣда, какъ за ними гоняются устарѣвшія красавицы, близъ которыхъ они становятся холоднѣе, чѣмъ зима въ Галліи [2]) какъ они въ свою очередь бѣгаютъ за молодыми женщинами, какъ они оспариваютъ другъ у друга или дѣлятъ благорасположеніе миньона, который ихъ сопровождаетъ. Судьба не всегда имъ благопріятствуетъ: одинъ изъ нихъ пробуетъ повѣситься

[1]) *Sat.*, 14.
[2]) *Sat.*, 19, *frigidior hieme gallica factus.*

послѣ неудачной любовной попытки; другой въ припадкѣ сильнѣйшаго отчаянія, хочетъ зарѣзаться бритвой, но это оказывается одна изъ тѣхъ деревянныхъ бритвъ, которыя употребляются для обученія дебютирующихъ цирульниковъ. Но въ общемъ они философски переносятъ свои неудачи; они рѣдко теряютъ мужество и искусно умѣютъ выпутаться изъ всевозможныхъ плохихъ обстоятельствъ.

Послѣ кораблекрушенія, гдѣ они чуть не погибаютъ, ихъ почти голыхъ выбрасываетъ на берегъ, и тутъ то они пускаются въ самыя смѣлыя предпріятія. Они встрѣчаютъ крестьянина, который объясняетъ имъ, что они находятся вблизи Кротоны, одного изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи; на вопросъ, каковы обычаи мѣстныхъ жителей, крестьянинъ отвѣчаетъ: «Мои друзья, если вы честные купцы, то бѣгите отсюда или ищите другихъ средствъ къ жизни, кромѣ торговли; но если вы принадлежите къ болѣе образованному свѣту, гдѣ умѣютъ лгать и обманывать, то вы можете идти, ваше удача обезпечена. Подумайте только, что въ этомъ городѣ о литературѣ совсѣмъ не заботятся, смѣются надъ краснорѣчіемъ, а честь и добросовѣстность не пользуются здѣсь ни наградой, ни уваженіемъ. Все населеніе раздѣлено на два класса: надуваемыхъ и надувателей. Здѣсь никто не устраиваетъ себѣ семьи и не воспитываетъ дѣтей, потому что тотъ, кто имѣетъ несчастіе имѣть законныхъ наслѣдниковъ, можетъ быть увѣренъ, что его никогда не пригласятъ на пиршество или на праздникъ; онъ не пользуется никакими радостями жизни и обреченъ на постыдную неизвѣстность; наоборотъ, люди не женатые и не имѣющіе близкихъ родственниковъ, осыпаны почестями; они считаются безспорно лучшими офицерами, самыми храбрыми и добродѣтельными людьми. Городъ, въ который вамъ предстоитъ войти, совершенно похожъ на страну, опустошенную чумой, гдѣ видны лишь трупы, которыхъ пожираютъ, и вороны, которые ихъ пожираютъ [1].» Вотъ живое изображеніе той охоты за завѣщаніями, которая во времена имперіи для многихъ ловкихъ людей представляла единственное ремесло и приносила имъ такую богатую прибыль. Это ремесло здѣсь изображено

[1]) *Sat.*, 116.

также, какъ у всѣхъ сатириковъ того времени. Ясно, что при этомъ описаніи, Петроній думалъ болѣе о Римѣ, нежели о Кротонѣ.

Для Энколпа и его друзей случай весьма подходящій и они не преминутъ имъ воспользоваться. Они попробуютъ надуть надувателей; они будутъ жить на счетъ тѣхъ жадныхъ людей, которые только и думаютъ, какъ бы обогатиться на счетъ другихъ. Они быстро составляютъ свой планъ: старый поэтъ Эвмолпъ, африканскій Крезъ, обладаетъ неисчислимыми полями въ Нумидіи [1]); онъ только что имѣлъ несчастіе потерять своего послѣдняго сына, ребенка, подававшаго большія надежды, и рѣшился покинуть страну, которая напоминала ему его печальную участь; буря разбила его карабль и выбросила его на берегъ Италіи. Въ крушеніи онъ потерялъ 20 милліоновъ сестерцій, но у него осталось еще 300 милліоновъ въ долгахъ и въ помѣстіяхъ «и количество рабовъ, достаточное, чтобы осадить и взять Карѳагенъ, если бы онъ этого пожелалъ.» Между тѣмъ онъ кашляетъ, стонетъ, повидимому не прикасается ни къ одному изъ предлагаемыхъ ему кушаній; онъ говоритъ о близкой смерти, каждый мѣсяцъ измѣняѣтъ свое завѣщаніе. Хитрость имѣетъ полный успѣхъ. Искатели наслѣдствъ, чуя богатую добычу, увиваются вокругъ старца и предоставляютъ свой кошелекъ въ его распоряженіе. Можно себѣ представить, что наши пріятели не конфузятся оттуда черпать. Они себѣ устраиваютъ ежедневно новое удовольствіе, счастье не перестаетъ имъ улыбаться. Важныя дамы и миловидныя субретки оказываютъ имъ предупредительность, матери оспариваютъ другъ у друга честь предоставить имъ своихъ дѣтей: однимъ словомъ всѣ наперерывъ стараются заслужить ихъ расположеніе. Эвмолпъ, забавляющійся этой игрой, выдумываетъ самые странныя завѣщанія; онъ ради потѣхи всячески испытываетъ жадность своихъ наслѣдниковъ, но ихъ ничѣмъ не отобьешь. «Я хочу, говоритъ онъ, чтобы мои наслѣдники, прежде чѣмъ получатъ то, что имъ причитается послѣ моей смерти, разрѣзавши мое тѣло на куски, съѣли его передъ всѣмъ народомъ [2]).» Это тяжелое условіе, но Эвмолпъ приводитъ много вѣскихъ резоновъ въ обос-

[1]) Плиній сообщаетъ намъ, что во времена Нерона шесть собственниковъ обладали половиной Нумидіи (*Hist. nat.*, XVIII, 6).
[2]) *Sat.*, 141.

нованіе его: онъ обращается къ исторіи, кстати припоминаетъ Сагунтъ и Нуманцію. «Мы знаемъ, прибавляетъ онъ, что у нѣкоторыхъ народовъ есть законъ, чтобы покойники были съѣдаемы родственниками, и это часто даетъ поводъ близкимъ упрекать больныхъ, когда они слишкомъ медлятъ умирать, въ томъ, что ихъ мясо дѣлается черезчуръ плохо.... Не бойтесь нисколько за свои желудки: онъ подчинится вашимъ желаніямъ, когда вы покажете ему, какія громадныя богатства вознаградятъ его за часъ непріятности. Закройте только глаза и предположите, что вы ѣдите не человѣческое мясо, а милліонъ сестерцій. Кромѣ того, вамъ не будетъ запрещено приготовить меня подъ какимъ угодно соусомъ. Никакая говядина не нравится сама по себѣ. Искусство повара состоитъ въ томъ, чтобы ее замаскировать; только измѣняя ея природу, можно сдѣлать ее пріятной для желудка, который иначе не могъ бы ее вынести». Дошедшія до насъ отрывки кончаются этими пожалуй слишкомъ сильными шутками въ духѣ Аристофана и Раблэ. Для насъ потеряно продолженіе, и мы не знаемъ, какъ оканчивалось это приключеніе; можно только подозрѣвать, что оно кончалось весело, и что наши ловкіе пріятели вывернулись безъ вреда для себя.

II.

Литературныя сужденія Петронія.—Его ненависть къ декламаторамъ.—Его нападки на Лукана.—Намѣренія Лукана при сочиненіи *Фарсаліи*.—Его отвращеніе къ чудесному и миѳологическому.—Поэма Петронія *о гражданской войнѣ*.

Интересъ романа Петронія заключается не столько въ пикантности интриги и въ прелести стиля, сколько въ отголоскахъ эпохи, въ которую онъ былъ написанъ. Въ немъ остались слѣды современныхъ ему литературныхъ споровъ. Будучи горячимъ приверженцемъ литературы, авторъ любитъ трактовать о вопросахъ, которые обсуждались вокругъ него. Изъ его страстнаго тона видно, что эти вопросы задѣвали его за живое. Довольно любопытно, что онъ вездѣ является консерваторомъ и классикомъ. Какъ только рѣчь заходитъ о литературѣ, этотъ насмѣшникъ и распутникъ говоритъ тономъ суроваго цензора. Онъ въ

крѣпкихъ выраженіяхъ бранитъ свой вѣкъ и защищаетъ здоровыя традиціи противъ вольностей современниковъ.

Въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь имѣемъ произведеніе Петронія, оно начинается споромъ подобнаго рода. Энколпъ, герой романа, слышитъ одного изъ тѣхъ риторовъ, которымъ со временъ Августа было поручено преподавать молодымъ людямъ краснорѣчіе. Они для этого декламировали передъ ними измышленныя судебныя рѣчи и старались ослѣпить глупцовъ блескомъ выраженій, изысканностью мыслей. По окончаніи декламаціи, Энколпъ уводитъ ритора подъ портики и безъ обиняковъ высказываетъ ему свое мнѣніе. Петроній не любитъ декламаторовъ и подтверждаетъ свою антипатію вѣскими аргументами, которые лѣтъ тридцать спустя повторилъ Тацитъ, не прибавивъ ничего къ ихъ силѣ. Петроній упрекаетъ декламаторовъ въ томъ, что они избираютъ смѣшные и невѣроятные сюжеты, которые не имѣютъ никакого отношенія къ реальной жизни и не приготовляютъ молодыхъ людей къ веденію дѣйствительныхъ дѣлъ, «такъ что являясь на форумъ, они имѣютъ видъ, какъ будто они высадились въ невѣдомомъ мірѣ». Онъ порицаетъ риторовъ за то, что они научаютъ своихъ учениковъ пренебрегать цѣлымъ ради подробностей, развиваютъ въ нихъ чувствительность только къ изящному періоду, ласкающему слухъ, или къ пикантному выраженію, дѣйствующему возбудительно на умъ.

«При такомъ воспитаніи, говоритъ онъ, также трудно развить въ себѣ вкусъ, какъ невозможно хорошо пахнуть тому, кто слишкомъ много посѣщаетъ кухню», и заключаетъ, что послать молодого человѣка въ школу есть лучшее средство сдѣлать изъ него дурака. Риторъ нисколько не защищается противъ этихъ рѣзкихъ нападковъ; онъ отвѣчаетъ, что учителя волей-неволей должны уступать требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, что если бы учителя вздумали воспротивиться имъ, ихъ школы опустѣли бы. Все это разсужденіе совершенно разумно; столь же странно слышать, съ какимъ жаромъ Петроній беретъ сторону «великаго, цѣломудреннаго краснорѣчія», въ какихъ энергическихъ стихахъ онъ говоритъ, что «тотъ, кто отдался суровому искусству, у кого душа обращена къ великому, долженъ сначала подчинить свое поведеніе законамъ строжайшей честности»: эти прекрасныя пра-

вила нѣсколько удивляютъ въ устахъ такого писателя и на страницахъ такой книги.

И въ другомъ мѣстѣ Петроній является защитникомъ классическихъ традицій и древнихъ обычаевъ, нападая на Лукана за то, что онъ отъ нихъ отступилъ. Ихъ полемика очень рѣзка; чувствуется, что въ ней участвуетъ столько же самолюбіе, сколько и принципы. Это весьма любопытный и мало извѣстный эпизодъ исторіи литературы: читатель позволитъ намъ остановиться на немъ.

Луканъ, какъ извѣстно, былъ почти геніальнымъ ребенкомъ: при выходѣ изъ школы, онъ былъ уже знаменитъ. Онъ былъ сынъ богатаго интенданта, племянникъ министра; императоръ къ нему относился благосклонно. Онъ имѣлъ репутацію образцоваго поэта и прозаика, получалъ призы на общественныхъ играхъ, вызывалъ аплодисменты, когда выступалъ въ читальныхъ залахъ, и въ двадцать лѣтъ уже могъ считаться моднымъ писателемъ и любимцемъ высшаго свѣта. Его весьма развитое самолюбіе было очень чувствительно къ салоннымъ тріумфамъ. Но они его не удовлетворяли. Онъ сознавалъ, можетъ быть, что воспоминанія о нихъ не будутъ продолжительны, и считалъ приличнымъ для себя искать болѣе прочную славу. Быть можетъ также, онъ понималъ несовершенство и узость вкусовъ тѣхъ свѣтскихъ людей, несмотря на аплодисменты, которыми они его награждали. Есть общества, которыя не достаточно любятъ литературу, но есть и такія, которыхъ можно упрекнуть за чрезмѣрную любовь къ ней. Луканъ и Петроній жили въ обществѣ, гдѣ любовь къ поэзіи и къ искусствамъ доходила до маніи. Со временъ Августа было въ модѣ писать. «Ученые или невѣжды, говорилъ умный Горацій, всѣ мы пишемъ стихи на удачу [1])». Въ такомъ преувеличеніи есть опасность. Когда всѣ, особенно въ высшемъ свѣтѣ, такъ увлечены литературой, тогда начинаются утонченности, крайности, теряется простота, естественность и та непосредственность, которая погружаетъ насъ цѣликомъ въ восхищеніе передъ прекраснымъ. Истинная оригинальность, оригинальность идей, не имѣетъ уже своей настоящей цѣны; остается только восприимчивость къ изящному, къ жеманному и манерному. Когда всѣ берутся за ма-

¹) Гор., *Epist.*, II, 1, 117.

стерство, то и цѣнятся только ремесленныя качества. Знатоки, гастрономы, которые судятъ детально, усталые и пресыщенные люди восхищаются только оттѣнками, ихъ увлекаетъ преодолѣніе трудностей, мелкія удачи въ выраженіяхъ; въ ихъ глазахъ содержаніе пропадаетъ передъ прелестью формы. Сюжетъ становится лишь предлогомъ; преимущество отдается такимъ, которые давали бы случай проявить мастерство и тонкость работы, которая только и вызываетъ удовольствіе. Въ такія эпохи процвѣтаетъ описательная и дидактическая поэзія. Безъ конца описывается восходъ и закатъ солнца, сочиняются поэмы о птицахъ, о рыбахъ, воспѣвается охота и рыбная ловля, въ стихахъ излагаются искусство наряжаться или запутанныя трудности шахматной игры. Всѣ особенно упиваются миѳологіей; въ изобиліи появляются *Тезеиды, Персеиды, Гераклеиды; Иліада* и *Одиссея* смѣлою рукой передѣлываются, и безъ конца разсказывается заново Троянская война ради удовольствія разсказать ее иначе или ввести какія нибудь варьяціи въ этотъ избитый сюжетъ.

Луканъ сначала слѣдовалъ за другими и совершенно отдался модному вкусу. Первымъ своимъ успѣхомъ онъ обязанъ миѳологіи, но онъ не остался ей вѣренъ. Написавши *Иліаду*, съимпровизировавши *Орфея* при громкомъ одобреніи публики, онъ круто оборвалъ, обратился къ римской исторіи и рѣшилъ изобразить въ поэмѣ событія, близкія его времени. Конечно, это было не вполнѣ новое предпріятіе; до него было много поэтовъ, которые позволяли себѣ перекладывать въ стихи современныя событія. Едва былъ побѣжденъ Верцингеториксъ, какъ въ Римѣ воспѣвалась уже Арвернская война; въ Геркуланѣ въ одной библіотекѣ найденъ отрывокъ произведенія на тему о побѣдѣ при Акціумѣ, которое очевидно было написано сейчасъ же послѣ смерти Клеопатры. Но эти поэмы, римскія по сюжету, въ большинствѣ случаевъ полны подражаніями греческому со временъ Эннія, который передѣлывалъ Гомера, чтобы разсказывать его словами Пуническія войны; такая смѣсь вошла въ обычай; всѣ эпопеи неизмѣнно сочинялись по образцу *Одиссеи* и *Иліады*, все равно были ли онѣ написаны на римскій или греческій сюжетъ. Луканъ захотѣлъ поступить иначе; ему казалось, что современники Цезаря должны быть изображены такими, какими они были, съ ихъ чувствами, обычаями, съ ихъ характернымъ

образомъ мысли и дѣйствія, и что для ихъ изображенія не слѣдовало заимствовать чертъ у героевъ Гомера: онъ рѣшилъ, разсказывая римскую исторію, остаться вполнѣ римляниномъ.

Можетъ быть, ему это было легче, чѣмъ всякому другому. Его характеръ и его среда способствовали тому, что ему легко было порвать съ античными традиціями. Фамилія Сенекъ, къ которой онъ принадлежалъ, ни въ чемъ не держалась прошлаго, обращаясь къ будущему. Новшества не пугали этихъ смѣлыхъ мыслителей; пришедши изъ далекой провинціи, они по своему происхожденію были чужды предразсудкамъ, въ которыхъ воспитывалась римская аристократія. Луканъ выражался очень непочтительно объ «этой знаменитой древности, которая восхищается только собою»[1]), и былъ весьма склоненъ урѣзывать похвалы, которыя она сама себѣ расточала. Описавши громадные ретраншементы, которые Цезарь построилъ, чтобы запереть Помпея въ Диррахіумъ, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ: «Пусть теперь восхваляютъ троянскія стѣны и утверждаютъ, что онѣ созданы богами[2])!» Такія чувства привели Лукана къ выводу, что поэзію можно найти помимо путей, проложенныхъ Гомеромъ, что можно смѣло искать ее въ правдѣ и въ исторіи. Ради правды онъ не отступилъ передъ точными описаніями, передъ техническими подробностями, которыя повидимому не могли найти мѣсто въ поэмѣ. Онъ называетъ нумера легіоновъ, которые находятся на лицо[3]); онъ пересчитываетъ этапы, которые они прошли[4]). Силій Италикъ предполагаетъ, что въ битвѣ при Каннахъ военачальники перебраниваются, какъ герои Гомера, а Ганнибалъ и Сципіонъ вступаютъ въ рукопашную въ одиночной битвѣ, какъ Гекторъ и Ахиллесъ. Въ поэмѣ Лукана уже нѣтъ смѣшныхъ анахронизмовъ; тутъ солдаты сражаются, имѣя въ рукахъ *pilum*, они употребляютъ балисты и катапульты, приближаются къ укрѣпленнымъ мѣстамъ лишь подъ прикрытіемъ ивовыхъ

---

1) *Phars.*, IV, 654: *Famosa vetustas*
Miratrixque sui.

2) VI, 48.

3) VII, 217: *Cornus tibi cura sinistri,*
Lentule, cum prima, quae tunc fuit optima bello,
Et quarta legione datur.

4) V, 374. *Brundusium decimis jubet hinc attingere castris.*

плетней или, накрывшись своими щитами, какъ крышей: именно такъ и сражались во времена Цезаря. Луканъ хотѣлъ написать римское произведеніе; вотъ, въ чемъ заключается интересъ и оригинальность его поэмы. Лучшія мѣста въ ней тѣ, гдѣ онъ ближе всего подошелъ къ исторической правдѣ, напр. портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ, рѣчи, гдѣ онъ заставляетъ ихъ такъ хорошо говорить, широкія картины, въ которыхъ нѣсколькими штрихами нарисована цѣлая эпоха, и которыя оказались достойными вдохновить Тацита. Благодаря именно такой рѣшительной приверженности къ реальной жизни, Луканъ, несмотря на огромные недостатки, превзошелъ всѣхъ авторовъ прѣсныхъ эпопей, которыми восхищались люди того времени. Одинъ изъ нихъ, можетъ быть лучшій изъ всѣхъ, изящный и остроумный Стацій, чувствуетъ какое то уныніе и страхъ въ моментъ окончанія *Ѳиваиды*. Чтобы увѣриться въ участи своей поэмы, онъ ощущаетъ потребность напомнить, сколько времени онъ употребилъ на ея отдѣлку, и какой успѣхъ она имѣла, прежде чѣмъ цѣликомъ предстала передъ публикой. «Молодежь знаетъ наизустъ стихи изъ нея; Римъ счастливъ, если онъ имѣетъ случай апплодировать поэту, когда тотъ удостаиваетъ прочесть какой нибудь отрывокъ въ читальныхъ залахъ; императоръ захотѣлъ познакомиться съ нею». Однако всѣ эти преждевременные тріумфы не успокаиваютъ его; онъ опасается будущаго, онъ боится, чтобы потомство не отказалось утвердить приговоръ современниковъ, и страстно умоляетъ свое произведеніе пережить его, *vive precor!* Но его мольбы были безполезны: *Ѳиваида* не должна была жить, по крайней мѣрѣ тою широкою, популярною жизнью, какую поэтъ желаетъ для своихъ стиховъ. Это искуственное и ученое произведеніе, полное любопытныхъ реминисценцій и ловкихъ заимствованій, могло восхищать въ крайнемъ случаѣ только нѣсколькихъ любителей. *Фарсалія* наоборотъ, основанная на воспоминаніяхъ великой эпохи, повѣствовала о событіяхъ, отголоски которыхъ еще всюду чувствовались; она говорила о лицахъ, имя которыхъ еще продолжало возбуждать въ однихъ удивленіе, въ другихъ ненависть. Имѣя поддержку въ окружающихъ страстяхъ, эта поэма могла сохраниться въ памяти людей, и поэтъ имѣлъ право предсказать съ такою увѣренностью, что она не погибнетъ:

Pharsalia nostra
Vivet et a nullo tenebris damnabitur aevo [1])!

Самое радикальное и неожиданное новшество, которое позволилъ себѣ Луканъ, заключалось въ томъ, что онъ отказался отъ всего чудеснаго въ духѣ Гомера. Онъ счелъ необходимымъ совершенно исключить сверхъестественное во избѣжаніе грубыхъ несообразностей. Какой видъ могли бы имѣть наивные, античные боги рядомъ съ такими индифферентами и скептиками, какъ Цезарь и Цицеронъ? Возможно ли было вообразить, что Минерва и Венера могли бы явиться людямъ, которые смѣялись надъ ними, или что въ войнахъ, въ которыхъ рѣшающими элементами были политика и честолюбіе, можно было бы справляться съ волей Марса и Аполлона? Да и самъ Луканъ, также какъ и Сенека, не имѣлъ никакого почтенія къ старому Олимпу и не пропускали случая подшутить надъ нимъ [2]). Ему было бы трудно заставить говорить и дѣйствовать боговъ, въ которыхъ, какъ всѣ знали, онъ не вѣритъ; поэтому онъ рѣшилъ совсѣмъ не прибѣгать къ нимъ, и такимъ образомъ въ первый разъ появилась эпопея, гдѣ Марсъ и Паллада не появляются въ сраженіяхъ, а Юпитеръ и Юнона не смущаютъ небесъ своими ссорами.

Очевидно, это-то болѣе всего и поразило сторонниковъ древнихъ обычаевъ. Всѣ такъ привыкли встрѣчать Гомеровскихъ боговъ въ эпической поэзіи, что никто не могъ себѣ ее представить безъ нихъ. Смѣлость молодого поэта вызывала удивленіе и возмущеніе,— онъ повидимому осуждалъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, отважившись поступить иначе, чѣмъ они. Петроній, раздѣлявшій эти чувства, взялъ на себя судъ надъ реформаторомъ. Онъ ввелъ въ свой романъ личность стараго поэта Эвмолпа, который долженъ былъ защищать здравыя традиціи. Этотъ поэтъ очень сердитъ на тщеславныхъ молодыхъ людей, «которые думаютъ, что они взошли на Геликонъ, разъ они умѣютъ правильно сказать стихи, и которые, испугавшись трудностей

[1]) IX, 985.
[2]) Иногда религіозный скептицизмъ Лукана проявляется довольно неумѣло. Корнелія, на глазахъ которой умираетъ Помпей, восклицаетъ. «Я послѣдую за тобою въ самый адъ, конечно если онъ существуетъ» (IX, 101). Надо сознаться, что въ настоящемъ положеніи сомнѣніе звучитъ весьма странно.

краснорѣчія, ищутъ пріюта въ поэзіи, какъ въ тихой пристани, куда каждый можетъ войти». Они ошибаются, думая, что легко писать стихи. Первое условіе удачи заключается въ томъ, чтобы умъ «былъ совершенно насыщенъ литературой [1])». Уже здѣсь обнаруживается несогласіе съ Луканомъ: молодой авторъ, который претендовалъ на вдохновеніе, безъ сомнѣнія имѣлъ также мало расположенія къ литературнымъ познаніямъ, какъ его дядя Сенека, который отзывается такъ дурно о всякаго рода эрудиціи. Петроній требуетъ также, чтобы поэтъ выражался съ непрерывнымъ изяществомъ, чтобы онъ не употреблялъ выраженій, которыми пользуется народъ въ обыденной рѣчи, и особенно, чтобы онъ не считалъ верхомъ искусства, когда ему удается напасть на какую нибудь блестящую мысль, которая бы выдѣлялась изъ общаго фона рѣчи, *ne sententiae emineant extra corpus orationis expressae*. Здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, Петроній говоритъ о Луканѣ, онъ указываетъ его главнѣйшій недостатокъ; но далѣе онъ намекаетъ на него еще яснѣе: «Тотъ, кто взялся за воспѣваніе гражданской войны, говоритъ онъ, не долженъ удовольствоваться, разсказывая все такъ, какъ оно было; историку это удастся лучше, чѣмъ ему. Поэтъ долженъ устремлять свой разсказъ въ пучину событій, которыя онъ долженъ усложнять, прибѣгая къ вмѣшательству боговъ и не считая грѣхомъ сочинять басни, такъ чтобы у него замѣтно было увлеченіе изступленной души, а не точность свидѣтеля передъ судомъ [2])».

Петроній не ограничивается общими идеями, и, чтобы окончательно уничтожить Лукана, ему приходитъ остроумная мысль передѣлать его поэму; онъ хочетъ ему показать, насколько лучше было бы его произведеніе, если бы оно было написано по правиламъ старой школы. Чтобы доказательство было полное, онъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за авторомъ, котораго онъ имѣетъ намѣреніе исправить. Онъ подражаетъ *Фарсаліи* и въ маленькой поэмѣ въ 295 стиховъ резюмируетъ первыя ея книги, которыя лишь и были извѣстны при Неронѣ;

[1]) 118. *Neque concipere ant edere partum mens potest nisi ingenti flumine litterarum inundata.*
[2]) *Potius furentis animi vaticinatio appareat, quam religiosae orationis sub testibus fides.*

онъ не трудится пускаться въ изобрѣтеніе и довольствуется добавленіемъ кое-гдѣ миѳологіи. Изобразивши положеніе Рима въ эпоху Цезаря, гораздо неопредѣленнѣе и исторически менѣе вѣрно, чѣмъ дѣлаетъ Луканъ во вступленіи къ *Фарсаліи*, Петроній спѣшитъ ввести боговъ. Между Неаполемъ и Пуццолами, на вулканической равнинѣ, гдѣ Вергилій помѣщаетъ ворота въ адъ, среди изборожденной почвы, появляется Плутонъ, «съ почернѣвшимъ отъ костровъ лицомъ, съ бѣлой отъ пепла бородой», и повѣряетъ свои огорченія Фортунѣ. Онъ въ большомъ гнѣвѣ на Римлянъ, которые всячески злоупотребляютъ своими побѣдами: они повидимому намѣреваются прорыть землю до самаго основанія ради добычи камня и мрамора, изъ которыхъ они строятъ свои дворцы. Если они будутъ продолжать дальше, то придетъ день, когда доступъ къ подземнымъ жилищамъ будетъ открытъ и солнце проникнетъ до самаго мѣстопребыванія Мановъ. Надо предупредить эту опасность и отмстить за такое оскорбленіе. Плутонъ требуетъ, чтобы Фортуна помогла ему наказать дерзкихъ; она изъ любви къ перемѣнѣ охотно соглашается, и оба отправляются общими силами разрушать римское могущество. Петроній былъ конечно очень доволенъ, изобрѣтя эту сцену; но все-таки польза отъ нея невелика, и, зная честолюбіе обоихъ соперниковъ Цезаря и Помпея, вожделѣющихъ къ власти, можно, не прибѣгая къ заговору боговъ, понять, что они должны были дойти до схватки. Итакъ, насъ предупреждаютъ, что Цезарь идетъ на Римъ подъ внушеніемъ Плутона. Петроній, подобно Лукану, изображаетъ, какъ по мѣрѣ приближенія Цезаря ужасъ овладѣваетъ пораженными гражданами; но и здѣсь, параллельно съ захватывающей картиной у Лукана, Петроній находитъ нужнымъ вплести сверхъестественное вмѣшательство въ духѣ Гомера. Онъ изображаетъ, какъ Миръ, Вѣрность и Согласіе покидаютъ землю, что не отличается новизною, а на ихъ мѣсто являются чудовища изъ ада; боги сходятъ съ небесъ, чтобы вмѣшаться въ битвы людей. Венера, Минерва и Марсъ на сторонѣ Цезаря; Аполлонъ, Діана, Меркурій и Геркулесъ покровительствуютъ Помпею. Между обѣими партіями вращается Дискордія, которую поэтъ пытается изобразить въ самомъ страшномъ видѣ. Древніе представляли ее съ ожерельемъ змѣй на шеѣ, Петроній прибавляетъ къ этому кровь на устахъ, слезы въ глазахъ, языкъ, выдѣляющій ядъ, и черные, заржавленные зубы. Вставши на вершинѣ Апеннинювъ, откуда она можетъ мѣшать свои факелы во всѣ стороны, она призываетъ Италію и весь міръ къ оружію. Этою картиной оканчивается поэма Петронія.

Въ этой поэмѣ несомнѣнно есть прекрасные стихи, но если сравнить ее съ *Фарсаліей*, которую авторъ хотѣлъ превзойти, то нужно сознаться, что ей очень трудно выдержать сравненіе. Петронію не удалось его предпріятіе: его произведеніе производитъ дѣйствіе противоположное тѣмъ принципамъ, которые онъ хотѣлъ установить. Онъ имѣлъ въ виду доказать, что эпосъ не можетъ обойтись безъ чудеснаго, но чудесный элементъ, который онъ прибавилъ къ произведенію Лукана, оказывается совершенно безполезнымъ: онъ ничего не объясняетъ, все объяснимо безъ него. Плутону не надо было подстрекать Цезаря бросаться на Помпея; Дискордіи нечего было зажигать своимъ факеломъ сердца, которыя уже пылали ненавистью; Римляне могутъ трепетать при приближеніи побѣдителя, безъ того, чтобы Фуріямъ надо было приходить изъ ада и пугать ихъ: имъ достаточно вспомнить про Марія и проскрипціи. Такимъ образомъ, нагроможденіе миѳологіи не прибавляетъ никакихъ красотъ; но и ни одинъ недостатокъ этимъ не устраняется. Въ общемъ Петроній пишетъ болѣе или менѣе такъ же, какъ Луканъ; мы находимъ у него ту же изысканность и эффектныя словечки, остроуміе не кстати, блестящія мысли, «которыя выдѣляются изъ общаго фона рѣчи». Таковы были недостатки того времени. Петроній могъ упрекать за нихъ соперника, но когда онъ писалъ самъ, ему трудно было ихъ избѣжать. Сколько бы онъ ни ругалъ свой вѣкъ, ему не удалось отдѣлиться отъ него; изъ прошлаго, которымъ онъ восхищался, онъ воспроизвелъ только нѣсколько пустыхъ формъ. Читая Лукана, становится яснымъ, насколько онъ былъ правъ, не желая портить античныхъ поэмъ неискусными подражаніями и ища новыхъ путей; но также нетрудно понять, какъ такая попытка должна была не нравиться критикамъ и ученымъ. Составивъ себѣ извѣстное представленіе объ эпической поэзіи, они отказывались признавать *Фарсалію* за эпосъ, такъ какъ она противорѣчила этому представленію. Петроній видѣлъ въ Луканѣ только историка, Квинтиліанъ относилъ его скорѣе къ ораторамъ, но оба единогласно исключали его изъ числа

поэтовъ. Читатели же не обращали на нихъ никакого вниманія; критика знатоковъ не мѣшала имъ раскупать *Фарсалію*, читать ее и восхищаться ею. Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ заставляетъ говорить Лукана: «Есть люди, которые утверждаютъ, что я не поэтъ; но книгопродавецъ, который торгуетъ моей книгой, не раздѣляетъ этого мнѣнія [1]).»

III.

Хотѣлъ ли Петроній понравиться Нерону, нападая на Лукана. — Пиръ Трималхіона.—Есть ли тутъ какіе нибудь намеки на Нерона.—Изображеніе народной жизни у Петронія.—Какое удовольствіе оно доставляло Нерону. — *Satiricon* написанъ для высшаго свѣта и двора.—Онъ возникъ въ то время, когда Петроній былъ любимцемъ Нерона, и разсчитанъ на его одобреніе. — Сенека и Петроній.

На основаніи суроваго отношенія къ Лукану со стороны Петронія, возникаетъ мысль, не имѣлъ ли послѣдній желанія угодить этимъ Нерону. Дѣло въ томъ, что императоръ, бывшій одно время весьма близокъ съ Луканомъ, въ концѣ концовъ сталъ ревновать его. Страсть Нерона къ поэзіи была такъ сильна, что онъ не терпѣлъ соперниковъ, и поэтому Луканъ, который имѣлъ выдающійся успѣхъ въ этой области, сталъ его смертельнымъ врагомъ. У него кромѣ этого была спеціальная причина не любить Лукана: къ профессіональной ревности присоединялась еще противоположность школъ. До Нерона всѣ цезари желали считаться безукоризненными въ своихъ литературныхъ мнѣніяхъ. Они были классики, консерваторы, сторонники древнихъ писателей и старыхъ правилъ. Даже полоумный Калигула остроумно смѣялся надъ Сенекой и надъ его новшествами. И Неронъ сочувствовалъ старой школѣ и древнимъ принципамъ. Миѳологія приводила его въ восторгъ, и Стацій былъ бы его идеаломъ, если бы онъ зналъ его. То, что намъ остается отъ стиховъ Нерона, показываетъ, что онъ любилъ плавное изящество и стремился быть тонкимъ и граціознымъ. Онъ особенно хотѣлъ бы дѣйствовать на слухъ пріятною гармоніей,

[1]) XIV, 194 Sunt quidam qui me dicunt non esse poetam,
Sed qui me vendit bibliopola putat.

слова у него искусно подобраны, и изъ того, какъ онъ ихъ противопоставляетъ или сближаетъ, можно заключить, съ какою тщательностью онъ обрабатывалъ свои произведенія [1]). Марціалъ гдѣ то восхваляетъ ученыя стихотворенія Нерона [2]); все это вмѣстѣ съ тѣмъ школьныя, академичныя стихотворенія, обнаруживающія въ авторѣ начитанный умъ и педантизмъ. Понятно, что при своихъ взглядахъ и симпатіяхъ Неронъ былъ шокированъ грубыми выходками Лукана, его рѣзкими выраженіями и негармоничнымъ, рубленнымъ стихомъ; такимъ образомъ, нападая на *Фарсалію*, Петроній навѣрняка разсчитывалъ польстить личному злобному чувству и литературнымъ вкусамъ императора.

Но дѣйствительно ли онъ стремился къ этому? Слѣдуетъ ли думать, что онъ сочинилъ свою книгу съ опредѣленнымъ намѣреніемъ быть пріятнымъ государю и позабавить дворъ? Попытка отгадать намѣренія автора можетъ показаться слишкомъ смѣлой, принимая во вниманіе, какое разстояніе раздѣляетъ насъ отъ его произведенія; мы однако думаемъ, что внимательное изслѣдованіе нѣкоторыхъ сценъ поэмы и изученіе извѣстныхъ дѣйствующихъ лицъ могутъ намъ дать намекъ на истинное положеніе вещей.

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Петроній, быть можетъ, съ наибольшимъ удовольствіемъ занимается Трималхіономъ: и дѣйствительно, въ обществѣ того времени нельзя найти болѣе интереснаго и любопытнаго явленія, какъ типъ вольноотпущенника, который разбогатѣлъ, но остался грубымъ. Послѣ быстраго перехода отъ крайней нищеты къ изобилію онъ безумными тратами вознаграждаетъ себя за лишенія, которыя ему пришлось выносить. Петроній хотѣлъ намъ дать представленіе посредствомъ какого нибудь забавнаго преувеличенія, какія громадныя состоянія могли скопить такіе бывшіе рабы. Трималхіонъ обладаетъ такими обширными помѣстьями, «что крыло коршуна утомляется, когда онъ перелетаетъ ихъ [3]).» Онъ набираетъ въ нихъ цѣлыя

[1]) Таковы его стихи, описывающіе Тигръ;
Quique pererratam subductus Persida Tigris
Deserit et longo terrarum tractus hiatu
Reddit quaesitas jam non quaerentibus undas.

[2]) Марц., VIII, 70, 8.

[3]) Обѣдъ Трималхіона занимаетъ у Петронія отъ XXVIII до LXXIX главы.

арміи слугъ, которыхъ онъ не знаетъ и часть которыхъ никогда не видала своего господина. Ему незачѣмъ покупать что либо, потому что его поля доставляютъ ему все, что ему необходимо. У него ведется нѣчто вродѣ газеты, которая редактируется на подобіе оффиціальнаго римскаго *Monitor'a* и которую онъ заставляетъ себѣ читать за столомъ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ своего богатства. Вотъ страничка этой газеты, по которой можно судить объ остальномъ. «Въ 7-ой день передъ августовскими календами въ Кумскомъ помѣстьѣ, принадлежащемъ Трималхіону родилось 30 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Съ тока снято и заперто въ гумнѣ 500.000 четвериковъ хлѣба; въ стойлахъ собрано 500 рабочихъ быковъ. Въ тотъ же день, рабъ Митридатъ былъ распятъ на крестѣ за кощунство противъ генія своего господина. Въ тотъ же день заперто въ сундукъ 10 милліоновъ сестерцій, которыя некуда было употребить. Въ тотъ же день въ Помпейскихъ садахъ произошелъ пожаръ, сообщившійся отъ загорѣвшагося дома фермера.» — Здѣсь Трималхіонъ прерываетъ чтеніе и сердится; эти Помпейскіе сады ему неизвѣстны, они куплены на его деньги безъ его вѣдома; отнынѣ онъ требуетъ, чтобы ему въ шестимѣсячный срокъ сообщали о покупаемыхъ имъ помѣстьяхъ. — Газета продолжаетъ анализировать рапорты начальниковъ различныхъ отдѣловъ; здѣсь есть все, даже смѣсь и скандальные разсказы: разсказывается, какъ рабъ-прикащикъ отказался отъ женитьбы съ вольноотпущенницей, найдя ее съ купальщикомъ. Наконецъ сообщается, что дворовые слуги собрались въ судебное засѣданіе, чтобы выслушать и осудить управляющаго, виновнаго въ какомъ то проступкѣ. Такимъ образомъ, Трималхіонъ дѣйствительно владѣетъ цѣлымъ царствомъ и живетъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ государь. Его окружающіе подражаютъ его манерамъ; они дерзки къ чужимъ и жестоки со своими слугами. Будучи сами рабами и часто испытывая отъ господина жестокое обращеніе, они сами владѣютъ рабами, которыхъ они тиранятъ изъ мести за себя. Петроній изображаетъ намъ одного изъ нихъ, который собирается казнить смертью своего слугу. Всѣ просятъ его о помилованіи, но онъ заставляетъ себя долго просить. «Изъ-за этого мошенника, говоритъ онъ, у меня украли платье, которое мнѣ подарилъ одинъ изъ моихъ кліентовъ ко дню моего рожденія. Меня болѣе раздражаетъ его небрежность, чѣмъ потеря одежды; однако она была пурпурная, но уже разъ мытая. Несмотря на все, если вы ужъ такъ просите, то я ему прощу». Изо всѣхъ окружающихъ Трималхіона лицъ лишь одна его жена, Фортуната, не могла свыкнуться съ новымъ положеніемъ. «Она загребаетъ золото лопатой», и все-таки среди этого изобилія сохранила мелочныя заботы, свойственныя маленькому хозяйству. Она вѣчно въ движеніи и встаетъ изъ за стола, чтобы присмотрѣть за всѣми. «Развѣ вы ея не знаете? говоритъ ея мужъ, который знаетъ ее слишкомъ хорошо: она не выпьетъ глотка воды, прежде чѣмъ не спрятать серебро и не раздѣлить между рабами остатковъ кушанья.» Что касается самого Трималхіона, то онъ сталъ большимъ бариномъ или по крайней мѣрѣ пытается имъ быть. Онъ перенялъ вкусы большого свѣта, онъ хочетъ казаться другомъ литературы и науки. «Кто можетъ обвинять его въ невѣжествѣ? Онъ держитъ у себя двѣ библіотеки. Онъ разсуждаетъ объ астрологіи и на основаніи ученыхъ соображеній доказываетъ, что ораторы и повара должны рождаться подъ однимъ созвѣздіемъ. Онъ позволяетъ себѣ приводить историческія цитаты, и хотя онъ ими не всегда удачно пользуется и относитъ Ганнибала къ Троянской войнѣ, но его сотрапезники тѣмъ не менѣе весьма поражены его познаніями. Сенека ввелъ мораль въ моду, и вотъ Трималхіонъ морализируетъ по всякому поводу и, чтобы напомнить своимъ приглашеннымъ бренность жизни, онъ велитъ принести скелетъ въ столовую. Онъ ставитъ себѣ въ заслугу любовь къ искусствамъ, онъ дѣлаетъ видъ, будто музыка его увлекаетъ, такъ что перемѣны кушаній у него происходятъ подъ звуки инструментовъ и слуги нарѣзаютъ кушанья подъ ритмъ. Однако, когда ему случается вполнѣ высказывать свою мысль, онъ признается, что изъ всѣхъ артистовъ ему доставляютъ удовольствіе только канатные плясуны и трубачи. Особенно онъ стремится поражать великолѣпіемъ. Чтобы имѣть много народу за своимъ столомъ, онъ беретъ своихъ гостей съ улицы, не зная ихъ. Онъ ослѣпляетъ и утомляетъ ихъ своею роскошью и не знаетъ, что выдумать, чтобы ихъ удивить; каждая перемѣна есть новой шедевръ воображенія, содержитъ сюрпризы и требуетъ комментаріевъ. Но среди этого великолѣпія ежеминутно обнаруживается прежній рабъ и выскочка. Упитывая своихъ гостей, онъ ихъ одновременно оскорбляетъ. «Пейте это столѣтнее

фалернское вино, говоритъ онъ; вчера я не велѣлъ подавать такого прекраснаго вина, а однако тѣ, которые обѣдали, были гораздо лучше васъ.» Въ концѣ концовъ, вино разгорячаетъ всѣхъ; всѣ забываютъ сдержанность, и всякій становится такимъ, какой онъ по природѣ. Одинъ изъ друзей хозяина, шутки ради, беретъ Фортунату за ногу, такъ что она во весь ростъ падаетъ на свое ложе. Трималхіонъ, внѣ себя отъ нѣкоторыхъ упрековъ своей жены, бросаетъ ей въ голову стаканъ; подымается такой шумъ, что городская стража, думая, что въ домѣ произошелъ пожаръ, высаживаетъ двери и проникаетъ въ залу съ топорами и съ водой, чтобы тушить огонь.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ обѣдъ Трималхіона, который занимаетъ больше трети произведенія Петронія. Почему авторъ придаетъ такое значеніе этому разсказу и почему ему такъ нравится расписывать этотъ эпизодъ? Правда ли, какъ утверждали нѣкоторые критики, что, изображая смѣшного вольноотпущенника, Петроній хотѣлъ подсмѣяться надъ императоромъ? Мы думаемъ что скорѣе, онъ хотѣлъ ему понравиться. Вспомнимъ, что Неронъ былъ очень большой аристократъ, послѣдній изъ Клавдіевъ и Юліевъ, и гордился своимъ происхожденіемъ и своими предками. Онъ всегда вращался въ высшемъ свѣтѣ. Его мать и его жена, Агриппина и Поппея, были большія умницы, отличавшіяся благородствомъ своихъ манеръ; не существовало болѣе остроумнаго собесѣдника, какъ его министръ, Сенека. Въ изящномъ обществѣ, которое окружало императора, естественно насмѣхались надъ тщеславными выскочками, вырвавшимися изъ рабства, которые желали подражать манерамъ высшаго свѣта. Но такъ какъ состояніе не можетъ всего дать, то они рѣдко достигали удачи. Особенное значеніе имѣло тогда искусство устраивать обѣды; оно было такъ сложно, что Варронъ написалъ цѣлое произведеніе, чтобы обучить ему своихъ современниковъ. «Порядочный человѣкъ» въ Римѣ распознавался по тому, какъ онъ обращался со своими гостями, и по той заботливости, съ которою онъ старался соблюсти всѣ самые мелочные обычаи, съ теченіемъ времени ставшіе законами. Разбогатѣвшіе рабы не всегда ихъ уважали, и совершаемыя ими ошибки не ускользали отъ тѣхъ, которыхъ унижала ихъ дерзкая роскошь. Подмѣчать эти ошибки доставляло многимъ большое удовольствіе, и никто не считалъ грѣхомъ смѣяться надъ ними. Еще

Горацій забавлялъ Мецената, разсказывая промахи Назидіена; Петроній увеселялъ Нерона безумствами Трималхіона. Въ томъ и другомъ случаѣ намѣренія авторовъ сходны, и результаты должны были оказаться тѣ же. Не забудемъ также, что Неронъ терпѣть не могъ своего пріемнаго отца и не трудился этого скрывать, и что все созданное этимъ глупымъ государемъ, служило Нерону предметомъ насмѣшки. Извѣстно, что царствованіе Клавдія было эпохой господства вольноотпущенниковъ, и что они управляли императоромъ и имперіей. Неограниченная власть, которую предоставилъ имъ Клавдій, не располагала въ ихъ пользу Нерона; тотъ былъ особенно безпощаденъ къ бывшимъ фаворитамъ своего отца. И если бы надо было искать оригинала для Трималхіона, намъ кажется правдоподобнымъ, что Петроній изобразилъ въ его лицѣ извѣстнаго Палласа, любовника Агриппины, любимаго слугу Клавдія; Палласъ добился неимовѣрныхъ богатствъ и повергъ предъ собою въ прахъ сенатъ и всю имперію. Высокомѣріе этого бывшаго раба дошло до того, что онъ больше не хотѣлъ говорить со своими вольноотпущенниками; однажды, когда его обвиняли въ какомъ то сговорѣ съ ними, онъ отвѣчалъ, «что онъ никогда не выражаетъ своихъ повелѣній въ своемъ домѣ иначе, какъ глазами и жестами»; если же нужны болѣе подробныя объясненія, то онъ пишетъ ихъ, чтобы не проституировать своихъ словъ [1]). Неронъ, обязанный ему всѣмъ, терпѣть его не могъ: онъ любилъ преслѣдовать его самыми жестокими насмѣшками и въ концѣ концовъ отдѣлался отъ него при помощи отравы. Нерону не могло не быть пріятнымъ, когда поднимали на смѣхъ этого выскочку или ему подобныхъ. Петроній, рисуя смѣшную фигуру Трималхіона, былъ увѣренъ въ томъ, что она придется императору по вкусу.

Петроній также отлично зналъ, что Нерону, несмотря на его аристократизмъ, не доставятъ неудовольствія портреты грубыхъ личностей и народныя сцены, тщательно списанные съ натуры. Эта сторона несомнѣнно одна изъ самыхъ любопытныхъ во всей книгѣ. Авторъ откровенно вводитъ насъ въ самую низкую среду римской черни. Онъ ведетъ насъ на форумъ вечеромъ, когда продаются краденыя вещи. Изображается схватка одного изъ подобныхъ героевъ съ поваренками изъ

¹) Тац. *Ann.*, XIII. 23.

харчевни. Онъ особенно старается отдѣлаться «отъ старой, кривой мегеры, у которой голова покрыта грязной тряпкой, а ноги обуты въ разрозненные башмаки». На шумъ является участковый надзиратель *(procurator insulae)*, который громовымъ голосомъ, наводящимъ трепетъ на пьяницъ, произноситъ имъ длинную рѣчь, обильно украшенную солецизмами. Воспроизводя разговоры этихъ бѣдняковъ, Петроній съ удивительной ловкостью подмѣчаетъ ихъ манеры шутить и морализировать. Онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми изворотами ихъ безконечныхъ сплетенъ. Сначала рѣчь заходитъ о товарищѣ, котораго они только что потеряли. «Какой славный малый! говоритъ одинъ изъ нихъ (тотъ, кто только что похороненъ, всегда оказывается славнымъ малымъ); мнѣ кажется, что я еще вчера разговаривалъ съ нимъ; я какъ будто все еще съ нимъ веду бесѣду. Бѣдные смертные! Мы не болѣе, какъ шкуры, наполненныя вѣтромъ; у мухъ прочнѣе жизнь, чѣмъ у насъ. Врачи его убили.... Но въ концѣ концовъ ему нечего жаловаться, ему устроили отличныя похороны, у него были хорошія носилки и великолѣпное покрывало. Онъ успѣлъ освободить передъ смертью нѣсколькихъ рабовъ, и его прилично оплакали. Однако мнѣ кажется, что его жена дѣлаетъ надъ собой усилія чтобы пролить нѣсколько слезъ. Что бы было, если бы онъ не облагодѣтельствовалъ ее! Но что вы хотите? Женщины суть женщины, въ нихъ всегда есть что то общее съ хищными птицами; надо остерегаться дѣлать имъ добро, — это все равно, что лить воду въ колодезь! Другой не такъ похвально отзывается о покойникѣ: онъ находитъ, что тотъ не гнушался никакимъ ремесломъ, что онъ былъ жаденъ, что онъ монету вытащилъ бы зубами изъ грязи». Третій оставляетъ въ сторонѣ покойника и жалуется на всѣхъ и на все; онъ рѣшительно въ пессимистическомъ настроеніи и во всѣхъ отношеніяхъ сожалѣетъ о прошломъ. Прежде хлѣбъ былъ не такъ дорогъ, чиновники честнѣе и боги сговорчивѣе. «Когда случалась засуха, молодыя дѣвушки проходили по улицамъ въ длинныхъ платьяхъ, босыя, съ распущенными волосами и чистыя душою, молясь Юпитеру; и дождь сейчасъ лилъ, какъ изъ ведра на процессію, и всѣ присутствующіе возвращались мокрые, какъ крысы. Теперь боги шагу не сдѣлаютъ для насъ, мы ни во что не вѣримъ, а поля страдаютъ». Его сосѣдъ болѣе расположенъ мириться съ временами, каковы бы они ни были; онъ находитъ, что въ

общемъ бѣдствія еще не слишкомъ велики. Жалуются всюду, и у другихъ можетъ быть больше причинъ для жалобъ. «Если отправиться въ сосѣднія страны, говоритъ онъ, то покажется, что здѣсь свиньи гуляютъ жареныя. Публичныя игры, къ которымъ онъ имѣетъ большой вкусъ, особенно располагаютъ его къ веселому взгляду на жизнь. Какъ разъ въ этотъ моментъ идутъ приготовленія къ великолѣпнымъ зрѣлищамъ. Должны выступить гладіаторы, которые ужъ пощады другъ другу не дадутъ, будутъ происходить битвы карликовъ, и женщина будетъ управлять колесницей на аренѣ. Особенно возбуждаетъ общественное любопытство появленіе управляющаго, нѣкоего Гликона. Этотъ управляющій «былъ застигнутъ въ тотъ моментъ, когда онъ доставлялъ кое-какія развлеченія любовницѣ своего господина»; послѣдній обрекъ его на растерзаніе звѣрямъ и хочетъ доставить народу это зрѣлище. Конечно, это будетъ очень пріятное развлеченіе, но нашъ собесѣдникъ находитъ, что оно будетъ не полно; ему бы хотѣлось видѣть ту же казнь надъ женщиной. «Въ концѣ концовъ, что сдѣлалъ этотъ рабъ? То, въ чемъ онъ не воленъ былъ отказать. Но та, которая принудила его къ этому, больше его заслуживала бы поплясать у быка на рогахъ». Таково мнѣніе очень многихъ; поэтому въ день представленія навѣрное произойдетъ стычка между любителями приключеній и ревнивыми мужьями.

Таковы бесѣды этихъ добрыхъ людей за стаканомъ вина. Самое интересное въ нихъ то, что Петроній заставляетъ ихъ говорить своимъ языкомъ. Благодаря ему, мы имѣемъ точный образчикъ того, какъ говорили въ первомъ вѣкѣ на извилистыхъ улицахъ Субурры. Мелкіе торговцы, ремесленники, вольноотпущенники, которыхъ онъ выводитъ, мало заботятся о грамматикѣ. Они строятъ фразы помимо всѣхъ правилъ синтаксиса. Они смѣшиваютъ роды и безъ стѣсненія говорятъ: *vinus, coelus* и *vasus* (вмѣсто *vinum, coelum* и *vasa*). Они удлиняютъ и сокращаютъ слова, образуютъ по своему усмотрѣнію граціозныя и варварскія реченія, замѣняютъ однѣ гласныя другими и отважно произносятъ *Ephigenia* вмѣсто Перигенія и *bubliotheca* вмѣсто библіотека.

Стараніе точно воспроизвести языкъ и разговоръ народа не должно насъ вводить въ обманъ; мы ни въ какомъ случаѣ не должны заклю-

чать изъ этого, что предъ нами народный писатель и что онъ сочинилъ свою книгу для римской черни: это была бы большая ошибка. Извѣстно, что поэты, особенно тѣ, которые вышли изъ низшихъ слоевъ, рѣдко воспѣваютъ ту среду, къ которой они принадлежатъ. Этотъ фактъ приводилъ многихъ въ удивленіе, но нѣтъ ничего естественнѣе такого явленія. Развѣ кто нибудь видитъ свой идеалъ вблизи себя? Тотъ воображаемый міръ, который вдохновляетъ поэтовъ, и который каждый изъ насъ создаетъ себѣ по своему произволу, рѣдко сходенъ съ дѣйствительною жизнью. Онъ не восхищалъ бы насъ, если бы онъ былъ похожъ на то, что мы видимъ каждый день; чтобы чувствовать удовольствіе, мы должны отдалиться отъ того, къ чему мы привыкли, и представить себѣ тѣ радости, которыхъ мы не знаемъ. Бѣдняки естественно видятъ свой идеальный міръ выше себя; напротивъ, тѣ, богатство которыхъ не можетъ болѣе уже возрасти, которые достигли вершины, «жаждутъ спуститься внизъ»: въ XVII вѣкѣ, въ то время какъ пастухи мечтали сдѣлаться принцами, принцы проводили свое время въ томъ, что изображали пастушковъ. Потребность искать развлеченія внѣ своей обычной среды свойственна всѣмъ временамъ, но она становится настоятельнѣе для высшихъ классовъ, когда всѣ удовольствія исчерпаны, когда злоупотребленіе богатствомъ порождаетъ отвращеніе къ нему. Чтобы избѣжать снѣдающей ихъ скуки, богачи принуждены тогда спускаться до того низшаго міра, отъ котораго ихъ отдаляла до тѣхъ поръ гордость, и здѣсь искать новыхъ зрѣлищъ и невѣдомыхъ ощущеній. Именно до такой крайности путемъ всякихъ излишествъ, дошла римская аристократія перваго вѣка. Когда Мессалина выходила вечеромъ изъ своего дворца, «въ сопровожденіи одной служанки, надѣвши на голову фальшивые бѣлокурые волосы[1])», чтобы шляться по позорнымъ притонамъ Тосканской улицы, ее толкала на это не столько страсть къ разврату, которую она могла удобно удовлетворять и на Палатинскомъ холмѣ, сколько безстыдное любопытство. Та же страсть заставляла Нерона, переодѣтаго въ костюмъ раба, бродить ночью по римскимъ улицамъ, задѣвать мущинъ и женщинъ, подобно обыкновенному развратнику или вору, подсаживаться къ столамъ въ кабакахъ и впутываться въ скверныя ссоры, которыя часто

[1]) Ювен., VI, 120.

кончались дракой[1]). Во время празднествъ, которыя онъ давалъ пріятелямъ, любимымъ его развлеченіемъ было устраивать лавки и дурныя мѣста, предъ которыми онъ разставлялъ самыхъ важныхъ римскихъ дамъ, одѣтыхъ продавщицами и кабатчицами, и онѣ зазывали прохожихъ войти [2]). По нашему мнѣнію, *Satiricon* становится понятнѣе если припомнить такія празднества. Въ этомъ произведеніи проявляется вышеуказанная потребность людей, оно отчасти удовлетворяло извращеннымъ и порочнымъ вкусамъ подобныхъ. Петроній желалъ понравиться императору и его друзьямъ, изображая міръ низшихъ классовъ, въ который они любили по временамъ спускаться, чтобы отдохнуть отъ своей среды и контраста разбудить свое потухшее любопытство и свою истощенную чувственность.

Все указываетъ на то, что авторъ имѣлъ въ виду указанный кругъ читателей, что онъ самъ принадлежалъ къ высшему свѣту, несмотря на то, что онъ съ такимъ удовольствіемъ изображаетъ дурное общество. Свѣтскіе люди и аристократы XVII столѣтія, которые такъ охотно поступали такимъ же образомъ, и ошибались, причисляя Петронія къ своему кругу. Это видно изъ всего, особенно изъ того слегка ироническаго тона, который непрерывно замѣчается въ его книгѣ и обнаруживаетъ въ немъ свѣтскаго человѣка. Петроній мало склоненъ къ громкимъ крикамъ и къ сильной брани, что такъ нравится декламаторамъ вродѣ Ювенала; онъ тонко издѣвается какимъ нибудь однимъ словечкомъ, безъ подчеркиваній и криковъ; но его иронія, при всей ея тонкости, не щадитъ ничего. Все, что въ Римѣ чтилось по привычкѣ и по чувству долга, затрогивается у него въ шутливомъ тонѣ. Герои его романа обнаруживаютъ мало довѣрія къ чиновникамъ и къ законамъ и весьма склонны думать, что, дабы выиграть свое дѣло въ судѣ, нужно прежде всего заплатить судьѣ[3]). Они также мало довѣряютъ полиціи, а встрѣтиться ночью со стражей имъ чуть ли не также страшно, какъ съ ворами[4]). Прелестный разсказъ объ Эфесской матронѣ доказываетъ, что они не особенно высоко цѣнятъ женскую вѣрность, думая, что всякая неутѣшная вдова вовсе не прочь утѣшиться.

[1]) Свет., *Неронъ*, 26.
[2]) Тац., *Ann.*, XV, 37.
[3]) *Sat.*, 14.
[4]) *Id.*, 15.

Они также нисколько не церемонятся пошутить надъ религіей; одна благочестивая обитательница Кампаніи не безъ улыбки говоритъ, что «ея страна такъ полна божествами, что тамъ легче встрѣтиться съ богомъ, чѣмъ съ человѣкомъ», и что она на колѣняхъ проситъ открыть ей непроницаемыя тайны, «которыя были бы извѣстны не болѣе, какъ тысячѣ человѣкъ[1])». Въ этомъ романѣ, столь мало нравственномъ по существу, постоянно заходитъ рѣчь о нравственности; въ немъ нерѣдко встрѣчаются страницы, какъ будто заимствованныя изъ посланій Сенеки[2]); но всѣ эти философскія размышленія часто занимаютъ такое странное мѣсто, что по всей очевидности авторъ относится къ нимъ несерьезно. Очень часто такія нравственныя сентенціи опровергаются весьма вѣскимъ образомъ. Трималхіону хочется на минуту растрогаться судьбою рабовъ: это считалось тогда хорошимъ тономъ. «Вѣдь они люди, говоритъ онъ, и вскормлены тѣмъ же молокомъ, что и мы[3])». Это однако не мѣшаетъ ему нѣсколько позднѣе пригрозить одному изъ своихъ служителей сжечь его живьемъ за какую то погрѣшность[4]).

Манера писать также свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ — свѣтскій человѣкъ. Съ такою добросовѣстностью воспроизводя народныя выраженія во всей ихъ милой некорректности, нашъ романистъ пользуется въ высшей степени тонкимъ и нюансированнымъ языкомъ, когда онъ повѣствуетъ отъ своего имени; Юстусъ-Липсіусъ говоритъ по этому поводу, что никогда никто такъ чисто не писалъ некорректностей (*auctor purissimae impuritatis*). Стиль Петронія дѣлается особенно гибкимъ и колоритнымъ, когда заходитъ рѣчь о женщинахъ и любви. Во всей латинской литературѣ нѣтъ ничего граціознѣе, чѣмъ разсказъ о приключеніяхъ Поліена и Цирцеи; но въ этой граціи есть извѣстная доля манерности и жеманности. Чувствуется вліяніе свѣтскаго общества, замѣтна привычка изощрять свои мысли и выражать нѣжныя понятія въ остроумной формѣ,—привычка, свойственная умнымъ людямъ при

[1]) *Sat.*, 17.
[2]) Напр. соображенія по поводу смерти Лихаса (*Sat.*, 115) очень напоминаютъ размышленія Сенеки по поводу смерти Корнелія Сенеціона (*Epist.*, 101).
[3]) *Sat.*, 71: *et servi homines sunt et bundem lactem eiberunt.* Какъ видно Петроній не заставляетъ Трималхіона говорить безукоризненнымъ языкомъ.
[4]) *Sat.*, 78.

взаимномъ общеніи. «Отличительная черта Петронія, говоритъ С.-Эвремонъ, заключается въ томъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ одъ Горація, Петроній можетъ быть единственный писатель во всей древности, который умѣлъ говорить галантныя вещи». Это дѣйствительно была новость, и С.-Эвремонъ справедливо говоритъ, что у Вергилія напр. «нѣтъ ничего галантнаго»; онъ изображалъ страсть со всею ея правдою и силою; Петроній рисуетъ ее ослабленною и обезсиленною отъ привычки совмѣстной жизни и отъ свѣтской условности. Его влюбленные всегда настолько владѣютъ собою, что сохраняютъ остроуміе даже въ самые нѣжные моменты; они выражаются съ тѣмъ оттѣнкомъ преувеличенія, который нельзя себѣ представить безъ улыбки и который звучитъ легкой ироніей. Когда Поліенъ видитъ Цирцею въ первый разъ, онъ ослѣпленъ ея красотой, что не мѣшаетъ ему подробно ее описывать. «Нѣтъ словъ, говоритъ онъ, которыя могли бы описать ее въ точности. Волоса ея, волнистыя по природѣ, падали крупными кольцами на ея плечи. Ея лобъ былъ малъ[1]) и обрамлялся волосами, которые она подымала вверхъ. Глаза ея блестѣли, какъ звѣзды въ безлунную ночь; ноздри ея были слегка выгнуты, и ея граціозное маленькое личико походило на лицо Діаны, какимъ его изобразилъ Пракситель. Что сказать о ея подбородкѣ, о ея шеѣ, о ея рукахъ, о бѣлизнѣ ея ногъ, которая блестѣла сквозь золотыя повязки ея обуви? Она затмевала Паросскій мраморъ[2])». Оправившись нѣсколько отъ своего удивленія, Поліенъ приближается къ ней и произноситъ слѣдующія изысканныя слова, которыя и Расинъ охотно повторилъ бы, обращаясь къ прекрасному полу: «Прошу тебя во имя твоей красоты, не отвергни принять чужестранца въ число твоихъ обожателей. Ты найдешь его набожнымъ (къ твоей красотѣ), если поз-

[1]) Одинъ изъ переводчиковъ Петронія, Нодо, указываетъ по этому поводу, что небольшой лобъ считался древними за элементъ красоты и что они считали это даже признакомъ ума. Онъ прибавляетъ: „Если послушать нашихъ современниковъ, то можно было бы подумать, что мнѣніе относительно этого предмета измѣнилось; но люди съ хорошимъ вкусомъ думаютъ все по прежнему. Мы полюбопытствовали даже спросить объ этомъ нѣсколькихъ изъ первоклассныхъ красавицъ Франціи, изъ числа самыхъ умныхъ и любезныхъ; онѣ увѣрили насъ, что большой лобъ есть значительный недостатокъ“.
[2]) *Sat.*, 126.

волишь себя обожать[1])». Надо думать, что такимъ остроумнымъ и жеманнымъ языкомъ говорили въ обществѣ Поппеи.

Заключенія, къ которымъ мы пришли послѣ разсмотрѣнія *Satiricon*'а, быть можетъ удивятъ кого нибудь. Критики древности не такъ судили о произведеніи Петронія, какъ мы, и высказывали о немъ другое мнѣніе. Ихъ приводилъ въ заблужденіе разсказъ Тацита, который нельзя забыть. Они все думали о сатирѣ, которую Петроній написалъ своей рукою въ послѣднія минуты жизни, чтобы отомстить императору, осудившему его на смерть. Невозможно было конечно отожествлять ее съ романомъ, отъ котораго намъ остались такіе длинные отрывки, и который не могъ быть написанъ въ одинъ день; но критиковъ увлекала мысль, что романъ и сатира, принадлежа одному и тому же писателю, были составлены въ томъ же духѣ, и что въ обоихъ «авторъ хотѣлъ описать распутства Нерона, и что императоръ былъ главнымъ объектомъ его насмѣшки въ обоихъ». По нашему мнѣнію, отъ такого воззрѣнія нужно отказаться. *Satiricon* не есть оппозиціонное произведеніе; невозможно думать, подобно С.-Эвремону, что «посредствомъ ловкаго расположенія различныхъ дѣйствующихъ лицъ Петроній затрогиваетъ здѣсь разные дерзкіе поступки императора и обычную безпорядочность его жизни». Лица, изображенныя авторомъ въ смѣшномъ видѣ, вовсе не императоръ, а также не его друзья, но скорѣе люди, нелюбимые императоромъ, надъ которыми смѣялись въ его кругу; Петроній написалъ свою книгу не «въ періодъ скрытаго недовольства»; она напротивъ относится къ эпохѣ его милости. Она не имѣла цѣлью удовлетворить злобному чувству салонныхъ политиковъ, которые исподтишка передавали другъ другу и поглощали подозрительныя произведенія: она была написана для того, чтобы ее читали при дворѣ, въ кругу умныхъ развратниковъ и элегантныхъ кутилъ, окружавшихъ Нерона и Поппею; своимъ произведеніемъ Петроній имѣлъ въ виду, также какъ вольноотпущенникъ Парисъ, «разбудить у государя вкусъ къ наслажденію[2])».

Не надо однако идти слишкомъ далеко; съ подобными умными

[1]) *Sat.* 127. *ego per formam tuam te rogo, ne fastidias hominem peregrinum inter cultores admittere; invenies religiosum, si te adorari permiseris.*

[2]) Тац., *Ann.*, XIII, 20: *solitus luxus principis intendere.*

людьми надо стараться не усиливать оттѣнковъ. Они такъ гибки, ловки и изворотливы, такъ умѣютъ примѣниться къ свѣту и къ жизни, что имъ удается избѣгать крайностей и соединять противоположности. Такимъ образомъ Петроній съумѣлъ къ своей лести примѣшать нѣкоторую независимость. Несомнѣнно было бы несправедливо его смѣшивать съ такими лицами, какъ Парисъ, Ватиній, Тигеллинъ, со всѣми заурядными злодѣями, готовыми все сдѣлать и все стерпѣть, которыми по словамъ Тацита, дворъ Нерона былъ полонъ болѣе, чѣмъ всякій другой. Твердость Петронія въ моментъ смерти выдѣляетъ его изъ ихъ среды, и даже *Satiricon*, если прочесть его внимательно, даетъ намъ лучшее понятіе объ авторѣ. Замѣчательно, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ хочетъ угодить императору, онъ ни на минуту не прекращаетъ иронизировать. Выведенный имъ противникъ Лукана, передѣлывающій *Фарсалію*, изображенъ смѣшнымъ поэтомъ, котораго дѣти преслѣдуютъ камнями, когда онъ показывается подъ портиками; онъ такъ занятъ писаніемъ стиховъ на кораблѣ во время бури, что не замѣчаетъ грозящей ему гибели, и встрѣчаетъ ругательствами тѣхъ, которые прерываютъ его, чтобы спасти. Не изъ хитрости ли выбралъ онъ такую ничтожную личность тамъ, гдѣ могло быть замѣшано самолюбіе императора? Можно было бы сказать, что Петроній самъ старается внушить намъ недовѣріе къ своей лести, желая дать понять, что его услужливость не такъ безусловна и безгранична, какъ у другихъ? Это намѣреніе, правда, робкое и замаскированное, просвѣчиваетъ не столько въ томъ, что онъ говоритъ, сколько въ томъ, чего онъ не высказываетъ. Онъ тонко хвалитъ нѣкоторые изъ талантовъ Нерона, которыми послѣдній такъ тщеславился, но есть и такіе, о которыхъ Петроній не говоритъ ни слова. Въ своемъ романѣ, который всего касается, ни разу не упоминается о театрѣ, ни разу не встрѣчается намека на извѣстную манію императора появляться на сценѣ и принимать вѣнки за свое пѣнье въ лирическихъ драмахъ.

Такое молчаніе вызываетъ серьезное удивленіе. Неронъ ничѣмъ такъ не гордился, какъ своими тріумфами въ качествѣ музыканта и пѣвца. Придворные хорошо знали это и безпрестанно приносили жертвы богамъ, моля ихъ «о сохраненіи его божественнаго голоса». Когда послѣ нѣкотораго колебанія, поощряемый сервилизмомъ общества, Неронъ отважился

выступить въ одномъ изъ театровъ, это носило характеръ важнаго событія въ Римѣ. Не надо думать, что всѣ отнеслись сурово къ такой фантазіи: общественное мнѣніе раздѣлилось, и даже въ самой образованной части общества Неронъ нашелъ сочувствующихъ. Недавно открытое маленькое стихотвореніе того времени [1]) изображаетъ намъ императора во время одного изъ такихъ торжественныхъ представленій, поющимъ на сценѣ въ полномъ театральномъ одѣяніи свои «Троянскія пѣсни». «Таковъ былъ Фебъ, говоритъ поэтъ, когда, радуясь смерти змѣя, онъ славилъ свою побѣду, ударяя своимъ смычкомъ по искусной лирѣ». Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Дочери Піэра, взмахните крылами и какъ можно скорѣе летите къ намъ; здѣсь отнынѣ возвышается Геликонъ; здѣсь вы найдете своего Аполлона. И ты, священный градъ, Троя, гордись своимъ разореніемъ и съ гордостью укажи это стихотвореніе родинѣ Агамемнона. Твои несчастія наконецъ получили возмездіе. Возрадуйтесь, развалины, и благодарите свою печальную судьбу; вотъ потомокъ Троянцевъ воздвигаетъ васъ изъ пепла»! Можетъ быть скажутъ, что это не болѣе, какъ поэтическая лесть; изъ примѣровъ Марціала и Стація извѣстно, что они не щадили похвалъ Цезарямъ, менѣе всего того достойнымъ; но между тѣми, которые снисходительно отнеслись къ театральной страсти императора, были и очень серьезныя лица. Вначалѣ его царствованія, Сенека написалъ стихи, въ которыхъ Аполлонъ говоритъ о семнадцатилѣтнемъ императорѣ: «Онъ похожъ на меня лицомъ и красотой; своимъ пѣніемъ и голосомъ онъ равняется со мною» [2]). Подобныя неосторожныя похвалы могли поощрять Нерона въ его нелѣпыхъ выходкахъ; естественно было, что онъ не хотѣлъ оставить для себя одного свои таланты, которыми его друзья безпрерывно восторгались, а стремился доставить наслажденіе ими всему свѣту. Когда онъ рѣшился на это, онъ пожелалъ выступить на сценѣ въ сопровожденіи своихъ двухъ министровъ, Сенеки и Бурра, чтобы въ актерѣ публика узнала императора, и добился отъ нихъ согласія, чтобы они подали всѣмъ зрителямъ знакъ къ аплодисментамъ. Тацитъ разсказываетъ,

[1]) Двѣ эклоги, найденныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ библіотекѣ Эйнзидельнскаго монастыря. Онѣ отпечатаны въ *Латинской Антологіи*, изд. Ризе. №№ 725 и 726.

[2]) *Ludus de morte Caesaris*, 4, 1.

что Бурръ аплодировалъ, не переставая стонать (*maerens Burrhus ac laudans*) [1]); но онъ былъ старый солдатъ, который никогда не умѣлъ стать порядочнымъ придворнымъ: Сенека же вѣроятно аплодировалъ охотнѣе. Что касается Грековъ, которые толпились на подобныхъ зрѣлищахъ, то они относились съ такимъ почтеніемъ ко всему, касающемуся театра, что ихъ не могло удивить появленіе императора—актера [2]): поэтому то они, слушая его, выражали такое сильное восхищеніе, такой шумный энтузіазмъ, что Неронъ провозгласилъ ихъ самыми тонкими знатоками въ свѣтѣ и наиболѣе достойными слушать и судить его. Возмущались лишь старые Римляне, упорно остававшіеся вѣрными традиціямъ прошлаго; они имѣли такое высокое мнѣніе о верховной власти и такое презрѣніе къ комедіантамъ, и выше всѣхъ добродѣтелей ставили почтеніе къ внѣшнему *decorum*. То, что на насъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ своею смѣшною стороной, имъ казалось великимъ безчестіемъ, и Ювеналъ является точнымъ истолкователемъ ихъ чувствъ, когда онъ съ большею суровостью упрекаетъ Нерона за то, что онъ показывался на сценѣ, чѣмъ за убійство матери. На чью сторону становился Петроній среди такихъ разнорѣчивыхъ мнѣній? Онъ этого не высказываетъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной намъ части своей книги, гдѣ онъ имѣлъ случай высказать столько другихъ вещей. Итакъ, если въ романѣ, написанномъ съ цѣлью доставить удовольствіе государю и «разбудить въ немъ жажду наслажденія», Петроній ни словомъ не намекаетъ на его безумную страсть къ театру, то надо думать, что онъ не одобрялъ ее. Молчаніе конечно есть весьма робкій протестъ, но и этого достаточно, чтобы Петроній явился передъ нами въ лучшемъ свѣтѣ. Посреди концерта всеобщихъ похвалъ и молчаніе составляетъ уже, быть можетъ, нѣкоторую заслугу; отсюда не очень рискованно будетъ заключить, что этотъ умный человѣкъ долженъ былъ сохранять извѣстное достоинство въ своихъ отношеніяхъ съ такимъ страшнымъ, требовательнымъ и подозри-

[1]) Въ развалинахъ одного маленькаго городка Малой Азіи найдено постановленіе мѣстнаго населенія въ честь чужестранныхъ пословъ, которые пѣли публично, аккомпанируя себя на китарѣ. То что считалось похвальнымъ со стороны пословъ не могло особенно шокировать въ императорѣ (Vaddiengton, *Insc. de l'Asie Mineure*, № 81).

[2]) *Ann.*, XIV, 15.

тельнымъ повелителемъ, какимъ былъ Неронъ, что, будучи фаворитомъ императора, онъ не соглашался огуломъ поощрять всѣ его капризы, и наконецъ, что онъ не сталъ дожидаться смерти, чтобы показать себя болѣе стойкимъ и гордымъ, чѣмъ всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ служили и льстили.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводъ, что произведеніе Петронія не было прямой сатирой на дворъ Нерона; но, хочетъ ли этого авторъ или нѣтъ, его книга дастъ намъ самое неблагопріятное понятіе объ императорѣ и его друзьяхъ. При чтеніи Петронія, складывается крайне печальное мнѣніе о томъ обществѣ, съ котораго онъ списывалъ свои картины, и которому онъ хотѣлъ нравиться. *Satiricon* есть такого рода произведеніе, что невозможно дать о немъ полное понятіе читателю, сколько нибудь уважающему самого себя. За исключеніемъ цитированныхъ или разсказанныхъ мѣстъ, остальное не поддается разбору. Какъ излагать сцены, гдѣ авторъ съ удовольствіемъ описываетъ все, что обыкновенно стараются скрыть, гдѣ безнравственность какъ бы приправлена и подчеркнута изяществомъ, гдѣ самыя противоестественныя страсти выражены такимъ живымъ и естественнымъ тономъ? Очевидно, тотъ міръ, гдѣ такія вещи могли говориться и слушаться, безъ стѣсненія, былъ отличенъ отъ нашего міра. Мы конечно не хотимъ утверждать, что во времена Нерона всѣ жили такъ, какъ Энколпъ и Асцилтъ; весьма вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, романисты болѣе склонны были къ изображенію исключительнаго, чѣмъ обычнаго; но, если нравы, описываемые Петроніемъ, не принадлежали всему современному ему обществу, то все же это общество развлекалось его разсказами, которые позволяютъ по крайней мѣрѣ судить, какимъ оно обладало нездоровымъ любопытствомъ и развращеннымъ воображеніемъ.

Петроній обозначаетъ кульминаціонный пунктъ римской безнравственности, такъ какъ Тацитъ говоритъ, что, начиная съ Веспасіана, вошло въ привычку жить проще, и нравы установились болѣе порядочные. Но и среди такой развращенности оставались еще честные люди; чтобы быть справедливыми, мы не должны забывать, что въ тотъ моментъ, когда Петроній сочинялъ свой непристойный романъ, Сенека писалъ свои прекрасныя философскія произведенія, такъ что

рядомъ съ болѣзнью находилось и лѣкарство. Та эпоха, гдѣ страннымъ образомъ перемѣшивались добродѣтели и пороки, великія теоріи и мелкія страсти, тонко обдуманная мораль и низкая безнравственность, невольно наводитъ на мысль о французскомъ обществѣ прошлаго вѣка. И тутъ случалось, что люди «видѣли добро, а дѣлали зло», и что легкость нравовъ соединялась со строгостью принциповъ. Сколько легкомыслія и вмѣстѣ серьезности! Какой контрастъ въ рѣчахъ свѣтскихъ людей между возвышенностью идей и цинизмомъ выраженій! Сколько слабостей, сколько скандальныхъ эпизодовъ въ собраніяхъ, гдѣ слово добродѣтель не сходило съ языка! Какой диссонансъ между поведеніемъ и доктринами у великихъ писателей, которые поучали своихъ современниковъ! И все же это общество, которое кажется намъ иногда такимъ пустымъ и развращеннымъ, было, можетъ быть, въ сущности болѣе моральнымъ въ силу сознанія, что ему принадлежитъ справедливость и право, чѣмъ предшествовавшее ему общество, которое считается такимъ строгимъ; во всякомъ случаѣ можно сказать, что оно болѣе послужило человѣчеству. То же самое надо сказать и о римскомъ мірѣ во второмъ вѣкѣ; при всѣхъ ошибкахъ и преступленіяхъ, которыя мы не желаемъ оправдывать, несмотря на то, что практика часто противорѣчила теоріямъ, общество того времени двигалось къ лучшему соціальному строю. Въ это время стали помышлять о томъ, чтобы сгладить старыя несправедливости, которыхъ не замѣчали предъидущіе вѣка; замѣчается забота объ облегченіи судьбы раба, о поднятіи положенія женщины, о помощи бѣднымъ, о лучшемъ воспитаніи дѣтей. Теченіе такъ сильно, что самые дурные императоры не могутъ ему противостоять. Начиная съ Августа до Константина, законодательство съ каждымъ днемъ становится справедливѣе и человѣчнѣе. Тиберій, Неронъ, Домиціанъ издаютъ превосходные законы, которые заняли мѣсто въ кодексахъ христіанскихъ государей. Можно было бы сказать, что моральный прогрессъ является неизбѣжной необходимостью, если онъ совершается при помощи такихъ недостойныхъ орудій. Справедливое сужденіе объ этой эпохѣ можно произнести только при томъ условіи, чтобы отмѣтить все хорошее и дурное, что въ ней встрѣчается, и вслушаться въ противорѣчивые голоса, которые говорятъ намъ объ ея порокахъ и добродѣтеляхъ. Не забудемъ, что это—время Петронія и

Сенеки. Изъ нихъ обоихъ Сенека имѣетъ конечно большее значеніе: ему принадлежитъ будущность, и міръ пойдетъ по тому пути, по которому онъ шелъ. Но не надо пренебрегать и Петроніемъ; зная, какое положеніе онъ занималъ около императора и съ какимъ намѣреніемъ онъ писалъ, зная, что *Satiricon* долженъ былъ быть любимымъ чтеніемъ императора и его друзей, мы склонны обращать большее вниманіе на легкіе разсказы, которые въ немъ содержатся; изъ него мы узнаемъ тысячи любопытныхъ подробностей, о которыхъ исторія не удостаиваетъ говорить; при помощи его мы проникаемъ въ темные уголки данной эпохи, которые она неохотно открываетъ послѣдующимъ поколѣніямъ, и которые становятся такъ интересны, когда эта эпоха отходитъ въ прошлое; однимъ словомъ, изъ романа Петронія можно извлечь такуюже выгоду, какъ изъ романовъ Дидро и Кребилльона, которые завершаютъ въ нашихъ глазахъ картину общества восемнадцатаго столѣтія.

ГЛАВА VI.

Оппозиціонные писатели.

Въ общемъ, литература временъ имперіи была благопріятна цезарямъ. Особенно поэты у которыхъ обыкновенно не было другихъ средствъ къ существованію, кромѣ щедротъ государя, не жалѣли ему лести. Въ своихъ похвалахъ по отношенію къ нему они не знали мѣры. Имъ ничего не стоило пожертвовать всѣмъ прошлымъ во славу императора и повергнуть почтенныхъ героевъ республики къ ногамъ Нерона или Домиціана. Совершенно также неумѣли себя сдерживать и историки вродѣ Велея Патеркула, или Валерія Максима и даже Сенека, самый популярный изъ философовъ того времени, хоть и нападаетъ иногда на цезарей, но всецѣло стоитъ на сторонѣ цезаризма. Были однако недовольные и въ литературѣ: три величайшіе писателя того времени, Луканъ, Тацитъ и Ювеналъ, справедливо считаются врагами императоровъ. Отъ ихъ произведеній несомнѣнно получается

впечатлѣніе, неблагопріятное для имперіи; но не всѣ трое въ одинаковой степени враждебны ей, и въ оппозиціи каждаго изъ нихъ есть характерныя отличія. Постараемся опредѣлить относительно каждаго изъ нихъ, до какого предѣла простиралась ихъ оппозиція, каково было ея происхожденіе, какой она носила характеръ, и что мы можемъ узнать изъ нея о настроеніи ихъ современниковъ.

I.

Луканъ.—Характеръ первыхъ книгъ *Фарсаліи*.—Ссора Лукана съ Нерономъ.—Характеръ его послѣднихъ книгъ.—Заговоръ.

Извѣстно, что Луканъ не былъ республиканцемъ по рожденію. Въ моментъ, когда онъ надѣлъ мужскую тогу, дядя его Сенека, воспитавшій Нерона, помогалъ править имперіей; его отецъ, Анней Мела былъ «прокураторъ», т. е. интендантъ императора; онъ нажилъ большое состояніе на различныхъ финансовыхъ должностяхъ. Самъ Луканъ оканчивалъ свое образованіе въ Аѳинахъ, когда Неронъ вызвалъ его назадъ, чтобы включить его въ число своихъ друзей. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ довѣреннымъ или давать ему на исправленіе свои стихи, которые онъ имѣлъ манію писать [1]).

Неронъ тогда только что умертвилъ свою мать и считалъ себя отнынѣ свободнымъ отъ всякихъ тревогъ; онъ безъ удержу отдавался своимъ капризамъ: онъ правилъ колесницами въ циркахъ, пѣлъ въ театрахъ, давалъ народу постыдные праздники, гдѣ могли найти удовлетвореніе всѣ развратные вкусы. Луканъ безъ сомнѣнія былъ участникомъ этой жизни, полной развлеченій. Какое зрѣлище и какая опасность для двадцатилѣтняго юноши, которому природа дала пылкое воображеніе, слабое сердце и неуравновѣшенный умъ! Есть основаніе думать, что онъ не противостоялъ окружавшимъ его опаснымъ соблазнамъ. Когда Неронъ придумалъ ввести въ Римѣ греческія игры (*Neronia*), гдѣ происходили состязанія въ пѣніи и въ ораторскомъ искус-

---

[1]) Тац., *Ann. XIV*, 16: *carminum quoque studium affectavit, contractis quibus aliqua pangendi facultas*.

ствѣ, Луканъ записался въ число состязающихся; онъ выступилъ въ театрѣ Помпея и конкурировалъ на призъ хвалебной поэмой въ честь императора [1]). Въ награду онъ былъ назначенъ авгуромъ и квесторомъ раньше требуемаго возраста; когда онъ въ качествѣ таковаго устроилъ игры, то, говорятъ, народъ встрѣтилъ его такими апплодисментами, какими нѣкогда встрѣчали Вергилія.

Въ это именно время онъ началъ писать *Фарсалію*. Выборъ такого сюжета казался очень страннымъ со стороны фаворита императора, такъ что въ этомъ фактѣ хотѣли подмѣтить нѣкоторый оттѣнокъ оппозиціи. Намъ кажется теперь, что тогда никому не должны были позволять касаться такихъ опасныхъ воспоминаній, и что надо было быть врагомъ императора, чтобы рѣшиться разсказывать про кровавыя столкновенія, положившія начало имперіи. Но это ошибка; въ дѣйствительности о нихъ говорили свободнѣе, чѣмъ мы думаемъ. Риторы въ этихъ событіяхъ искали темъ для школьныхъ декламацій, историки повѣствовали о нихъ, поэты со временъ Августа воспѣвали ихъ въ своихъ стихахъ, и никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Всеуспокаивающее время охладило воспоминанія о страстной борьбѣ. Самъ Калигула велѣлъ переиздать произведеніе Кремуція Корда, считавшееся столь опаснымъ во времена Тиберія, гдѣ Брутъ и Кассій названы послѣдними римлянами. Такимъ образомъ можно было разсказывать про борьбу Помпея и Цезаря, не навлекая на себя репутацію неблагонадежности, и даже при дворѣ императора не считалось непростительной смѣлостью избирать такой сюжетъ для эпической поэмы. Это соображеніе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что *Фарсалія* была посвящена Нерону, — поэтъ хотѣлъ, чтобы она появилась подъ его покровительствомъ. Эпопея Лукана, которая въ концѣ должна была служить для прославленія республики, начинается вопіющею похвалою императору: горько оплакавши междоусобную войну, Луканъ вдругъ спохватывается и торжественно возглашаетъ, что нужно простить ей и даже быть благодарнымъ, потому что она подготовила восшествіе на престолъ Нерона. «Всѣ преступленія, говоритъ онъ, всѣ

[1]) См. біографіи Лукана, собранныя Рейффершейдомъ (*Suetoni reliq.* стр. 50 и 76), и диссертацію Генте, *De Lucani vita et scriptis*, Берлинъ, 1859).

бѣдствія нравятся намъ, если они вознаграждены такой цѣной.» Затѣмъ онъ возвѣщаетъ императору его апоѳеозъ и заранѣе воспѣваетъ его какъ божество. Онъ изображаетъ, какъ Неронъ возносится къ звѣздамъ, когда его задача на землѣ будетъ окончена; небеса ликуютъ отъ радости принять его въ свои сферы, а боги ухаживаютъ вокругъ своего новаго коллеги, состязаясь въ предупредительности, чтобы угодить ему, отдаютъ ему свои прерогативы и позволяютъ ему выбирать на Олимпѣ мѣсто и занятія по своему вкусу [1]). Такая смѣшная лесть, которою столько попрекали Лукана, показываетъ намъ, какъ онъ дорожилъ въ то время милостями своего повелителя. Онъ безъ сомнѣнія не былъ бы такъ неостороженъ, чтобы воспѣвать гражданскую войну, еслибъ онъ думалъ, что это могло бы задѣть императора и его друзей. Такимъ образомъ позволительно предположить, что избранный имъ сюжетъ самъ по себѣ не внушалъ подозрѣнія и не компрометтировалъ автора, взявшагося за его обработку.

Но надо сказать, что очень легко было скомпрометтировать самого себя, трактуя такой сюжетъ. Самый предметъ подавалъ массу поводовъ къ намекамъ и сближеніямъ; ничего не стоило обратить воспоминанія въ эпиграммы и подъ видомъ разсказовъ о прошломъ критиковать настоящее. Луканъ не отказалъ себѣ въ такомъ удовольствіи, но только въ послѣдней части своего произведенія. Первыя три книги, именно тѣ, которыя были посвящены Нерону, которыя послѣдній несомнѣнно слышалъ въ чтеніи, носятъ не совсѣмъ одинаковый характеръ съ остальнымъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что онѣ не содержали ничего, что могло бы не понравиться императору.

Дѣйствительно, замѣтимъ, что въ началѣ *Фарсаліи*, указывая тенденцію и духъ своего произведенія, онъ не говоритъ ни одного слова, въ которомъ бы сказалось его недовольство. О республикѣ не высказывается никакого сожалѣнія: авторъ не упрекаетъ Цезаря за ея ниспроверженіе и не хвалитъ Помпея за ея защиту. Въ изображеніи прежняго правленія не видно желанія, чтобы это правленіе было сохранено. Онъ сильными чертами рисуетъ всѣ его злоупотребленія, «безпрестанно нарушаемые законы, консуловъ и трибуновъ, состязающихся въ несправедли-

[1]) *Phars.*, I, 23 и 59.

вости, инсигніи, покупаемыя цѣною денегъ, и происки, эту общественную чуму, возобновлявшую ежегодную торговлю продажными должностями на Марсовомъ полѣ [1])». Народъ, который такъ дурно пользуется своей свободой, достоинъ того, чтобъ ее потерять, и нельзя даже желать, чтобы онъ сохранилъ ее, или сердиться на того, кто ее отнимаетъ. Итакъ Луканъ сначала повидимому не интересовался политическимъ вопросомъ; самое дѣло, изъ за котораго столкнулись враждующія стороны, кажется ему въ сущности безразличнымъ. Безъ сомнѣнія, онъ и въ первыхъ книгахъ не цезарьянецъ, какъ утверждали нѣкоторые [2]), но онъ также и не на сторонѣ Помпея. Онъ не хочетъ сдѣлать выбора между обоими соперниками. Портреты ихъ, нарисованные имъ во вступленіи къ поэмѣ, вовсе не прикрашены. Онъ восхищается дѣятельнымъ характеромъ Цезаря, но онъ изображаетъ эту дѣятельность злою силой, которая стремится только къ разрушенію [3]): такъ молнія вырывается съ грохотомъ изъ тучи и сѣетъ обломки на своемъ пути. Слабыя стороны Помпея изображены также безъ всякаго пристрастія: въ то время какъ Цезарь оканчиваетъ завоеваніе Галліи, безтактный Помпей остается въ Римѣ въ неблагодарной роли полицейскаго, возбуждая противъ себя яростную ненависть, и уменьшаетъ свой престижъ, давая наблюдать себя черезчуръ близко. Наканунѣ того дня, когда война должна была рѣшить судьбу имперіи, «онъ разучивается военному ремеслу.» Онъ думаетъ, что его любятъ, потому что онъ окруженъ льстецами; онъ считаетъ себя могущественнымъ, потому что чернь рукоплещетъ при его появленіи въ театрѣ, «но онъ уже не болѣе, какъ тѣнь великаго имени.» Таково нелестное отношеніе Лукана къ обоимъ. Еще болѣе характерно, что онъ не хочетъ рѣшить, на чьей сторонѣ была справедливость.—*Quis justius induit arma? Scire nefas* [4]).—Онъ старается не становиться ни на чью сторону, или скорѣе онъ противникъ той и другой партіи. Онъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе то, что они прибѣгали къ оружію, онъ не можетъ простить имъ, что «они доставили міру зрѣлище могущественнаго народа, который

[1]) *Phars.*, I, 180.
[2]) Bernhardy, *Grundriss der Röm litt.* стр. 487: *anfangs als Caesarianez.*
[3]) *Phars.*, I, 150: *gaudensque viam fecisse ruina.*
[4]) I, 126.

обращаетъ мечъ противъ собственныхъ нѣдръ, зрѣлище братскихъ армій, которыя бьются другъ противъ друга съ нечестивой яростью.» Такимъ образомъ гнѣвъ Лукана въ началѣ его произведенія возбуждается не потерей свободы, а междоусобной войной. Негодованіе поэта не дѣлаетъ различія между обѣими партіями, которыя бьются «съ нечестивою яростью,» и, такъ какъ и тѣ и другіе виновны въ томъ, что вооружились другъ противъ друга, то преступленіе кажется автору равнымъ съ той и съ другой стороны.

Эти чувства принадлежатъ не только Лукану; со временъ Августа таковы были мнѣнія и императора и двора. Хотя Августъ всѣмъ былъ обязанъ Цезарю, но всетаки онъ не хотѣлъ считаться безусловнымъ цезарьянцемъ. Ему несомнѣнно казалось, что осуждая побѣдителей и побѣжденныхъ, онъ ставитъ свою власть выше партій и внѣ всякихъ революцій. Онъ былъ революціонеромъ, когда надо было добиваться императорской власти, и сталъ консерваторомъ, чтобы ее сохранить: такова обыкновенная тактика властолюбцевъ, когда ихъ замыселъ приведенъ уже въ исполненіе. Въ дѣйствительности же Августъ изъ междоусобной войны, которая завоевала ему тронъ извлекалъ выгоду; но не желая поощрять другихъ въ подражаніи себѣ, боясь, чтобы его примѣръ не обратился противъ него же, онъ осуждалъ въ принципѣ гражданскую войну. Онъ не запрещалъ своимъ лучшимъ друзьямъ порицать прошлое, чтобы упрочить настоящее. Онъ позволялъ своему поэту Горацію торжественно объявить, что третій тріумвиратъ, гдѣ онъ участвовалъ съ Лепидомъ и Антоніемъ, былъ гибельнымъ для республики [1]); онъ не былъ въ претензіи на то что Вергилій низвергъ въ Тартаръ «солдатъ, которые принимали участіе въ братоубійственныхъ войнахъ [2])» т. е. тѣхъ, которые умерли за Августа при Филиппахъ. Онъ конечно одобрилъ бы Лукана, еслибъ слышалъ, какъ онъ обращается къ обѣимъ арміямъ: «Что за ярость, о граждане, что за безумная страсть къ сраженью! Зачѣмъ такъ расточать римскую кровь на глазахъ у вражескихъ народовъ! Въ тотъ моментъ, когда слѣдовало бы исторгнуть у гордаго Вавилона итальянскіе трофеи, когда тѣнь Красса еще бродитъ безъ погребенія и неотомщенная, вы тѣшитесь борьбой, которая никогда не

[1]) *Оды*, II, 1, 3: *gravesque principium amicitias.*
[2]) *Aen.*, VI, 603.

заслужитъ тріумфа [1])!» Вотъ что думали или по крайней мѣрѣ говорили приближенные государя; Луканъ, проклиная гражданскія войны, осуждая одинаково обѣ партіи во имя патріотизма, всецѣло становился на точку зрѣнія ооффиціальныхъ сферъ и императора.

Правда, безпристрастное равновѣсіе, которое онъ, какъ ему кажется, сохраняетъ между обоими соперниками, быстро нарушается, и съ первой же книги *Фарсаліи* онъ какъ будто склоняется въ пользу Помпея. Онъ измышляетъ, что въ тотъ моментъ, когда Цезарь подходитъ къ берегу Рубикона, лежащаго на границѣ его провинціи, Отечество является ему и говоритъ его солдатамъ: «Остановитесь, если вы уважаете законы, если вы еще граждане [2]).» Такъ какъ они не внемлютъ этому голосу, то они являются просто бунтовщиками. Когда, взявши Ариминумъ и обративши въ бѣгство войска своего соперника, Цезарь вступаетъ въ Римъ, который онъ не видалъ втеченіе десяти лѣтъ, поэтъ чувствуетъ и выражаетъ въ прекрасныхъ стихахъ благородное огорченіе: «Боги Олимпа! говоритъ онъ, если бы онъ возвращался въ свое отечество, побѣдивши лишь племена Галліи и Сѣвера, какое было бы то празднество для него! Какія апплодисменты! Какое великолѣпіе!... Какой прекрасный тріумфъ онъ потерялъ, одержавши нѣсколько лишнихъ побѣдъ! [3])» Итакъ онъ осуждаетъ побѣды и находитъ ихъ преступными. Побѣжденный Помпей, принужденный покинуть Италію, кажется ему заслуживающимъ предпочтеніе предъ своимъ побѣдоноснымъ противникомъ. «Онъ уходитъ со своею женой и дѣтьми, онъ влечетъ весь свой домъ въ бой; онъ уходитъ, все еще великій, сопровождаемый цѣлыми націями въ свое изгнаніе [4]). Ясно видно, на чьей сторонѣ его симпатія; онъ только что сказалъ намъ, «что нельзя знать, на чьей сторонѣ была справедливость», и сейчасъ же открыто объявляетъ себя сторонникомъ Помпея. Не слѣдуетъ думать, что такой внезапный, возбуждающій наше удивленіе поворотъ, поражалъ или шокировалъ современниковъ. Общественное мнѣніе высказалось давно: оно стояло за Помпея и не скрывало своихъ симпатій.

[1]) *Phars.*, I, 8.
[2]) I, 190.
[3]) III, 73.
[4]) II, 730.

Императоры повидимому не были этимъ недовольны и не считали нужнымъ изгонять воспоминанія о Помпеѣ или защищать славу Цезаря. Въ политику Августа входило отдѣлять свое дѣло отъ дѣла своего предшественника. Цезарь разрушилъ республику. Августъ хотѣлъ прослыть ея возстановителемъ. Онъ постоянно восхвалялъ прошлое, онъ протягивалъ руку побѣжденнымъ въ Фарсальской битвѣ, и, какъ бы въ знакъ примиренія съ ними, онъ позволялъ имъ относиться довольно свободно къ своему побѣдителю. Эти побѣжденные составляли въ Римѣ тотъ большой свѣтъ, который съ теченіемъ времени создавалъ общественное мнѣніе; ихъ настроеніе скоро стало настроеніемъ всего образованнаго общества. Даже въ оффиціальныхъ кругахъ о Цезарѣ или старались ничего не говорить, или говорили дурно.

Со временемъ дошло до того, что великій диктаторъ оказался болѣе недостойнымъ числиться между предками государя; его имени нѣтъ въ надписяхъ, гдѣ Неронъ такъ напыщенно перечисляетъ своихъ предковъ [1]). Даже при дворѣ императоровъ осуждалось то дѣло, за которое онъ боролся; напротивъ, дѣло Помпея безъ колебанія называютъ правымъ такіе два друга имперіи, какъ Сенека и Квинтиліанъ [2]). Луканъ могъ высказываться безбоязненно въ томъ же смыслѣ, какъ они; настроеніе общественнаго мнѣнія было таково, что, даже въ поэмѣ, посвященной преемнику Цезаря, разрѣшалось сурово относиться къ Цезарю, и можно утверждать, что, несмотря на пристрастіе поэта къ Помпею, въ первыхъ трехъ книгахъ *Фарсаліи* нѣтъ ничего, что было бы несвойственно вѣрноподданному.

Въ остальной части поэмы тонъ измѣняется и вѣрноподданный становится ярымъ противникомъ. Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между началомъ и концомъ поэмы поэтъ поссорился съ императоромъ. Политика была совершенно не при чемъ въ ихъ ссорѣ, и ихъ довело до столкновенія одно литературное самолюбіе. Когда Луканъ окончилъ свои первыя три книги, онъ предалъ ихъ гласности, и можно себѣ

[1]) См. Orelli, 728, 732 и 5407. Списокъ предковъ Нерона во всѣхъ оффиціальныхъ надписяхъ прерывается на Августѣ.

[2]) Сен., *De prov.*, III, 14: *toto terrarum orbe* (*Cato*) *pro causa bona tam pertinaciter quam infeliciter militat.* Квинт., XII, 1, 16: *neque spe, neque metu declinatus animus* (*Ciceronis*) *quominus optimis se partilus, id est reipublieae jungeret.*

вообразить, какъ онѣ были встрѣчены. Онъ выбралъ самое вѣрное средство, чтобъ привести въ восторгъ своихъ современниковъ: онъ нравился имъ заразъ и своими достоинствами, и своими недостатками. Читатели удивлялись не только прекраснымъ стихамъ, энергическому чувству, словомъ всей той римской поэзіи, которая такъ выдѣлялась среди прѣсныхъ миѳологическихъ ухищреній подражателей Проперція и Овидія, но восхищались также и гиперболичностью, силою и тонкостями остроумія, введенными въ моду новой школой. Успѣхъ Лукана былъ такъ шуменъ, что Неронъ сталъ ревновать. Говорятъ, когда онъ однажды присутствовалъ на чтеніи *Фарсаліи*, сопровождаемомъ тріумфомъ, онъ внезапно вышелъ, не дождавшись конца, подъ предлогомъ освѣжиться [1]); его конечно привели въ нетерпѣніе апплодисменты, которыми осыпали молодого поэта. Луканъ, оскорбленный такой невѣжливостью, отмстилъ насмѣшками. Онъ осмѣлился пародировать стихи императора, онъ нападалъ на его друзей, онъ преслѣдовалъ даже его самого дерзкими шутками, отъ которыхъ слушателямъ становилось страшно. Неронъ, который хорошо зналъ, умѣлъ найти ему самое чувствительное наказаніе: онъ отвѣтилъ на его остроты лишь тѣмъ, что запретилъ ему на будущее время что бы то ни было читать и публиковать. Нельзя было придумать болѣе жестокой пытки для человѣка, который создалъ себѣ привычку изъ всеобщаго восхищенія. Цицеронъ говоритъ, что невысказанная острота жжетъ ротъ; тѣмъ большее огорченіе доставляютъ поэту стихи, которые не могутъ увидѣть свѣтъ. Луканъ продолжалъ свое произведеніе тайкомъ; за неимѣніемъ другихъ поклонниковъ, онъ очень восхищается самъ собою, но чѣмъ лучше онъ находитъ собственные стихи, тѣмъ болѣе онъ страдаетъ отъ того, что никто кромѣ него ихъ не знаетъ. Дѣйствительно, онъ провозглашалъ, что его созданіе не погибнетъ вопреки усиліямъ его уничтожить. «Моя *Фарсалія* будетъ жить, говорилъ онъ съ побѣдоноснымъ видомъ, и будущія времена не осудятъ ее на забвеніе [2])». Но молодой человѣкъ, увлеченный популярностью, не могъ довольствоваться такой запоздалой славой. Онъ не могъ утѣшиться, поте-

[1]) Reifferscheid, *Suet. reliq.*, стр. 50: *mulla nisi refrigerandi sui causa.*
[2]) *Phars.*, IX, 985.

рявъ апплодисменты читальныхъ залъ. Время только обостряло страданія его оскорбленнаго самолюбія; поэтому по мѣрѣ того, какъ подвигается его поэма, чувствуется, какъ она становится все злѣе и дерзче. На каждомъ шагу встрѣчаются коварные намеки или жестокія издѣвательства противъ ненавистной власти. Онъ насмѣхается надъ «выборами», которые якобы сохраняютъ Римлянамъ тѣнь прежней свободы [1]); онъ смѣется надъ постыдною лестью, которою осыпаютъ императора, забывши, что онъ самъ подавалъ тому примѣръ [2]); апоѳеозъ императора, къ которому поэтъ такъ сочувственно относился въ первыхъ стихахъ *Фарсаліи*, кажется ему кощунственной комедіей, съ тѣхъ поръ какъ императоръ сталъ его врагомъ [3]). Понятно, что нѣтъ больше и рѣчи о той безпартійности, которою онъ кичился въ началѣ своей поэмы. Онъ все придирчивѣе относится къ Цезарю: послѣдній становится какимъ то маніакомъ, который старается заслужить ненависть своихъ согражданъ и былъ бы очень недоволенъ ихъ любовью [4]), онъ въ бѣшенствѣ мечется безъ причины и бросается во всѣ стороны «быстрѣй, чѣмъ тигрица въ моментъ родовъ [5])», онъ, какъ дикарь, радуется, видя потоки крови, онъ счастливъ, созерцая «горы сваленныхъ въ кучу мертвецовъ и умирающихъ», и отрывается отъ этого зрѣлища лишь тогда, когда трупный запахъ прогоняетъ его съ поля битвы [6]).

Вотъ какимъ образомъ Луканъ сдѣлался республиканцемъ: ненависть къ императору сдѣлала его врагомъ имперіи; но надо признать, что онъ въ своей враждѣ откровеннѣе и энергичнѣе, чѣмъ всѣ современники. Когда онъ доходитъ до фарсальскаго пораженія, онъ не можетъ болѣе сдержать порывъ своихъ чувствъ; гнѣвъ и горе внушаютъ ему лучшіе стихи, какіе онъ когда либо написалъ. «Тогда то, говоритъ онъ, свобода покинула насъ и не возвращалась болѣе. Она укрылась по ту сторону Тигра и Рейна, она для насъ потеряна, она стала исключительнымъ достояніемъ Германцевъ и Скифовъ, Италія

[1]) V, 398.
[2]) V, 385.
[3]) VII, 456.
[4]) III, 82.
[5]) V, 405.
[6]) VII, 821.

не знаетъ ея. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы она ея никогда не знала! Римъ, отчего ты не остался въ рабствѣ съ того дня, когда Ромулъ созвалъ воровъ въ твой пріютъ, и вплоть до Фарсальскаго бѣдствія! Я не прощаю обоимъ Брутамъ. Зачѣмъ мы такъ долго жили подъ покровительствомъ законовъ? Зачѣмъ наши года назывались именами консуловъ? Арабы, Персы и всѣ другіе народы Востока счастливѣе насъ: они никогда не знали ничего другого, кромѣ тираніи. Изъ всѣхъ племенъ, подчиненныхъ одному повелителю, мы въ худшемъ положеніи, потому что мы, будучи рабами, краснѣемъ отъ своего рабства [1])!» Какъ мы здѣсь далеки отъ робкихъ чувствъ оппозиціи того времени; ненависть къ настоящему и сожалѣніе о прошломъ никогда въ то время не выражались съ такою силой, и всетаки эти горькія слова не облегчаютъ его сердца. Чувствуется, что онъ хотѣлъ бы перейти отъ словъ къ дѣлу; онъ постоянно взываетъ къ Бруту, какъ человѣкъ, выбравшій его своимъ идеаломъ и рѣшившійся слѣдовать его примѣру. Когда Брутъ передъ Фарсальской битвой покрываетъ свою голову шлемомъ и идетъ навстрѣчу смерти, поэтъ умоляетъ его пощадить себя. «Честь республики, прочувствованно говоритъ онъ ему, лучшая надежда сената, послѣдній носитель имени, славнаго между всѣми во всѣ вѣка, не бросайся безразсудно въ средину битвы». Время еще не настало; прежде чѣмъ умереть, онъ долженъ заколоть великую жертву въ честь свободы [2]). Вмѣстѣ съ Брутомъ, онъ становится отнынѣ его героемъ, и Катонъ не тотъ сухой философъ и резонеръ, котораго представляетъ себѣ Сенека, индифферентно, по его мнѣнію, относившійся къ дѣламъ своей страны, но настоящій Катонъ, который убилъ себя, чтобы не пережить республики. Онъ противополагаетъ его цезарямъ, которымъ расточалось столько лживой лести и которымъ съ такою легкостью удѣляется мѣсто въ небесахъ. Эти почести приличествуютъ одному Катону, жертвѣ Цезаря: «Вотъ настоящій отецъ отечества, говоритъ онъ, вотъ тотъ, котораго Римъ, *сегодня или завтра* сдѣлавшись свободнымъ, помѣститъ въ число боговъ, *nunc, olim, factura deum* [3])!»

Когда онъ писалъ эти стихи въ концѣ своей поэмы и своей жизни,

---

[1]) VII, 431.
[2]) VII, 588.
[3]) IX, 601.

когда онъ назначалъ такой близкій срокъ для освобожденія, онъ безъ сомнѣнія зналъ, что онъ можетъ это исполнить. Съ этого момента, быть можетъ, возникъ уже тотъ крупный заговоръ, который чуть было не освободилъ Римъ отъ Нерона; можетъ быть, Сцевинъ втайнѣ точилъ уже кинжалъ, за которымъ онъ отправился въ храмъ Фортуны. Говорятъ, что Луканъ былъ душою предпріятія и что «онъ всѣмъ обѣщалъ взять на себя нанесеніе удара тирану [1])». Какіе же были дѣйствительные планы этого новаго Брута? Чего хотѣлъ этотъ страстный сторонникъ прежняго правленія, который въ такихъ красивыхъ стихахъ оплакивалъ его паденіе, который торжественно объявлялъ, что «между цезарями и свободой ведется поединокъ безъ пощады [2])». Пользуясь представившимся ему случаемъ, онъ хочетъ конечно навсегда освободить Римъ отъ цезарей и возстановить республику.—Ничуть не бывало; заговорщики не были республиканцами. Тацитъ разсказываетъ, какъ они оплакиваютъ преступленія Нерона и будущее паденіе имперіи; но они не находятъ другого средства выйти изъ такого печальнаго состоянія, какъ выбрать сколь возможно скорѣе человѣка, который исправилъ бы всѣ бѣдствія [3])». Едва двухъ или трехъ изъ нихъ можно назвать врагами имперіи [4]); прочіе не ладили лишь съ императоромъ. Послѣ смерти Нерона они думали лишь о томъ, чтобы посадить другого государя на его мѣсто. Такимъ образомъ поэтъ-патріотъ, самый завзятый, можно сказать, единственный республиканецъ временъ имперіи, потратилъ свою жизнь на предпріятіе, имѣвшее цѣлью продолжить дѣло Августа, на то, чтобы Нерона замѣнить Пизономъ, т. е. китариста замѣнить трагическимъ актеромъ.

---

[1]) Это по крайней мѣрѣ можно заключить изъ очень неясной фразы біографіи Лукана, приписываемой Светонію (Reifferscheid. стр. 51): *usque eo intemperans ut Caesaris caput proximo cuique jactaret.* Можетъ быть, нужно читать: *Se obtruncaturum jactaret.*
[2]) *Phars.*, VII, 695.
[3]) Тац., *Ann.*, XV, 50: *deligendum qui fessis rebus succederet.*
[4]) Тацитъ называетъ между ними Латерана и Вестина; онъ не говоритъ о Луканѣ.

II.

Тацитъ.—Въ чемъ упрекаютъ его произведенія.—Его политическія убѣжденія.—Противоположныя тенденціи, которыя доводятъ его часто до противорѣчія.—Какъ нужно думать о немъ на основаніи его книгъ.

Тацитъ считается рѣшительнымъ и систематическимъ врагомъ имперіи еще болѣе, чѣмъ Луканъ, противорѣчія котораго ни отъ кого не могутъ ускользнуть. Потому ли, что Тацитъ суровѣе говоритъ про Тиберія и Нерона? Но не онъ одинъ такъ относится къ нимъ, другіе писатели того времени снисходятъ къ нимъ не болѣе его. Ни Светоній, бывшій государственнымъ секретаремъ, ни Діонъ Кассій, безукоризненный чиновникъ, столь расположенный къ своимъ повелителямъ, не даютъ болѣе лестныхъ портретовъ этихъ государей, такъ что тѣ, которымъ хочется ихъ реабилитировать, принуждены допустить, что на ихъ счетъ въ древности, всѣ лгали словно сговорившись. Разсказы Тацита запечатлѣваются въ памяти болѣе, чѣмъ разсказы всѣхъ другихъ историковъ, такъ что даже тогда, когда онъ говоритъ то же, что и другіе, вспоминается онъ одинъ. Поэтому только его одного и винятъ въ дурной репутаціи императоровъ; а такъ какъ ихъ преступленія онъ изображаетъ намъ въ такихъ захватывающихъ картинахъ, что кажется, будто его нападки простираются дальше ихъ личностей, а внушаемая имъ ненависть къ цезарямъ распространяется на цезаризмъ, оттого то онъ и сталъ личнымъ врагомъ всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что римская имперія оклеветана. И дѣйствительно, въ наше время затрачено было не мало труда, чтобы сдѣлать Тацита подозрительнымъ и дискредитировать его авторитетъ.

Между упреками, какіе ему дѣлаются, иногда и заслуженно, есть много такихъ, которые относятся не къ нему одному: у него есть много общаго со всѣми историками древности. Всѣ они не тщательнѣе его справлялись съ оффиціальными документами; въ деталяхъ, въ мелочныхъ фактахъ никто изъ нихъ не соблюдаетъ той щепетильной точности, какую мы требуемъ отъ тѣхъ, кто берется разсказывать о прошломъ. Древніе были гораздо менѣе требовательны, чѣмъ мы, ихъ легче было удовлетворить. Такъ какъ исторія была для нихъ прежде всего произведеніемъ краснорѣчія (*opus oratorium*), то они охотно представляли историку тѣ же привилегіи, какъ и оратору: а привилегіи эти простирались весьма далеко. Тотъ, кто говорилъ на форумѣ или въ сенатѣ, не только считалъ себя вправѣ подбирать факты по своей фантазіи и представлять ихъ въ томъ видѣ, какъ ему хотѣлось, но не отказывалъ себѣ даже въ измышленіи лживыхъ, но пріятныхъ мелочей, которыя могли бы послужить въ пользу его кліентовъ и повредить его противникамъ [1]). Риторы учили употреблять такія выдумки кстати, но такъ чтобы онѣ никого не могли поразить; честный Квинтиліанъ съ удовольствіемъ цитируетъ нѣсколько подобныхъ лживыхъ анекдотовъ и не находитъ въ нихъ ничего предосудительнаго, лишь бы они были остроумны и правдоподобны [2]). Несомнѣнно, что увлеченіе краснорѣчіемъ не воспитывало умъ въ набожномъ поклоненіи истинѣ: для исторіи это была плохая школа, а вѣдь большинство историковъ древности прошли черезъ нее. Тациту было за сорокъ лѣтъ, онъ считался однимъ изъ мастеровъ краснорѣчія [3]), когда писалъ *Жизнь Агриколы*,—первый свой историческій трудъ: удивительно ли, что онъ въ зрѣломъ возрастѣ сохранилъ нѣсколько привычекъ, созданныхъ въ юности? Нетрудно было поэтому показать, что въ его историческихъ сочиненіяхъ часто сказывается ораторъ и даже риторъ [4]). Въ нихъ чувствуется нѣкоторая декламація и риторика; Тацитъ ищетъ эффектовъ, случается, что онъ сгущаетъ краски, чтобы получить болѣе сильный рельефъ, иногда онъ ставитъ дѣйствующихъ лицъ въ слишкомъ театральныя позы, онъ группируетъ факты по своему усмотрѣнію, чтобы его картины вышли драматичнѣе. Все это недостатки его времени и его прежней профессіи; онъ усвоилъ ихъ помимо воли и сознанія, только въ силу привычки и вслѣдствіе заразительности примѣра. Отсюда могли произойти нѣкоторыя неточности въ деталяхъ, которыя все-же нужно имѣть въ виду при пользованіи его книгами; но не нужно та-

[1]) Циц., *De orat*, II, 59: *causam mendatiunculis adspergere*.
[2]) *Inst. orat.*, IV, 2, 88.
[3]) Плиній разсказываетъ, что домъ Тацита былъ полонъ молодыми людьми, которыхъ привлекала его репутація; они приходили поучаться его примѣромъ и уроками.
[4]) Особенно см. статью Моммсена про Тацита и Клувія Руфа (*Hermes*, IV, 295).

кихъ мелочей преувеличивать, а это то и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи.

Послѣ такихъ критическихъ замѣчаній, которыя были отчасти справедливы, его вскорѣ стали упрекать за болѣе серьезные недостатки. Въ началѣ своего труда онъ даетъ торжественное обѣщаніе разсказывать обо всемъ безъ ненависти и пристрастія, *sine ira et studio* [1]); ему повидимому было нетрудно сохранить такую безпартійность: императоры, исторію которыхъ онъ собирался разсказывать, были ему совершенно чужды, у него не было никакихъ причинъ льстить имъ или злословить о нихъ. Онъ особенно упиралъ на то, что будетъ остерегаться злобы, «которая можетъ соблазнять ложнымъ сходствомъ съ независимостью мнѣній [2]).» Говорятъ, что онъ не сдержалъ своего обѣщанія; какъ на главную причину этого, указываютъ на то, что одушевлявшее его чувство не позволяло ему быть безпристрастнымъ. Если это чувство не что другое, какъ чувство честнаго человѣка, которое горитъ во всѣхъ его разсказахъ, которое мѣшаетъ ему скрывать состраданіе къ жертвамъ и ненависть къ палачамъ, то мы не намѣрены защищать его. Долгъ историка вовсе не повелѣвалъ ему холодно разсказывать о томъ, что онъ считалъ безуміемъ и преступленіемъ. Что же касается упрека, будто на его сужденія вліяла партійность политическая, то можно, кажется, утверждать, что въ его произведеніяхъ ея вовсе не было. Мы знаемъ, что общепринятое мнѣніе объ этомъ предметѣ иное. Тацита считаютъ обыкновенно фанатикомъ [3]), ослѣпленнымъ своими предразсудками, человѣкомъ опредѣленной системы и партіи, который раздѣляетъ всѣ партійныя предубѣжденія, одушевляется партійною ненавистью и такъ подчинился игу партіи, что не въ состояніи болѣе здраво судить о людяхъ и событіяхъ. Посмотримъ, насколько основательны такія обвиненія, и такое ли понятіе о немъ даютъ его произведенія.

Тацитъ неоднократно излагаетъ свои политическія убѣжденія, подчеркивая болѣе всего то, что возбуждаетъ его ненависть, чѣмъ то, что онъ предпочитаетъ. Прежде всего онъ повидимому не питаетъ большой

[1]) *Ann.*, I, 1.
[2]) *Hist.*, I, 1: *malignitati falsa species libertatis inest.*
[3]) Такъ выражается Вольтеръ, который говоритъ про Тацита, что онъ «фанатикъ, брызжущій умомъ». Lettres à M-me du Deffant, 30 Іюля 1768.

склонности къ народному правленію. Народъ слишкомъ непостояненъ, онъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, «онъ желаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится революцій [1]).» Мы не видимъ также, чтобы Тацитъ былъ большой сторонникъ аристократическаго режима. «Господство нѣсколькихъ, говоритъ онъ, похоже на деспотизмъ царей [2])». Даже умѣренное парламентарное правленіе, которое въ сущности представляетъ смѣсь всѣхъ остальныхъ и которое казалось идеаломъ Полибію и Цицерону, не совсѣмъ удовлетворяетъ Тацита: «его легче хвалить, чѣмъ устроить, а если бы даже оно было установлено, то не могло бы долго существовать [3])». Наконецъ, онъ не раздѣляетъ наивнаго энтузіазма своихъ современниковъ по отношенію къ древней республикѣ; изученіе исторіи показало ему, что этотъ золотой вѣкъ часто былъ временемъ волненій и насилія. Послѣ двѣнадцати таблицъ не было издано справедливыхъ законовъ [4]); со временъ всемірнаго владычества Рима начинается эпоха ненасытной алчности и необузданнаго тщеславія. «Тогда загорѣлись первыя несогласія между народомъ и сенатомъ. Появляются то мятежники-трибуны, то слишкомъ неограниченные консулы. Городъ и форумъ послужили театромъ первыхъ вспышекъ междоусобной войны [5]).» Такія картины прошлаго конечно не могъ бы нарисовать человѣкъ, который очень сожалѣлъ о немъ и хотѣлъ бы вернуться къ нему. Остается правленіе одного лица; подъ этимъ режимомъ римляне живутъ уже цѣлое столѣтіе: Тацитъ принимаетъ его и подчиняется ему. Онъ примиряется съ имперіей еще болѣе оттого, что она не кажется ему случайнымъ режимомъ, которому народъ подчиняется вслѣдствіе проиграннаго сраженія; она представлялась ему неизбѣжнымъ выводомъ изъ предшествовавшихъ событій и естественнымъ слѣдствіемъ ошибокъ, въ которыя впадали всѣ партіи. Римъ не могъ избѣжать ея; Тацитъ признаетъ это въ началѣ своей *Исторіи*. Ему кажется, что послѣ Акціума «установленіе единоличнаго правительства сдѣлалось однимъ изъ условій общественнаго спокойствія [6]).» Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ

[1]) *Ann.*, XV, 46: *novarum rerum cupiens pavidusque.*
[2]) *Ann.*, VI, 42, *paucorum dominatio regiae libidini propior est.*
[3]) *Ann.*, IV, 33.
[4]) *Ann.*, III, 27.
[5]) *Hist.*, II, 38.
[6]) *Hist.*, I, 1; *omnem potestatem ad unum conferri pacis interfuit.*

понять, что міръ хорошо встрѣтилъ новый режимъ, потому что старый утомилъ его раздорами [1]). Онъ также, какъ Гальба, думаетъ, что «громадное тѣло имперіи нуждается въ руководящей десницѣ, чтобъ поддержать свое существованіе и сохранить свое равновѣсіе [2]).» Тацитъ склоняется къ императорскому режиму не только разсудкомъ, но можно сказать, что онъ примиряется съ нимъ безъ сожалѣнія, и въ этомъ идетъ какъ будто дальше многихъ своихъ друзей. Даже между самыми преданными слугами имперіи, должны были встрѣчаться такіе, которые не безъ огорченія оставляли мысль о прошломъ. Можно думать, что Плиній, несмотря на свою привязанность къ Траяну, не могъ удержаться отъ вздоха при воспоминаніи о блескѣ древняго краснорѣчія и объ успѣхахъ республиканскихъ ораторовъ. Многое-бы онъ далъ, чтобы жить въ то время, когда народомъ правило слово! Тацитъ повидимому не раздѣляетъ его чувствъ; ему конечно не безъизвѣстно, сколько потерялъ ораторскій талантъ въ своемъ вліяніи съ тѣхъ поръ, какъ Августъ умиротворилъ форумъ, но онъ знаетъ также, сколько выиграли отъ этого безопасность и спокойствіе. Онъ не завидуетъ успѣху, купленному цѣною столькихъ трудовъ и опасностей. Онъ не сожалѣетъ о времени, «когда народъ, т. е. невѣжды, могли все.» Онъ предпочитаетъ имѣть меньше славы, но больше покоя. «Такъ какъ нельзя, говоритъ онъ, достигнуть заразъ славной репутаціи и полнаго покоя, то пусть каждый пользуется преимуществами своего времени, не расхваливая того вѣка, къ которому онъ не принадлежитъ [3]).» Такія чувства свойственны мудрецу, но мудрецу благоразумному и разочарованному, который достигъ той поры жизни, когда всѣмъ благамъ предпочитается спокойствіе. Говоря, что Тацитъ былъ сторонникомъ имперіи, мы не хотимъ сказать, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ пылкимъ и неумѣреннымъ защитникамъ цезаризма, которые считали врагами отечества всѣхъ, кто не раздѣлялъ ихъ энтузіазма. Его настроеніе скорѣе свойственно людямъ, которые, продѣлавши много безплодныхъ попытокъ и безполезныхъ революцій, не вѣрятъ болѣе въ совершенный государственный строй и рѣшились довольствоваться посредственнымъ. Изученіе исторіи и жизненный опытъ мѣшаютъ ему быть легковѣрнымъ и довѣрчивымъ [1]); у него нѣтъ иллюзій на счетъ различныхъ политическихъ системъ, даже на счетъ той, которой онъ симпатизируетъ; но все же *есть* система, которую онъ ставитъ выше другихъ, которую онъ считаетъ болѣе подходящею къ своему времени, къ которой онъ добровольно присоединяется, — эта система есть правительство цезарей.

[1]) *Ann.*, I, 1.
[2]) *Hist.*, I, 16.
[3]) *Orat.*, 41.

Таковы воззрѣнія Тацита, по крайней мѣрѣ въ теоріи; онъ отчетливо высказывалъ ихъ нѣсколько разъ, и у насъ нѣтъ основанія думать, что онъ при этомъ говорилъ неискренно. Нужно однако сознаться, что у него можно найти и другія сужденія и мнѣнія, которыя повидимому не совсѣмъ согласуются съ изложенными принципами, и что его примиреніе со своимъ положеніемъ подданнаго имперіи порой какъ будто обращается въ скрытую вражду. Такія непослѣдовательности происходятъ отъ вліянія окружающей его обстановки, предразсудки которой онъ воспринялъ болѣе, чѣмъ самъ бы того хотѣлъ. Никто не бываетъ единственнымъ хозяиномъ въ своей жизни, каждый человѣкъ принадлежитъ своему времени, своимъ друзьямъ, своей средѣ. Самый устойчивый умъ, какія бы усилія онъ ни дѣлалъ, чтобъ остаться самимъ собой, не можетъ не поддаться другимъ, когда онъ входитъ съ ними въ постоянныя отношенія, и то, что онъ получаетъ извнѣ, можетъ находиться въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ выработалъ самостоятельно. Тацитъ не избѣжалъ этой несчастной участи. Принадлежа по происхожденію къ новой знати, онъ вращался однако въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ посѣщалъ тѣ собранія, гдѣ вообще господствовало такое насмѣшливое и строгое отношеніе къ данному режиму и его представителямъ, гдѣ не было недостатка въ людяхъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было удовлетворить, которые во всемъ искали причины жаловаться. Тацитъ несомнѣнно не одобряетъ подобную придирчивую и безпощадную оппозицію. Онъ обвиняетъ ее въ легковѣрности и лжи [2]), онъ изобра-

[1]) Отъ этого онъ придаетъ такое значеніе случаю и судьбѣ въ людскихъ дѣлахъ: *quanto plura revolvo, tanto magis ludib[illegible]a rerum mortalium observantur* (*Ann.*, III, 18).

[2]) *Ann.*, III. 19: *alii ququo modo audita pro compertis habent, alii vera in contrarium vertunt.*

жаетъ, какъ она радуется общественнымъ бѣдствіямъ и готова рисковать гибелью имперіи, чтобы отдѣлаться отъ такого то лица [1]); и всетаки онъ не всегда умѣлъ освободиться отъ ея вліянія. Однимъ изъ источниковъ Тацита, для исторіи первыхъ цезарей, служило свидѣтельство тѣхъ, которые остались еще въ живыхъ отъ той эпохи: онъ старается предоставить имъ слово и передаетъ намъ ихъ воспоминанія [2]). А эти то старцы и разсказывали именно тѣ сомнительные анекдоты, рискованныя предположенія, дурные слухи, которые постоянно циркулировали въ недовольной аристократіи. Тацитъ рѣдко высказываетъ ихъ отъ своего имени; чаще всего онъ излагаетъ ихъ безъ комментаріевъ, предоставляя самому читателю трудъ разобраться въ нихъ; иногда онъ воспроизводитъ ихъ лишь съ тѣмъ, чтобы опровергнуть, но все же онъ ихъ воспроизводитъ, и то множество смѣлыхъ гипотезъ и злостныхъ истолкованій, которымъ онъ служитъ эхомъ, въ концѣ концовъ даетъ его повѣствованію видъ систематическаго недоброжелательства, которое, намъ кажется, было ему чуждо [3]). Это недостатокъ угнетеннаго и подозрительнаго общества, которое готово всегда все видѣть съ дурной стороны и искать отдаленныхъ и туманныхъ причинъ для самыхъ естественныхъ событій: Тацитъ знаетъ это и порицаетъ общество; но сила примѣра, вліяніе среды таковы, что онъ не всегда могъ удержаться, чтобы не поступать подобнымъ же образомъ.

Онъ къ сожалѣнію иногда не чуждъ и предразсудкамъ. Извѣстно, что онъ очень суровъ къ выскочкамъ, такъ что, когда незнатный человѣкъ достигаетъ высокаго положенія, Тацитъ не упускаетъ случая упомянуть о «позорѣ его рожденія [4])». Онъ не любитъ неравныхъ браковъ и считаетъ общественнымъ бѣдствіемъ бракъ женщины изъ рода Августа [5]) съ внукомъ римскаго всадника. Его шокировало въ высшей степени, что царевна взяла себѣ въ любовники человѣка незнатнаго,

[1]) *Ann.*, III, 44.
[2]) *Ann.*, III, 16: *audivi ex senioribus.*
[3]) Карстенъ въ статьѣ *De fide Taciti* собралъ всѣ многочисленныя мѣста, гдѣ Тацитъ передаетъ такіе дурные слухи и предположенія.
[4]) *Ann.*, II, 21: *dedecus natalium.* Это выраженіе Тацитъ употребляетъ, говоря про Курція Руфа, который былъ будто бы сыномъ гладіатора и сталъ консуломъ. Тиберій былъ великодушнѣе, отвѣчая тѣмъ, которыхъ шокировало происхожденіе Руфа: «онъ самъ себя родилъ», говорилъ онъ.
[5]) *Ann.*, VI, 27.

родомъ изъ муниципіи [1]). Она бы показалась ему, быть можетъ, не столь виновной, если бы ея выборъ палъ на вельможу. Все это лишь смѣшныя черты, но есть у Тацита и болѣе серьезныя заблужденія, въ которыя завлекаетъ его податливость по отношенію къ мнѣніямъ окружающихъ его людей. Эти люди въ большинствѣ случаевъ были упорными сторонниками древнихъ обычаевъ, слѣпыми консерваторами, которые желаютъ сохранять все безъ разбора. Всѣ привычки прошлаго были имъ дороги, а такъ какъ прежде всего имъ пришлось бы поступиться привычками самыми худшими, то за нихъ то они особенно крѣпко и держались. Всякое предложеніе какой нибудь полезной реформы неизмѣнно сердило этихъ людей съ умомъ узкимъ и боязливымъ. Они пытались противодѣйствовать Клавдію, когда тотъ хотѣлъ, чтобы и Галламъ позволено было достигать почетныхъ должностей и вступать въ сенатъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что за пять вѣковъ раньше предки Галловъ чуть не взяли Капитолія [2]). Когда рѣшался вопросъ о томъ, чтобы казнить пятьсотъ невинныхъ рабовъ, которые провели ночь подъ одною кровлей со своимъ убитымъ господиномъ, народъ хотѣлъ помѣшать казни, но сенатъ медлилъ согласиться на это: тогда благодаря юрисконсульту Кассію, главѣ консервативной партіи, рѣшено было исполнить законъ, завѣдомо несправедливый. «Во всемъ, сказалъ онъ по этому поводу, у древнихъ было больше вдохновенія, чѣмъ у насъ, и всякая перемѣна ведетъ лишь къ ухудшенію [3])». Болѣе или менѣе того же мнѣнія былъ Тацитъ. Онъ охотно защищалъ извѣстныя злоупотребленія, противъ которыхъ долженъ былъ возставать его здравый разсудокъ; но такъ какъ они были освящены временемъ, то и казались ему вслѣдствіе этого почтенными. У него не всегда замѣчается та высота мысли, то величіе души, которыя возвышали напр. Сенеку надъ мнѣніями толпы и столько разъ открывали ему пути будущаго. Кровь гладіаторовъ, потоки которой доставляютъ такое наслажденіе Друзу, для Тацита является только низкою кровью, *vili sanguini* [4]); когда Тиберій вывозитъ въ Сардинію четыре тысячи вольноотпущенниковъ, обреченныхъ умереть отъ лихорадки, Тацитъ какъ будто раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ,

[1]) *Ann.*, IV, 3.
[2]) *Ann.*, XI, 23.
[3]) *Ann.*, XIV, 43.
[4]) *Ann.*, I, 76.

которые находятъ это легкой потерей, *vile damnum*[1]). Вмѣсто того чтобы быть тронутымъ, когда Неронъ сжигаетъ христіанъ въ видѣ факеловъ, чтобы тѣ освѣщали его празднества, Тацитъ говоритъ, что въ концѣ концовъ они были виновны и заслуживали самыя ужасныя казни, *adversus sontes et novissima meritos*[2]). Такъ думали и консерваторы въ сенатѣ; Тацитъ здѣсь воспроизводитъ только ихъ настроеніе.

Но достаточныя ли это причины, чтобы видѣть въ немъ неистоваго сторонника аристократической партіи, который пишетъ только подъ ея инспираціей и съ цѣлью угодить ея чувству мести? Тацитъ несомнѣнно принадлежитъ къ этой партіи, и,—мы только что видѣли это, онъ часто раздѣляетъ ея предупрежденія. Но случается также, что онъ противостоитъ имъ и борется противъ нихъ. Въ великосвѣтскомъ обществѣ было принято восхищаться только прошлымъ; Тацитъ находитъ иногда, что настоящее лучше, и рѣшается это высказать[3]). Въ его средѣ чванились обыкновенно узкимъ и исключительнымъ патріотизмомъ, сосредоточивая свое поклоненіе лишь на герояхъ стараго Рима; Тацитъ позволяетъ себѣ восхищаться чужеземными великими людьми, даже такими, которые пріостановили и поколебали успѣхи Римлянъ; онъ находитъ благородныя выраженія въ похвалу Арминія и Карактака. Ему конечно нравится, когда великія имена носятся достойнымъ образомъ; но если онъ счастливъ, видя, что внуки знаменитыхъ личностей поддерживаютъ славу своихъ предковъ, то съ другой стороны онъ не считаетъ своимъ долгомъ скрывать ихъ ошибки, когда они въ нихъ впадаютъ. Онъ рисуетъ намъ, какъ «самые высокопоставленные люди, носящіе почтеннѣйшія имена, унижаются по повелѣнію Тиберія до самыхъ позорныхъ доносовъ[4])». Такъ ли бы выражался человѣкъ, цѣликомъ отдавшійся аристократической партіи и которому его политическія симпатіи мѣшали бы видѣть и говорить правду? Гдѣ же видно, чтобы онъ старался выгородить честь знатныхъ фамилій, съ которыми онъ будто бы такъ связанъ? Старался ли онъ по крайней мѣрѣ представить этихъ вельможъ, въ то ужасное время испытанія, въ такомъ видѣ, чтобы они могли сохранить уваженіе общества? Напротивъ, онъ рисуетъ ихъ приниженными и трепещущими, конкуррирующими другъ съ другомъ въ лести, готовыми на всѣ низости, чтобы только спасти свою жизнь; можно сказать, что послѣ жестокости цезарей нѣтъ ничего, что такъ бы рельефно вырисовывалось изъ его произведеній, что онъ изображалъ бы съ большей энергіей, что вызывало бы въ немъ больше отвращенія и гнѣва, какъ сервилизмъ сената.

[1]) *Ann.*, II. 85.
[2]) *Ann.*, XV, 44.
[3]) *Ann.*, II, 28: *dum vetera extollimus, praesentium incuriosi.* См. также *Ann.*, III, 55.
[4]) *Ann.*, VI, 7. Въ другомъ мѣстѣ въ числѣ доносчиковъ онъ называетъ Порція Катона (*Ann.*, IV, 68).

Такимъ образомъ, у Тацита встрѣчаются противоположныя, борющіяся между собой тенденціи: онъ то уступаетъ мнѣніямъ окружающихъ, то противодѣйствуетъ имъ; но самое это чередованіе показываетъ, что онъ не рѣшилъ заранѣе все въ нихъ одобрять, и что онъ не былъ человѣкомъ партійнымъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. Въ дѣйствительности, онъ уступаетъ имъ только нечаянно, а противодѣйствуетъ сознательно. Чтобы узнать его и судить о немъ, слѣдуетъ отдѣлить его настоящую физіономію отъ его противорѣчивыхъ и нерѣшительныхъ мнѣній, и намъ кажется, что этого не трудно достигнуть, если читать его сочиненія безъ слишкомъ большой довѣрчивости, но и безъ предубѣжденія. Понятіе, какое даетъ о немъ такое чтеніе, нисколько не похоже на установившееся, и прежде всего удивляешься, сколько ошибочныхъ мнѣній, неизвѣстно какъ, распространилось о его характерѣ и сужденіяхъ. Его считаютъ убѣжденымъ республиканцемъ; онъ постоянно высказывается сознательнымъ сторонникомъ имперіи. Его называютъ страстнымъ революціонеромъ; мы только что видѣли, что онъ былъ иногда самымъ робкимъ консерваторомъ. Тѣ, которые не любятъ его, называютъ его памфлетистомъ; болѣе неудачно примѣненнаго названія не можетъ быть. Его *Исторія* и *Лѣтопись* ничѣмъ непохожи на тѣ легковѣсныя книжки, которыя имѣютъ цѣлью льстить минутнымъ страстямъ и погибаютъ вмѣстѣ съ ними; его сочиненія не принадлежатъ къ тѣмъ анонимнымъ писаніямъ, отъ которыхъ отказываются ихъ авторы, и которыя тайкомъ пробираются въ публику, извлекая выгоду изъ своей запретности. Тацитъ писалъ свои книги, не скрываясь, на виду у всѣхъ; ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ, онѣ были изданы съ блескомъ, встрѣчены единогласнымъ сочувствіемъ

и съ самаго появленія считались шедеврами [1]). Онѣ не только не повредили положенію своего автора,—наоборотъ, можно быть увѣреннымъ, что онѣ его упрочили, и что между усерднѣйшими читателями Тацита и самыми горячими поклонниками надо считать императора и его приближенныхъ. Тацита охотно представляютъ себѣ чѣмъ то вродѣ заговорщика, «который взялъ на себя месть народовъ [2])», который живетъ въ одиночествѣ, никѣмъ не видимый, подстерегая тирана, котораго онъ долженъ отдать на поруганіе потомства. Это большая ошибка; наоборотъ, онъ занималъ общественныя должности, исполнялъ высшія государственныя функціи и вѣрно служилъ своимъ повелителямъ, даже самымъ дурнымъ. Онъ навѣрное слѣдовалъ самъ совѣту, который онъ влагаетъ въ уста одному изъ дѣйствующихъ лицъ своей исторіи: «нужно желать хорошихъ государей и примириться съ необходимостью терпѣть дурныхъ [3])». Тацитъ былъ преторомъ при Домиціанѣ, и не видно, чтобы онъ чувствовалъ потребность навлекать на себя гнѣвъ императора безполезными смѣлыми выходками. Онъ былъ членомъ того робкаго сената, которымъ «лысый Неронъ» пользовался для своихъ жестокостей. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, у которыхъ можно было замѣтить блѣдность на лицѣ и считать вздохи, когда предъ сенатъ приводили кого нибудь изъ важныхъ жертвъ. При немъ потащили въ тюрьму Гельвидія, онъ былъ судьей Сенеціона и Рустика. Безъ сомнѣнія, Тацитъ долженъ былъ сильно страдать при подобныхъ зрѣлищахъ, но все же онъ ихъ перенесъ; а такъ какъ онъ пережилъ Домиціана, продолжая быть въ милости, то нужно допустить, что онъ рѣшился поступать также, какъ другіе, что онъ не отказывался выражать ему свое поклоненіе, безъ чего тогда нельзя было сохранить ни своего положенія, ни своей жизни.

Изъ всѣхъ сочиненій Тацита *Жизнь Агриколы* лучше всего доказываетъ, насколько онъ былъ сторонникъ благоразумія и покорности. Въ послѣдніе годы часто возникалъ вопросъ, что̀ онъ имѣлъ въ виду работая надъ этимъ сочиненіемъ [1]): хотѣлъ ли онъ написать подражаніе некрологамъ, которые произносились на форумѣ, или это была простая біографія подобно тому, какъ Рустикъ написалъ жизнеописаніе Тразеи, а Сенеціонъ—Гельвидія? Мы думаемъ, что мы имѣемъ дѣло ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Составляя жизнеописаніе Агриколы, Тацитъ имѣлъ чисто политическую цѣль: воспоминаніе о немъ служило историку главнымъ образомъ лишь поводомъ изложить свои мысли. Послѣ смерти Домиціана произошло то, что обыкновенно происходитъ при сильныхъ реакціяхъ. Жертвамъ прошлаго царствованія воздавалось поклоненіе [2]); тѣ, которые хвалились своею постоянной ненавистью къ данному правленію, раздѣлялись вѣроятно на различныя категоріи: тутъ были люди, сдѣлавшіеся врагами со вчерашняго и съ позавчерашняго дня; всѣ они жестоко оспаривали другъ у друга расположеніе общества; но тѣ и другіе единодушно преслѣдовали бранью и угрозами тѣхъ, кто служилъ тиранну. Тацитъ находитъ, что эти крики заходили слишкомъ далеко; ему казалось несправедливымъ такое отношеніе къ людямъ, которые въ тѣ опасныя времена старались по возможности честно разрѣшить трудную задачу жизни; онъ думалъ, что нельзя называть ихъ трусами, потому что они примирялись и терпѣли то зло, которому они не въ силахъ были помѣшать. Агрикола, похвалу которому онъ пишетъ, былъ не только его тесть, но и герой его сердца, терпѣливый, умѣренный, врагъ бравированья и хвастовства; «онъ умѣлъ снизойти во время и соединить полезное съ честнымъ [3]),» не бѣжалъ навстрѣчу опасностямъ и не подвергался гнѣву императора, когда можно было избѣжать этого. Этотъ человѣкъ, дѣятельный и рѣшительный въ виду непріятеля, молчалъ и прятался въ Римѣ, когда того требовали обстоятельства. Онъ не разъ подчинялся безпрекословно требованіямъ Домиціана; возвратясь изъ

---

[1]) Плиній, *Epist:*. VIII, 33: *auguror, nec me fallit augurium, historias tuas immortales futuras*. Моммсенъ заключилъ даже изъ одного письма Плинія, что успѣхъ книгъ его друга былъ нѣсколько шумнѣе, чѣмъ онъ бы того желалъ. Онъ охотно ставилъ себя на второе мѣсто, сравнивая себя съ Тацитомъ, но ему не нравилось, что разстояніе становилось уже слишкомъ велико.

[2]) Таково впечатлѣніе Шатобріана, въ его знаменитой статьѣ въ *Mercure*, которая возбудила гнѣвъ Наполеона.

[3]) *Hist.* IV, 8. Правда, Тацитъ заставляетъ здѣсь говорить доносчика, но онъ выразилъ ту же идею въ другомъ мѣстѣ, устами Церіала (*Hist.*, IV, 73).

[1]) См. особенно статью Гюбнера (Hübner), *Hermes*, I, стр. 438 и 439. Мы высказали когда то мысль, что *Агрикола* вѣроятно былъ политическимъ памфлетомъ (*Revue des deux Mondes*, 15 janvier 1870). Послѣ того Гантреллъ развивалъ ту же мысль въ *Revue de l'instruction publique en Belgiqie*, 1 mai 1870, и намъ кажется, что споры, возбужденные этимъ мнѣніемъ въ Германіи, не поколебали его.

[1]) Плиній, *Epist.*, VIII, 12; см. также IX, 13.

[2]) *Agric.*, 8: *peritus obsequi, eruditusque utilia honestis miscere.*

Британіи, онъ согласился поблагодарить императора за оказанную ему несправедливость, чтобы не разгнѣвать его еще болѣе, и умирая оставилъ ему часть своего состоянія, какъ лучшему своему другу, изъ страха, чтобы тотъ не соблазнился присвоить его цѣликомъ. Тацитъ одобряетъ его безусловно: онъ противопоставляетъ его примѣръ сторонникамъ радикальной оппозиціи и смѣлаго сопротивленія. «Пусть всѣ напыщенные, говоритъ онъ съ живостью, за которою чувствуются полемика и борьба, пусть поклонники всякой бравады передъ властью научатся, что и при дурныхъ государяхъ могутъ быть великіе люди, что умѣренность и повиновеніе, если они сопровождаются талантомъ и силой, заслуживаютъ столько же славы, сколько и отвага, которая устремляется наудачу, безъ выгоды для республики, и ищетъ чести въ шумной смерти [1]).» Все это чрезвычайно далеко отъ революціоннаго настроенія.

Подобное же отвращеніе отъ всего такого, что ему казалось чрезмѣрнымъ, неблагоразумнымъ, химерическимъ, расположило его и противъ философіи. И въ этомъ онъ далекъ отъ мнѣній большого свѣта, въ полномъ подчиненіи которому его обвиняютъ. Философія здѣсь была въ большой милости, и другъ Тацита, Плиній, который весьма старается угодить образованнымъ людямъ, создававшимъ репутаціи, не пропускаетъ ни одного случая высказать свое почтеніе передъ философіей. Тацитъ наоборотъ относится къ ней съ недовѣріемъ и не скрываетъ этого. Онъ открыто говоритъ, что «Римлянину и сенатору не подобаетъ имѣть къ ней слишкомъ сильную склонность,» и обвиняетъ тѣхъ, которые предаются ей, что они обыкновенно переступаютъ мѣру [2]); онъ находитъ, что философія прекрасное слово, которымъ праздные люди часто пользуются, чтобы прикрыть свою лѣнь [3]). Тѣ, которые пріобрѣли болѣе всего славы въ этой области, не очень ему нравятся. Онъ, вообще говоря, довольно строгъ къ Сенекѣ. Даже Тразеа

---

[1]) *Agric.*, 42. Не безъ причины также вспоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что всѣ были соучастниками жестокостей Домиціана: *mox nostrae duxere Helvidium in carcerem manus*, и т. д. Обвиняя такимъ образомъ самого себя, онъ предоставляетъ себѣ право напомнить многимъ изъ тѣхъ, которые громче всѣхъ кричатъ противъ минувшаго режима, что они терпѣливо его сносили, пока онъ существовалъ.

[2]) *Agric.*, 4.

[3]) *Hist.*, IV, 5.

не совсѣмъ избѣгаетъ его упрековъ [1]); онъ весело смѣется надъ добрымъ Музоніемъ Руфомъ, который имѣлъ неосторожность прочесть лекцію о мирѣ двумъ арміямъ, передъ тѣмъ какъ тѣ собирались вступить въ бой, и принужденъ былъ «бросить какъ можно скорѣе несвоевременную мораль», чтобы спасти самого себя [2]). Ясно, что Тацитъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые обвиняли философовъ въ томъ, что въ ихъ оппозиціи слишкомъ много упрямства и тщеславія. Что касается его самого, то его намѣренія не такъ возвышенны и желаемая имъ роль скромнѣе. «Постараемся, говоритъ онъ, найти между безполезнымъ сопротивленіемъ и позорящимъ сервилизмомъ средній путь, свободный и отъ низости и отъ опасности [3]).» Но трудно было удержаться на этомъ пути при такомъ императорѣ, какъ Домиціанъ; это стало легче лишь съ тѣхъ поръ, какъ на тронъ вступила олицетворенная честность въ лицѣ Нервы. Избраніе Траяна довершило всѣ желанія Тацита и отняло у него поводъ сожалѣть о чемъ бы то ни было въ прошломъ или желать чего нибудь въ будущемъ [4]). Взрывъ радости, которымъ онъ встрѣчаетъ «зарю счастливаго вѣка [5]),» доказываетъ, что онъ дожилъ наконецъ до того правительства, которое казалось ему лучше всѣхъ, и что при самыхъ дурныхъ императорахъ онъ не ждалъ и не желалъ ничего другого, кромѣ восшествія на престолъ хорошаго государя.

---

[1]) *Ann.*, XIV. 12: *sibi causam periculi fecit, ceteris initium libertatis non praebuit.*

[2]) *Hist.*, III, 81.

[3]) *Ann.*, IV, 20.

[4]) Тацитъ, кажется, видѣлъ извѣстную гарантію счастья для Рима въ томъ фактѣ, что императорская власть была не совсѣмъ наслѣдственна и что чаще всего царствующій императоръ избиралъ и усыновлялъ своего пріемника. Это мнѣніе высказываетъ у него Гальба (*Hist.*, I, 16). Плиній выражаетъ то же мнѣніе (*Paneg.*, 7 и 8). Несомнѣнно. что единственный дурной императоръ изъ Антониновъ былъ Коммодъ, сынъ Марка Аврелія, наслѣдовавшій законному своему отцу.

[5]) *Agric.*, 2: *beatissimi seculi ortu.*

III.

Ювеналъ.—Почему трудно его обрисовать.—Что онъ самъ разсказываетъ о своихъ средствахъ и общественномъ положеніи.—Злоба противъ аристократіи, которая дурно приняла его.—Изображеніе маленькихъ людей у Ювенала.

Въ это то именно время, въ началѣ славной эпохи, которую Тацитъ привѣтствуетъ съ такимъ энтузіазмомъ, въ моментъ, когда Римъ долженъ былъ всего сильнѣе чувствовать невѣдомое ему до тѣхъ поръ счастье быть управляемымъ либеральнымъ и честнымъ государемъ, раздается диссонирующій и запальчивый голосъ Ювенала, который осуждаетъ свое время съ неслыханной рѣзкостью, который хотѣлъ бы увѣрить насъ, что никогда еще человѣчество не знало такихъ преступленій и бѣдствій. Ювеналъ является для насъ загадкой. Если мы вспомнимъ, что онъ жилъ при Траянѣ и Адріанѣ, что историки съ величайшей похвалой отзывались о той эпохѣ, которую онъ такъ бранитъ, то нельзя никакъ объяснить себѣ его желчность и понять его гнѣвъ. Въ силу чего онъ впалъ въ такое противорѣчіе со своими современниками? Какъ сдѣлать выборъ между ними и Ювеналомъ? Кто вводитъ въ обманъ потомство, кто лжетъ —исторія ли, которая говоритъ такъ много хорошаго о томъ времени, или поэтъ, который изобразилъ ее въ такихъ отталкивающихъ картинахъ? Такова самая важная проблема изъ тѣхъ проблемъ, какія возникаютъ при чтеніи латинскаго сатирика. Несомнѣнно, весьма интересно изучать его, какъ писателя и поэта, но гораздо важнѣе опредѣлить, чего онъ стоитъ, какъ человѣкъ и моралистъ [1]). Насчетъ его таланта нѣтъ противоположныхъ мнѣній, тогда какъ его характеръ и справедливость его сужденій подаетъ поводъ для серьезныхъ недоумѣній и споровъ. Первымъ вопросомъ при чтеніи его является степень довѣрія, которую можно ему оказать; достоинъ ли онъ того, чтобы изъ за него подвергать сомнѣнію всѣ утвержденія исторіи. На этотъ вопросъ мы и постараемся прежде всего отвѣтить.

¹) См. у Низара въ его *Studes sur les poétes latins de la décadence* интересныя главы, посвященныя Ювеналу. Никто лучше Низара не объяснилъ его духа въ его величіи и въ слабостяхъ; до Низара критики ограничивались обыкновенно нѣсколькими туманными похвалами. Низаръ при помощи глубокаго анализа постарался опредѣлить, сколько въ его стихахъ искренности, и какова доля декламаціи.

Съ тѣмъ, кто присваиваетъ себѣ право судить о своемъ времени, слѣдуетъ поступать, какъ со свидѣтелемъ на судѣ: чтобы знать, чего стоитъ его слово, нужно опредѣлить, какъ онъ провелъ свою жизнь. Опирается ли сила его упрековъ на его собственное строгое поведеніе? Не былъ ли онъ предрасположенъ, по своему происхожденію или состоянію, къ тому, чтобы сурово судить своихъ современниковъ? Не мститъ ли онъ за свои личныя обиды подъ предлогомъ защиты нравственности и добродѣтели? Большинство этихъ вопросовъ остаются безъ отвѣта относительно Ювенала. Его біографія очень мало извѣстна. Самое значительное событіе его жизни—изгнаніе, къ которому онъ былъ присужденъ за слишкомъ дерзкія сатиры, разсказывается съ весьма различными подробностями, и неизвѣстно даже навѣрное, при какомъ именно императорѣ онъ былъ изгнанъ. Если, въ восполненіе молчанія біографовъ, обратиться къ самому автору, то результатъ получается опять весьма неудовлетворительный: онъ старается какъ можно меньше говорить о себѣ самомъ. Между тѣмъ у латинскихъ сатириковъ была привычка являться въ своихъ сатирахъ дѣйствующимъ лицомъ. Жизнь Луцилія, говоритъ Горацій, была изображена въ его произведеніяхъ, какъ въ картинѣ [1]); Горацій часто занимаетъ насъ своею собственной особой, такъ что при помощи его стиховъ легко воспроизвести всю его біографію. Ювеналъ скромнѣе или осторожнѣе и рѣдко показываетъ себя публикѣ. Какова бы ни была причина такой скрытности, она не была безполезна для его славы. Рѣдко бываетъ, чтобы личность сатирика, когда она слишкомъ выступаетъ на видъ, не уменьшала вѣскости его уроковъ; самая чистая жизнь имѣетъ свои слабыя стороны и не свободна отъ ошибокъ; недоброжелатели пользуются ими и рады ихъ преувеличить, потому что тотъ, кто строгъ къ другимъ, естественно вызываетъ такое же отношеніе къ себѣ. Всѣ спрашиваютъ себя, какъ онъ могъ имѣть такъ мало снисхожденія къ своимъ современникамъ, когда онъ самъ нуждался въ снисхожденіи, —откуда взялъ онъ право безпощадно относиться къ другимъ, не будучи самъ безъукоризненнымъ? Ювеналъ, скрываясь отъ любопытнаго глаза, умѣлъ избѣгать всѣхъ этихъ упрековъ. Такъ какъ его жизнь мало извѣстна,

¹) Гор., *Sat.*, II, 1, 34.

то ничто не препятствуетъ его поклонникамъ сочинить ему біографію, которая была бы въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми чувствами, какія онъ выражаетъ, и воображать его себѣ не такимъ, какимъ онъ былъ, но какимъ онъ долженъ былъ быть. Такимъ то образомъ, тайна способствовала его величію. Рука, появляющаяся изъ мрака, чтобы наказать преступное общество, стала казаться чѣмъ то необычайнымъ и страшнымъ. Мы какъ будто имѣемъ дѣло уже не съ обыкновеннымъ сатирикомъ, съ человѣкомъ, авторитетъ котораго ограничивается его собственными слабостями,—предъ нами сама сатира, мстящая за поруганіе нравственности и добродѣтели.

Необходимо всетаки извлечь его изъ мрака и, если возможно, направить лучъ свѣта на его личность, ускользающую отъ насъ. Какъ онъ ни старается хранить о себѣ полное молчаніе, въ его произведеніяхъ время отъ времени всетаки проскальзываютъ мимолетныя признанія, которыя важно собрать; прежде всего мы узнаемъ изъ нихъ, каково было его положеніе и средства. Отъ его біографовъ мы знаемъ, что онъ былъ сынъ или пріемышъ *(alumnus)* богатаго вольноотпущенника изъ Аквинума [1]). Такимъ образомъ при своемъ вступленіи въ жизнь, онъ долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ благосостояніемъ, а судя по тому, какъ онъ выражается въ послѣднихъ своихъ сатирахъ, принадлежащихъ его старости, можно заключить, что онъ сохранилъ его. При возвращеніи одного изъ своихъ друзей, котораго онъ считалъ потеряннымъ, онъ приноситъ въ жертву двухъ овецъ Минервѣ и Юнонѣ и теленка Юпитеру. «Если бы я былъ богаче, прибавляетъ онъ, если бы мои средства соотвѣтствовали моему дружескому чувству, я бы велѣлъ притащить къ жертвеннику жертву жирнѣй, чѣмъ Гиспулла, — быка вскормленнаго на Клитумнскихъ пастбищахъ [2])». Однако теленокъ и двѣ овцы тоже чего нибудь стоютъ; не всѣ могли сдѣлать то же самое. Марціалъ напр. былъ бы принужденъ искать другого средства выразить свою благодарность богамъ. Въ другомъ мѣстѣ Ювеналъ описываетъ обѣдъ, который онъ собирается дать своимъ друзьямъ. Онъ подчеркиваетъ, что трапеза будетъ нероскошна,

[1]) Различныя біографіи Ювенала были собраны у Яна (Otto Jahn) въ его прекрасномъ изданіи этого сатирика.
[2]) XII, 11.

и пользуется случаемъ, чтобы посмѣяться надъ безумными издержками вельможъ того времени. Но и его меню нельзя назвать тощимъ. «Не на рынкѣ будетъ добыта провизія для обѣда, говоритъ онъ; изъ Тибурскихъ окрестностей мнѣ пришлютъ жирнаго козленка, который еще не щипалъ травы, затѣмъ спаржа, затѣмъ вмѣстѣ съ прекрасными яйцами еще неостывшими въ сѣнѣ, ихъ матери, которыя снесли ихъ, наконецъ виноградъ, сохраненный втеченіе всей зимы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ на своей лозѣ, груши изъ Сигніи и изъ Сиріи и въ тѣхъ же корзинахъ яблоки съ свѣжимъ запахомъ, такія же отличныя, какъ Пиценскія [1]).» Очевидно, что это не особенно спартанскій обѣдъ,—Горацій угощалъ своихъ друзей съ меньшими издержками. Надо прибавить, что сервировка соотвѣтствуетъ кушаньямъ. У Ювенала конечно нѣтъ метр-дотелей, какіе есть у Трималхіона, настоящихъ виртуозовъ, которые разрѣзаютъ кушанья въ тактъ, съ жестами пантомимъ. Но всетаки и у него есть нѣсколько рабовъ: «Оба мои служителя одѣты въ одинаковые костюмы, они съ короткими незавитыми волосами, причесанными спеціально для этого великаго дня; одинъ — сынъ моего пастуха, другой — сынъ моего погонщика воловъ; онъ вздыхаетъ по своей матери, которую онъ давно не видалъ. Онъ нальетъ тебѣ вина съ тѣхъ виноградниковъ, откуда онъ самъ пришелъ въ Римъ и у подножія которыхъ онъ игралъ когда то; вино и виночерпій одной и той же почвы [2]).» Такимъ образомъ, у Ювенала есть пастухъ и погонщикъ воловъ, онъ выписываетъ козленка изъ Тибура, вѣроятно изъ какого нибудь принадлежащаго ему имѣнія, онъ пьетъ свое домашнее вино. Слѣдовательно, ему не приходилось просить милостыни, чтобы жить, какъ большинству его литературныхъ собратьевъ; онъ не былъ въ томъ печальномъ положеніи, какъ напр. Рубренъ Лаппа, который закладывалъ свою пьесу *Атрей*, чтобы заплатить за плащъ, или Стацій, который умеръ бы съ голоду, еслибъ гистріонъ Парисъ не купилъ у него его *Агаву*. Но Ювеналъ не считалъ себя богатымъ и охотно причислялъ себя къ людямъ недостаточнымъ *(mediocres)*, къ которымъ свѣтъ такъ строгъ. Но не говоритъ ли онъ самъ, что никто не удовлетворенъ своей судьбой? У него есть любопытная

[1]) XI, 74.
[2]) XI, 150.

страница, гдѣ онъ возстаетъ противъ ненасытныхъ и старается установить границу, за предѣлами которой слѣдуетъ благоразумно остановиться въ стремленіи къ богатству. Такой границей онъ считалъ доходъ трехъ всадниковъ вмѣстѣ, т. е. 12000 фр. ренты[1]). Такимъ образомъ онъ ставитъ себѣ довольно высокій идеалъ: доходъ въ 12000 былъ весьма значителенъ въ обществѣ, гдѣ не существовало среднихъ состояній, а были только милліонеры и нищіе; можно было не достигнуть такого дохода и всетаки не быть бѣднымъ. Итакъ, можно думать, что Ювеналъ былъ не такъ богатъ, какъ бы онъ желалъ; но если онъ не обладалъ рентой въ 12000 франковъ, которую онъ считалъ необходимой для того, чтобы хорошо жить, то онъ тѣмъ не менѣе не бѣдствовалъ, и нельзя его сопричислить къ тѣмъ, о которыхъ онъ говоритъ съ такой грустью: «Достойному человѣку очень трудно создать себѣ имя, если нищета царитъ у его очага[2]).»

Окончательно это доказывается тѣмъ, что когда онъ прибылъ изъ Аквинума въ Римъ, онъ не потрудился избрать себѣ ремесла, которое бы кормило его. Онъ предался исключительно своимъ склонностямъ, а именно занялся пышнымъ школьнымъ краснорѣчіемъ, которое называли декламаціей. Странный вкусъ для человѣка, который издали кажется намъ такимъ серьезнымъ умомъ! Втеченіе полжизни онъ декламировалъ, это значитъ, что въ извѣстные дни онъ письмами и аффишами созывалъ всѣхъ образованныхъ людей Рима въ нанятую имъ залу послушать, какъ онъ ведетъ воображаемый процессъ и изобрѣтаетъ новые аргументы на такія темы, которыя тысячу разъ дебатировались. Біографъ Ювенала говоритъ, что онъ декламировалъ для своего удовольствія (*animi causa*); но трудно допустить, чтобы онъ предавался этому пустому занятію исключительно изъ удовольствія давать совѣты Суллѣ или защищать людей, которые никогда не подвергались суду. Очевидно онъ хотѣлъ извѣстности; онъ надѣялся создать себѣ репутацію и заставить говорить о себѣ въ Римѣ. Достигъ ли онъ цѣли? Добился ли онъ своими школьными упражненіями имени, которое соотвѣтствовало бы его таланту? Это кажется весьма сомнительнымъ. Правда, Марціалъ называетъ его гдѣ то «краснорѣчивымъ Ювена-

[1]) XIV, 322.
[2]) III, 164.

ломъ»; но можетъ быть это не болѣе, какъ дружескій комплиментъ, которому не надо придавать особеннаго значенія. Несомнѣнно одно, что имя Ювенала ни разу не приведено въ перепискѣ Плинія, въ которой отражается все литературное движеніе того времени[1]). Впослѣдствіи, покинувши свое первоначальное занятіе, Ювеналъ говоритъ не иначе, какъ съ горечью. «И я, говорилъ онъ, протянулъ было руку къ ферулѣ; какъ и прочіе, я старался убѣдить Суллу возвратиться къ частной жизни и спать на оба уха[2]).» Развѣ онъ могъ бы употребить такія насмѣшливыя слова, если бы то время вызывало у него воспоминанія объ успѣхахъ? Замѣчено также, что онъ дурно расположенъ къ тѣмъ, которые подвизались на томъ же поприщѣ, но съ бо́льшимъ успѣхомъ. Онъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не посмѣяться надъ Квинтиліаномъ; онъ мимоходомъ шутитъ надъ Исеемъ, греческимъ декламаторомъ, къ которому бѣгалъ весь Римъ, которому Плиній посвятилъ одно изъ своихъ писемъ. Такое знаменательное нерасположеніе, такія горькія слова, которыя вырываются у него безпрестанно по адресу декламаторовъ и декламаціи, скрываютъ какъ будто несбывшуюся надежду. Онъ дебютировалъ въ жизни неудачно и долженъ былъ съ самаго начала чувствовать непріязнь къ тому обществу, которое не удѣлило ему мѣста по его достоинству.

Извѣстно однако, что это общество имѣло вкусъ къ талантливымъ людямъ. Ораторы, достигшіе имени въ судѣ или въ школахъ, были всюду хорошо приняты. Исей, о которомъ только что было упомянуто, стоялъ на короткой ногѣ съ самыми важными лицами, а изъ писемъ Плинія мы знаемъ, что простые философы часто женились на женщинахъ очень высокаго происхожденія[3]). Ювеналъ не зналъ подобной удачи; ничто не указываетъ, чтобы онъ былъ близокъ съ вельможами; вѣроятно онъ никогда не проникалъ къ нимъ дальше передней. Нужно видѣть, какъ онъ завидуетъ судьбѣ Вергилія, мелкаго помѣщика изъ

[1]) Моммсенъ доказалъ, что первая книга писемъ Плинія опубликована въ 97 г., раньше Траяна. Ювеналъ вѣроятно еще не написалъ своихъ сатиръ, и ничего не могло помѣшать Плинію упомянуть его имя, если бы онъ прославился краснорѣчіемъ. См. статью Моммсена *Жизнь Плинія Младшаго*, французскій переводъ Мореля.
[2]) I, 15.
[3]) *Epist*, III, 11, 5.

Мантуи, или Горація, сына раба, которые оба добились протекціи императора и стали почти довѣренными лицами перваго министра! Ни въ какомъ случаѣ нельзя повѣрить, основываясь на репутаціи Ювенала, чтобы онъ презиралъ такія милости; нельзя представлять его себѣ однимъ изъ тѣхъ недовольныхъ гордецовъ, которые живутъ въ высокомѣрномъ уединеніи, которыхъ знать оставляетъ въ ихъ добровольномъ одиночествѣ, потому что они не хотятъ кланяться передъ нею. Нескромное словечко его друга Марціала разрушаетъ такія иллюзіи.—Всѣмъ извѣстенъ странный обычай милостыни (*sportula*), которымъ жила добрая часть народа въ Римѣ. Каждое утро бѣдные кліенты важныхъ домовъ покидали до свѣту свои отдаленные кварталы, отправлялись къ дверямъ богачей и ждали здѣсь ихъ пробужденія. Всѣ они хотѣли явиться первыми и обнаружить такимъ образомъ усердіе въ исполненіи своего долга. Они становились въ рядъ вдоль стѣны, дрожа отъ холода зимой, задыхаясь лѣтомъ подъ тяжестью тоги, защищая свое мѣсто отъ собакъ и рабовъ, до того момента, когда дверь открывалась и ихъ вводили въ атріумъ. Тутъ они съ поклономъ проходили мимо господина, который отвѣчалъ имъ небрежнымъ кивкомъ, и затѣмъ получали отъ казначея, послѣ тщательнаго осмотра, 10 сестерцій (2 франка), которые давали имъ возможность жить. Гораздо менѣе извѣстно, что Ювеналъ принадлежалъ къ числу такихъ утреннихъ кліентовъ, осаждавшихъ двери богачей. Сохранилось очень милое стихотвореніе Марціала; возвратившись наконецъ въ свою дорогую Испанію, онъ описываетъ покой и блаженство, которое онъ вкушаетъ, и расхваливаетъ своему другу свой долгій сонъ, которымъ онъ вознаграждаетъ себя за тридцать лѣтъ недосыпанія. «Въ этотъ моментъ, говоритъ онъ ему, ты прогуливаешься безъ отдыха, дорогой Ювеналъ, въ шумной Субуррѣ или на холмѣ Діаны. Покрытый тяжелой тогой, которая заставляетъ потѣть, ты являешься къ вельможамъ и утомляешься, взбираясь на склоны большого и малаго Целійскаго холма [1].» Ювеналъ конечно не имѣлъ надобности протягивать руку, какъ другіе; его средства позволяли ему обходиться безъ милостыни въ 10 сестерцій, но онъ хотѣлъ вѣроятно найти себѣ могущественныхъ покровителей, онъ старался, можетъ быть, какимъ нибудь образомъ получить доступъ въ тотъ пышный свѣтъ, въ который онъ не могъ иначе пробраться, и это желаніе заставляло его пренебрегать скукой утреннихъ визитовъ. Итакъ, онъ перенесъ всѣ тѣ униженія, которыя онъ такъ часто описывалъ. Онъ подымался среди ночи, одѣвался наскоро изъ страха, что его опередятъ болѣе усердные кліенты, отправлялся въ путь наполовину одѣтый, «взбирался бѣгомъ на ледяную кручу Эсквилинскаго холма, въ то время какъ воздухъ дрожалъ подъ ударами града и съ его бѣднаго плаща текли ручьи отъ весенняго ливня [1].» Онъ подвергался оскорбленіямъ со стороны дерзкихъ рабовъ, которыми полны были богатые дома, онъ униженно являлся къ этому богачу, который, отягченный еще вчерашними удовольствіями, ограничивался тѣмъ, что устремлялъ на него нахальный взглядъ, не удостоивая даже открыть ротъ.

Ut te respiciat clauso Veiento labello [2]).

Тогда то навѣрное, больной и недовольный, проклиная Римъ и его непріятности, онъ рѣшился бѣжать отъ всѣхъ этихъ унизительныхъ обязанностей и отправлялся на поправленіе, какъ онъ говорилъ, въ свой милый Аквинумъ. Маленькій городокъ не жалѣлъ ничего, чтобы хорошо его принять и удержать у себя; неизвѣстный декламаторъ въ Римѣ, здѣсь онъ былъ важнымъ лицомъ, которымъ гордились его соотечественники. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что Ювенала выбрали первымъ должностнымъ лицомъ въ краѣ, и что онъ согласился даже быть жрецомъ бога Веспасіана, что довольно странно для такого скептика, какъ онъ [3]). Такимъ образомъ онъ могъ жить здѣсь въ счастьѣ и въ почетѣ; но очень вѣроятно, что онъ не оставался здѣсь. Въ той знаменитой сатирѣ, гдѣ онъ описываетъ съ такимъ воодушевленіемъ непріятныя стороны большихъ городовъ, онъ забылъ указать самую серьезную непріятность: кто однажды познакомился съ ними, не можетъ уже обойтись безъ нихъ; даже если онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, живя въ большомъ городѣ, то эта жизнь внушаетъ ему отвращеніе отъ всего другого. Грязь, шумъ, лихорадочное движеніе, без-

[1]) *Epigr.*, XII, 18.

[1]) VII, 76.
[2]) III, 185.
[3]) Моммсенъ, *Insc. regni Neap.*, 4312.

порядочная ажитація, суматоха, заботы, всѣ непріятности, на которыя горько жалуются тѣ, кто принужденъ выносить ихъ, въ дѣйствительности составляютъ такую странную и могущественную прелесть, отъ которой уже нельзя отдѣлаться. Какъ ни горько оставаться въ большомъ городѣ, какія бы ни были благія намѣренія изъ него вырваться, онъ такъ и тянетъ вернуться, чтобы тамъ жить и умереть! Такъ и нашему ярому врагу Рима, не грезившему ни о какомъ другомъ счастьѣ, какъ забраться на старости лѣтъ подобно ящерицѣ въ свою нору, чтобъ тамъ «влюбленнымъ въ свой заступъ, усердно ухаживать за своимъ огороженнымъ полемъ», скоро надоѣдала тишина Аквинума, и онъ возвращался поскорѣе назадъ въ ненавистный городъ и снова подвергался всѣмъ униженіямъ, которыя ожидали бѣдныхъ людей у дверей вельможъ.

Итакъ, римская аристократія не оказала Ювеналу радушнаго пріема; онъ не пріобрѣлъ такого положенія, какое занималъ Горацій при дворѣ Августа, среди высокопоставленныхъ лицъ, которыя относились къ нему какъ къ другу, приходили запросто пообѣдать у него въ праздничный день, спрашивали его мнѣнія о литературныхъ и моральныхъ вопросахъ и считали себя польщенными, если поэтъ посвящалъ имъ оду или посланіе. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ и слѣда подобной близости, и это не можетъ насъ удивлять. Чѣмъ болѣе римская знать теряла свое могущество, тѣмъ болѣе она дорожила тѣми ничтожными отличіями, которыя дѣлали ее невыносимой; мстя за униженія, которыми осыпали ее цезари, она въ свою очередь заставляла бѣдныхъ людей подчиняться тому же самому; у ней не осталось болѣе ни одного права кромѣ права нахально обращаться съ низшими, и она этимъ правомъ пользовалась въ избыткѣ. Ничто такъ не оскорбляетъ, какъ подобное презрѣніе, особенно когда оно исходитъ отъ людей, которые въ дѣйствительности имѣютъ также мало власти. Когда высокомѣріе опирается на дѣйствительную силу, оно какъ будто имѣетъ свое основаніе и поэтому легче переносится; но если аристократія также безсильна, какъ и тщеславна, то съ дерзостью ея никто не можетъ примириться. Ювеналъ съ большою горечью говорилъ о римской аристократіи. Его восьмая сатира кажется сначала простой разработкой моральной тезы на манеръ Сенеки; но скоро чувствуется, что въ сердцѣ его просыпаются старыя раны, и

личный, страстный тонъ замѣняетъ философскія общія мѣста. Моралистъ является здѣсь не мудрецомъ, который на досугѣ холодно разсуждаетъ о людскихъ отношеніяхъ, а человѣкомъ, который вынесъ на себѣ самомъ соціальное неравенство и не забылъ этого. Онъ перенесъ презрѣніе этого Дамазиппа, кучера изъ важнаго дома, который живетъ въ своихъ конюшняхъ, «который развязываетъ вязанку сѣна и насыпаетъ ячменя своимъ лошадямъ [1])», всѣхъ этихъ Лентуловъ, Гракховъ, которые сдѣлались гистріонами или гладіаторами; онъ слышалъ, какъ этотъ молодой фатъ, гордящійся тѣмъ, что его домъ полонъ изображеніями предковъ, обращается къ бѣднякамъ: «Вашъ братъ— это все жалкая сволочь, подонки нашей черни; никто изъ васъ не могъ бы сказать, изъ какой страны вышелъ вашъ отецъ. Я—я происхожу отъ Кекропса.—Благо тебѣ, отвѣчаетъ ему сатирикъ, и пусть долго тебѣ доставляетъ наслажденіе слава, такого высокаго происхожденія. Всетаки ты въ этой черни чаще всего найдешь римлянина, слово котораго защищаетъ передъ правосудіемъ благороднаго невѣжду; изъ этой сволочи выходитъ юрисконсультъ, который умѣетъ разрѣшать загадки закона; отсюда происходятъ наши молодые, храбрые солдаты, которые идутъ на берега Евфрата и къ Батавамъ, чтобы тамъ подъ сѣнью орловъ наблюдать за усмиренными народами. Ты же—потомокъ Кекропса и больше ничего. Ты мнѣ напоминаешь Гермеса въ футлярѣ, — единственное твое преимущество то, что Гермесъ сдѣланъ изъ мрамора, а ты живая статуя [2]).» Сколько жажды мести просвѣчиваетъ въ этихъ словахъ! Чувствуется, какую злобу долженъ былъ ощущать поэтъ вслѣдствіе презрѣнія большого свѣта, гдѣ его талантъ долженъ былъ бы очистить ему мѣсто, но гдѣ для него двери такъ и остались закрытыми.

Отверженный хорошимъ обществомъ, Ювеналъ обратился къ дурному. Онъ самъ знакомитъ насъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ личностей, у которыхъ онъ бывалъ: поистинѣ странное общество для человѣка, который считалъ своимъ призваніемъ проповѣдывать добродѣтель. Не будемъ говорить о Марціалѣ, хотя онъ далеко не можетъ служить примѣромъ нравственности; если бы онъ былъ одинъ, дружба съ нимъ не особенно еще говорила бы противъ Ювенала. Марціалъ былъ очень

[1]) VIII, 154.
[2]) VIII, 44.

умный поэтъ; онъ имѣлъ такой пріятный умъ, столько темперамента и граціи, что можно было забыть легкомысліе его поведенія и морали ради обаянія его таланта. Мы будемъ говорить главнымъ образомъ о тѣхъ, которымъ Ювеналъ посвящаетъ свои сатиры; видно, что это не воображаемыя личности, онъ обращается съ ними, какъ съ друзьями, между которыми онъ проводитъ жизнь. Самый порядочный изъ нихъ—бѣдный Умбрицій, оборванный поэтъ, уставшій умирать съ голода въ Римѣ; онъ рѣшается наконецъ уйти въ Кумы и всю свою движимость помѣщаетъ на маленькой тележкѣ [1]); но зато остальные! Одинъ изъ нихъ — искатель любовныхъ приключеній, знаменитый развратникъ *(moechorum notissimus)*, который неоднократно принужденъ былъ прятаться въ сундукѣ чужихъ женъ при неожиданномъ возвращеніи мужа [2]); другой— безстыдный паразитъ, котораго надежда пообѣдать заставляетъ идти на всѣ униженія, принимать ругательства лакеевъ, насмѣшки вольноотпущенниковъ, дерзость господина, только бы поймать вкусный кусокъ и поѣсть нѣсколько лучше, чѣмъ онъ обыкновенно ѣстъ въ своемъ чуланѣ [3]); третій наконецъ торгуетъ самимъ собой и съ полной охотой берется за самое низкое ремесло [4]). Все это люди, которымъ Ювеналъ адресуетъ свои моральныя проповѣди и другомъ которыхъ онъ называетъ себя безъ колебанія. Онъ не старался даже скрыть отъ насъ свои знакомства, до того они кажутся ему естественными. Низаръ указываетъ, что каждое изъ маленькихъ стихотвореній, которыя Марціалъ пишетъ Ювеналу, содержитъ непристойность; таковъ былъ вѣроятно обычный тонъ бесѣды въ этомъ обществѣ; посѣщая его, и Ювеналъ усвоилъ себѣ привычку къ грубымъ шуткамъ и пошлымъ выходкамъ. Однажды, приглашая къ обѣду одного изъ лучшихъ своихъ друзей, онъ проситъ его забыть домашнія дрязги: «Забудь, говоритъ онъ ему, непріятности, которыя доставляетъ тебѣ жена, когда она вечеромъ возвращается домой, съ разстроенной шевелюрой, съ разгорѣвшимся лицомъ, съ красными ушами, съ подозрительно измятыми платьями [5]).» Странныя насмѣшки! Надо признаться, что то общество, гдѣ можно было себѣ

[1]) III.
[2]) VI, 43.
[3]) V.
[4]) IX.
[5]) XI, 186.

позволить подобныя шутки надъ другомъ, не боясь его разсердить, не должно было отличаться особенной деликатностью и воспитанностью.

Но самая пикантная оригинальность сатиры Ювенала заключается именно въ томъ, что она вводитъ насъ въ общество, куда бы мы безъ нея не проникли. Это сатира маленькихъ людей. Читая Ювенала, мы находимся въ компаніи голодныхъ поэтовъ, профессоровъ безъ воспитанниковъ, адвокатовъ безъ дѣлъ, разорившихся торговцевъ, словомъ всѣхъ тѣхъ, которые живутъ лишеніями, отъ случая до случая, утромъ стучатъ въ двери богачей, а вечеромъ засыпаютъ иногда въ тавернѣ Сирофеникса, «рядомъ съ матросами, мошенниками, бѣглыми рабами, гробовщиками и нищенствующими жрецами Кибелы [1])». Ювеналъ говоритъ за нихъ; онъ сдѣлался ихъ выразителемъ и защитникомъ, онъ знаетъ всѣ ихъ виды, онъ неподражаемъ по силѣ и правдѣ, когда берется за ихъ описаніе. Онъ бывалъ у поэтовъ, «которые сочиняютъ восхитительные стихи въ бѣдныхъ лачугахъ [2])», у риторовъ, у грамматиковъ, у которыхъ оспариваютъ ихъ тощее вознагражденіе, у адвокатовъ, которые разсчитываютъ на успѣхъ своей защиты, чтобы пообѣдать, «краснорѣчіе которыхъ сопитъ, какъ кузнечный мѣхъ, въ то время какъ на ихъ устахъ тѣнится ложь [3])». Онъ жилъ между бѣдными кліентами, которые являются къ своимъ патронамъ «въ грязной и разорванной туникѣ, въ запачканной тогѣ, въ зіющихъ или грубо заплатанныхъ башмакахъ [4])»; онъ слышалъ, какъ они отвѣчаютъ тѣмъ, кто упрекаетъ ихъ въ нищенствѣ передъ богачемъ: «Когда придетъ декабрь, что же я долженъ отвѣтить этимъ голымъ плечамъ, которыя просятъ отъ меня одежды, этимъ ногамъ, которыя требуютъ обуви? Могу ли я сказать имъ: терпѣніе! подождите возвращенія стрекозъ [5])»? Въ этомъ, повторяемъ, значительная часть оригинальности Ювенала. Никто еще въ латинской литературѣ не удостоилъ поднять голосъ за этихъ мелкихъ, кропотливыхъ людей; безъ него жалобы этихъ несчастныхъ не дошли бы до насъ. Историки прочувствованно говорятъ лишь о несчастьяхъ высокопоставленныхъ лицъ;

[1]) VIII, 174.
[2]) VII, 28.
[3]) VII, 110.
[4]) III, 148.
[5]) IX, 66.

нужно быть сенаторомъ или всадникомъ, чтобы получить право на ихъ слезы; жалость Ювенала спускается гораздо ниже. Когда онъ изображаетъ бѣдствія общества, онъ почти всегда становится на точку зрѣнія бѣдняковъ. Онъ раздѣляетъ всѣ ихъ предразсудки и воспроизводитъ всѣ ихъ жалобы; онъ судитъ міръ также, какъ они, и смягчается только надъ ихъ страданіями. Въ первой сатирѣ, гдѣ онъ съ такимъ удовольствіемъ перечисляетъ всѣ пороки своего времени, онъ, можетъ быть, не столько сердится на богатыхъ за то, что они прожигаютъ свои состоянія, сколько за то, что дѣлаютъ это они одни. Развращенные, скупые и одинокіе, они не зовутъ болѣе товарищей, чтобы помочь имъ скорѣе разориться. «Какъ! восклицаетъ Ювеналъ, неужели не будетъ болѣе паразитовъ, *nullus jam parasitus erit.* [1])». Развѣ не слышно, что этотъ крикъ исходитъ изъ сердца Невола, Умбриція, Требія? Конечно же нравственность не пострадаетъ отъ уничтоженія такого постыднаго ремесла; но что станетъ съ тѣми, кто жилъ этой профессіей? Ювеналъ поставилъ себя на ихъ мѣсто и говоритъ отъ ихъ имени.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ въ этомъ родѣ, гдѣ поэтъ болѣе всего находится подъ вліяніемъ своей среды, заключаетъ въ себѣ энергичныя нападки на Грековъ. Сначала кажется, что это результатъ самаго пылкаго патріотизма. «Граждане, говоритъ онъ торжественнымъ тономъ, я не могу перенести, чтобы Римъ сталъ греческимъ городомъ [2]).» Здѣсь какъ будто слышится голосъ Катона-цензора. И сколько критиковъ впали въ обманъ! Они приняли въ серьезъ паѳосъ Ювенала и представляютъ его себѣ однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ римской національности. Это глубокая ошибка: причина его недовольства не такъ возвышенна, какъ кажется, въ глубинѣ его злобы нѣтъ ничего, кромѣ соперничества паразитовъ. Старый римскій кліентъ, привыкшій жить на счетъ щедрости богачей, не можетъ перенести мысли, что чужестранецъ займетъ его мѣсто.» Итакъ, говоритъ онъ, онъ станетъ подписываться раньше меня, онъ займетъ почетное мѣсто за столомъ,—этотъ пройдоха, заброшенный сюда вѣтромъ, который привозитъ намъ винную ягоду и черносливъ! Неужели не имѣетъ уже никакого значенія, если кто съ дѣтства дышалъ воздухомъ Авентин-

[1]) I, 139.
[2]) III, 60.

скаго холма и питался Сабинскими фруктами [1])». Какая странная окраска національной гордости! Послушать его, такъ право льстить патрону и жить на его счетъ есть привилегія, пріобрѣтаемая рожденіемъ или мѣстомъ жительства, также какъ право вотировать законы и избирать консуловъ. Въ дѣйствительности ему внушаютъ отвращеніе не средства, къ которымъ прибѣгаютъ греки; онъ охотно попробовалъ бы пустить ихъ въ дѣло, если бы онъ думалъ, что это можетъ имѣть успѣхъ. «Я бы съумѣлъ льстить не хуже ихъ, говоритъ онъ,—но они умѣютъ заставить себѣ вѣрить [2])»! Какъ соперничать съ этой ловкой и изворотливой расой въ низкопоклонствѣ и въ податливости? «Грекъ рождается комедіантомъ; вы смѣетесь, и онъ будетъ смѣяться сильнѣе васъ. Если у его патрона покажется слеза на глазу, онъ заплачетъ навзрыдъ, нисколько не будучи огорченнымъ при этомъ. Потребуете вы немного огня зимой, онъ натягиваетъ на себя свой плащъ на подкладкѣ. Какъ жарко! скажете вы,—и потъ съ него градомъ катится [3])». А этого то римлянинъ дѣлать не умѣетъ. При всемъ стараніи, онъ всетаки грубъ и неуклюжъ: это прирожденный порокъ. Въ его репликахъ нѣтъ тонкости, онъ ѣстъ прожорливо, у него даже при самыхъ позорныхъ услугахъ остаются рѣзкости и шероховатости, которыя не могутъ быть терпимы; онъ не умѣетъ вложить въ свое подхалимство столько ловкости и изобрѣтательности. Поэтому, когда патронъ разъ попробуетъ грека, который такъ льститъ его склонностямъ и такъ умѣло служитъ его удовольствіямъ, онъ не можетъ уже вернуться къ тяжеловѣсному римскому кліенту. «Борьба между нами неравна, грустно говоритъ Ювеналъ, у нихъ слишкомъ много преимуществъ [4])»! Если бъ они еще позволяли бѣдному кліенту садиться безъ шума на краю стола и время отъ времени веселить присутствующихъ какимъ нибудь словцомъ «съ почвеннымъ запахомъ»; но нѣтъ, они хотятъ «забрать весь домъ себѣ». Римлянину нѣтъ болѣе мѣста тамъ, гдѣ царитъ какой нибудь Протогенъ, Дифилъ или Эримархъ. Они терпѣть не могутъ дѣлиться, патронъ принадлежитъ имъ цѣликомъ. Если они скажутъ слово, вся

[1]) III, 81.
[2]) III, 92.
[3]) III, 100.
[4]) III, 104.

моя прежняя услужливость обращается ни во что: приходится убираться [1])». Такимъ образомъ несчастный кліентъ, изгнанный изъ дома богача, съ воображеніемъ, наполненнымъ всѣми кушаньями, на которыя онъ надѣялся или которыя мелькомъ видѣлъ, возвращается печально къ своей жалкой ежедневной трапезѣ [2]). Вотъ истинныя причины его недовольства на Грековъ, и Ювеналъ, который часто слышалъ, какъ онъ стонетъ послѣ своего тощаго обѣда, добросовѣстно передалъ намъ его жалобы.

Собрать эти мелочи намъ было полезно. Они даютъ намъ правильное понятіе объ общественномъ положеніи Ювенала, а зная его, легче объяснить себѣ характеръ его произведеній. Изъ нихъ слѣдуетъ, что, прежде чѣмъ стать великимъ поэтомъ, онъ имѣлъ репутацію посредственнаго говоруна, изъ тѣхъ, что «потрясаютъ своимъ краснорѣчіемъ мраморныя залы *Фронтона;*» большой свѣтъ не призналъ его, хотя онъ, какъ кажется, дѣлалъ нѣкоторыя попытки, чтобы проникнуть туда; онъ велъ знакомство съ довольно дурной компаніей и охотно вращался среди развратниковъ и паразитовъ, не смотря на то что стоялъ выше ихъ и по своимъ средствамъ, и извѣстными природными качествами характера; однимъ словомъ, говоря современнымъ языкомъ, это былъ недовольный и неудачникъ. Эти данныя, надо признаться, не вполнѣ таковы, чтобы можно было, обладая ими, стать справедливымъ поэтомъ и безпристрастнымъ сатирикомъ.

IV.

Почему Ювеналъ принялся писать сатиры.—Продолженіе революціи, низвергшей Домиціана.—Неопредѣленность политическихъ убѣжденій Ювенала.—Его рѣзкіе отзывы о прошломъ. Нападки на современниковъ.—Его нерасположеніе къ среднему классу и къ народу. Онъ домогается щедротъ императора для литераторовъ.

Ювеналъ нигдѣ не говорилъ ясно и точно, почему онъ покинулъ прозу, и откуда ему пришла мысль писать стихами. Онъ туманно при-

[1]) III, 118.

[2]) Такъ именно описываетъ Помпоній, въ одной ателланѣ, горе паразита, котораго не пригласили къ обѣду: *si eum nemo vocat, revortit moestus ad maenam miser* (Риббекъ, *Fragmenta comic.* Pompon., 81).

писываетъ этотъ переходъ своему негодованію на преступленія и смѣшныя черты, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть: «Видя, какъ всѣ богатства нашихъ патриціевъ затмеваются роскошью пройдохи, который нѣкогда, въ дни моей юности, скрипѣлъ своей бритвой по моей бородѣ, или какъ какой нибудь негодяй, вышедшій изъ египетской сволочи гордо носитъ на плечахъ тирскій пурпуръ, трудно не писать сатиръ... Смогу ли я выразить всю ярость, которая сушитъ меня и сжигаетъ мою печень, когда какой нибудь несчастный, обобравшій своего питомца, занимаетъ всю улицу толпой своихъ кліентовъ?... Какъ при такомъ зрѣлищѣ не поддаться соблазну остановиться тутъ же посреди переулка, взять свои досчечки и занести на нихъ этихъ идущихъ мимо чудовищъ [1])? «Злоба Ювенала конечно вполнѣ законна, но какъ могло случиться, что онъ почувствовалъ ее такъ поздно? Ему было около сорока лѣтъ, когда онъ вознамѣрился сочинить свои первыя извѣстныя намъ сатиры. Ни одна изъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онѣ дошли до насъ, не восходитъ раньше Траяна. Слѣдуетъ ли думать, что при Домиціанѣ не было развратниковъ и воровъ, или что въ то время Ювеналъ еще не думалъ негодовать на ихъ существованіе? Если онъ сдѣлался такъ рѣзокъ въ возрастѣ, когда сильные порывы обыкновенно улегаются, если онъ вдругъ бросаетъ прозу для стиховъ въ сорокъ лѣтъ, когда умственныя привычки вполнѣ сложились, то нужно предположить, что какое нибудь особенное событіе задѣло его за живое и открыло ему его настоящій талантъ.

Этимъ событіемъ несомнѣнно была внезапная революція, освободившая имперію отъ Домиціана. Немного есть такихъ цезарей, которыхъ бы такъ ненавидѣли, какъ его, хотя съ перваго взгляда онъ не кажется намъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ другіе; но подобная усиленная ненависть можетъ быть объяснена тѣмъ, что отъ Тиберія до Нерона Римъ, такъ сказать, не могъ передохнуть; тиранія не прерывалась и не удивляла болѣе никого, такъ какъ съ нею свыклись. Восшествіе на престолъ Веспасіана измѣнило настроеніе общества. Казалось, злой рокъ отнынѣ былъ отвращенъ отъ имперіи, будущее ожидалось съ довѣріемъ;

[1]) I, 55.

снова стали привыкать къ благосостоянію, къ безопасности, ко всѣмъ тѣмъ удобствамъ жизни, которыми такъ естественно пользоваться, что лишиться ихъ кажется чѣмъ то невозможнымъ. При Веспасіанѣ и Титѣ никто не думалъ, что время Тиберія и Нерона можетъ возвратиться; однако оно возвратилось при Домиціанѣ, который какъ будто выбралъ ихъ обоихъ своими образцами и домогался славы быть похожимъ на нихъ. Его тиранія казалась особенно тяжелой, потому что явилась неожиданностью; Домиціана ненавидѣли и за совершенныя преступленія, и за обманутыя имъ надежды. Этой то яростной ненавистью и объясняется радостное опьяненіе, которое охватило всѣхъ при извѣстіи о его смерти; чтобы получить объ этомъ представленіе, нужно прочесть письма Плинія. «Со всѣхъ сторонъ, говоритъ онъ, слышались неясные крики смятенія [1].» Всѣ тѣ, кто потеряли родственника или друга, искали возможности отомстить за него. Доносчики трепетали; по вечерамъ они ходили къ тѣмъ, которые, какъ они знали, имѣли что нибудь противъ нихъ, и всячески унижались, чтобы только обезоружить своихъ враговъ. Но нелегко было добиться доносчикамъ желаемаго прощенія. Молодежь, со смертью Веспасіана вступившая въ политическую жизнь, полная увѣренности въ себѣ и надежды на будущее, и обреченная на бездѣйствіе и молчаніе пятнадцати лѣтъ деспотизма, была счастлива что вновь открылась возможность говорить и дѣйствовать; она хотѣла громкихъ эффектовъ, нападая на главныхъ виновниковъ. И исторія, и краснорѣчіе вновь оживились съ пробужденіемъ свободы. Фанній сочинялъ похвалу жертвамъ Нерона [2]; Капитонъ собиралъ своихъ друзей, чтобы читать имъ біографіи славныхъ личностей, погибшихъ при Домиціанѣ [3]). Не естественно ли, что и поэзія почувствовала на себѣ наступившую реакцію? Въ первыхъ своихъ сатирахъ Ювеналъ говоритъ о смерти Домиціана, какъ о недавнемъ событіи; онѣ написаны немедленно послѣ революціи, освободившей имперію, въ первые моменты волненія и шума, который какъ будто долженъ былъ вознаградить на пятнадцать лѣтъ безмолвія. Итакъ можно предположить, что ненависть къ только что умершему императору вдохновила первые стихи Ювенала. Можетъ быть, у него были личныя причины ненавидѣть Домиціана; многіе предполагали, что онъ былъ изгнанъ по его повелѣнію [1]). Тогда можно допустить, что общее волненіе довело его пылкое сердце до изступленія: ему предстояло отомстить за личную обиду, и самая рѣзкая проза была бы недостаточна, чтобы выразить его гнѣвъ, лившійся черезъ край. Въ тотъ же моментъ и подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ Тацитъ дебютировалъ въ исторіи жизнеописаніемъ Агриколы. Судьба этихъ двухъ великихъ писателей была одинакова; оба большую часть своей жизни посвятили занятіямъ, которыя оказались безполезными для ихъ славы, оба стали на свою естественную дорогу вслѣдствіе одного и того же политическаго потрясенія, оба болѣе или менѣе въ одинаковомъ возрастѣ принялись за тотъ родъ литературы, въ которомъ имъ суждено было прославиться и стать мастерами съ перваго же шага.

Сатира Ювенала, обязанная своимъ происхожденіемъ революціи, естественно была прежде всего сатирой политической; дѣйствительно, она охотно обсуждаетъ современныя и прошедшія событія и свободно высказываетъ свое мнѣніе о фактахъ и людяхъ. Однако, если, прочитавши стихи Ювенала, спросишь себя, къ какой партіи онъ принадлежитъ, какой образъ правленія онъ предпочитаетъ, то отвѣтить на этотъ вопросъ довольно затруднительно. В. Гюго называетъ Ювенала «древней свободной душой умершихъ республикъ» *(la vieille âme libre des republiques mortes)*; это легко сказать, но весьма трудно доказать. У Ювенала нѣтъ ни одного выраженія, которое позволило бы утверждать съ увѣренностью, что онъ былъ республиканецъ. Чтобы установить этотъ фактъ, обыкновенно прибѣгаютъ къ самымъ незначущимъ доказательствамъ. Онъ жалуется напр. на одного патрона, который угощаетъ своихъ сотрапезниковъ уксусомъ и дряннымъ виномъ, тогда какъ ему наливаютъ Альбанскаго и Сетійскаго вина, «такого вина, какое пили Гельвидій и Тразеа, когда они, увѣнчанные цвѣтами, праздновали память обоихъ Брутовъ [2])». — «Что за прекрасные стихи! восклицаетъ

[1]) *Epist*, IX, 13: *incondito turbidoque clamore.*
[2]) Плиній, *Epist.*, V, 5.
[3]) Тамъ же, VIII, 12.

[1]) Таково мнѣніе Фр. Германна; онъ очень энергично выразилъ его въ предисловіи къ своему изданію Ювенала въ коллекціи Теубнера. Вѣроятнѣе однако, что Ювеналъ былъ изгнанъ только въ концѣ своей жизни, при Адріанѣ. См. предисловіе Вейднера (*Iuvenalis sat.*, Лейпцигъ, 1873).
[2]) V, 36.

при этомъ Лемеръ, какъ здѣсь ясно, что онъ любилъ свободу и ненавидѣлъ тиранію [1])!» — «Это былъ Римлянинъ стараго закала», прибавляетъ въ свою очередь Видаль [2]).—На самомъ дѣлѣ это былъ просто шутникъ, который не безъ удовольствія отмѣчаетъ мимоходомъ, что и страшные республиканцы пили иногда прекрасное вино, и надо много добраго желанія, чтобы въ подобной выходкѣ видѣть profession de foi [3]).

Нисколько не большее значеніе въ нашихъ глазахъ имѣютъ похвалы, которыя Ювеналъ постоянно расточаетъ прошедшему. Таковъ былъ тогда обычай; всѣ моралисты полны сожалѣній о старомъ времени, и сами императоры, когда они желали въ своихъ эдиктахъ высказать своимъ подданнымъ какое нибудь добродѣтельное нравоученіе, съ умиленіемъ цитировали примѣры Фабриція и Цинцинната. Ювеналъ говоритъ о старой республикѣ въ томъ же смыслѣ; онъ охотно напоминаетъ о добродѣтеляхъ того времени, онъ восторгается чистотою нравовъ, бѣдностью меблировки, скудостью пищи предковъ. Въ противовѣсъ роскоши своего времени, всѣмъ утонченностямъ въ удобствахъ и въ изяществѣ жизни, безъ которыхъ жизнь стала болѣе невозможна, Ювеналъ съ наслажденіемъ рисуетъ картину античной семьи: полуголыя дѣти валяются въ пыли, отецъ, утомленный дневными работами, объѣдается гдѣ нибудь въ углу желудями, и рядомъ съ нимъ его жена, часто еще болѣе дикая, чѣмъ ея мужъ, кормитъ грудью своихъ сыновей. «Нѣтъ, ты не походила на нее, о Цинтія! и ты также, о Лесбія, ты, которая не пожалѣла блеска своихъ глазъ, чтобы оплакивать воробья [4]).» Такимъ образомъ Ювеналъ говоритъ о прошломъ скорѣе въ качествѣ моралиста, чѣмъ политика, и повидимому гораздо болѣе сожалѣетъ о добродѣтеляхъ древности, чѣмъ объ ея образѣ правленія. О республиканскомъ правленіи онъ говоритъ только разъ и съ удивительнымъ

---

[1]) Lemaire, *Juven. sat.*, I, стр. 306, *dulcissimi versus, qui summum libertatis desiderium odiumque tyrannidis spirant!*

[2]) Въ его книгѣ *Juvénal et ses satires*.

[3]) Не надо забывать, что при дворѣ Траяна не считалось преступленіемъ чтить память героевъ республики. Плиній разсказываетъ, что Титиній Капитонъ, не скрываясь, держалъ у себя изображенія Брута, Кассія и Катона и сочинялъ стихи въ ихъ честь (*Epist.*, I, 17).

[4]) VI, 7.

легкомысліемъ «съ тѣхъ поръ какъ мы не продаемъ болѣе никому нашихъ голосовъ [1]),» говоритъ онъ,—это значитъ: съ тѣхъ поръ какъ мы перестали быть свободными и выбирать должностныхъ лицъ». Такая насмѣшливая фраза, нужно признаться, не указываетъ на особенно глубокое сожалѣніе о республикѣ.

Правда, если Ювеналъ не особенно ясно высказываетъ свои симпатіи, зато онъ ничуть не скрываетъ своихъ антипатій. Извѣстно, какъ жестоко онъ третируетъ всѣхъ цезарей, правившихъ Римомъ со временъ Августа. Не есть ли это вѣрное указаніе его политическихъ убѣжденій, и не вправѣ ли мы заключить, что человѣкъ, который говоритъ столь дурно объ императорахъ, долженъ быть отъявленнымъ врагомъ имперіи? Такое заключеніе съ перваго взгляда кажется весьма естественнымъ; государи, правившіе одной и той же страной во имя одного и того же принципа, должны были бы чувствовать взаимную связь, и поэтому порочить ихъ предшественниковъ значитъ какъ будто тоже, что косвеннымъ образомъ нападать на ихъ правленіе. Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, такъ понималъ солидарность королей; онъ принималъ на свой счетъ комплименты, которые высказывались по адресу Карла Великаго, и былъ внѣ себя отъ негодованія, когда кто нибудь позволялъ себѣ дурно отзываться о Людовикѣ XIV; но цезари не были такъ щепетильны. Такъ какъ каждый изъ нихъ былъ врагомъ того, который царствовалъ передъ нимъ, такъ какъ многіе изъ нихъ отдѣлывались силой отъ своего предмѣстника, чтобы поскорѣй занять его мѣсто, то у нихъ просто не было никакого интереса защищать память умершихъ императоровъ; наоборотъ, нападки на нихъ были имъ пріятны и выгодны. Начиная съ Августа, который допустилъ, чтобы льстивый Овидій поставилъ его неизмѣримо выше Цезаря [2]), у всѣхъ императоровъ стало традиціей позволять уничижать прочихъ, чтобы возвеличиться самимъ. Иногда императоры сами брались за это дѣло, и еще недавно въ Тріентѣ найденъ эдиктъ императора Клавдія, гдѣ онъ очень небрежно отзывается о своемъ дядѣ Тиберіѣ и о своемъ племянникѣ Калигулѣ [3]). Этотъ примѣръ показываетъ, что

---

[1]) X. 77.

[2]) *Metam.:* XV, 745.

[3]) См. *Hermes*, IV, стр. 99. Неронъ также не отличался почтеніемъ къ своимъ предшественникамъ. Тацитъ говоритъ, что, воспользовавшись случаемъ

память цезарей не считалась священной, и что можно было порочить умершаго императора, не навлекая на себя недовольства живущаго. Поэтому строгія сужденія Ювенала о прошломъ не были ни преступленіемъ, ни даже смѣлымъ поступкомъ; то же самое позволяли себѣ многіе, которыхъ ужъ никакъ нельзя было заподозрить въ республиканскихъ симпатіяхъ. Ювеналъ осмѣлился порицать главу императорской династіи; но еще раньше него Сенека говорилъ объ Августѣ не съ большимъ снисхожденіемъ: не говорилъ ли онъ въ сочиненіи, посвященномъ Нерону, что милосердіе Августа было ничто иное, какъ утомленная жестокость [1])? Ювеналъ не преминулъ поиздѣваться надъ апоѳеозомъ Клавдія: онъ шутитъ надъ тѣмъ средствомъ, какимъ Агриппина «ввергла его въ небеса», давши ему поѣсть отличное блюдо грибовъ, «послѣ котораго онъ ничего болѣе не ѣлъ [2]);» но кто же безъ смѣха говорилъ объ этомъ странномъ божествѣ? Сенека еще гораздо менѣе почтителенъ въ своей остроумной сатирѣ, которую онъ сочинилъ чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти этого государя, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда декретъ сената открывалъ ему небеса. Очень вѣроятно, что это прелестное произведеніе было хорошо принято въ Палатинскомъ дворцѣ, и что Агриппина и Неронъ, ненавидѣвшіе Клавдія, очень имъ забавлялись. Нечего говорить о томъ, какъ Ювеналъ относится къ Домиціану; какъ бы онъ ни былъ строгъ къ этому императору, ему далеко еще до Плинія. *Панегирикъ* послѣдняго былъ однако оффиціальной рѣчью; и если Плиній, говоря въ присутствіи Траяна, не считалъ нужнымъ смягчить своихъ рѣзкостей, то вѣроятно онѣ не имѣли значенія и не влекли за собой опасности. Говоря о цезаряхъ послѣ ихъ смерти то, что каждый думалъ при ихъ жизни, никто не рисковалъ прослыть врагомъ правленія.

Но не зашелъ ли Ювеналъ гораздо дальше? Справедливо ли сказать, что онъ строгъ только къ прошлому, и что живущій императоръ совершенно избѣгаетъ его издѣвательствъ, на которыя онъ такъ щедръ

назначенія начальниковъ, завѣдующихъ государственными доходами, онъ съ порицаніемъ отзывался объ императорахъ, царствовавшихъ до него, *cum insectatione priorum principum*. (*Ann.*, XV, 18).

[1]) *De clem.*, I, 11.

[2]) VI, 622.

по отношенію къ мертвымъ? Когда онъ нападаетъ на римское общество, то о какомъ обществѣ онъ говоритъ [1])? Относится ли его суровость къ его современникамъ, или онъ имѣетъ намѣреніе заклеймить лишь эпоху Нерона и Домиціана? Отвѣтъ съ самаго начала кажется сомнительнымъ. Ювеналъ оставилъ на этотъ счетъ нѣкоторую неясность, и эта неясность кажется намъ вполнѣ сознательной. Онъ безъ сомнѣнія предвидѣлъ, какой шумъ подымутъ его сатиры; онъ боялся для себя послѣдствій своей славы, поэтому онъ не пренебрегъ, при всей своей дерзости, принять нѣкоторыя предосторожности и оставить себѣ лазейку. Если бы его современники разсердились за то, что онъ ихъ такъ третируетъ, особенно если бы императоръ, на котораго такъ охотно взваливаютъ отвѣтственность за всѣ пороки его современниковъ, нашелъ его изображенія преувеличенными, онъ хотѣлъ сохранить себѣ возможность сказать, что дѣло идетъ о другой эпохѣ, что онъ говоритъ объ обществѣ, котораго болѣе не существуетъ. Въ первой своей сатирѣ, которая очевидно должна была служить предисловіемъ къ собранію его сочиненій, онъ хочетъ увѣрить насъ, что упреки его относятся не къ какому нибудь опредѣленному вѣку, а къ цѣлому человѣчеству. «Все, что говорится на свѣтѣ, съ тѣхъ поръ какъ Девкаліонъ побросалъ за свою спину камни, всѣ страсти, волнующія человѣчество, надежда и страхъ, гнѣвъ и сладострастіе, радость и тревога, послужили матеріаломъ, изъ котораго составлена моя маленькая книжка [2])». Итакъ читатель предупрежденъ,—сатирикъ начинаетъ съ потопа. Но онъ самъ какъ будто не надѣется убѣдить насъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ онъ добровольно признается въ концѣ той же сатиры, что онъ не будетъ такъ далеко искать своихъ сюжетовъ. О Девкаліонѣ уже нѣтъ болѣе рѣчи, Ювеналъ объявляетъ только, что онъ будетъ нападать на мертвецовъ: «Я хочу попробовать, говоритъ онъ, что можно сказать о тѣхъ, прахъ которыхъ покоится вдоль Фламинской или Латинской дороги». Но онъ плохо сдержалъ свое слово, ему не разъ случалось бранить людей, которые еще не лежали въ своихъ мраморныхъ гробницахъ вдоль

[1]) См. Боргези (*Borghesi*), его *Annotazioni a Giovenale* (*Сочиненія*, т. V); онъ дѣлаетъ попытку установить время, когда жили тѣ личности, о которыхъ говорилъ Ювеналъ, и даты событій, на которыя онъ намекаетъ.

[2]) I, 80.

римскихъ дорогъ; но когда онъ на это рѣшается, то любопытно наблюдать, какія онъ принимаетъ предосторожности, чтобы сбить читателя съ дороги. Въ XIII сатирѣ онъ приводитъ ужасающее перечисленіе преступленій, которыя ежедневно совершаются въ Римѣ: убійства, клятвопреступленія, поджоги, святотатства, отравленія, отцеубійства. Читая это перечисленіе, не сомнѣваешься, что дѣло идетъ объ эпохѣ, современной автору: съ такимъ паѳосомъ можно описывать только то, что видѣлъ своимъ глазами; но вдругъ авторъ прибавляетъ: «Все, что я только что сказалъ, есть лишь ничтожная часть тѣхъ преступленій, которыя приписываютъ Галлику [1])». Галлика же этого мы знаемъ: онъ былъ римскимъ префектомъ при Домиціанѣ. Читателю казалось, что Ювеналъ говоритъ о своемъ времени, но эта маленькая фраза его разочаровываетъ. Современникамъ Траяна и Адріана нечего будетъ жаловаться,— рѣчь идетъ не о нихъ: поэтъ сразу отбросилъ насъ на четверть вѣка назадъ. Такой же фокусъ еще замѣтнѣе въ сатирѣ противъ знати. Посреди изложенія, Ювеналъ безъ всякой причины прерываетъ себя и говоритъ: «Къ кому же я обращаюсь теперь? Съ тобою я говорю, Рубелій Плавтъ». Комментаторы очень удивляются такому внезапному возгласу, и по обыкновенію, не будучи въ состояніи объяснить его, они очень имъ восхищаются. По нашему мнѣнію, эта выходка напоминаетъ слова Хризаля въ *Ученыхъ женщинахъ*, Мольера.

Я съ вами говорю, сестра.

Положеніе одинаковое: Хризаль, рѣшившись надѣлать шума, всетаки трепещетъ передъ своей женой и хочетъ увѣрить ее, что его слова относятся только къ Белизѣ. Такъ и Ювеналъ, вспомнивъ вдругъ, что вельможи могущественны и что говорить съ ними слишкомъ свысока могло бы быть опасно, выбираетъ себѣ удобнаго собесѣдника, котораго нечего опасаться. Такъ какъ Плавтъ умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то нечего бояться, что онъ разсердится, поэтому то онъ такъ и отдѣлываетъ его. Въ дѣйствительности же Ювеналъ хочетъ говорить со своими современниками, онъ недоволенъ современной ему эпохой. Намеки на современность изобилуютъ въ его стихахъ, и рѣчь постоянно

[1]) XIII, 157.

находитъ живыя личности [1]). Онъ видя вокругъ себя тѣ пороки, которые онъ клеймитъ. Когда онъ спрашиваетъ себя, было ли когда нибудь время, столь богатое преступленіями, когда онъ говоритъ: «будущія поколѣнія ничего не прибавятъ къ нашей развращенности; пусть наши потомки попробуютъ найти что нибудь новое, порокъ дошелъ до предѣла, онъ можетъ только уменьшаться [2])», не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ жалуется на свой вѣкъ, что общество, которое кажется ему такимъ развращеннымъ, это то самое, среди котораго онъ живетъ, и если онъ нигдѣ не высказываетъ своего мнѣнія о современныхъ ему цезаряхъ, то это лишь потому, что онъ на это не осмѣливается; но изъ того, какъ онъ порицаетъ ихъ время и говоритъ о ихъ дѣйствіяхъ, изъ кое какихъ недомолвокъ, которыя проскальзываютъ у него, изъ самыхъ его умолчаній видно, что онъ ставитъ ихъ не особенно выше ихъ предшественниковъ.

Между этими императорами находится и Траянъ; ясно, что и Траянъ не обезоружилъ злобы Ювенала, и что поэтъ не принялъ никакого участія въ тѣхъ громкихъ одобреніяхъ, которыя, по выраженію Тацита, привѣтствовали наступающій блаженный вѣкъ. Можно было бы понять конечно, если бы Ювеналъ, воздавая должное добродѣтелямъ этого честнаго государя, сдѣлалъ бы кое какія оговорки. Сатирикъ могъ не раздѣлять мнѣнія Тацита, провозглашавшаго, что отнынѣ цезаризмъ и свобода заключили союзъ. Въ дѣйствительности принципъ цезарскаго режима не измѣнился; власть оставалась цѣликомъ въ рукахъ одного человѣка, и если онъ соглашался предоставить сенату и консуламъ нѣкоторыя изъ своихъ прерогативъ, это было произвольнымъ великодушіемъ, которое онъ по своему желанію могъ взять и обратно. Рѣка текла все въ томъ же направленіи, но чиновники, какъ говоритъ Плиній, получили позволеніе отвести нѣсколько каналовъ и въ свою пользу *(qui dam ad nos quoque velut rivi ex illo begnissimo fonte decurrunt* [3]). Такія тоненькія ниточки власти достаточны были для Плинія, который довольствовался малымъ; онъ

[1]) Боргези (*Сочин.*, т. V, стр. 509) отмѣчаетъ нѣкоторые изъ этихъ намековъ.

[2]) I, 147.

[3]) *Epist.*, III, 20.

самъ наивно говоритъ, что требуетъ отъ государя не самой свободы, а только внѣшней ея формы. Нѣтъ основанія упрекать Ювенала въ томъ, что онъ требовательнѣе. Онъ могъ бы находить, что даже при Траянѣ, безопасность и свобода гражданъ не имѣютъ достаточныхъ гарантій. Правительство осталось то же самое, измѣнился только императоръ; благополучіе народа зависѣло отъ жизни такого то цезаря; правда, римляне были вправѣ искать болѣе прочнаго обезпеченія для своего счастія, чѣмъ какое имѣли, и такія оговорки Ювеналъ могъ сдѣлать вполнѣ законно, говоря о Траянѣ; но онъ пошелъ дальше, онъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы умѣрить свои похвалы извѣстными ограниченіями, онъ безпощадно удержался отъ какой бы то ни было похвалы; въ этомъ то и видна его несправедливость. Онъ дѣлаетъ видъ, будто не находитъ никакой разницы между этимъ несовершеннымъ, но все же честнымъ и славнымъ правленіемъ и правленіемъ Тиберія или Нерона. Иногда Ювеналъ какъ будто даже отдаетъ преимущество Нерону и Тиберію передъ Траяномъ. Онъ утверждаетъ напр., что провинціи никогда не управлялись такъ дурно, какъ въ его время, что онѣ готовы сожалѣть о временахъ Верреса, что провинціи бѣдны и разорены, и такъ какъ имъ оставили только ихъ оружіе, то онѣ и не замедлятъ возмутиться противъ Рима. Исторія возстановила истину противъ такихъ преувеличеній [1]). Въ опроверженіе Ювеналу достаточно прочесть переписку Траяна съ Плиніемъ въ бытность послѣдняго губернаторомъ Виѳиніи. Изъ этой переписки видно, съ какою непрестанной и мелочной заботливостью государь старался упрочить счастье и безопасность своихъ земель. Все его интересуетъ, никакая подробность не ускользаетъ отъ него. Никогда столько дѣятельной и щепетильной честности не прилагалось къ соблюденію спокойствія въ провинціяхъ, никогда болѣе

[1]) Правда, Аврелій Викторъ утверждаетъ (*Epitoma*, 43, 21), будто Траянъ вначалѣ былъ очень снисходителенъ къ дурнымъ правителямъ провинцій, что онъ только позднѣе, вслѣдствіе совѣтовъ Плотина, сталъ строже къ нимъ. Но мы думаемъ вмѣстѣ съ de-la-Berge (*Essai sur le règne de Trajan*, стр. 121), что не нужно придавать значенія словамъ такого посредственнаго хроникера. Въ крайнемъ случаѣ можно допустить, что вслѣдствіе революціи противъ Домиціана управленіе имперіи до извѣстной степени расшаталось; но въ 100 г., т. е. два года послѣ своего восшествія, Траянъ возбудилъ преслѣдованіе противъ Марія Присенса, и одновременно съ этимъ Плиній выражаетъ императору большую похвалу за бдительность его къ администраціи провинцій (*Pan.* 70).

внимательнымъ взглядомъ никто не окидывалъ міръ съ высоты Палатинскаго холма. Можно ли допустить, что проконсулы подъ наблюденіемъ столь бдительнаго ока имѣли такую же возможность къ злоупотребленіямъ, какъ въ эпоху республики, когда имъ грозилъ лишь судъ сообщниковъ, когда за ними наблюдали друзья, рѣшившіеся ничего не видѣть дурного у другихъ, чтобы не подать имъ повода придираться и къ нимъ самимъ. Переписка Плинія заставляетъ насъ узнать и полюбить въ Траянѣ мужественнаго солдата, который имѣлъ въ политическихъ вопросахъ такой твердый и рѣшительный умъ, столько справедливости и здраваго смысла, энергіи и гуманности, который писалъ Плинію на его вопросъ, нужно ли наказать одного молодого человѣка, виновнаго въ оскорбленіи статуи императора: «Мое намѣреніе не возобновлять процессовъ объ оскорбленіи величества; я не хочу прибѣгать къ страху, чтобъ заслужить почтеніе [1])». Какъ мы далеки отъ той эпохи, когда Домиціанъ могъ осудить на смерть женщину, потому что она позволила себѣ перемѣнить платье предъ его изображеніемъ!

Подобныя различія условій и личностей очевидны; какъ же могло случиться, что они ускользнули отъ Ювенала? Почему онъ не даетъ намъ нигдѣ понять, что режимъ, при которомъ онъ живетъ, лучше предшествующаго? Допуская его искренность, — а мы не видимъ причины сомнѣваться въ ней, — чѣмъ объяснить его предубѣжденія? Они, быть можетъ, вытекаютъ изъ опредѣленной, исключительной политической системы, которая, покоривши его умъ, отняла у него способность справедливо и безпартійно относиться ко всему остальному; если это такъ, то какова же эта система? Не симпатизируетъ ли онъ напр. правительству, въ которомъ народъ имѣлъ бы болѣе значительное участіе? Вспомнивши цитированные нами прекрасные стихи, гдѣ сатирикъ ради униженія аристократіи превозноситъ плебеевъ, показывая, что они дѣйствительно составляютъ силу и честь государства, можно было бы подумать, что это дѣйствительно такъ; но на самомъ дѣлѣ здѣсь нужно видѣть только превосходный взрывъ злости и законную месть оскорбленной гордости. Дѣйствительно, требуетъ ли Ювеналъ

[1]) Плиній, *Epist.*, X, 82 (Изд. Кейль).

для этихъ бѣдныхъ людей, презираемыхъ вельможами, болѣе выгоднаго положенія въ имперіи? Предвидѣлъ ли онъ и желалъ ли онъ новаго соціальнаго строя, гдѣ бы эти обездоленные по своему рожденію и состоянію, занимали бы болѣе привилегированное положеніе и гдѣ бы плебеи возвратили себѣ свои политическія права? Трудно повѣрить этому, принимая во вниманіе, что онъ повсюду третируетъ современное ему простонародье съ тѣмъ презрѣніемъ, которое оно къ несчастью заслуживало. Эти «дѣти Рема, turba Remi [1])» всегда на сторонѣ силы, они преклоняются передъ успѣхомъ и ненавидятъ изгнанниковъ. Они составляютъ обычный кортежъ побѣдителя и усердно топчатъ ногами лежачаго врага Цезаря. Они потеряли охоту къ власти, и не заботятся больше о свободѣ; лишь бы ихъ кормили и забавляли, —все остальное имъ безразлично; они требуютъ отъ того, кто ими правитъ, лишь зрѣлищъ и хлѣба. Послѣ такого суроваго сужденія, невозможно допустить, чтобы Ювеналъ хотѣлъ требовать новыхъ правъ народу, который палъ такъ низко.

Но, можетъ быть, онъ обращаетъ взоры, если не на народъ, то на мелкую буржуазію, на всѣхъ этихъ дѣятельныхъ и дѣловитыхъ купцовъ и промышленниковъ. Беретъ ли онъ на себя защиту торговцевъ, вольноотпущенниковъ или сыновей вольноотпущенниковъ, распространенныхъ тогда во всѣхъ городахъ имперіи и создававшихъ ея богатства? Мстилъ ли онъ за презрѣніе къ нимъ знати, требовалъ ли онъ для нихъ бо́льшаго участія въ дѣлахъ страны? Въ этомъ то именно, можетъ быть, и состоитъ самая крупная и любопытная непослѣдовательность Ювенала: такой отъявленный врагъ аристократіи, оказывается, сохраняетъ самыя узкія предубѣжденія. Понятно, что въ аристократическомъ обществѣ цѣнится больше всего неподвижность. Тѣ, которые занимаютъ лучшія мѣста, естественно находятъ приличнымъ, чтобы всѣ оставались тамъ, гдѣ кто поставленъ, и не жалѣютъ ни насмѣшекъ, ни оскорбленій по отношенію къ людямъ, пріобрѣтшимъ внезапно большія состоянія, которыя нарушаютъ установившійся ладъ и являются опасными соперниками. Вслѣдствіе странной аберраціи и податливости, которая удивляетъ насъ, античная философія стала сообщницей аристократіи и раздѣляла ея мнѣнія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно быть умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ и довольствоваться малымъ, философія стремится въ концѣ концовъ обезкуражить индустрію и всякую дѣятельность, направленную на земныя блага, и ставитъ какъ бы долгомъ всякаго сохранять свое общественное положеніе. Это повторяютъ всѣ древніе мудрецы, отъ Діогена, который жилъ въ бочкѣ, до Сенеки, который занималъ дворецъ. Въ свое время Горацій проповѣдывалъ тѣ же самые старые принципы; Ювеналъ также безъ колебанія принимаетъ ихъ. Онъ при всякомъ случаѣ бранитъ тѣхъ, которые трудятся набирать себѣ богатства, и, что еще удивительнѣе, онъ всего больше сердится на тотъ способъ обогащенія, который кажется намъ наиболѣе законнымъ. Намъ кажется, что нѣтъ достойнѣйшаго средства пріобрѣсти богатство, какъ далекими путешествіями, цѣною своего спокойствія и риска жизнью. Ювеналъ, наоборотъ, вмѣстѣ съ Горацiемъ не можетъ понять людей, «которые устроили себѣ жилище на кораблѣ, которые предоставляютъ качать себя всѣмъ сѣвернымъ и южнымъ вѣтрамъ, чтобы откуда то издалека привезти какой нибудь вонючій товаръ»; худшими изъ всѣхъ сумасшедшихъ кажутся ему, «тѣ, которые отдѣляютъ себя отъ смерти только нѣсколькими досками [1])». Онъ не питаетъ большаго уваженія и къ менѣе рискованнымъ коммерческимъ предпріятіямъ; надо видѣть, какъ въ его III сатирѣ голодный поэтъ принимаетъ великолѣпный тонъ, издѣваясь надъ людьми, «которые берутъ подряды на пристани и очистку грязи въ Римѣ и берутъ на откупъ даже погребальныя процессіи и ассенизацію [2])». Такая ненависть къ торговлѣ и промышленности была наслѣдіемъ, которое древняя аристократія оставила и новымъ временамъ. Предразсудки часто переживаютъ то общество, въ которомъ они родились, и становятся всего устойчивѣе тогда, когда теряютъ всякій смыслъ существованія. Неизвѣстно какъ, они продолжаютъ жить въ обществѣ, которое покоится на совершенно другомъ принципѣ, и раздѣляются людьми, которые должны были бы освободиться отъ нихъ въ силу своихъ убѣжденій и происхожденія. Не видимъ ли мы того же

¹) X, 72.

¹) XIV, 289.
²) III, 32.

самаго напр. у Лабрюйера, который состарѣлся въ положеніи подчиненнаго, не то другомъ, не то лакеемъ въ семействѣ Конде, столь суроваго со своими слугами: онъ совершенно также раздѣляетъ всѣ антипатіи, всю вражду той аристократіи, которая казалась ему иногда такой глупой и непріятной. Онъ совершенно также судитъ о финансистахъ, называя ихъ «грязными душами, пропитанными нечистотами, всецѣло отдавшимися выгодѣ и барышу». Удачныя спекуляціи всегда кажутся ему плутовствомъ. Онъ краснѣетъ отъ стыда при видѣ неравныхъ браковъ, вслѣдствіе которыхъ дочери откупщиковъ вступаютъ въ самыя знатныя французскія семьи, а всѣ естественные повороты фортуны, которая награждаетъ умныхъ на счетъ расточителей, кажутся ему святотатствомъ. «Если бы мертвецы вдругъ ожили, говоритъ онъ, еслибъ они увидѣли свои великія имена, свои лучшія земли съ ихъ замками и древними домами въ обладаніи людей, отцы которыхъ были можетъ быть ихъ фермерами, какое мнѣніе они могли бы получить о нашемъ времени?» Намъ нѣтъ дѣла до подобныхъ мнѣній; мы знаемъ теперь, что богатство принадлежитъ по праву промышленникамъ, что оно естественно перешло отъ тѣхъ, которые не умѣли его сохранить, къ тѣмъ, которые умѣютъ его завоевать; мы того мнѣнія, что земли и помѣстья должны принадлежать тѣмъ, которые, создавая свое богатство, созидаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатство государства, и находимъ очень страннымъ, что плебей Лабрюйеръ негодуетъ на это. Точно также мы не можемъ понять, какимъ образомъ Ювеналъ, сынъ вольноотпущенника, оказывается такимъ врагомъ тѣхъ, которые стараются разбогатѣть.

Если такія бѣдняки, какъ Умбрицій или Требій, отказываются рисковать своей жизнью въ отдаленныхъ предпріятіяхъ или заняться доходнымъ промысломъ въ Римѣ, то какіе способы къ существованію у нихъ остаются? Только одинъ: они должны ходить по утрамъ требовать *спортулы* у богачей или являться послѣ обѣда въ портикъ Минуція за полученіемъ зерна и масла, которыя раздаются по приказу императора двумъ стамъ тысячамъ римскихъ бѣдняковъ; однимъ словомъ, они должны просить милостыни у частныхъ лицъ или у государства.

Ювеналъ вполнѣ охотно примиряется съ такою крайностью. Онъ

открыто предпочитаетъ общественную или частную благотворительность всѣмъ низкимъ ремесламъ, которыя, по его мнѣнію, безчестятъ человѣка; онъ совершенно одобряетъ такихъ высокомѣрныхъ нищихъ, какъ Умбрицій, которые считали бы униженіемъ взять подрядъ на очистку грязи и ассенизацію и безусловно предпочитаютъ протягивать руку. Общество кажется ему вполнѣ благоустроеннымъ, когда добрая часть гражданъ живетъ милостью другихъ, и главная причина, почему онъ сожалѣетъ о прошломъ, заключается въ томъ, что богатые были тогда гораздо щедрѣе. Счастливое время, когда богачи давали не считая, когда *спортула* текла рѣкой, когда кліенты встрѣчали всегда хорошій пріемъ утромъ, а вечеромъ часто приглашались къ столу патрона! Какіе великіе люди всѣ эти Котты, Пизоны, Лентулы! «Они дорожили славой щедрости гораздо болѣе, чѣмъ славой своего рожденія и своихъ тріумфовъ [1])!» Сенека достоинъ уваженія не своими прекрасными произведеніями: имъ нужно восхищаться особенно потому, что «онъ часто посылалъ подарки своимъ бѣднымъ кліентамъ. Вѣрный своимъ принципамъ, Ювеналъ не видитъ никакой другой будущности для литераторовъ, кромѣ протекціи великихъ міра сего. Такъ какъ вообще «обожаемая муза даетъ больше генія, чѣмъ одежды», то нужно же найти кого нибудь, кто бы тебя кормилъ и одѣвалъ. Къ несчастью, Меценатовъ болѣе не существуетъ. «Гдѣ эти Прокулеи, Фабіи? Котта и Лентулъ не имѣютъ замѣстителей [2])». Литературѣ нечего болѣе ожидать отъ богатыхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ вознамѣрились стать поэтами, и потому когда имъ поэтъ посвящаетъ какое нибудь прекрасное произведеніе, то вмѣсто того, чтобы отвѣтить звонкой монетой, какъ подобаетъ, они спѣшатъ заплатить стихами. Другіе разоряются на дорогія фантазіи, строятъ виллы и портики, мотаютъ свое состояніе съ модными женщинами или содержатъ ручныхъ львовъ, «какъ будто кормить льва не дороже стоитъ, чѣмъ поэта [3])». Что же дѣлать, къ кому обратиться? Ювеналъ не колеблется; если богачи закрываютъ свой кошелекъ, онъ не задумавшись протянетъ руку и къ императору. «Императоръ, говоритъ онъ, вотъ единственная надежда литературы въ настоящее время и един-

[1]) V, 110.
[2]) VII, 94.
[3]) VII, 77.

ственная цѣль ея существованія [1])». Нельзя сказать, чтобы ему стоило труда принять такое рѣшеніе, повидимому онъ идетъ на это съ полной охотой. Наоборотъ, когда онъ побуждаетъ молодыхъ поэтовъ воспользоваться покровительствомъ императора, у него является какой то побѣдный тонъ. «Мужайтесь, говоритъ онъ, цезарь видитъ и воодушевляетъ васъ; его царская доброта ищетъ только случая проявиться [2])». Вотъ каковъ тотъ, который иногда кажется безжалостнымъ врагомъ имперіи, котораго называютъ «древней свободной душой умершихъ республикъ». На самомъ же дѣлѣ онъ также мало заботится объ имперіи, какъ и о республикѣ. Тѣ жалкіе клiенты, тѣ голодные поэты, истолкователемъ которыхъ онъ сдѣлался, не обращали своихъ взоровъ такъ высоко. Такъ какъ они не знали болѣе желательной участи, какъ жить чужими щедротами, то самымъ совершеннымъ обществомъ имъ представлялось такое, гдѣ щедрость была бы въ изобиліи. Это былъ ихъ идеалъ, да и Ювеналъ чаще всего повидимому не имѣетъ другого. Итакъ онъ является иногда такимъ строгимъ къ Цезарямъ не во имя какого нибудь политическаго принципа, его злоба была результатомъ не выработанной системы, а только желчнаго темперамента. Онъ принадлежалъ, какъ мы показали, къ числу людей, озлобленныхъ жизнью, которыхъ судьба поставила въ ненормальное положеніе, которые, обманувшись въ своихъ надеждахъ, страдая вслѣдствіе оскорбленной гордости, потеряли справедливость. Не будемъ представлять его убѣжденнымъ защитникомъ великаго народнаго дѣла, систематическимъ и рѣшительнымъ противникомъ правительства; въ немъ выступаетъ на первый планъ характеръ, а не міровоззрѣніе, у него болѣе страсти, чѣмъ принциповъ, и ни одна партія не можетъ опереться на его имя, развѣ только партія тѣхъ, которые вѣчно всѣмъ недовольны.

---

[1]) VII, 1.
[2]) VII, 20.

V.

Заключеніе.—Истинный характеръ оппозиціи при цезаряхъ.

Только что произведенный нами бѣглый обзоръ оппозиціонныхъ писателей временъ имперіи показываетъ намъ, какъ они были далеки отъ согласія между собой. Сколько неопредѣленности и нерѣшительности въ ихъ мнѣніяхъ! Никогда нельзя ясно увидѣть, чего они желаютъ, потому ли что они не смѣютъ этого высказать, или потому, что они не знаютъ этого сами. Тотъ изъ нихъ, который повидимому болѣе всего сожалѣетъ о старомъ образѣ правленія, когда онъ переходитъ отъ словъ къ дѣлу, трудится не для того, чтобы его возстановить, а наговоривши столько худого объ имперіи, вступаетъ въ заговоръ, имѣющій цѣлью поставить одного императора на мѣстѣ другого. Вся оппозиція, намъ кажется, носитъ такой же колеблющійся, неопредѣленный характеръ: какъ и ея представители, великіе писатели, она въ большинствѣ случаевъ жалуется лишь затѣмъ, чтобы жаловаться или отвести душу, не имѣя никакого политическаго плана или обдуманнаго намѣренія; она состоитъ изъ недовольныхъ гораздо больше, чѣмъ изъ заговорщиковъ.

Однако многіе утверждали и утверждаютъ еще противное; изъ фрондеровъ дѣлаютъ глубокихъ политиковъ, ожесточенныхъ враговъ, которые безъ устали работали надъ разрушеніемъ имперіи. Нѣкоторое правдоподобіе этого мнѣнія основано на томъ, что его поддерживаютъ одновременно двѣ противоположныя партіи, которыя въ своихъ сужденіяхъ обыкновенно совершенно расходятся. Друзья республики, чтобъ найти себѣ предшественниковъ и усилить свои ряды, старались установить, что всѣ недовольные въ императорскую эпоху раздѣляли ихъ собственные принципы, что это были такіе же республиканцы, какъ они, и что всѣ они имѣли открытую или тайную цѣль возстановить то правительство, которое было разрушено цезарями. Мы думаемъ, что это большое заблужденіе; но оказалось, что это также и большая неосторожность: сторонники имперіи поспѣшили воспользоваться этимъ, чтобы оправдать жестокости цезарей. «Если правда, говорятъ они, что Тиберій и его

пріемники имѣли противъ себя заговорщиковъ, вооруженныхъ противъ ихъ власти, революціонеровъ, желавшихъ ниспровергнуть существующій строй (а въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что ихъ друзья и апологисты признаются въ этомъ), то не удивительно, что они боролись такъ энергично; они имѣли право и обязанность защищаться; они были представители порядка, авторитета, общественнаго спокойствія и хорошо дѣлали, охраняя ихъ отъ бунтовщиковъ. Между ними и ихъ противниками шла борьба безъ пощады, и такъ какъ соперничающія стороны не могли придти къ соглашенію, то онѣ и принуждены были уничтожать одна другую». Этимъ аргументомъ охотнѣе всего пользуются въ настоящее время, особенно въ Германіи, въ защиту имперіи.

Но не трудно опровергнуть это мнѣніе, и, намъ кажется, что мы это и сдѣлали на предшествующихъ страницахъ. Мы показали, что принципіальныхъ республиканцевъ было тогда не такъ много, какъ это думаютъ. Прежде всего ихъ вовсе не могло быть внѣ Рима. Провинціи помнили еще Верресовъ; а, кромѣ того, что имъ было до того, кому принадлежала власть, сенату или императору? Онѣ все равно не принимали въ ней никакого участія и при всѣхъ режимахъ должны были повиноваться законамъ, не ими установленнымъ. Настроеніе войска было не менѣе опредѣленно; оно дало цезарямъ имперію и низвергло республику. Она не жалѣло о республикѣ, и говорятъ, что Скрибоніанъ, возмутившійся противъ Клавдія, былъ покинутъ своими солдатами, потому что они думали, что онъ хочетъ возстановить республику [1]). Въ Римѣ, гдѣ господство цезарей было тяжело и воспоминанія о прошломъ болѣе живучи, могли иногда и сожалѣть о томъ времени, когда народъ и сенатъ сами рѣшали свои дѣла. Итакъ естественно въ Римѣ было больше республиканцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но и здѣсь они были рѣдки. Народъ былъ привязанъ къ своимъ повелителямъ, которые такъ старались его кормить и веселить. Въ средѣ высшихъ классовъ, между образованными и богатыми людьми, многіе очень охотно отдались однимъ удовольствіямъ и покою; они знали, что свобода, какъ говоритъ Сенека, не достается даромъ [2]), а такъ какъ

[1]) Діонъ, *LX*, 15.
[2]) *Epist.*, 104, 34: *non potest gratis constare libertas:*

они не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы заплатить за свободу того, чего она стоитъ, то они легко и утѣшались въ ея потерѣ. Тѣ, которые составляли заговоры противъ цезарей, были нерѣдко лишь честолюбцы, которые хотѣли занять ихъ мѣсто, а не безкорыстные республиканцы, которые бы старались возстановить прежній образъ правленія [1]). Одинъ, или почти одинъ трибунъ Херея, убившій Калигулу, думалъ возвратить власть сенату и народу; но народа болѣе не существовало, что же касается сената, то онъ былъ болѣе удивленъ, чѣмъ обрадованъ тою честью, которую ему хотѣли оказать. Извѣстно, какой буффонадой окончилась эта кровавая трагедія: солдаты, обыскивавшіе Палатинскій дворецъ, чтобъ найти какого нибудь императора, наткнулись на Клавдія, дрожавшаго между двумя дверьми, схватили его и провозгласили императоромъ.

Правда, что даже тѣ, которые не были въ заговорѣ противъ своихъ повелителей, не щадили ихъ на словахъ. «Вы не подымаете больше вооруженныя возстанія, говорилъ имъ Тертулліанъ, но языками вы все еще бунтовщики [2])». Повидимому, въ Римѣ у людей большого свѣта сложился обычай и даже создалась потребность вѣчно быть недовольными; всѣ мѣры, принимаемыя цезаремъ, подозрительны, во всемъ они находятъ причины для жалобъ или насмѣшекъ. Но такъ какъ эта оппозиція никогда не переходила отъ словъ къ дѣйствіямъ, такъ какъ она въ дѣйствительности была столь же робка, какъ и невоздержна, то было довольно легко поднять ее на смѣхъ. Нѣкоторые современные историки не отказали себѣ въ этомъ удовольствіи. Но даже эта оппозиція оказала услуги, которыя не надо забывать. Безъ нея не существовало бы никакого протеста противъ страшнаго

[1]) Цезари хорошо знали это. Поэтому республиканскія воспоминанія были имъ не страшны. Имъ повидимому иногда даже доставляло удовольствіе вызывать такія воспоминанія. Траянъ возобновилъ обращеніе древнихъ монетъ, съ изображеніями предводителей аристократической партіи, Суллы, Помпея и т. д. Между такими монетами былъ и тотъ знаменитый динарій *Gens Jania*, на которомъ съ одной стороны были имя и изображеніе Свободы, а съ другой—консулъ Брутъ и его ликторы. «У государя, который позволялъ возобновленіе такихъ республиканскихъ воспоминаній, говоритъ де-Виттъ, должно было быть много увѣренности въ силѣ своего правительства и въ преданности своихъ подданныхъ «(*Revue de numismatique*, 1865, стр. 173).
[2]) *Ad. nat.*, 1, 17: *si non armis, saltem lingua semper rebelles estis.*

произвола, который, не чувствуя передъ собой препятствія, былъ бы еще болѣе жестокъ. Какія бы преступленія ни совершались, не забудемъ, что могли быть совершены еще большія. Никакое учрежденіе не имѣло достаточно силы, чтобы противостоять этому. Цезари могли быть сдерживаемы только общественнымъ мнѣніемъ, и достовѣрно извѣстно, что оно сдерживало ихъ не разъ. Тиберій считался съ нимъ, и Неронъ, послѣ убійства своей матери, почтилъ его своимъ страхомъ. Если, несмотря на свою обычную податливость, общественное мнѣніе осмѣливалось иногда глухо роптать, то это случалось потому, что его пробуждали изъ апатіи эти робкія возраженія и скромныя насмѣшки свѣтскихъ людей. Та же самая оппозиція послѣ смерти дурныхъ цезарей предписывала ихъ преемникамъ, какъ они должны были себя вести. Новыхъ цезарей избирали конечно изъ числа тѣхъ, которые среди общаго низкопоклонства держались хоть немного энергичнѣе. Они слѣдовательно принимали участіе въ недовольствѣ свѣтскаго общества и знали всѣ его обиды. «Ты жилъ, ты трепеталъ также, какъ мы, говорилъ Плиній Траяну: такова была тогда жизнь всѣхъ честныхъ людей. Ты по опыту знаешь, какъ ненавидятъ дурныхъ цезарей; ты помнишь еще, чего бы ты желалъ, что бы ты оплакивалъ вмѣстѣ съ нами [1])». Если дѣйствительно воспоминанія о жалобахъ и злобѣ общества и страхъ заслужить ихъ утвердили Веспасіана, Траяна и подобныхъ имъ императоровъ въ ихъ честности, если они спасали ихъ иногда отъ опасности и соблазна безконтрольной власти, то нужно признать, что и такая оппозиція, какъ бы она ни была мелочна и безсильна, все-же принесла свою пользу.

Привычка этой оппозиціи ничего не щадить, жаловаться и насмѣхаться по всякому поводу, заставила думать, что она исходила отъ непримиримыхъ враговъ, что она была противъ самаго режима. Ее считали въ той же степени глубокой и радикальной, въ какой она была придирчива и шумлива. На самомъ дѣлѣ недовольные ненавидѣли личность такого-то цезаря, но мирились съ самымъ принципомъ имперіи. Самые рѣшительные ограничивались тѣмъ, что отыскивали какого нибудь члена императорской же фамиліи, менѣе извѣстнаго или болѣе любимаго, расхваливали его достоинства и пользовались его именемъ, чтобы колоть

[1]) *Paneg.*, 44.

глаза царствующему императору: такимъ именно образомъ Друзъ и Германикъ пріобрѣли свою популярность. Но надо признать, что мысль выбирать себѣ героевъ въ Палатинскомъ дворцѣ показываетъ, до какой степени самая оппозиція была монархически настроена. Мы затрудняемся понять, какимъ образомъ нѣкоторые мечтатели могли приписать такимъ претендентамъ намѣреніе возстановить республику. Надо много наивности, чтобы предполагать это. Если бы счастливый случай вручилъ власть въ руки Германика или его отца, то они удержали бы ее. Безъ сомнѣнія, они лучше воспользовались бы ею, чѣмъ Тиберій; они были бы внимательнѣе, чѣмъ онъ, къ желаніямъ честныхъ людей, но эти желанія были скромнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Цезарямъ не предлагали сократить свою власть или раздѣлить ее съ кѣмъ нибудь; напротивъ, всѣ хотѣли, чтобы они сохранили ее цѣликомъ, для поддержанія общественнаго спокойствія. Отъ нихъ требовали только того, чтобы они проявляли свою власть въ болѣе мягкой и гуманной формѣ, слушали наставленія мудрецовъ, побольше уважали прерогативы должностныхъ лицъ, чаще совѣщались-бы съ сенатомъ, внимательно относились-бы къ общественному мнѣнію, предоставили нѣсколько бо́льшую свободу слову и перу, въ томъ убѣжденіи, что они становятся опасными только тогда, когда ихъ боятся, поскромнѣе пользовались-бы своею безграничной силой, которую никто не хотѣлъ оспаривать, смягчали-бы внѣшнія ея формы и не показывали-бы ея безпредѣльности, довольствуясь лишь сознаніемъ, что на самомъ дѣлѣ все зависитъ отъ нихъ, не выставляя этого наружу. Вотъ скромныя пожеланія римской оппозиціи, которую называли заговорщицкой, но которая въ сущности была болѣе чѣмъ умѣренна; она даже удивляетъ потомковъ своимъ терпѣніемъ и умѣренностью. Общественное сознаніе было еще далеко не развито, идеалы не выяснены; и людей, и средствъ, необходимыхъ для борьбы, не имѣлось. Что же тутъ удивительнаго, что римская оппозиція ничего не добилась, а лишь терпѣла до тѣхъ поръ, пока лучшее будущее не пришло къ ней само собою.

Изъ предыдущаго видно, каковъ былъ въ ея представленіи идеалъ правительства, къ которому она мысленно стремилась въ царствованіе Тиберія или Нерона. И этотъ идеалъ не былъ химерой,—онъ осуществился при Антонинахъ.

Библіографія.

Книги и статьи, относящіяся до эпохи, описываемой въ соч. Буасье.

I. Общія сочиненія по исторіи Рима.

Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греціи и Рима). Спб. 95 г. Ц. 80 к. *Гуревичъ Я.* Исторія Греціи и Рима. Спб. 92 г. Ц. 1 р. 25 к. *Петровъ М.* Лекціи изъ всемірной исторіи. Т. I. Древній міръ. Х. 88 г. 1 р. 50 к. *Трачевскій А.* Древняя исторія. Спб. 90 г. 1 р. 50 к. *Іегеръ.* Исторія Рима. Пер. Морозова и Резенера. Спб. 76 г. 3 р. *Фальке.* Эллада и Римъ. Изд. Суворина. Ц. 15 р. *Вегнеръ.* Римъ. Изд. Вольфа. Ц. 8 р. *Герцбергъ.* Исторія Греціи и Рима. Пер. Прахова. Ц. 6 р. *Моммсенъ.* Римская исторія. Изд. Солдатенкова. Т. I—III, V (т. V посвященъ описанію провинцій отъ временъ Цезаря до Діоклеціана).—Кромѣ того. см. *Веберъ.* Всемірная исторія. Изд. Солдатенкова, т. III—IV. *Штоль.* Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. *Герье.* Консерватизмъ у римлянъ. В. Е. 75 г. 9. *Его-же.* Августъ и установленіе рим. имперіи. В. Е. 77 г. 8. *Ренанъ.* Истор. очерки. Изд. В. Чуйко (отрывки изъ Origines du christianisme). *Шампаньи* Цезари. Изд. Вольфа. Спб. Ц. 6 р.

II. Книги и статьи о культурной сторонѣ римской жизни.

См. вышеуказанное соч. Фальке и др., а также: *Магаффи.* Древне-римская жизнь. Спб. 80 г. *Велишскій.* Бытъ грековъ и римлянъ. Прага. 78 г. Ц. 6 р. *Вейсъ.* Внѣшній бытъ народовъ. Т. I. Изд. Солдатенкова. *Классовскій.* Помпея. Спб. 50 г. Ц. 4 р. *Буасье.* Римскія женщины. Спб. 75 г. *Кудрявцевъ*, Римскія женщины (по Тациту). М. 60 г. Ц. 2 р. (и въ соч. Кудрявцева). *М. Р.* Семья древняго Рима. Рус. М. 89 г. 2—3. *Ешевскій.* Соч. т. I. (Центръ римск. міра и провинціи). *В.* Римск. провинція. Набл. 85 г. 10. *Каррьеръ.* Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. II. Эллада и Римъ. *Фридлендеръ.* Картины римскихъ нравовъ. Спб. 73 г. Ц. 2 р. 50 к. *Шашковъ.* Паденіе Рима и Византіи. Д. 78 г. 1—6.

III. Книги и статьи по исторіи литературы.

Модестовъ. Исторія римской литературы (краткій очеркъ см. «Всеобщ. исторію литературы», изд. К. Риккеромъ; болѣе подробное отдѣльн. изданіе Л. Пантелѣева «Лекціи по исторіи рим. литературы». Ц. 5 р. *Буасье.* Цицеронъ и его друзья. М. 80 г. Ц. 2. *Штоль.* Великіе римскіе писатели. *Гарусовъ.* Римская драматич. поэзія (см. его оч. «Драм. литературы древн. народовъ»). *Эмихенъ.* Греческій и римскій театръ. М. 94 г. Ц. 1 р. *Благовѣщенскій Н.* О характерѣ и значеніи римской литературы. Журн. Мин. Нар. Просв. 67 г. 4.

IV. Книги и статьи по исторіи религіи и философіи.

Дютике. Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Изд. Суворина. Спб. 92 г. 1 р. 50. *Петискусъ.* Олимпъ. Спб. 73 г. *Штоль.* Миѳы классической древности. Спб. 65—67. Ц. 5 р. *Хрисановъ.* Религіи древняго міра. Т. II. (рѣдк.).—*Буасье.* Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Изд. Солдатенкова. Спб. 78 г. 5 р.—*Буасье.* Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы въ IV в. Спб. 92 г. *Корелинъ.* Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи. Изд. О. Поповой. Спб. 95 г. 75 к. *К. Арсеньевъ.* Движеніе умовъ при Флавіяхъ и Траянѣ. В. Е. 75 г. 12 (о книгѣ Hausrath. Neutestamentliche Geschichte). *Фарраръ.* Первыя времена христіанства. Изд. Тузова. Спб. 90 г. 4 р. Его же. На зарѣ христіанства. (Время Нерона). Изд. Тузова. Спб. 93 г. 2 р.

V. Книги и статьи по исторіи экономическаго и политическаго быта.

Фюстель де Куланжъ. Древняя община. Обзоръ культа, права и учрежденій Греціи и Рима. М. 95 г. 2 р. *Леонтьевъ П.* Судьбы земледѣльч. классовъ въ древнемъ Римѣ. Рус. Вѣстн. 61 г. 1. *Монтескье.* Разсужденіе о причинахъ возвышенія и упадка Рима. Изд. «Пантеон. литературы». Спб. 93 г. *Зомъ.* Институціи римскаго права. М. 88 г. 2 р. 50 к. *Паделетти.* Исторія римскаго права. Од. 84 г. *Іерингъ.* Духъ римскаго права. М. 75 г. *С. Муромцевъ.* Гражданское право древняго Рима. М. 83 г. 5 р.

Сочиненія *Петронія* (Сатириконъ) отчасти переведенъ въ изданіи В. Чуйко: «Европ. классики». Сочиненія *Тацита* переведены В. Модестовымъ. Изд. Л. Пантелѣева. Ц. 5 р. (Есть еще старый переводъ «Лѣтописи», сдѣл. Кронебергомъ). Соч. *Ювенала* переведены А. Фетомъ. М. 82 г. Ц. 3 р. Тоже въ изложеніи Ш. Мартина. (Библ. классиковъ). *Апулей.* Золотой оселъ (стар. переводъ Кострова, новый—Н. Соколова, изд. Пантелѣева. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 50 к.) *Лукіанъ.* Соч. въ переводѣ В. Алексѣева. Изд. «Пантеон. литературы». Спб. 92—93 г. *Овидій.* Письма съ Понта. Изд. Ледерле. Спб. 93 г. Ц. 40 к.—Превращенія, пер. Матвѣева. М. 74—76. Дафна (въ соч. Мерзлякова). Фасты. Пер. Безсонова («Пропилеи», т. IV). См. еще *Овидій* въ изложеніи А. Черча (Би-

бліотека лат. классиковъ). *Сенека.* Сатира на смерть имп. Клавдія. Пер. В. Алексѣева (Пантеон. литер. 91 г.).—Письма къ Люцилію. Изд. Суворина. Спб. 93 г. Ц. 30 к. *Луканъ.* Фарсалія. Пер. С. Филатова. Спб. 1819 г. *Светоній* Жизнь Тиверія. Пер. Н. Малова. Тамб. 66 г. 75 к.

Справочныя книги о римскихъ древностяхъ: Гау Д. Минерва. Введеніе при изученіи писателей греч. и лат. Изд. Суворина. Спб. 93 г. Ц. 1 р. 50 к. *Любкеръ.* Реальный словарь классической древности. Спб. 84—6 г. Ц. 8 р.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ГАЗЕТА ДРЕВНЯГО РИМА.

СТАТЬЯ Г. БУАСЬЕ.

ПЕРЕВОДЪ Н. П. НОВОБОРСКОЙ.

Газета древняго Рима.

Статья Г. Буасье.

I.

Древніе не чувствовали такой потребности въ газетахъ, какую чувствуемъ мы. Это объясняется тѣмъ, что у нихъ имѣлось нѣчто другое, замѣнявшее имъ газеты.

Изъ тѣхъ средствъ гласности, какими они располагали, въ наибольшемъ ходу были афиши; хотя мы еще и много пользуемся афишами, все же гораздо меньше, чѣмъ древніе. Обозрѣвая развалины какого-нибудь римскаго города, на афиши натыкаешься на каждомъ шагу. Нѣкоторыя изъ нихъ были разсчитаны на продолжительное существованіе и высѣкались съ этой цѣлью на мѣди, на мраморѣ, на камнѣ. Это были указы начальства, законы императоровъ, постановленія сената и декуріоновъ или же частные договоры, обезпечивающіе право владѣнія, даже протоколы религіозныхъ корпорацій, желавшихъ доказать, что онѣ правильно исполняли свои священныя обязанности. Для дѣлъ менѣе важныхъ употреблялся болѣе дешевый матеріалъ. На деревянныхъ дощечкахъ или просто на выбѣленной мѣломъ стѣнѣ рисовались кистью, черной или красной краской, различныя объявленія: то объ отдачѣ въ наемъ квартиры «на іюльскія календы или августовскія иды», то о спектаклѣ «который будетъ данъ при условіи хорошей погоды или безотлагательно»; или, еще чаще, это была избирательная реклама; послѣ найма квартиры и рѣшенія судьбы кандидата, дощечку снова замазывали бѣлымъ, и она была готова для кандидата слѣдующаго года; очень много подобнаго рода рекламъ найдено въ Помпеѣ.

Обиліе афишъ въ римскихъ городахъ легко объясняется самыми условіями античной жизни. Извѣстно, что древніе никогда особенно не любили домашней жизни и много времени проводили на форумѣ, наслаждаясь зрѣлищами, происходившими на площади. Во время этихъ продолжительныхъ прогулокъ имъ, естественно, бросались въ глаза

афиши; они останавливались, читали ихъ, и это составляло одно изъ обычныхъ препровожденій ихъ празднаго времени. Въ новѣйшихъ обществахъ мы видимъ совсѣмъ иное: всякій охотнѣе остается дома, гдѣ у него гораздо больше дѣла. Намъ и некогда, и незачѣмъ ходить по улицамъ и смотрѣть на стѣны; поэтому такъ какъ мы перестали ходить за афишами, то афиши сами пришли къ намъ.

Этотъ небольшой переворотъ произвела журналистика. Въ началѣ XVII вѣка жилъ въ Парижѣ врачъ Теофрастъ Ренодо, человѣкъ съ особенно дѣятельнымъ и рѣшительнымъ характеромъ, преисполненный разныхъ плановъ, очень опередившій свое время и безпрестанно мечтавшій о какомъ нибудь новомъ изобрѣтеніи. 30 мая 1683 года онъ выпустилъ въ свѣтъ первое изъ французскихъ повременныхъ изданій, *la Gazette*, которая пользовалась большимъ успѣхомъ съ самаго своего появленія. Но этотъ успѣхъ далеко не удовлетворилъ Ренодо. *Газета* обращалась особенно къ любопытнымъ и къ политикамъ и сообщала имъ оффиціальныя извѣстія о Франціи и загранцицѣ. Ренодо желалъ дѣла болѣе полезнаго, чѣмъ блестящаго, такого, которое бы приносило пользу всѣмъ. Онъ устроилъ среди Парижа справочную контору, центръ справокъ и гласности, гдѣ каждый получалъ бы необходимыя для него свѣдѣнія. Такъ, одни должны были объявлять тамъ о продаваемыхъ ими вещахъ, для того чтобы другіе, желающіе купить, легко могли отыскать требуемое. Но это была еще только часть изобрѣтенія: полученіе свѣдѣній въ справочномъ бюро сопровождалось разными хлопотами и потерей времени. Ренодо, желавшему облегчить торгъ, пришла мысль распространить въ Парижѣ листокъ, въ которомъ заключалось бы подробное описаніе продающихся вещей, чтобы каждый могъ произвести выборъ, не выходя изъ дому. Намъ извѣстенъ одинъ только номеръ [1]) этого листка, что, кажется, говоритъ за его непродолжительное существованіе. Но сама идея была удачна, и чрезъ нѣсколько лѣтъ

[1]) Эта и многія другія подробности заимствованы нами изъ «l'Histoire de la presse» de M. Hatin. Онъ перепечаталъ этотъ драгоцѣнный номеръ. Между продававшимися вещами обращаютъ вниманіе слѣдующія: «платье алаго сукна, еще не оконченное, подбитое атласомъ такого же цвѣта съ серебрянымъ позументомъ; его уступили-бы за 18 экю»; — домъ въ кварталѣ Pont-Neuf съ семью спальнями за 1200 ливровъ; кровати съ саржевыми занавѣсками, ожерелья, серьги;—наконецъ: «молодой одногорбый верблюдъ по сходной цѣнѣ.

за нее ухватились снова. Усвоилъ ее себѣ какой-то Дюганъ, замѣтившій, по его собственнымъ словамъ. что нѣкоторыя лица, особенно иностранцы [1]), съ большимъ интересомъ читаютъ афиши, но что въ то же время не всѣ могутъ доставлять себѣ это удовольствіе. Въ каретѣ, напримѣръ, проѣзжаютъ слишкомъ быстро и смотрятъ слишкомъ издалека, чтобы можно было ихъ хорошо видѣть; должностныя и духовныя лица стѣснены своимъ платьемъ, налагающимъ на нихъ извѣстную сдержанность; дамамъ было-бы неприлично подходить слишкомъ близко и мѣшаться въ толпу, разглядывающую афиши; отсюда Дюгану пришла мысль собрать ихъ вмѣстѣ и образовать изъ нихъ газету, которую онъ назвалъ именемъ, такъ и оставшимся за нимъ *les Petites Affiches*.

У римлянъ афиша никогда не превратилась въ газету, но продолжала распространяться на стѣнахъ, и до конца Имперіи не переставала служить главнымъ орудіемъ гласности. Посредствомъ афишъ или, какъ чаще говорили, надписей (insciptions), объявленій, начальство увѣдомляло о своихъ постановленіяхъ, граждане свидѣтельствовали о своемъ почтеніи богамъ, преданности государямъ, признательности благодѣтелямъ и, наконецъ, посредствомъ афишъ-же должностныя и частныя лица распространяли въ публикѣ все, что желали довести до ея свѣдѣнія. Вотъ почему тогда такъ часты были объявленія, и вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что ихъ сохранилось такъ много и до настоящаго времени, хотя много и погибло. *Corpus inscriptionum latinarum*, еще не оконченный, заключаетъ ихъ въ себѣ уже почти 120,000. Сенъ-Бевъ имѣлъ полное основаніе сказать: «Настоящаго *Монитера* Римлянъ нужно искать на тѣхъ многочисленныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ страницахъ, гдѣ они высѣкали свои законы и побѣды».

Но однѣ афиши не могли удовлетворить всѣхъ потребностей, оказывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ далеко неполную услугу. Ограничиваясь однимъ только примѣромъ, спросимъ себя, какимъ образомъ безъ какой либо другой помощи могла создаваться и распространяться въ Римѣ и въ Имперіи литературная извѣстность? Это въ особенности, какъ намъ теперь кажется, дѣло прессы, и вотъ уже болѣе двухъ столѣтій, какъ она выполняетъ во Франціи эту обязанность. Въ 1665

[1]) Мольеръ называетъ нѣмцевъ «de grands inspecteurs d'affiches».

году совѣтникъ высшаго судебнаго мѣста въ Парижѣ, Denis de Sallo, сталъ издавать Journal des Savants, *Газету Ученыхъ* (съ цѣлью знакомить интересующихся, посредствомъ краткаго изложенія или разбора съ главными книгами, выходящими въ цѣломъ мірѣ [1]). Потомъ появился *Меркурій*, занимавшійся болѣе легкими произведеніями. Это предокъ нашей мелкой прессы, о которой нельзя сказать, что она существуетъ съ недавняго времени, такъ какъ ей уже 223 года. Благодаря газетамъ и корреспонденціямъ, французская и иностранная публика не переставала находиться въ курсѣ литературныхъ новостей въ теченіе всего XVIII вѣка. Изъ газетъ узнавали о послѣднемъ успѣхѣ трагедіи Вольтера, о происходившемъ въ хорошемъ обществѣ чтеніи какого-нибудь сентиментальнаго романа на манеръ англійскаго или о появленіи какого нибудь интереснаго сочиненія философскаго или религіознаго содержанія, а это наводило на мысль о пріобрѣтеніи его. Почти то же самое существуетъ и въ настоящее время, и когда видишь, съ какимъ трудомъ привлекаетъ общественное вниманіе и проникаетъ въ публику книга, помѣченная неизвѣстнымъ именемъ, не смотря на всѣ рекламы и извѣщенія и вопреки шуму, поднимаемому вокругъ нея снисходительной журналистикой, становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ могли пріобрѣтать извѣстность древніе авторы, не располагавшіе всѣми этими средствами. Тѣмъ не менѣе они достигали ея, и не только великіе писатели, которые вездѣ обладаютъ особыми средствами преодолѣть общее равнодушіе, но иногда и посредственные и даже плохіе, что доказываетъ, что имъ вовсе не такъ трудно было заявить о себѣ, какъ мы это думаемъ. Интересно прослѣдить, какъ они этого достигали.

---

[1]) Нужно замѣтить, что *Journal des Savants*, равно какъ и *Gazette* и *Petits Affiches* существуютъ и теперь.

II.

Возьмемъ поэтовъ. Не утверждая вмѣстѣ съ Малербомъ, что поэты приносятъ государству не больше пользы, чѣмъ хорошіе игроки въ кегли, нужно согласиться, что они являются роскошью, безъ которой собственно можно обойтись. Въ Римѣ, гдѣ такъ строго осуждали праздныхъ людей, не дѣлали различія между тѣми, кто ничего не дѣлаетъ, и тѣми, кто занимается пустяками, и поэтовъ, не колеблясь, причисляли къ послѣдней категоріи [1]). Естественно, слѣдовательно, что къ поэтамъ относились довольно нехорошо и мало заботились о томъ, чтобы знакомиться съ ихъ стихотвореніями. Тѣмъ не менѣе послѣднія пишутся только для того, чтобъ ихъ знали. Въ настоящее время стихотворенія печатаютъ, а если публика не покупаетъ, то ихъ дарятъ. Послѣднее средство не всегда дѣйствительно, потому что получающій книгу не обязанъ ее читать. Въ древности же авторъ читалъ ее самъ, что гораздо вѣрнѣе, такъ какъ тогда поневолѣ слышатъ и тѣ, которые не желаютъ слушать. Богатому человѣку это доставалось легко: стоило ему только дать обѣдъ. За хорошо сервированнымъ столомъ онъ собираетъ друзей, извѣстныхъ своей снисходительностью, кліентовъ, снисходительныхъ по необходимости и благодаря своему зависимому положенію, иногда должниковъ, надѣющихся нѣсколькими умѣстными похвалами заслужить нѣкоторое снисхожденіе въ срокѣ уплаты.

Послѣ хорошаго обѣда хозяинъ начинаетъ читать; восторгу гостей нѣтъ предѣловъ; «кричатъ: хорошо! очень хорошо! чудесно! блѣднѣютъ отъ волненія; когда нужно, угодливо роняютъ слезы, вскакиваютъ съ мѣстъ, топаютъ ногами». На слѣдующій день слухъ объ этомъ торжествѣ распространяется по Риму, и такимъ образомъ стихотворенія хозяина выпущены. Въ иномъ положеніи находится бѣднякъ. Не имѣя возможности собрать слушателей у себя дома, онъ вынужденъ ло-

---

[1]) Катонъ не отличалъ ихъ отъ шутовъ, которые зарабатываютъ себѣ обѣдъ, забавляя гостей, и называлъ тѣхъ и другихъ *блюдолизами*.

вить ихъ вездѣ, гдѣ только находитъ. Иногда онъ читаетъ свои стихотворенія среди форума; на этотъ шумъ стекаются праздношатающіеся, если они не слишкомъ заняты игрой въ козлы (jouer à la marelle) на ступеняхъ храмовъ, и вокругъ него образуются кружки, подобно тому, какъ вокругъ паяцовъ или вожаковъ ученыхъ животныхъ. Другіе приберегаютъ себя для общественныхъ бань; тамъ въ сводчатыхъ залахъ хорошо отдаются высокопарные стихи:

Suave locus resonat voci conclusus.

Необходимость найти какого-либо слушателя дѣлаетъ этихъ людей просто жестокими. У Марціала они розыскиваютъ его, вооруженные своими рукописями. Если, благодаря счастливой случайности, имъ удается найти его, они съ ожесточеніемъ набрасываются на несчастнаго, слѣдуютъ за нимъ въ баню, не разстаются съ нимъ за столомъ и даже въ его комнатѣ не оставляютъ его въ покоѣ.

Подобнымъ способомъ дѣйствій можно только заявить о своихъ стихотвореніяхъ, но не вызвать къ нимъ уваженія. Понятно, что ни гости богача, вышедшіе изъ-за его стола, ни жертвы несчастнаго поэта, ускользнувшія, наконецъ, отъ него, не могутъ живо восторгаться тѣмъ, что они только что слышали, вопреки собственному желанію. Но были люди, пользовавшіеся извѣстнымъ уваженіемъ въ публикѣ, оффиціальные, признанные и, такъ сказать, патентованные критики литературныхъ произведеній, благосклонностью которыхъ особенно старались заручиться. Это были грамматики, т. е. тѣ, на обязанности которыхъ, вмѣстѣ съ риторами, лежало воспитаніе юношества. Они брали дѣтей съ самаго ранняго возраста, сначала учили ихъ читать, потомъ понимать прочитанное, потомъ разсуждать о томъ, что они поняли. Такимъ образомъ они воспитывали вкусъ и распространяли славу. Но они не всегда отличались разумнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; критическіе пріемы ихъ были довольно элементарны: то они возвышали великихъ писателей, подобно тому, какъ дѣлали это съ своими учениками: ставили Цецилія (Coecilius) выше Плавта или Плавта выше Цецилія, то они старались выразить ихъ достоинства однимъ какимъ-нибудь эпитетомъ, давая Пакувію прозваніе *Ученаго* (Doctus), Аттію (Attius) прозваніе Altus, подобно тому, какъ мы говоримъ Филиппъ Смѣлый или Людовикъ Справедливый. Это не мѣшало имъ однако пользоваться большимъ авторитетомъ, и ихъ одобреніе являлось очень благопріятнымъ шансомъ для автора. Около царствованія Августа въ ихъ профессіи произошелъ нѣкоторый переворотъ. До тѣхъ поръ въ классахъ грамматики преподавали только древнихъ авторовъ: учитель Горація, Орбилей, восходилъ до Ливія Андроника, перваго изъ римскихъ поэтовъ, прибѣгая къ плеткѣ для возбужденія восторга слушателей. Одинъ умный и предпріимчивый человѣкъ, Цецилій Эпиротъ, бывшій рабъ Аттика (Atticus), давшаго ему тщательное воспитаніе, рѣшилъ для большей приманки ввести въ открываемой имъ школѣ изученіе современныхъ поэтовъ. Это то же, что было во Франціи, когда въ школьныхъ программахъ появились Викторъ Гюго и Леконтъ де Лиль. Это нововведеніе должно было имѣть успѣхъ. Введеніе извѣстнаго писателя въ курсъ школьнаго преподаванія какъ бы освящало, узаконяло его славу, и грамматики болѣе чѣмъ когда либо способствовали распространенію славы. За ними ухаживали и, выражаясь языкомъ поэта того времени, такъ добивались ихъ одобренія, какъ нѣкогда добивались голосовъ народа на Марсовомъ полѣ.

Около этого же времени одно очень важное лицо, Азиній Полліонъ, придумалъ, говорятъ, общественныя чтенія. Слишкомъ очевидно, что дѣло шло не о тѣхъ чтеніяхъ, какія давались друзьямъ, и о которыхъ сказано выше: этотъ обычай существовалъ всегда, и вводить его не было надобности. Полліонъ урегулировалъ его, обставилъ извѣстными формальностями, превратилъ въ своего рода учрежденіе. Создались особые салоны, похожіе на театры; число гостей было увеличено и раздѣлено на различныя категоріи; важныя лица помѣщались въ оркестрѣ, другіе на скамейкахъ, постепенно повышающихся и идущихъ амфитеатромъ, а на самомъ верху — наемные хлопальщики. Это были настоящія представленія, за которыми нужно признать то преимущество, что они достигали болѣе быстрыхъ и громкихъ успѣховъ, чѣмъ въ настоящее время. Книга, распространяющаяся посредствомъ книгопечатанія, находитъ отдѣльныхъ читателей и пріобрѣтаетъ ихъ только мало-по-малу, одного за другимъ. При публичномъ же чтеніи читатели завоевываются сразу, успѣхъ достается легче, такъ какъ сосѣди-слушатели взаимно воодушевляются другъ другомъ. Такимъ образомъ историкъ, философъ, поэтъ могли прославиться съ одного разу,

какъ въ настоящее время драматическій авторъ послѣ успѣха своей пьесы. Эти чтенія служили могущественнымъ орудіемъ гласности [1]).

Книгопродавецъ съ своей стороны, какъ извѣстно, не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобы выгодно продавать свой товаръ. Въ Римѣ всегда существовали книгопродавцы, но вначалѣ ихъ профессія была, казалось, очень скромной. Такъ какъ они не владѣли исключительной монополіей продажи книгъ, то случалось, что съ ними конкуррировали разные богачи. Извѣстно, что Аттикъ, владѣвшій большимъ количествомъ рабовъ-переписчиковъ, заставлялъ ихъ послѣ переписки книгъ для себя, работать для публики. Такимъ образомъ онъ служилъ какъ бы издателемъ для своего друга Цицерона, и не только переписывалъ и распространялъ его книги, но даже разными искусными рекламами способствовалъ распространенію и сбыту ихъ. Цицеронъ писалъ ему по этому поводу: «вы такъ хорошо расхвалили мою рѣчь о Лигоріѣ, что съ этихъ поръ я поручу вашимъ заботамъ всѣ мои произведенія». Со временъ Имперіи, книгопродавцы пріобрѣли, кажется, большее значеніе въ Римѣ. Намъ говорятъ о нихъ, мы знаемъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, ихъ обычаи. Они располагались обыкновенно подъ портиками, посѣщаемыми праздношатающимися, какъ въ XVII вѣкѣ Барбинъ и его собратья въ галлереѣ дворца; передъ дверью разложены были со вкусомъ книжные свитки, вычищенные пемзой, блестящіе отъ кедроваго масла, навернутые на черную палку съ вызолоченными концами съ пергаментными полосами, на которыхъ было написано заглавіе произведенія. «Я хорошо вижу, говорилъ Горацій своей книгѣ, которая, казалось ему, горѣла нетерпѣніемъ выйти въ свѣтъ, что ты хочешь отправиться въ галлерею Вертусина или Януса; ты умираешь отъ желанія кокетливо вытянуться на выставочномъ окнѣ братьевъ Builds Сози». На колоннахъ или пилястрахъ, окружавшихъ лавку, висѣли объявленія, конечно, съ явной похвалой о новыхъ произведеніяхъ. Иногда тамъ даже

[1]) Горацій, ненавидѣвшій рекламы и питавшій отвращеніе къ подобнымъ пріемамъ, говоритъ: «Я никому не читаю своихъ произведеній, если не считать моихъ друзей, и то только тогда, когда лишь къ этому принуждаютъ». Онъ говоритъ также, что не унижается до лести грамматикамъ и заискиванія ихъ благосклонности; но онъ былъ изъ тѣхъ, которые не нуждаются въ такихъ пріемахъ для успѣха своихъ произведеній.

можно было прочесть стихи, несомнѣнно лучшіе изъ всего произведенія, предлагаемаго публикѣ, и которые должны были служить хорошей рекомендаціей для цѣлой книги. Марціалъ утверждаетъ, что стоило только пойти погулять, чтобы бѣгло прочитать поэтовъ дня.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ, за отсутствіемъ прессы, прибѣгали древніе писатели для заявленія о себѣ публикѣ и, вѣроятно, этихъ средствъ было совершенно достаточно для Рима. Но какъ поступали для распространенія своей репутаціи и своихъ произведеній въ остальныхъ частяхъ имперіи? Въ этомъ отношеніи особенно были-бы полезны газеты, передающія въ настоящее время извѣстія въ самыя отдаленныя страны; благодаря газетамъ, литературныя новости проникаютъ всюду и воспринимаются тѣмъ съ большей жадностью, чѣмъ болѣе издалека доставлены. Въ Парижѣ довольствуются тѣмъ, что пробѣгаютъ газету; въ провинціи ее заучиваютъ наизусть; тамъ ничто не ускользаетъ отъ любопытства читателя: ему интересно названіе пьесы, которой апплодируютъ, книги, о которой говорятъ, а это способствуетъ распространенію литературныхъ произведеній отъ центра къ окраинамъ. Римляне достигали приблизительно тѣхъ же результатовъ другимъ путемъ. Высшее общество побѣжденныхъ странъ, приходя въ соприкосновеніе съ знатными лицами, присылаемыми изъ Рима, каковы императорскіе легаты, штабъ-офицеры легіоновъ, сборщики податей, очень скоро пристрастилось къ римской литературѣ; всюду устраивались школы, а вмѣстѣ съ ними, что намъ едва понятно, распространялась страсть къ риторикѣ. По словамъ Тацита, молодые провинціалы, обучавшіеся въ Римѣ, старательно собирали фразы, слышанныя ими отъ риторовъ или извѣстныхъ адвокатовъ, и посылали ихъ на родину, гдѣ онѣ, безъ сомнѣнія, вызывали общій восторгъ. Они должны были, несомнѣнно, бесѣдовать съ своими родственниками и друзьями о только что вышедшихъ произведеніяхъ и своими похвалами вызывали въ собесѣдникахъ желаніе познакомиться съ ними. Доставать ихъ въ провинціи можно было самымъ простымъ образомъ: римскіе книгопродавцы имѣли тамъ своихъ агентовъ, у которыхъ складывали, какъ это дѣлается и теперь, книги, предназначенныя для продажи. Цицеронъ писалъ своему издателю Аттику: «Позаботьтесь о томъ, чтобы мое сочиненіе проникло въ Аѳины и въ

другіе города Греціи», т. е. сложите мои произведенія у мѣстныхъ книгопродавцевъ, гдѣ могли бы покупать интересующіеся. Чтобы дать понять объ успѣхѣ какой-нибудь книги, Горацій говоритъ, что «оно доставляетъ заработокъ братьямъ Сози и переплываетъ море», это означаетъ, что она продается въ провинціяхъ, благодаря репутаціи, составленной ей Римлянами. Если же, напротивъ, книга не находитъ большого сбыта въ Римѣ, книгопродавецъ, желающій вернуть свой капиталъ и разсчитывающій на менѣе тонкій или прихотливый вкусъ Африканцевъ и Испанцевъ, тщательно укладываетъ книги и отсылаетъ ихъ въ Утику или въ Илерду (Ilerda). Слѣдовательно, въ провинціи продавались и хорошія, и плохія книги, появлявшіяся въ столицѣ. Въ провинціяхъ были свои книгопродавцы, что вызывало нѣкоторое удивленіе Плинія младшаго, который, несомнѣнно, думалъ, подобно многимъ ученымъ людямъ того времени, что міръ кончался границами *pomacrium*'а. [1]) Но его удивленіе обратилось очень скоро въ удовольствіе, когда онъ узналъ, что у книгопродавцевъ были его произведенія, и что провинціалы читали ихъ и очень восторгались ими. «Я начинаю думать, говорилъ онъ, что мои книги не далеки отъ совершенства, потому что въ оцѣнкѣ ихъ сходятся во вкусахъ люди столь различныхъ странъ и такъ мало похожіе другъ на друга. Видно, что онъ скоро пріобрѣлъ извѣстность даже въ Галліи. Слава Марціала пошла еще далѣе, такъ какъ, по его словамъ, «Британія распѣваетъ его стихотворенія». Причину этого нужно искать въ томъ, что подобное чтеніе какъ бы уносило въ среду легкомысленнаго римскаго общества, и это доставляло такое удовольствіе Бретанцу или Галлу того времени, какъ разговоры парижскихъ салоновъ нѣмецкому сеньеру или русскому конца прошлаго столѣтія.

---

[1]) Такъ называлось незастроенное пространство по обѣ стороны городской стѣны, преимущественно съ внѣшней стороны. Оно считалось священнымъ. Момзенъ даетъ нѣсколько другое и болѣе точное опредѣленіе *померіума*. По его мнѣнію, какъ полоса—это дорога, идущая за стѣною и отдѣляющая пошву стѣны отъ мѣстъ, оставленныхъ подъ строенія, а какъ линія—внутренняя граница этой дороги. Пограничная часть имѣла большое религіозное значеніе въ ауспиціяхъ (городскихъ и внѣ-городскихъ). Она была обозначена оградой или частоколомъ (cippi).

III.

Въ настоящее время газеты особенно служатъ для распространенія политическихъ извѣстій, и трудно даже представить себѣ, чтобы возможно было измѣнить ихъ въ этомъ отношеніи. Римляне, какъ свободный народъ, много занимались своими дѣлами [1]). Дебаты, происходившіе на площади, судебные процессы, объявленія о чьей либо кандидатурѣ, обсужденіе законовъ въ народныхъ собраніяхъ, все это очень волновало всѣхъ гражданъ. Не менѣе занимали ихъ и внѣшнія событія: они интересовались не только судьбой своихъ легіоновъ, сражавшихся въ Испаніи, Африкѣ, Греціи, но находили также полезнымъ имѣть свѣдѣнія и о внутреннемъ положеніи подозрительныхъ или враждебныхъ имъ странъ, знать, напримѣръ, о томъ, кто одержалъ верхъ: Димитрій или Персей въ Македоніи, Югурта или Гіемпсалъ (Hiempsal) въ Нумидіи. Чтобы съ успѣхомъ поддерживать предпринятыя уже войны и подготовляться къ тѣмъ, которыя еще угрожали, они должны были не спускать глазъ съ цѣлаго міра и знать обо всемъ, что происходило.

Несомнѣнно, имъ это и было извѣстно, и всѣ сколько нибудь значительныя событія, даже безъ телеграфа и газеты, довольно скоро достигали до свѣдѣнія публики. Историки разсказываютъ, что не разъ извѣстія о результатѣ нѣкоторыхъ битвъ, нетерпѣливо ожидаемыя публикой, достигали Рима раньше, чѣмъ ихъ доставляли оффиціальные гонцы,—значитъ извѣстія передавались такими путями, которые не всегда и возможно открыть.

Извѣстія таинственно переходятъ отъ одного человѣка къ другому, и слово, «которое имѣетъ крылья», по выраженію древняго Го-

---

[1]) Когда Вергилій говоритъ, что итальянскій земледѣлецъ «отворачивается отъ консульскихъ фасцій (fasces—пукъ прутьевъ съ сѣкирами,—знакъ консульскаго достоинства) и отъ безсмысленнаго форума, и что его нисколько не безпокоитъ Дакіецъ, спускающійся со стороны Дуная со всѣми своими единоплеменниками», онъ подразумѣваетъ земледѣльца, только что пережившаго гражданскія войны, утомившагося свободой и избравшаго себѣ повелителя.

мера, переноситъ ихъ черезъ огромныя пространства, такъ что нельзя точно опредѣлить, откуда и какъ они получались. Чтобъ дать себѣ отчетъ въ этомъ неясномъ и быстромъ распространеніи, древніе придумали богиню о ста глазахъ, ста ушахъ, ста рукахъ — *Молву*, (Fama), которую Вергилій изображаетъ слѣдующимъ образомъ: «Днемъ она держится на вершинахъ высокихъ зданій, чтобы все видѣть; ночью она пробѣгаетъ по небу, чтобы все разсказать; она никогда не отдыхаетъ, такъ же стараясь разглашать ложь, какъ и распространять истину».

Слухи, посѣянные въ воздухѣ молвой, не пропадаютъ: ихъ подхватываютъ на ходу люди, которые дополняютъ ихъ и распространяютъ; это— вѣстовщики. Теперь почти нѣтъ вѣстовщиковъ: съ телеграфомъ и телефономъ конкуррировать невозможно, это—профессія исчезающая. Но во Франціи она процвѣтала еще въ XVII вѣкѣ и даже послѣ появленія газетъ. *Газета* Ренодо выходила только разъ въ недѣлю, въ распоряженіи же вѣстовщиковъ была цѣлая недѣля до нея, и они пользовались этимъ. Говорятъ, что они жили въ общественныхъ садахъ: то въ Люксембургѣ, то въ Тюйльери, подъ вязами террассы, окружающей Сену. Вѣстовщики Пале-Рояля пользовались репутаціей такихъ лгуновъ, что отсюда получило свое названіе самое дерево, подъ которымъ они собирались,—*Arbre de Craconie*. [1]) Они составляли корпорацію, не лишенную значенія; для нѣкоторыхъ изъ нихъ это было прибыльное ремесло, которому они посвящали въ городѣ весь свой день. Въ счетной книгѣ герцога Мазарини читаемъ слѣдующее: «Господину Portail, за извѣстія, доставляемыя имъ еженедѣльно, за 5 мѣсяцевъ, считая по 10 ливровъ въ мѣсяцъ, 50 ливровъ».

Въ такомъ городѣ, какъ Римъ, по словамъ Тацита, любопытномъ и болтливомъ,—in civitate sermonum avida et nihil reticente,—не было недостатка въ вѣстовщикахъ. Нѣкоторые изъ нихъ собирались на форумѣ, совсѣмъ возлѣ трибуны, что и побудило назвать ихъ *Subrotsrani*. Оттуда исходили самые зловѣщіе слухи: извѣщалось,

[1]) Arbre de Craconie было срублено въ концѣ послѣдняго столѣтія, когда герцогъ Орлеанскій велѣлъ соорудить боковыя галереи Пале-Рояля. Это было цѣлое событіе, воспѣтое поэтами. Въ *Correspondance* Гримма можно прочесть стихи, написанные подъ этимъ впечатлѣніемъ.

напримѣръ, о смерти людей, благополучно здравствовавшихъ, о пораженіи армій, не вступавшихъ въ сраженіе. Вѣстовщики вообще были люди угрюмые, которымъ ничто не нравилось,—люди напуганные, которые все толковали въ самую дурную сторону. Римскіе вѣстовщики всегда находили, что дѣла ведутся не хорошо, что полководцы не понимаютъ своего дѣла, они позволяли себѣ даже предлагать имъ планы похода. У Тита Ливія Павелъ Эмилій говоритъ въ моментъ выступленія въ Македонію: «Есть люди, которые, собираясь на форумѣ (in circulis) желаютъ учить насъ, гдѣ нужно располагаться лагеремъ, какими пунктами мы должны овладѣть, какимъ путемъ проникнуть въ непріятельскую страну, какъ запастись провіантомъ, когда полезнѣе всего будетъ начать дѣйствіе или когда лучше спрятаться; они не только совѣтуютъ, что нужно дѣлать, но и сердятся, если не поступаютъ по ихъ совѣтамъ». Для удовлетворенія ихъ любопытства, этотъ умный человѣкъ предлагаетъ имъ слѣдовать за нимъ въ походъ, вызывается оплатить ихъ переходъ, снабдить лошадью, поставить въ первомъ ряду, чтобы доставить имъ удовольствіе видѣть битву на самомъ близкомъ разстояніи. При Имперіи такъ дешево и какими-нибудь шутками не отдѣлывались. За форумомъ надзирали солдаты, одѣтые въ штатское платье, они ходили отъ группы къ группѣ, вызывая на разговоры, подговаривая къ нападеніямъ на императора и на его правительство. Развязавши такимъ образомъ языки, они замѣчали имена болтавшихъ и доносили начальству: словомъ, это были тѣ-же агенты-провокаторы.

Полагаютъ, что знатные Римляне не компрометтировали себя участіемъ въ этихъ кружкахъ подъ открытымъ небомъ и остерегались разсуждать о политикѣ у подножія трибуны; они говорили объ этомъ у себя дома, особенно на званныхъ обѣдахъ, которые служили тогда поводомъ или предлогомъ для всѣхъ свѣтскихъ собраній. Были и такіе гости, которые получали приглашеніе на обѣдъ только потому, что ихъ считали обладающими вѣрными свѣдѣніями. Эти люди, судя по описанію, ходятъ изъ дома въ домъ и разсказываютъ, что знаютъ или что сами измышляютъ по поводу Парѳянъ или Германцевъ, этого вѣчнаго ужаса имперіи; они знаютъ все; они сообщатъ вамъ точное число вооруженныхъ людей на берегахъ Рейна или Дуная; затѣмъ, продолжая путешествіе вокругъ свѣта, они занимаются состояніемъ урожая

въ Египтѣ и въ Африкѣ, что также очень интересовало Римлянъ, получавшихъ оттуда свое пропитаніе. Не одни мужчины могли похвалиться всякими полезными свѣдѣніями: Ювеналъ начерталъ портретъ одной женщины вѣстовщицы, которая, по его словамъ, была бы несноснѣе всѣхъ, не будь она ученой женщиной. Полагаютъ, что на этихъ собраніяхъ шла рѣчь не только о внѣшнихъ дѣлахъ,—на нихъ много говорили или, вѣрнѣе, злословили и о томъ, что знали о Палатинѣ; поэтому за ними надзирали еще строже, чѣмъ за тайными собраніями форума. Не трудно было, впрочемъ, знать, о чемъ тамъ говорилось: не было даже необходимости вводить туда шпіоновъ по ремеслу, такъ какъ тамъ всегда находились шпіоны добровольные, самые лучшіе, потому что имъ уже нельзя было не довѣряться. Такъ какъ доносчикамъ обезпечивалась милость государя и полученіе части имущества осуждаемыхъ, то никогда не было недостатка въ людяхъ, передававшихъ слышанные ими разговоры и обвинявшихъ неосторожныхъ собесѣдниковъ передъ императоромъ или сенатомъ. И однако, несмотря на то, что говорить было такъ опасно, они не могли наложить на себя молчанія. Ничто не могло излечить это остроумное и легкомысленное общество отъ его страсти изощряться въ злобѣ противъ своего властелина и повторять дурные слухи, ходившіе о немъ и его близкихъ. Никогда не циркулировало столько всякихъ ложныхъ извѣстій, какъ въ то время, когда такъ старались помѣшать ихъ распространенію. Даже самыя предосторожности, принимаемыя противъ нихъ, придавали имъ больше значенія. Можно-ли было не считать этихъ слуховъ серьезными и правдоподобными, когда видѣли людей, рисковавшихъ ради ихъ передачи своею жизнью? Ими наполнены произведенія Тацита, который не можетъ не воспроизводить ихъ даже тогда, когда считаетъ ихъ пустыми и недостойными никакого довѣрія.

Вотъ какимъ образомъ получались Римлянами болѣе или менѣе точныя политическія извѣстія. Какимъ же образомъ достигали они провинціаловъ? Провинціалы могли знакомиться съ ними почти только изъ писемъ своихъ друзей, поэтому между Римомъ и различными частями имперіи существовала очень дѣятельная переписка. Оттуда вышла цѣлая литература, отъ которой, къ сожалѣнію, осталось слишкомъ немного, но письма важныхъ лицъ того времени, сохранившіяся среди

писемъ Цицерона и не слишкомъ теряющія отъ этого сосѣдства, показываютъ, сколько затрачивалось на эти письменныя сношенія ума, остроумія, здраваго смысла, какое въ нихъ проявлялось знакомство съ политической комедіей, какое знаніе людей, какое знаніе жизни.

Не всѣ письма имѣли одинаковое назначеніе: то они предназначались для одного только лица, то для прочтенія многими. Эти послѣднія прибивались иногда къ стѣнѣ (in publico propositae), для того, чтобъ всѣ могли познакомиться съ ихъ содержаніемъ; иногда они переписывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ и отсылались разнымъ важнымъ лицамъ; поэтому случается, что въ моментъ кризиса, когда чувствуется особенная потребность во всякаго рода свѣдѣніяхъ, лица, получающія письмо съ какимъ нибудь интереснымъ извѣстіемъ, передаютъ его по своимъ знакомымъ; письмо переходитъ изъ рукъ въ руки и подъ конецъ становится общественнымъ достояніемъ. Эта участь, несомнѣнно, постигла большинство тѣхъ писемъ, которыя Цицеронъ получалъ или отправлялъ при наступленіи гражданской войны. Можно, кажется, сказать, что письма этого рода исполняли для ограниченнаго круга обязанности нынѣшнихъ газетъ [1]).

Писаніе этихъ прелестныхъ писемъ почти не затрудняло этихъ умныхъ людей; вся трудность заключалась въ отправленіи ихъ; для этого можно было пользоваться только дорогими или невѣрными средствами. Въ большихъ домахъ находились рабы, на обязанности которыхъ лежало разносить письма господина: эти рабы назывались *tabellarii*. Иногда имъ приходилось совершать очень длинныя путешествія. Цицеронъ послалъ одного изъ нихъ нарочно изъ Киликіи въ Римъ съ

[1]) Во Франціи появленію газетъ предшествовалъ также моментъ, когда мѣсто ихъ занимали письма. Когда Карлъ VIII отправился на Итальянскую войну, многіе, особенно въ Парижѣ, были недовольны и неспокойны; о положеніи войска ходили нехорошіе слухи. Чтобы отвѣтить на нихъ, правительству пришла мысль напечатать «извлеченія изъ писемъ, посылаемыхъ изъ района Неаполитанской войны», и распространить ихъ въ главныхъ городахъ королевства. Естественно, что эти летучіе листки, напечатанные готическимъ шрифтомъ и продававшіеся на улицахъ, большей частью погибли. Тѣмъ не менѣе нѣсколько экземпляровъ ихъ сохранилось либо въ національной библіотекѣ, либо въ Нантской и были обнародованы г. де-ля Пилоржери. Эти письма имѣются также въ замѣчательной библіотекѣ герцога Омальскаго въ Шантильи; г. Пико тоже упоминалъ о нихъ, а иногда и цитировалъ въ своемъ каталогѣ.

докладомъ сенату о его военныхъ подвигахъ и съ просьбой о назначеніи ему титула imperator'a; но это сопряжено было съ такимъ расходомъ, что не могло часто повторяться. Обыкновенно *tabellarii* разносили письма на небольшихъ разстояніяхъ; въ противномъ случаѣ необходимо было прибѣгать къ другимъ средствамъ; тогда пользовались тѣмъ, что называлось во Франціи, когда почта была дорога, *оказіями* (occasions). Цицеронъ часто довѣрялъ свои письма гонцамъ публикановъ [1]). Ихъ крупныя финансовыя общества, собиравшія налоги въ провинціяхъ, поневолѣ должны были имѣть частыя сообщенія съ Римомъ, гдѣ жили ихъ главныя заправилы; они содержали многихъ гонцовъ, безпрестанно находившихся въ пути. Эти люди съ особеннымъ удовольствіемъ оказывали услуги Цицерону, бывшему ихъ другомъ и постояннымъ защитникомъ.

Когда же этого источника (публикановъ) не оказывалось, нужно было пользоваться другими средствами, менѣе надежными: Цицеронъ писалъ своему отпущеннику Тирону, котораго оставилъ больнымъ въ Патрѣ (Patras) и которымъ интересовался,—чтобъ онъ каждое утро посылалъ кого нибудь на пристань узнавать, кто отправлялся въ Римъ, и передавать черезъ нихъ письма. Къ несчастью, люди, наиболѣе, кажется, охотно бравшіеся за это, не всегда бывали аккуратны: иногда они опаздывали съ передачей, а иногда даже теряли письма или удерживали ихъ у себя. Сколько такимъ образомъ не дошло по адресу писемъ, заключавшихъ въ себѣ какія нибудь важныя извѣстія и ожидавшихся съ нетерпѣніемъ!

Нужно было, по крайней мѣрѣ, предохранить отъ этой участи оффиціальныя письма (депеши). Въ благоустроенномъ государствѣ должны существовать быстрыя и вѣрныя сообщенія между повелителемъ и его служащими. Что дѣлалось съ имперіей, если не могли быть во время доставлены приказы государя управителямъ и начальникамъ войска? Это

[1]) Publicani—откупщики государственныхъ доходовъ. Они брали также на откупъ пахатную землю, десятину, казенныя пастбища и пр. Откупщиками были почти исключительно всадники, которые съ публичнаго торга брали на откупъ косвенные налоги провинцій. Они устраивали общества, товарищества и пр.

и побудило Августа создать почту [1]). Это учрежденіе было усовершенствовано его преемниками; при послѣднихъ цезаряхъ оно функціонировало съ удивительной правильностью. Вдоль большихъ военныхъ дорогъ были расположены станціи (stationes) и отъ времени до времени помѣщенія для ночлега(mansiones), гдѣ можно было найти пріютъ и пищу. На станціи находились лошади, четвертая часть которыхъ ежегодно возобновлялась, двухколесные и четырехколесные экипажи, всѣ сдѣланные по одному образцу, и составъ почтальоновъ, каретниковъ, ветеринаровъ, всякаго рода чиновниковъ, права и обязанности которыхъ опредѣлены въ кодексѣ Юстиніана. Рядомъ съ легкими экипажами, доставлявшими путешественниковъ въ нѣсколько дней въ самыя отдаленныя страны, были приготовлены болѣе тяжелыя повозки для перевозки получаемыхъ изъ провинцій натуральныхъ налоговъ и доставки провіанта войскамъ. Вся эта организація была очень искусно задумана, и имперія извлекала изъ нея несомнѣнно большія выгоды. Но частныя лица не пользовались почтой, такъ какъ она всецѣло находилась въ распоряженіи правительства. Нѣкоторые большіе чиновники получали отъ императора извѣстное число полномочій, называвшихся *diplomata*, которыя давали имъ право путешествовать почтой, но только по дѣламъ государственной службы. Плиній, правитель Киликіи, смиренно извиняется передъ Траяномъ за то, что онъ воспользовался почтой для своей жены, которая только что узнала о смерти своего дяди и должна была немедленно вернуться въ Римъ. Слѣдовательно, частнымъ лицамъ, которымъ пользованіе почтой было формально воспрещено, и даже чиновникамъ, которымъ это дозволялось только при извѣстныхъ условіяхъ, очень трудно было имѣть точныя политическія свѣдѣнія. Они могли получать ихъ только отъ корреспондентовъ, которые часто сами обладали невѣрными свѣ-

[1]) Нѣкоторыя начала этого учрежденія существовали еще при республикѣ. Города обязаны были отводить квартиру римскимъ чиновникамъ, отправляющимся на должность, и снабжать ихъ экипажами и лошадьми. Это обязательство было исходнымъ пунктомъ и основаніемъ учрежденія Августа. Издержки на содержаніе лошадей и экипажей падали на города, расположенные на пути почты. Такимъ образомъ, государству почта почти ничего не стоила, но для муниципальныхъ городовъ она сдѣлалась однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ налоговъ, подъ бременемъ которыхъ они изнемогали.

дѣніями и только съ большимъ трудомъ могли ихъ доставлять. И тѣмъ не менѣе большая часть этихъ лицъ, находясь вдали отъ Рима, живо интересовались и даже чувствовали величайшую потребность знать о томъ, что происходило въ столицѣ. Эта потребность, не находившая удовлетворенія, какъ увидимъ, и была одной изъ причинъ, вызвавшихъ къ концу республики появленіе газетъ.

IV.

Газета въ Римѣ создалась не вдругъ, тамъ не нашлось человѣка, подобнаго Теофрасту Ренодо во Франціи, который напередъ понялъ всю пользу газеты и смѣло, не колеблясь, предложилъ ее публикѣ почти въ окончательной формѣ: въ Римѣ газета возникла почти случайно и вышла изъ реформы, предпринятой совсѣмъ съ другой цѣлью. Исторія ея заслуживаетъ вниманія.

Въ 695 г. отъ осн. Рима (59 до Р. Х.) Цезарь былъ провозглашенъ консуломъ. Онъ достигалъ власти съ очень опредѣленнымъ намѣреніемъ вредить, насколько это было въ его силахъ, аристократической партіи и, подъ предлогомъ служенія демократіи, подготовить Имперію. «Однимъ изъ его первыхъ дѣлъ, говоритъ Светоній, было постановленіе о томъ, чтобъ ежедневно составлялись и обнародовались протоколы какъ сенатскихъ собраній, такъ и народныхъ: Instituit ut tam Senatus quam populi diurna acta confierent et publicarentur». Мѣстомъ народныхъ собраній былъ форумъ. Присутствовать на нихъ могли всѣ, и, можетъ быть, потому что тамъ не происходило ничего тайнаго, до тѣхъ поръ не чувствовалось потребности въ составленіи и обнародованіи протоколовъ. Курія, напротивъ, была строго закрыта для публики; сенатъ допускалъ обнаруженіе только тѣхъ своихъ совѣщаній, которыя онъ желалъ довести до свѣдѣнія публики. Эта тайна и была одной изъ его силъ. Политическія собранія, равно какъ и бюрократическія учрежденія,—послѣднія даже въ особенности, много теряютъ, если ихъ видѣть вблизи; трудно бываетъ сохранить большое уваженіе даже къ самымъ почтеннымъ собраніямъ, когда видишь, сколько въ нихъ интригъ, сколько интересовъ и страстей сталкивается тамъ подъ видомъ общественнаго блага. Цезарь полагалъ, что, при большемъ знакомствѣ съ сенатомъ, его станутъ меньше уважать, онъ желалъ лишить сенатъ той тайны, которая до сихъ поръ его окружала своего рода обаяніемъ; поэтому онъ и постановилъ, чтобъ на будущее время «составлялись и обнародовались» протоколы всѣхъ засѣданій. Что онъ хотѣлъ

сказать этими двумя словами? Смыслъ перваго ясенъ: выбирали молодого сенатора, обыкновенно бывшаго квестора, который получалъ титулъ секретаря сената (ab actis senatus), которому нетрудно было исполнять свою обязанность при записяхъ стенографовъ. По составленіи протокола, его обнородовали. Что понимали подъ этимъ выраженіемъ? Желали-ли этимъ только сказать, что онъ предоставлялся въ распоряженіе публики и что справляться съ нимъ могли всѣ интересующіеся? Слово *publicare* имѣетъ, мы полагаемъ, другой смыслъ. На юридическомъ языкѣ Римлянъ какой нибудь актъ становился общественнымъ въ томъ случѣ, если его прибивали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его можно было хорошо читать, *unde de plano recte legi possit*. Очевидно, именно такимъ образомъ должно было, по приказанію Цезаря, происходить и обнародованіе протоколовъ сената.

Впрочемъ, этому способу дѣйствій предшествовалъ одинъ примѣръ, о которомъ интересно напомнить. Понятно, что Римъ чувствовалъ потребность знакомить народъ съ результатами тѣхъ великихъ предпріятій, которыми онъ занимался и которыя сдѣлали его властителемъ міра. Конечно, съ хорошими извѣстіями, очень торопились, но не скрывали и противоположныхъ. Титъ Ливій очень живо и увлекательно разсказываетъ о томъ, какъ стало извѣстно въ Римѣ о Тразименскомъ пораженіи: въ городѣ господствовало мучительное безпокойство; уже начали распространяться идущіе впереди него слухи о большомъ несчастіи, о которыхъ было говорено выше; толпа инстиктивно собиралась на форумъ. Когда она собралась, преторъ взошелъ на трибуну и сказалъ только слѣдующія слова: «Граждане, мы побѣждены въ великой битвѣ, *pugna magna victi sumus*». О менѣе важныхъ событіяхъ извѣщалось проще, для этого было придумано слѣдующее. На стѣнѣ *Regia*, гдѣ жилъ главный жрецъ, прибивалась ежегодно тщательно выбѣленная доска, называвшаяся *album;* въ заголовкѣ ея писались имена консуловъ и судей; затѣмъ всякій разъ, когда вдругъ происходило какое нибудь событіе въ Римѣ или въ провинціяхъ, его отмѣчали въ нѣсколькихъ словахъ. Это служило средствомъ ознакомленія гражданъ съ ихъ дѣлами. Крестьяне, представлявшіе изъ себя одно изъ городскихъ сословій, самое многочисленное и самое честное, болѣе другихъ нуждались во всякаго рода свѣдѣніяхъ, такъ какъ бывали въ Римѣ только разъ въ недѣлю, а остальное время жили внѣ всякихъ извѣстій. Въ торговый день (nundine), говорятъ, они встаютъ рано утромъ, наскоро одѣваются (Варронъ утверждаетъ, что они брились только разъ въ недѣлю), накидываютъ плащъ и отправляются въ путь. Они приходятъ въ городъ подобно своимъ потомкамъ нынѣшнимъ *contadini*, собирающимся по воскресеньямъ въ своихъ праздничныхъ платьяхъ возлѣ Велабры. Приходившіе крестьяне направлялись, вѣроятно, прежде всего къ бѣлой доскѣ великаго жреца. Многіе изъ нихъ имѣли сыновей въ войскахъ, всѣ они очень интересовались дѣлами своего отечества; имъ пріятно было узнать объ успѣхахъ своихъ легіоновъ, о взятіи осажденнаго города, объ обращеніи въ бѣгство непріятельской арміи. Тогда, свободные и радостные, они шли на народное собраніе послушать пламенныхъ рѣчей трибуновъ или подавать голосъ на Марсовомъ полѣ за лицъ, расположенныхъ къ народу. Таблица главнаго жреца оставалась на своемъ мѣстѣ въ теченіе всего года. Только въ концѣ декабря ее снимали и прятали въ архивъ. Позднѣе догадались, что всѣ эти таблицы, заключавшія въ себѣ столько воспоминаній прошлаго, могутъ представлять большой интересъ. Ихъ собрали и издали подъ заглавіемъ *Annales maximi:* это было начало римской исторіи.

Почти не подлежитъ сомнѣнію, что протоколы народныхъ и сенатскихъ собраній доводились до свѣдѣнія публики такимъ же способомъ, какъ и «Великія лѣтописи». Мы не знаемъ, гдѣ ихъ прибивали, но, вѣроятно, это происходило на форумѣ и въ очень бойкомъ мѣстѣ. Возлѣ нихъ часто толпилось множество народу, особенно въ моменты народнаго возбужденія. Туда приходили узнавать о тѣхъ собраніяхъ, на которыхъ не присутствовали, и получить представленіе о тѣхъ спорахъ, которыхъ не слышали. Въ этомъ и состояло назначеніе протоколовъ.

Но успѣху ихъ особенно способствовало то обстоятельство, что съ самаго начала имъ дано было такое примѣненіе, о которомъ навѣрное не думалъ Цезарь. Мы видѣли, какъ трудно было, живя внѣ Рима, знать обо всемъ, что тамъ происходило. Друзья, отвлеченные непредвидѣнными занятіями, писали менѣе регулярно, чѣмъ обѣщали; рабы, отпущенники не всегда успѣвали получать вѣрныя свѣдѣнія; поэтому вошло въ привычку обращаться къ тѣмъ людямъ, которые спеціально

занимались собираніемъ всякаго рода извѣстій для сообщенія ихъ интересующимся. Это были предки нынѣшнихъ репортеровъ, но такъ какъ профессія ихъ не пользовалась большимъ уваженіемъ, то ихъ и называли просто ремесленниками (operarii). Имя Хреста (Chrestus'а), принадлежащее одному изъ нихъ, заставляетъ предполагать, что это были Греки, т. е. изъ тѣхъ изворотливыхъ, ловкихъ и смышленныхъ людей, которые проникали всюду и готовые были на всякую работу, лишь бы не умереть съ голоду. Проходя по улицамъ, слушая разговоры на форумѣ, они ловили нѣкоторыя свѣдѣнія, соединяли вмѣстѣ и составляли изъ нихъ то собраніе извѣстій, которому серьезные люди давали иногда не особенно лестное названіе (compilatio), но которыя тѣмъ не менѣе развлекали на нѣкоторое время Римлянина, затерявшагося въ какомъ нибудь углу Германіи или Африки.

Менѣе всего знакомы были эти жалкіе ремесленники съ политической жизнью Рима. Они и сами ничего не понимали въ дѣлахъ и не могли поучиться этому у тѣхъ, кого они посѣщали. Понятно, что при такомъ невѣжествѣ, большую услугу имъ оказывали протоколы сенатскихъ и народныхъ собраній, прибитые на форумѣ; они переписывали ихъ, ничего въ нихъ не измѣняя; прибавить они могли только то, что узнали за день хожденія—и «компиляція» ихъ или, какъ мы сказали бы теперь, хроника была готова. Цилій, посылая Цицерону то, что онъ называетъ Commentarius rerum urbanorum, говоритъ ему: «вы найдете здѣсь мнѣнія, которыя защищалъ каждый изъ государственныхъ людей». Это, очевидно, было взято изъ оффиціальныхъ протоколовъ. Далѣе онъ прибавляетъ, и это уже относится къ извѣстіямъ, заимствованнымъ изъ какой нибудь «компиляціи» Хреста, слѣдующее: «что касается остальнаго, возьмите изъ него то, что вамъ будетъ интересно, и пропустите рядъ статей, каковы напр.: объ освистанныхъ актерахъ, похоронахъ и другихъ пустякахъ въ этомъ родѣ. Въ общемъ преобладаютъ полезныя свѣдѣнія».

Но вотъ гораздо болѣе неожиданное нововведеніе. Мы только что видѣли, что Цилій съ нѣкоторымъ смущеніемъ посылалъ своему другу Цицерону эти ремесленныя газеты, гдѣ серьезныя извѣстія были перемѣшаны съ легкими анекдотами. Можно полагать однако, что эта смѣсь приходилась по вкусу многимъ, потому что, какъ видно,

она очень рано проникаетъ въ тѣ самыя афиши форума, которыя служили для обнародованія протоколовъ собраній. Цезарь желалъ доводить до свѣдѣнія публики одни только политическіе документы. Присоединить къ нимъ то, что Целій безъ церемоніи называетъ пустяками (ineptiae), и что мы называемъ теперь разными происшествіями—значило совершенно извратить мысль Цезаря. Почтенные люди должны были приходить въ негодованіе, читая рѣчи трибуновъ или консуловъ и тутъ же отчетъ о какихъ нибудь похоронахъ или свадьбѣ, а между тѣмъ, благодаря обстоятельствамъ, эти мелкія происшествія сдѣлались вскорѣ важнѣе всего остальнаго. Народныя собранія почти прекратили свое существованіе во времена Имперіи; что же касается сенатскихъ собраній, то Августъ, находившій удовольствіе въ разрушеніи того, что составляло дѣло рукъ Цезаря, снова запретилъ обнародованіе сенатскихъ протоколовъ. Вѣроятно съ этого времени выходило только довольно краткое резюме ихъ, если предположить, что запрещеніе Августа не исполнялось буквально. Естественно, что такъ какъ главная часть *Acta senatus et populi*, та, которая вначалѣ составляла raison d'être ихъ существованія, съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сокращалась, римскія извѣстія или, если угодно, разныя происшествія, прибавляемыя къ ней, мало-по-малу одержали верхъ, а это должно было привести къ превращенію второстепеннаго въ главное, что и не замедлило произойти.

Мы можемъ, кажется, составить себѣ довольно ясное представленіе о содержаніи тѣхъ большихъ афишъ, которыя возобновлялись ежедневно и привлекали на форумъ любопытныхъ, и тѣ ихъ прочитывали и списывали. Первое мѣсто въ нихъ занимала часть оффиціальная, т. е. то, о чемъ нужно было довести до общаго свѣдѣнія; протоколы сената, постановленія судей, грамоты и рѣчи императоровъ съ упоминаніемъ даже объ апплодисментахъ, которыми ихъ встрѣчали [1]); за-

[1]) Мы знаемъ отъ Плинія, что въ протоколахъ упоминается объ одобреніяхъ сената, начиная съ Траяна. Моммзенъ считаетъ болѣе древнимъ упоминаніе о перерывахъ. Въ рѣчи императора Клавдія, найденной на бронзовыхъ плитахъ въ Ліонѣ и взятой, очевидно, изъ римской газеты, можно прочесть слѣдующія слова: «Пора, Клавдій, сказать сенату, чего ты добиваешься». Полагали обыкновенно, что эти слова принадлежатъ самому Клавдію, что ка-

тѣмъ слѣдовала часть не менѣе интересная, которую мы назвали бы полуоффиціальной. Она заключала въ себѣ, вмѣстѣ съ извѣстіями куріи, сообщенія императоровъ. Цезарь велѣлъ помѣстить тамъ о своемъ отказѣ отъ предлагаемаго ему царскаго титула. Въ этомъ же отдѣлѣ описывались разныя значительныя церемоніи, сюда вносились имена лицъ, принимаемыхъ императоромъ въ Палатинѣ. Извѣстно, что эту же привилегію присвоили себѣ Ливія и позднѣе Агриппина, приказывавшія упоминать о своихъ пріемахъ, что очень оскорбляло Тиверія и Нерона. Что касается отдѣла разныхъ происшествій, онъ отличался большой полнотой, если судить объ этомъ по числу необыкновенныхъ разсказовъ, заимствуемыхъ оттуда латинскими авторами. Особенно многимъ обязанъ ему Плиній, который такъ любитъ все необыкновенное и неожиданное: оттуда онъ взялъ исторію о каменномъ дождѣ, падавшемъ на форумъ въ то время, когда Милонъ обращался къ толпѣ съ привѣтственной рѣчью; изъ того же источника онъ заимствовалъ исторію о вѣрной собакѣ, которую не могли оторвать отъ трупа ея господина, убитаго и брошеннаго въ Тибръ, и еще исторію о томъ страстномъ почитателѣ одного кучера партіи красныхъ: не желая пережить этого кучера, тотъ бросился въ костеръ, на которомъ сжигали тѣло, — примѣръ преданности и страсти, возбуждавшій зависть въ другихъ партіяхъ. Пользуясь тѣмъ же источникомъ, онъ разсказываетъ, что въ 8-е консульство Августа одинъ житель изъ *Faesulae* пришелъ для жертвоприношенія въ Капитолій, вмѣстѣ съ 8 своими дѣтьми, 28 внуками и 8 внучками и 19 правнуками; вѣроятно, эта сказка была помѣщена по особому распоряженію императора, безпокоившагося обезлюденіемъ Италіи и любившаго оказывать почетъ многочисленнымъ семействамъ. Прибавимъ, что въ этомъ же отдѣлѣ упоминалось также о знатныхъ свадьбахъ, рожденіяхъ и смертяхъ, не считая разводовъ, которые должны были занимать большое мѣсто, ибо, по словамъ Сенеки, въ Римѣ ежедневно происходило по крайней мѣрѣ по одному разводу, *nulla sine divortio acta sunt*. Наконецъ тотъ же Сенека

жется очень страннымъ. Маммзенъ думаетъ, что это вставлены слова одного изъ непочтительныхъ сенаторовъ. Клавдія, какъ извѣстно, почти не уважали и даже въ его присутствіи не стѣснялись называть его дуракомъ.

слѣдующими словами даетъ понять, что газетой пользовались еще при случаѣ нѣкоторые хвастуны для составленія себѣ рекламы: «Что касается меня, я не помѣщаю въ газетѣ о своихъ пожертвованіяхъ, *beneficium in acta non mitto*.

Въ этой новой формѣ и такъ расширившись, древніе *acta senatus et populi*, созданные Цезаремъ, стали неузнаваемы. Поэтому, вѣроятно, почувствовалась потребность измѣнить самое ихъ названіе. Обыкновенно ихъ называютъ *acta diurna populi romani*. Мы можемъ перевести это словами «Римская газета». [1]).

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что слово газета (*jurnal*) произошло отъ прилагательнаго *diurnalis*, которое само происходитъ отъ *diurnus*. Наиболѣе полное собраніе того, что осталось отъ римской газеты, можно найти въ небольшомъ произведеніи Гюбнера, озаглавленномъ: De senatus populique romani actis, Leips. 1860.

V.

Римская газета уже съ самаго начала пользовалась несомнѣннымъ успѣхомъ. Она вездѣ распространяется, ее получаютъ всѣ важныя лица, живущія по дѣламъ службы въ провинціи. «Я знаю, говоритъ Цицеронъ всѣмъ своимъ друзьямъ, что вы получаете газету, —*acta tibi mitti certo scio* — *acta omnia ad te arbitror perscribi*. Изъ писемъ тѣхъ, которые обязались переписывать ее для васъ, вы должны знать обо всемъ, что происходитъ.» И самъ онъ не пренебрегаетъ также этимъ источникомъ свѣдѣній, когда судьба, которую онъ оплакиваетъ, ссылаетъ его на годъ въ Киликійское намѣстничество. «У меня есть газета до Мартовскихъ нонъ, писалъ онъ Аттику, и я знаю изъ нея, что, благодаря Куріону, не станутъ заниматься провинціями, и что скоро я въ состояніи буду разстаться и со своимъ мѣстомъ жительства.»

Спустя полтора столѣтія, Плиній младшій пишетъ изъ своего имѣнія одному изъ друзей, остававшихся въ Римѣ: «сохраните хорошую привычку переписывать и посылать мнѣ газету, когда я живу въ деревнѣ». Еще позже, при Ѳеодосіи, Симмахъ наполняетъ свои письма пошлыми любезностями и разсыпается, по своему выраженію, въ утонченномъ привѣтствіи своихъ друзей. Но чтобы не оставить ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно общественныхъ дѣлъ, онъ прибавляетъ къ этимъ общимъ мѣстамъ краткій перечень политическихъ и всякихъ другихъ извѣстій, который онъ называетъ *Breviarium* или *Indiculus*. Этотъ перечень, составленный подъ его руководствомъ кѣмъ нибудь изъ его секретарей, заимствованъ, внѣ всякаго сомнѣнія, изъ римской газеты.

И такъ, газета существовала во все продолженіе Имперіи, отъ начала ея и до конца, но существовала всегда на одинъ и тотъ же ладъ. Въ нее никогда не проникло ни одно плодотворное нововведеніе, а подобное существованіе равносильно прозябанію. Явившись съ самаго начала орудіемъ для передачи разныхъ извѣстій, она и впослѣдствіи не получила другого примѣненія, и никто даже не догадывался о томъ

важномъ значеніи, какое она могла имѣть. Ей были даже очень мало признательны за ту пользу, которую она доставляла, и тѣ, которымъ очень трудно было-бы обходиться безъ газеты притворялись, что говорятъ о ней только съ величайшимъ пренебреженіемъ.

Много причинъ можно привести въ объясненіе того факта, почему пресса не получила тогда того развитія и того значенія, какими она пользуется въ настоящее время, и тѣмъ не менѣе намъ кажется, что ни одна изъ этихъ причинъ не имѣетъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рѣшающаго значенія. Самая главная изъ нихъ заключается, конечно, въ слѣдующей разницѣ между нами и Римлянами: у насъ газета сама получается, тогда какъ у Римлянъ нужно было искать ее, ходить за ней. Газета прибивалась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ могли бы ее читать; въ дѣйствительности ее читали только случайно, когда располагали досугомъ и проходили мимо стѣны, на которой она была написана. Можно было, правда, послать списать ее, но это было уже дѣло трудное, къ которому прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ, т. е. когда отлучались изъ Рима и желали знать, что тамъ происходило. А пока жили въ городѣ, пока присутствовали на сенатскихъ собраніяхъ, посѣщали разныя болтливыя общества, въ которыхъ повторялись и сочинялись всякія извѣстія, до тѣхъ поръ не находили необходимости искать извѣстій въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, газетой пользовались только съ перерывами, и такъ какъ употребленіе ихъ не вошло въ привычку, что возможно только при условіи извѣстной правильности, то оно никогда и не было потребностью.

Не смотря на справедливость этого факта, было не только вполнѣ возможно, но даже очень естественно придти рано или поздно къ мысли о необходимости видоизмѣнить тѣ условія, въ которыхъ выходила газета. Для этого достаточно было, чтобъ одному изъ тѣхъ «ремесленниковъ», которыми большіе господа пользовались для собиранія извѣстій для своихъ отсутствующихъ друзей, удалось убѣдить ихъ, насколько въ ихъ собственныхъ интересахъ было получать ежедневно тотъ листокъ, который до сихъ поръ они имѣли только отъ времени до времени, и такимъ образомъ правильно, безъ всякихъ затрудненій, узнавать обо всемъ у себя дома, вмѣсто того, чтобъ ходить за этимъ

на форумъ. Съ того времени все измѣнилось, и «компиляція» Хреста могла превратиться въ газету, подобную нашимъ.

Но вотъ другое затрудненіе, и ктому же изъ самыхъ важныхъ: составленную газету нужно было распространять. Послѣднее не легко было при тѣхъ средствахъ, какими тогда располагали. Книгопечатанія, этого необходимаго условія распространенія газеты, тогда не существовало. Хотя книгопечатаніе и неизвѣстно было древнимъ, нужно все же признать, что они были очень близки къ нему: они употребляли ежедневно желѣзныя матрицы выпуклой или впалой формы, для отпечатанія на разныхъ предметахъ, каковы: вазы, лампы, черепицы, имени фабриканта, мѣста фабрики, названія дѣйствующихъ консуловъ, что указывало на время производства. Можно, слѣдовательно, сказать, древніе находились на пути къ этому великому изобрѣтенію и могли придти къ нему въ любой моментъ, благодаря одному какому нибудь усилію, или одной какой нибудь случайности. Поэтому не безъ основанія можно допустить, что лишній шагъ, единственный, который еще оставалось сдѣлать, былъ бы, несомнѣнно, сдѣланъ, еслибъ газета получила свое настоящее значеніе и еслибъ потребность въ распространеніи ея возбудила духъ изобрѣтенія. Во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили, для успѣха газеты не было безусловной необходимости въ книгопечатаніи,—его замѣняла рукописная копія. Въ Римѣ было много родовъ переписчиковъ; они стоили не дорого, переписывали быстро и ихъ работы собственно могло быть достаточно. Когда Цицерону нужно было заручиться общественнымъ мнѣніемъ, ему легко было запастись довольно большимъ количествомъ переписчиковъ, чтобъ переписать и въ непродолжительномъ времени распространить по всей Италіи показанія свидѣтелей по дѣлу Катилины. Плиній сообщаетъ, что бывшій доносчикъ Регулъ, потерявши своего сына, разослалъ тысячу экземпляровъ похвальной рѣчи, составленной умершему, для торжественнаго прочтенія ея на площади главныхъ городовъ Имперіи. Тысяча экземпляровъ является очень небольшой величиной по сравненію съ милліонами нынѣшнихъ подписчиковъ; тогда же этого было достаточно для созданія гласности только что возникшей газеты: время сдѣлало-бы остальное.

Что касается затрудненія, испытываемаго при доставкѣ газеты по

адресу, оно являлось, повидимому, наиболѣе стѣснительнымъ, и тѣмъ не менѣе его наилегче было разрѣшить. Существовала почта. Пользованіе ею находилось, правда, всецѣло въ рукахъ императора, но не трудно уяснить себѣ, что еслибы императорская власть поняла, какія услуги въ дѣлѣ руководства общественнымъ мнѣніемъ могла оказывать ей пресса, она, не колеблясь, облегчила бы римской газетѣ правильную доставку во всѣ провинціи. Это ей почти ничего бы не стоило и принесло бы большую выгоду. Трудно понять, какимъ образомъ такіе практическіе люди, какъ римляне, о которыхъ Плиній старшій сказалъ, что ни у кого не было большей жадности ко всему полезному, *omniam utilitatem rapacissimi*, не обратили императорскую почту въ предметъ общаго пользованія. Служа только для передачи депешъ государя, она являлась одной изъ наибольшихъ статей расходовъ Имперіи, а современемъ сдѣлалась одной изъ причинъ ея разоренія, тогда какъ, предоставленная въ распоряженіе частныхъ лицъ, она могла бы стать однимъ изъ обильныхъ источниковъ дохода. Достаточно было одного повода, чтобъ пришли къ сознанію полезности этой реформы, и газета могла помочь ей. Такъ какъ римская газета была оффиціальнаго происхожденія и носила оффиціальный характеръ, то императоръ, кажется, долженъ былъ бы безъ особаго затрудненія дозволить, какъ исключеніе, доставлять ее почтой, а современемъ исключеніе могло обратиться въ правило. Впрочемъ, здѣсь еще собственно можно было обойтись безъ императорской почты. Мы знаемъ, что въ Римской Имперіи много путешествовали, и что путешествовали вообще довольно быстро [1]). На станціяхъ съ императорскими экипажами и лошадьми не было недостатка и въ наемныхъ экипажахъ и лошадяхъ, которые охотно предоставлялись въ распоряженіе частныхъ лицъ; при достаточномъ желаніи можно было бы организовать и независимую почту.

Несомнѣнно, слѣдовательно, что ни одно изъ препятствій, встрѣчаемыхъ на своемъ пути римской прессой, не было непреодолимо само по себѣ, но справедливо также и то, что для преодолѣнія ихъ не было

[1]) Свѣдѣнія о способѣ путешествія Римлянъ можно найти въ ~~первомъ~~ томѣ книги Friedländer'a *Moeurs romains d'Auguste aux Antonins.* (Рус. пер. «Картины римскихъ нравовъ»).

сдѣлано никакихъ усилій. Это—явное доказательство недостаточнаго интереса къ прессѣ. Римскія газеты писались очень нехорошо; это служило, можетъ быть, одной изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ нимъ римлянъ того времени. Люди, страдавшіе, по словамъ Сенеки, отъ литературной неумѣренности, должны были отличаться большой чувствительностью къ этому недостатку. Не нужно забывать, что римская газета развилась изъ протокола: поэтому она всегда сохраняла однообразіе и сухость. Въ сатирическомъ романѣ Петронія, Трималхіону среди роскошнаго обѣда приходитъ фантазія угостить своихъ гостей чтеніемъ счетной книги. Эта книга, заключающая въ себѣ подробное описаніе всего, что происходитъ въ обширныхъ помѣстьяхъ богатаго отпущенника, составлена, говорятъ, именно по образцу городской газеты (tanquam urbis acta), и вотъ что читаютъ оттуда: «7 числа послѣ шестыхъ календъ въ Кумскомъ имѣніи, составляющемъ собственность Трималхіона, родилось 30 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Съ гумна перенесено въ житницу 500,000 мѣръ хлѣба; укрощено 500 быковъ. Въ тотъ же самый день распятъ на крестѣ рабъ Митридоръ за то, что дурно отзывался о характерѣ нашего повелителя; въ тотъ же день произошелъ пожаръ въ садахъ Помпеи; огонь начался съ жилища фермера». И чтеніе продолжается, представляя такое же безпорядочное нагроможденіе всякихъ извѣстій, такъ что ничего нельзя выдѣлить и ни на чемъ нельзя остановиться въ этомъ сухомъ перечисленіи. Понятно, что этотъ родъ литературы, приводившій, повидимому въ восторгъ Трималхіона, не могъ быть по вкусу тонкимъ и образованнымъ людямъ, составлявшимъ тогдашнее общество.

Прибавимъ, что римская газета была своего рода «Монитеромъ» имперіи, а оффиціальные листки по самой природѣ своей не могутъ быть очень пріятны. Газета эта должна была находиться подъ большимъ надзоромъ. Говорятъ, что Тиверій самъ назначалъ секретаря, на обязанности котораго лежало редактированіе сенатскихъ протоколовъ, и несомнѣнно, онъ выбиралъ только довѣренное лицо. Наиболѣе конечно, заботились о томъ, чтобъ не пропускать въ газету ничего, что могло бы дать пищу общественному злословію, и однако, если вѣрить Тациту, этого не всегда достигали. Онъ сообщаетъ, что враги Тразеи, вмѣнявшіе ему въ преступленіе всѣ его дѣйствія и стремившіеся во что бы то ни стало выставить его мятежникомъ, говорили Нерону: «Въ провинціяхъ и войскахъ съ большей чѣмъ когда либо жадностью читаютъ газеты, для того, чтобы узнать, отъ какихъ поступковъ воздержался Тразея, *diurna populi romani, per provincias, per exercitus, curatius leguntur, ut noscatur quid Thrasea non fecerit.* Тразеа былъ мудрецъ и, несмотря на все, человѣкъ умѣренный; онъ мало говорилъ въ сенатѣ, очень остерегался явно нападать на императорскаго любимца или открыто противорѣчить тому предложенію, къ которому этотъ послѣдній относился благосклонно. Только въ тотъ день, когда должно было происходить обсужденіе, онъ оставался дома. Онъ не присоединялся къ толпѣ тѣхъ, которые шли поздравлять государя всякій разъ, когда онъ совершалъ преступленіе; его не было въ засѣданіи сената, когда поздравляли Нерона со смертью его матери или когда Поппеѣ опредѣляли божескія почести. Итакъ, для сенатскаго рѣшенія достаточно было, чтобъ въ числѣ подававшихъ за него голосъ не было Тразеи; вотъ почему въ провинціяхъ и войскахъ, гдѣ труднѣе было знать истину, такъ заботились о томъ, чтобъ констатировать его отсутствіе. Но обращеніе самой оффиціальной газеты въ орудіе оппозиціи было настоящимъ подвигомъ, такимъ, который не могъ часто повторяться. Обыкновенно газета имѣла болѣе безобидный характеръ. Въ то время когда свѣтскихъ людей, всегда расположенныхъ къ злословію власти, газета раздражала приторностью лжи, серьезные умы вооружались противъ нея за ту снисходительность, съ которой она разсказывала о мелкихъ городскихъ событіяхъ. Уже Цицеронъ говоритъ о ней въ довольно легкомъ тонѣ. Тацитъ еще болѣе строгъ къ ней въ одномъ изъ главныхъ мѣстъ своей лѣтописи, гдѣ онъ высказываетъ свое мнѣніе о газетѣ и говоритъ о той роли, какую онъ ей отводитъ. «Второе консульство Нерона, говоритъ онъ, не представляетъ ничего замѣчательнаго для историка, по крайней мѣрѣ если ему не нравится наполнять свои книги описаніемъ фундамента и лѣсовъ амфитеатра, выстроеннаго государемъ на Марсовомъ полѣ. Но достоинство римскаго народа требуетъ, чтобъ въ исторіи его сообщалось только о блестящихъ событіяхъ, а эти мелкія

подробности оставлялись-бы для газетъ [1])». Вотъ то раздѣленіе труда, которымъ не могла бы похвалиться настоящая пресса, такая гордая и тираническая.

Итакъ, Римляне, пользуясь газетами, въ сущности мало цѣнили ихъ полезность въ дѣлѣ распространенія оффиціальныхъ документовъ и сообщенія разныхъ извѣстій, но не думали, что значеніе ихъ могло простираться и далѣе. А если они не понимали всей важности того орудія, которое находилось въ ихъ рукахъ, естественно, что они и не попытались его усовершенствовать и сообщить ему способность производить тѣ удивительныя дѣйствія, какія оно производитъ въ настоящее время. Поэтому газета нисколько не подвинулась впередъ въ теченіе 5 столѣтій и еще при Ѳеодосіѣ была тѣмъ же, чѣмъ при Августѣ. Можно, слѣдовательно, утверждать, что если Римляне и имѣли газеты, но журналистика все же была неизвѣстна имъ.

Отвѣтъ на вопросъ о томъ, хорошо ли это или плохо, нужно ли порадоваться этому или пожалѣть, зависитъ отъ того или иного взгляда на прессу, а извѣстно, что нѣтъ предмета, на счетъ котораго было-бы больше разногласій. Можно замѣтить, что Римляне не нуждались въ прессѣ для совершенія своихъ великихъ дѣлъ; она, несомнѣнно, помогла имъ въ достиженіи нѣкоторыхъ изъ полученныхъ ими результатовъ, но они добились ихъ и безъ нея. Во Франціи, напримѣръ, она была однимъ изъ главныхъ факторовъ національнаго единства: пресса пріучаетъ Францію, начиная съ XVII вѣка, сосредоточивать свое вниманіе на Парижѣ, который предписываетъ всей странѣ идеи, вкусы и моды, который мало-по-малу разрушилъ ту обособленность, которая отличала каждую провинцію, для того, чтобъ всюду установить одинъ языкъ и образъ жизни. Но Римъ достигнулъ этого такъ же хорошо и почти такъ же скоро, какъ и Франція, но другими средствами. Онъ служилъ образцомъ для всего западнаго міра, отъ океана до Балканъ и отъ Рейна до Атласа; націи, различныя по своему происхожденію и характеру, словно уговорились перенимать его законы, обычаи, говорить его языкомъ, и въ концѣ концовъ усвоили это въ такой полнотѣ, что еще и теперь они находятъ, что наиболѣе прочна въ нихъ послѣ столькихъ переворотовъ та древняя римская основа, которая явилась результатомъ завоеванія. Есть полное основаніе признать прессу орудіемъ, наиболѣе способствующимъ распространенію идей, и мы склонны думать, что эти послѣднія и не могли бы распространяться безъ нея. И однако въ то время, когда совершился самый крупный изъ тѣхъ переворотовъ, о которыхъ у насъ сохранилось воспоминаніе, прессы не существовало. Христіанство распространилось безъ газетъ, почти безъ книгъ, живымъ словомъ и менѣе чѣмъ въ два столѣтія достигло самыхъ отдаленныхъ странъ, а въ этихъ странахъ проникло въ самые глубокіе слои.

[1]) Тацитъ пользовался газетами больше, чѣмъ онъ говоритъ объ этомъ. Это даетъ понять другъ его Плиній, вполнѣ знакомый съ его пріемами работы. Напоминая ему объ одномъ происшествіи, которое онъ желаетъ найти въ его *Исторіи*, онъ прибавляетъ: «Впрочемъ, фактъ этотъ не долженъ былъ ускользнуть отъ вашего вниманія, потому что онъ есть въ *Acta*». Тѣмъ не менѣе можно подозрѣвать, что недостаточное уваженіе, съ которымъ историкъ относился къ газетамъ, помѣшало ему пользоваться ими въ такой мѣрѣ, въ какой бы онъ могъ и долженъ былъ это сдѣлать.

Отсюда мы выводимъ заключеніе, что прогрессъ человѣчества не такъ тѣсно связанъ съ нѣкоторыми частными условіями, чтобъ не могъ совершиться и безъ нихъ. Всякое назрѣвшее явленіе наступаетъ неизбѣжно. Какъ бы мы ни удивлялись чудеснымъ открытіямъ, измѣнившимъ нашу жизнь, не забудемъ, что безъ нихъ собственно можно обойтись, что долго жили и безъ нихъ и безъ нихъ же достигали тѣхъ результатовъ, къ какимъ они приводятъ насъ теперь. Міръ различными путями стремится къ назначенной ему цѣли, и ничто не можетъ помѣшать ему въ ея достиженіи. Тѣмъ или другимъ образомъ, то, что должно совершиться, совершается неизбѣжно, но лишь скорѣе или медленнѣе: *fata viam inveniunt.*

Revue des deux Mondes, 1895, XI.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ГЛАВА VI.

Оппозиціонные писатели. Стр. 214.

Приложеніе.